

УРАЛЬСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Научно-практический журнал. Учрежден федеральным государственным казенным образовательным учреждением высшего образования «Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации». Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-63039 от 10 сентября 2015 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Редакционный совет:

Председатель

Гусев А.В., к.ю.н., доцент

Члены редакционного совета:

Базаров Р.А., д.ю.н., профессор; Балакшин В.С., д.ю.н., профессор; Бозров В.М., д.ю.н., профессор; Гончаров Д.Ю., д.ю.н., доцент; Грибунов О.П., д.ю.н., профессор; Давлетов А.А., д.ю.н., профессор; Дарменов А.Д., к.ю.н., доцент; Дегтярев С.Л., д.ю.н., профессор; Карасёв А.Т., д.ю.н., профессор; Кодан С.В., д.ю.н., профессор; Майоров В.И., д.ю.н., профессор; Мансуров Г.З., д.ю.н., профессор; Осинцев Д.В., д.ю.н., профессор; Савоськин А.В., д.ю.н., доцент; Семякин М.Н., д.ю.н., профессор; Смыкалин А.С., д.ю.н., профессор; Стельмах В.Ю., д.ю.н., доцент; Татьяна Л.Г., д.ю.н., профессор; Шабуров А.С., д.ю.н., профессор; Шнарбаев Б.К., д.ю.н., доцент

Редакционная коллегия:

Главный редактор

Голубых Н.В., к.ю.н., доцент

Зам. главного редактора

Маслов В.А., к.ю.н., доцент

Члены редакционной коллегии:

Аюпова Г.Ш., к.ю.н., доцент; Головизнин А.В., к.ю.н.; Гребенщикова И.В., к.ю.н., доцент; Дерюгин Р.А., к.ю.н., доцент; Казанцев А.О., к.ю.н., доцент; Климович Ю.С., к.ю.н., доцент; Кокорин Д.Л., к.ю.н., доцент; Крысанов А.В., к.ю.н., доцент; Курилов С.И., к.ю.н.; Лаппо Е.А., к.ю.н., доцент; Макарова Ю.А., к.ю.н., доцент; Макеева И.С., к.ю.н., доцент; Носкова Ю.Б., к.ю.н., доцент; Орлов К.А., к.ю.н., доцент; Пересадына О.В., к.ю.н.; Сазон К.Д., к.ю.н., доцент; Спирин А.В., к.ю.н., доцент; Сергеев Д.Н., к.ю.н., доцент; Хамидуллин Р.С., к.ю.н.; Щетинина Н.В., к.ю.н., доцент; Харламова А.А., к.ю.н., доцент

Ответственный секретарь Кудоярова Г.Р.

Редактор Бебих И.Б.

Переводчик Гузикова В.В.

Научно-практический журнал «Вестник Уральского юридического института МВД России» является рецензируемым периодическим научным печатным изданием, предназначенным для опубликования результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по отрасли юридические науки, материалов научно-представительских мероприятий, рецензий на научные издания, информации о научных школах.

Издатель журнала – федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации».

Журнал выходит с 2014 года и издается ежеквартально.

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), а также представлен в свободном бесплатном доступе в полнотекстовом формате в научной электронной библиотеке.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал не предназначен для опубликования материалов, содержащих сведения, составляющие государственную, иную охраняемую законом тайну, информацию, предназначенную для служебного пользования.

Адрес редакции / издательства / типографии:

620057, Свердловская обл., Екатеринбург, ул. Корепина, 66

Тел./факс: (343) 331-70-64

Эл. почта: ural-yui@mvd.ru

Сайт: <http://www.ural-mvd.ru>

ISSN 2312-5640. Подписной индекс: E43226

Подписано в печать 29.12.2025. Формат 60x84/8

Печать офсетная. Бумага офисная

Усл. печ. л. 22,0. Уч.-изд. л. 22,0. Тираж 30 экз. Заказ № 85

Дата выхода в свет 30.12.2025. Свободная цена

BULLETIN

№ 4 (48) • 2025

OF THE URAL LAW INSTITUTE OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

The Federal Scientific and Practical Journal. The founder and publisher of the journal is the federal state public educational institution of higher education «The Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation».

Certificate of registration of mass media PI № ФС77-63039 dated September 10, 2015, Issued by the Federal Service for Supervision in the field of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)

Editorial Council:

Chairperson

Gusev A.V., *cand. of law, associate professor*

Members of the Editorial Council:

Bazarov R.A., *dr. of law, professor*; Balakshin V.S., *dr. of law, professor*;
Bozrov V.M., *dr. of law, professor*; Goncharov D.YU., *dr. of law, associate professor*; Gribunov O.P., *dr. of law, professor*; Davletov A.A., *dr. of law, professor*; Darmenov A.D., *cand. of law, associate professor*;
Degtyarev S.L., *dr. of law, professor*; Karasyov A.T., *dr. of law, professor*;
Kodan S.V., *dr. of law, professor*; Majorov V.I., *dr. of law, professor*;
Mansurov G.Z., *dr. of law, professor*; Osincev D.V., *dr. of law, professor*;
Savos'kin A.V., *dr. of law, associate professor*; Semyakin M.N., *dr. of law, professor*; Smykalin A.S., *dr. of law, professor*; Stelmakh V.Yu., *dr. of law, associate professor*; Tat'yanina L.G., *dr. of law, professor*; Shaburov A.S., *dr. of law, professor*; SHnarbaev B.K., *dr. of law, associate professor*

Editorial Board:

Chief Editor

Golubih N.V., *cand. of law, associate professor*

Chief Editor Deputy

Maslov V.A., *cand. of law, associate professor*

Members of the Editorial Board:

Ayupova G.SH., *cand. of law, associate professor*; Goloviznin A.V., *cand. of law*; Grebenshchikova I.V., *cand. of law, associate professor*; Deryugin R.A., *cand. of law, associate professor*; Kazancev A.O., *cand. of law, associate professor*; Klimovich YU.S., *cand. of law, associate professor*; Kokorin D.L., *cand. of law, associate professor*; Krysanov A.V., *cand. of law, associate professor*; Kurilov S.I., *cand. of law*; Lappo E.A., *cand. of law, associate professor*; Makarova Ju.A., *cand. of law, associate professor*; Makeeva I.S., *cand. of law, associate professor*; Noskova Yu.B., *cand. of law, associate professor*; Orlov K.A., *cand. of law, associate professor*; Peresadina O.V., *cand. of law*; Sazon K.D., *cand. of law, associate professor*; Sergeev D.N., *cand. of law, associate professor*; Spirin A.V., *cand. of law, associate professor*; Khamidullin R.S., *cand. of law*; Schetina N.V., *cand. of law, associate professor*; Kharlamova A.A., *cand. of law, associate professor*

Executive Secretary Kudoyarova G.R.

Editor Bebikh I.B.

Translator Guzikova V.V.

The Scientific and Practical Journal «Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia» is a peer-reviewed periodic scientific publication intended to publish the results of fundamental and applied scientific researches in the sphere legal science, materials of scientific and representative activities, reviews of scientific publications, information about scientific schools.

The publisher of the journal is the federal state public educational institution of higher education «The Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia».

The journal is published since 2014 and is published quarterly.

The journal is included into the database of Russian Scientific Citation Index (RSCI) and presented in free access in full-text format in the scientific electronic library.

The journal is included into the list of periodicals recommended for publishing doctoral and PhD research results by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Education of the Russian Federation.

The journal is not intended to publish materials containing information constituting a state secret or another secret protected by law, information intended for service use.

Address of the editorial office / publishing house /
printing house: 620057, Sverdlovsk region, Ekaterinburg,
ul. Korepina, 66. Tel./Fax: (343) 331-70-64;
E-mail: ural-yui@mvd.ru Website: <http://www.ural-mvd.ru>
ISSN 2312-5640 The index E43226

Signed in the press on December 29, 2025. Format 60x84 / 8
Offset printing. Office paper. Usl. Printer. L. 22.0.
Uch.-ed. L. 22.0 Edition 30 copies. Order No. 85
Date of publication on December 30, 2025. Free price

© The Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, 2025

Содержание

Юбилеи!

Кожевников О.А. Местное самоуправление в России сквозь призму научного творчества профессора Александра Николаевича Кокотова	5
--	---

Теоретико-исторические правовые науки

Васильков К.А., Василькова Е.В. К вопросу о предпосылках формирования превентивного потенциала права	13
Гребенщикова И.В. Правовой статус мировых посредников в период проведения Крестьянской реформы в Российской империи	19
Демидова И.А. Вопросы понимания и обоснования особенностей правовой культуры современного белорусского общества	25
Каргапольцева Н.И. Особенности консенсуального метода правового регулирования	33
Леонов А.П. Теоретико-правовые аспекты деформации принципа равенства при реализации пассивного избирательного права	39
Тараборин Р.С., Тепляков И.И., Хвастунов К.В. Деятельность субъектов публичной власти в сфере правового регулирования предпринимательства: теоретико-правовой аспект	50

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Захаров И.В. Взаимодействие местного сообщества и органов местного самоуправления в системе национальной безопасности Российской Федерации	58
Крысанов А.В. Цифровая трансформация физической культуры и спорта: конституционно-правовые основы регулирования фиджитал-движения в России	63
Осинцев Д.В. Обязанности участников производства по делам об административных правонарушениях	69
Редкоус В.М. Некоторые вопросы формирования в государствах – участниках СНГ законодательства в области информации, информатизации и защиты информации	75
Савоськин А.В., Гусев А.В., Вохинова А.Ш. Регламентация и стандартизация государственных услуг	82
Сысоев А.В. Полномочный представитель Правительства Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации: вопросы теории и практики	86

Частно-правовые (цивилистические) науки

Головизнин А.В. Правовой статус арбитражного управляющего в процедуре распределения имущества, обнаруженного после ликвидации юридического лица	91
Мельник С.В., Надтачаев П.В., Понтелева М.А. Экспериментальные правовые режимы в сфере цифровых инноваций в России	96
Подлевских О.В. Присвоение звания «Ветеран труда» в Российской Федерации: особенности правового регулирования и анализ судебной практики	102
Пушко Н.В. Проблемные аспекты системы защиты трудовых прав работников в условиях неплатежеспособности нанимателя	108

Уголовно-правовые науки

Акаева К.А., Шапошникова Н.С. Реализация принципа справедливости в контексте противодействия преступлениям экстремистской направленности (на примере ст. 282 УК РФ)	114
Акиева Д.Ю. Понятие функций уголовного права: теоретико-методологический анализ	120
Быкова Е.Г. Сложности квалификации легализации (отмывания) денежных средств, приобретенных в результате незаконного оборота наркотиков	127
Веденин Д.В. Анализ статистических данных о лицах, совершивших коррупционные преступления	135
Голубых Н.В. Современное состояние преступности в России	140
Дерюгин Р.А. О некоторых проблемах, связанных с использованием беспилотных воздушных судов в следственной деятельности	144
Иванов В.Ю. Поисковая деятельность следователя по обнаружению криминалистически значимой информации в сети Интернет	149
Лаппо Е.А., Шлыков М.С. Сеть Интернет как средство осуществления экстремистской и террористической деятельности	154
Макеева И.С., Назарова В.А. Деструктивная религиозная деятельность: понятие, сущность и виды деструктивных религиозных организаций	159
Зарипов Ф.Ф. Необходимость создания безопасных условий для участников уголовного процесса	168
Стельмах В.Ю. Концепции совокупности доказательств по уголовному делу	174
Стрилец О.В., Торяникова И.В. Конституционный принцип равенства и особенности его реализации в уголовном законодательстве Российской Федерации	178
Щетинина Н.В. Нарушение требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий) (ст. 217.3 УК РФ): комментарий новеллы	184
Энхтур Ж. Уголовно-правовое регулирование наказания в виде штрафа в зарубежных странах	190

Contents

Anniversaries!

<i>Kozhevnikov O.A.</i> Local self-government in Russia through the prism of scientific creativity of Professor Alexander Nikolaevich Kokotov	5
---	---

Theoretical and Historical Legal Sciences

<i>Vasilkov K.A., Vasilkova E.V.</i> On the question of the prerequisites for the formation of the preventive potential of law	13
<i>Grebenshchikova I.V.</i> The legal status of the world mediators during the Peasant Reform in the Russian Empire	19
<i>Demidova I.A.</i> Sues of understanding and justifying the peculiarities of the legal culture of modern Belarusian society	25
<i>Kargapol'tseva N.I.</i> Features of the consensual method of legal regulation	33
<i>Leonov A.P.</i> Theoretical and Legal Aspects of the Deformation of the Principle of Equality in the Exercise of Passive Suffrage	39
<i>Taraborin R.S., Teplyakov I.I., Khvastunov K.V.</i> Activities of public authorities in the sphere of legal regulation of entrepreneurship: theoretical and legal aspect	50

Public Law (State Law) Sciences

<i>Zakharov I.V.</i> Interaction between the local community and local governments in the national security system of the Russian Federation	58
<i>Krysanov A.V.</i> Digital transformation of physical culture and sports: constitutional and legal bases of digital movement regulation in Russia	63
<i>Osintsev D.V.</i> Obligations of participants in proceedings in cases of administrative offences	69
<i>Redkous V.M.</i> Some issues related to the formation of legislation in the field of information, informatization and information protection in the CIS member States	75
<i>Savoskin A.V., Gusev A.V., Vohidova A.Sh.</i> Regulation and standardization of public services	82
<i>Sysoev A.V.</i> Plenipotentiary Representative of the Government of the Russian Federation in the Constitutional Court of the Russian Federation: issues of theory and practice	86

Private Law (Civil Law) Sciences

<i>Goloviznin A.V.</i> Legal status of the arbitration manager in the procedure for distributing property discovered after the liquidation of a legal entity	91
<i>Melnik S.V., Nadtachaev P.V., Ponteleeva M.A.</i> Experimental legal regimes in the field of digital innovation in Russia	96
<i>Podlevskikh O.V.</i> Conferring the Honorary Title «Veteran of Labour» in the Russian Federation: Specifics of Legal Regulation and Analysis of Judicial Practice	102
<i>Pushko N.V.</i> Problematic aspects of the system of protection of labor rights of employees in the context of the employer's insolvency	108

Criminal Law Sciences

<i>Akaeva K.A., Shaposhnikova N.S.</i> Implementation of the principle of justice in the context of countering extremist crimes (on the example of Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation)	114
<i>Akueva D.Y.</i> The concept of the functions of criminal law: theoretical and methodological analysis	120
<i>Bykova E.G.</i> Difficulties in qualifying the legalization (laundering) of funds acquired as a result of drug trafficking	127
<i>Vedenin D.V.</i> Analysis of statistical data on individuals who have committed corruption crimes	135
<i>Golubykh N.V.</i> The current state of crime in Russia	140
<i>Deryugin R.A.</i> On some problems related to the use of unmanned aerial vehicles in investigative activities	144
<i>Ivanov V.Yu.</i> The investigator's search activity for criminally significant information on the Internet	149
<i>Lappo E.A., Shlykov M.S.</i> The Internet as a means of carrying out extremist and terrorist activities	154
<i>Makeeva I.S., Nazarova V.A.</i> Destructive religious activity: the concept, essence and types of destructive religious organizations	159
<i>Zaripov F.F.</i> The need to create safe conditions for participants in the criminal process	168
<i>Stelmakh V.Yu.</i> Concepts of the totality of evidence in a criminal case	174
<i>Strilets O.V., Toryanikova I.V.</i> Constitutional principle of equality in criminal law and in the legislation of the Russian Federation	178
<i>Shchetinina N.V.</i> Violation of Requirements for Anti-Terrorist Protection of Facilities (Territories) (Article 217.3 of the Criminal Code of the Russian Federation): Commentary on the Legislative Innovation	184
<i>Enkhtur J.</i> Criminal Law Regulation of Fine punishment in Foreign Countries	190

ЮБИЛЕИ!

Научная статья

УДК 349

Местное самоуправление в России сквозь призму научного творчества профессора Александра Николаевича Кокотова

Кожевников Олег Александрович

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, Уральский
государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия, jktu1976@yandex.ru

Аннотация. Представленная статья приурочена к юбилею известного российского ученого, практика конституционного правосудия, одного из основателей уральской школы муниципального права доктора юридических наук, профессора, Заслуженного юриста Российской Федерации судьи Конституционного суда Российской Федерации Кокотова Александра Николаевича. Исследуя многочисленные работы ученого, автор статьи делает попытку обозначения важности научного наследия юбиляра для начавшейся с момента вступления в силу Федерального закона от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» очередной реформы местного самоуправления. Очевидные трудности правоприменения и противоречивое отношение экспертного сообщества к данному законодательному акту вполне можно преодолеть, если в рамках правоприменительной практики и последующей коррекции текста законодательных норм федеральные власти обратят внимание на уже сформированное, пусть и небольшое, но, очевидно, важное наследие муниципально-правовой научной доктрины, частью которого являются многочисленные работы профессора А. Н. Кокотова. Автор полагает, что дальнейшее успешное развитие местного самоуправления возможно только на основе учета и взаимного уважения достижений муниципально-правовой и конституционно-правовой науки и сложившейся законодательной и правоприменительной практики о местном самоуправлении. Важность именно такого подхода к развитию общественных отношений еще в XVIII веке отметил известный полководец А. В. Суворов: «Теория без практики мертва, практика без теории слепа».

Ключевые слова: юбилей А. Н. Кокотова, муниципально-правовая наука, местное самоуправление, муниципальная реформа, законодательство о местном самоуправлении, правоприменительная практика

Для цитирования: Кожевников О. А. Местное самоуправление в России сквозь призму научного творчества профессора Александра Николаевича Кокотова // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 4. С. 5–12.

Original article

Local self-government in Russia through the prism of scientific creativity of Professor Alexander Nikolaevich Kokotov

Kozhevnikov Oleg A.

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Ural State University of Economics, Yekaterinburg,
Russia, jktu1976@yandex.ru

Abstract. The presented article is dedicated to the anniversary of Alexander Nikolaevich Kokotov, a famous Russian scientist, a practitioner of constitutional justice, one of the founders of the Ural School of Municipal law, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, judge of the Constitutional Court of the Russian Federation. Examining the numerous works of the scientist, the author of the article makes an attempt to identify the

importance of the scientific heritage of the hero of the day for the ongoing reform of local government since the entry into force of Federal Law No. 33-FZ dated 03/20/2025 «On the general principles of organizing local government in a unified system of public authority.» The obvious difficulties in law enforcement and the contradictory attitude of the expert community towards this legislative act can be overcome if, within the framework of law enforcement practice and subsequent correction of the text of legislative norms, the federal authorities pay attention to the already formed, albeit small, but obviously important legacy of municipal legal scientific doctrine, which includes numerous works by Professor A. N. Kokotova. The author believes that further successful development of local self-government is possible only on the basis of consideration and mutual respect for the achievements of municipal law, constitutional law science and established legislative and law enforcement practice on local self-government. The importance of this approach to the development of social relations was noted by the famous commander A. V. Suvorov back in the 18th century: «Theory without practice is dead, practice without theory is blind».

Keywords: A. N. Kokotov's jubilee, municipal legal science, local self-government, municipal reform, legislation on local self-government, law enforcement practice

For citation: Kozhevnikov O. A. Local self-government in Russia through the prism of scientific creativity of Professor Alexander Nikolaevich Kokotov // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 4. Pp. 5–12.

Те, кто увлечен практикой без науки, подобны лодчанику, который садится в корабль без руля и компаса и никогда не знает, куда он идет. Практика всегда должна основываться на прочном знании теории.

Леонардо да Винчи

Вопросы научно-правового обеспечения правоприменительной практики все больше становятся поводом для дискуссии, новых исследований и оценок как со стороны ученых, так и со стороны практиков. Вопросы организации и функционирования местного самоуправления не являются в этой части исключением. Вступивший в силу в июне 2025 года Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (далее – Федеральный закон от 20.03.2025 № 33) уже на стадии публичного обсуждения вызвал крайнюю степень недовольства со стороны профессионального научного экспертного сообщества. Может именно поэтому многие известные муниципальные научные школы России не были допущены к работе над текстом вышеупомянутого закона, что в настоящее время привело к очевидным трудностям в правоприменительной практике и настоятельной необходимости обращения теперь уже многочисленных представителей муниципальной власти к ученым в области конституционного и муниципального права. В этой связи очень важно, чтобы наработанный за несколько прошедших десятилетий муниципально-правовой наукой «научный задел» не только был востребован в сложившихся «обновленных» условиях нормативно-правового регулирования местного самоуправления, но, что еще более важно, чтобы правоприменительное сообщество восприняло и правильно применяло бы на практике научно-правовое толкование соответствующих муниципально-правовых институтов и норм, не подменяя политической целесообразностью научно-обоснованные правовые аксиомы и категории.

В этой связи нельзя не обратить внимания на работы доктора юридических наук, профессора, Заслуженного юриста РФ, судьи Конституционного суда РФ А. Н. Кокотова. Являясь одним из основателей уральской школы муниципального права [1], он уже длительное время и в рамках своих научных интересов, и, конечно же, в рамках полномочий судьи Конституционного суда РФ отстаивает целый ряд весьма важных и во многом концептуальных положений российского подхода к развитию местного самоуправления в нашем государстве. Представляется, что некоторые взгляды мэтра муниципально-правовой науки могли бы стать «путеводной звездой» для понимания очевидных проблем ряда нормативных положений Федерального закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ, а также формирования содержательной основы для последующего применения данного нормативного акта в условиях очевидной «растерянности» власти и части населения по оценке «плюсов» и «минусов» новой правовой реалии формирования местного самоуправления в России¹.

Первое, на что хотелось бы обратить внимание – это понятие «местное самоуправление». Фраза «как корабль назовёшь, так он и поплывёт», знакомая мно-

¹ Жители Красноярского края протестуют из-за закона об объединении районов в округа, внесенного губернатором Котюковым. URL: <https://ngs24.ru> (дата обращения 14.08.2025); Местные депутаты в Бурятии выступили против реформы МСУ. URL: <http://vybor-naroda.org/lentanovostey> (дата обращения 14.08.2025); ВС Алтай приступил к рассмотрению иска против закона о реформе МСУ, который вызвал массовые недовольства жителей. URL: <https://www.sovsekretno.ru/news> (дата обращения 14.08.2025) и др.

гим с детства, стала крылатым выражением благодаря популярному мультфильму «Приключения капитана Врунгеля», в нашем случае имеет самое непосредственное значение для понимания сущности местного самоуправления. Во многом это связано с тем, что оно представляет собой сложную, многоплановую сферу общественных отношений, регулируемых многими отраслями права. Так, участие муниципальных образований, их органов в хозяйственной деятельности, имущественном обороте определяется нормами гражданского, предпринимательского права. Введение местных налогов, сборов, установление порядка их взимания – уже предмет налогового права. Разработка, принятие, исполнение местного бюджета регулируется нормами бюджетного права. Избрание выборных должностных лиц, депутатов представительных органов местного самоуправления определяется нормами избирательного права как подотраслью конституционного права и т. д. Ситуация усугубляется и тем, что за последние 35 лет, начиная с принятия Закона РСФСР от 6 июля 1991 г. №1550-1 «О местном самоуправлении в Российской Федерации» и заканчивая действующим ныне Федеральным законом от 20.03.2025 № 33-ФЗ, понятие местного самоуправления постоянно видоизменялось, и все эти изменения происходили на основе постоянства нормативных предписаний Конституции Российской Федерации. И здесь уместно вспомнить первый постулат из работ профессора А. Н. Кокотова о том, что конституционное право граждан на местное самоуправление является не просто правом, а по сути полномочием граждан, но и выступает как проявление народовластия, следовательно, полномочия на местное самоуправление в рамках действующего Основного закона страны возлагаются самим многонациональным народом, а не государственными органами [2]. Такой подход к конституционной сущности местного самоуправления предопределяет и сущностный подход к содержательной части местного самоуправления и к его возможному определению на современном этапе развития российского государства и общества. Базовые ориентиры понятийной сущности местного самоуправления были заложены в работах уважаемого ученого А. Н. Кокотова еще в 2005 году. Так, в учебнике «Муниципальное право России» А. Н. Кокотов и А. С. Соломаткин [3, с. 46], определяя местное самоуправление как основу конституционного строя, обосновано выделяют в нем следующие фундаментальные начала:

- местное самоуправление – это конституционный принцип, признающий и гарантирующий самостоятельность местной власти, определяющий нормативную политику правотворческих органов, деятельность правоприменителей, всех, кто так или иначе вступает в сферу местного самоуправления;
- местное самоуправление – это коллективное право местного населения (местных сообществ жителей) на властную самоорганизацию;
- местное самоуправление – это социальный институт, включающий в себя организационно-право-

вые формы самоуправленческой деятельности жителей (муниципальные образования, органы местного самоуправления, выборы, референдумы, иные формы прямого волеизъявления граждан);

- местное самоуправление – это правотворческая и правореализационная деятельность по осуществлению местного самоуправления в качестве конституционного принципа и права населения в установленных законом организационно-правовых формах;
- местное самоуправление – это реальное состояние местной жизни, складывающееся под воздействием права и искажающих его факторов.

Несмотря на то, что данные содержательные характеристики были обозначены учеными еще два десятилетия назад, представляется, что они не только не устарели, а могли и должны стать своего рода ориентиром для современного понимания, прежде всего, государственными властями сущности местного самоуправления, его конституционно-правовой ниши, а не того «усеченного» подхода, который был воспринят федеральным законодателем в ст. 1 Федерального закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ.

Во-вторых, крайне важным представляется обратить внимание на подход профессора А. Н. Кокотова к соотношению таких категорий, как публичная власть, государственная власть и местное самоуправление. Данные категории после конституционной реформы 2020 года существенным образом «смешиваются» не только многими учеными, но, что еще более часто наблюдается, видными государственными деятелями и политиками [4]. Еще два десятилетия назад в одной из своих публикаций А. Н. Кокотов отметил, что Конституция не просто обособляет местное самоуправление, но и отделяет его от государственно-властного механизма. Заложенная в российской «Конституции» вертикальная децентрализация власти с выделением местного самоуправления в качестве негосударственного элемента публичной власти подразумевает разведение категорий "публичная власть" и "государственная власть". Механизм публичной власти совмещает в себе верховную власть государства и местную власть, осуществляемую органами местного самоуправления или непосредственно населением. Местное самоуправление в качестве одной из основ конституционного строя находится на том же расстоянии от Конституции, что и государство, и имеет источником своего существования не государственную, а конституционную волю» [2]. Несомненно, «золотые слова», особенно на фоне того очевидного «хаоса», который происходит в настоящее время, начиная от того факта, что в соответствии с наименованием Федерального закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ, но вопреки Конституции и, как теперь уже понятно, достижениям муниципально-правовой науки местное самоуправление, а не его органы стали частью единой системы публичной власти. Сама система строится не просто как совокупность органов государственной власти и местного самоуправления, объединенных функциональным единством, а как «вертикаль власти», пусть не так отчетливо, но напоминающая советскую

модель государственного управления. В отсутствие нормативного закрепления категория «публичная власть» почему-то становится тождественной категории «единая система публичной власти», которая также не имеет своего единого нормативного содержания. Если обратиться к муниципальному научному наследию, то не очень трудно выстроить логическую взаимосвязь между вышеназванными понятиями. Самым объемным среди перечисленных является понятие «публичная власть», которое находит отражение исключительно в научной и публицистической литературе. Затем идет понятие «единая система публичной власти», которое определяет отдельные уровни и элементы не только названной системы, но и в целом публичной власти. В завершение данной логической связи мы имеем органы государственной власти и местного самоуправления, обладающие функциональным единством, но самостоятельные каждый друг от друга в рамках собственных полномочий. Выстраивание такой цепочки – наглядный пример применения научных достижений на благо законотворческой и правоприменительной деятельности. Остается только вопрос желания уполномоченных субъектов воспринимать достижения муниципально-правовой науки.

Третий аспект, имеющий очевидную тенденцию к возрастанию и вызывающий одну из самых больших тревог у экспертного сообщества, – это резкое усиление государственного влияния на местное самоуправление в лице соответствующих органов и должностных лиц субъектов РФ. В своих публикациях многие специалисты в области муниципального права и управления уже давно отмечают, что восприятие государством органов местного самоуправления как паллиатива местных государственных органов оборачивается усилением государственного влияния на них. Причем данная тенденция стала особенно заметной в законодательстве о местном самоуправлении с момента «встраивания» в Конституцию РФ единой системы публичной власти. Однако А. Н. Кокотов несколько оправдывает данную тенденцию, говоря о том, что ее однозначно оценить как отрицательную, а тем более характеризовать как огосударствление местного самоуправления, не представляется возможным. Несомненно, усиление государственного присутствия в сфере местного самоуправления несет в себе опасность для самой конституционной модели местного самоуправления в части существенного сокращения пространства муниципального творчества, снижения уровня законодательных, экономических гарантий местного самоуправления. Однако для нивелирования данной угрозы государству следует четко осознавать назначение местного самоуправления в конституционной конструкции публичной власти в стране. Такое предназначение уважаемый ученый сначала определил в своем особом мнении как судья в Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 1 декабря 2015 г. № 30-П¹, а затем повторил в многочисленных

научных публикациях: «Местное самоуправление в его конституционном закреплении – это своеобразный "третий", а точнее "первый", уровень российского федерализма. Если субъекты Федерации – форма децентрализации государства в целом, то муниципальные образования есть способ децентрализации самих субъектов Федерации, пусть и остающихся унитарными образованиями. Такая конструкция разворачивает вертикаль власти в "равнобедренный треугольник", в котором федеральный центр (вершина треугольника) может (должен) опираться как на субъекты Федерации, так и на муниципальные образования, в том числе используя муниципальный фактор как средство воздействия на субъекты Федерации с целью удержания последних в русле единой государственной политики и конституционного пространства страны. Данная конструкция власти создает также благоприятную политико-правовую среду для надлежащего обеспечения прав и свобод граждан» [5]. Несмотря на достаточную условность и абстрактность данного подхода к определению места и роли местного самоуправления в системе взаимоотношений с федеральными и региональными властями, данная позиция нашла свое широкое применение в научных кругах. В частности, уместность названного подхода в своих публикациях отмечали И. В. Бабичев [6], И. И. Захаров [7], Е. С. Шугрина [8], А. В. Безруков [9], А. Н. Диденко [10] и др. Вместе с тем нельзя сказать, что выраженная А. Н. Кокотовым позиция нашла отклик в стратегии федеральных и региональных государственных властей, скорее, наоборот, федерация отдает муниципальную власть на «откуп» государственной власти субъектов Российской Федерации, оставляя себе лишь самые общие вопросы правового регулирования местного самоуправления, а также формируя правовые основы особенностей осуществления местного самоуправления на отдельных территориях.

В-четвертых, одной из причин постоянной трансформации законодательства о местном самоуправлении является неспособность федеральных властей разделить, сбалансировать и оптимизировать полномочия органов государственной власти и местного самоуправления применительно к территориям проживания жителей муниципальных образований. Этот вопрос также неоднократно становился предметом научных изысканий профессора А. Н. Кокотова. Уважаемый ученый полагает, что государственные власти способны и должны опираться на органы местного самоуправления не только посредством наделения их

дерации от 1 декабря 2015 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 5.1 статьи 35, частей 2 и 3.1 статьи 36 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и части 1.1 статьи 3 Закона Иркутской области «Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы». URL: <https://legalacts.ru> (дата обращения 16.08.2025).

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Фе-

отдельными государственными полномочиями, но и путем предоставления органам местного самоуправления прав на участие в решении иных государственных вопросов, включая механизмы координации и постоянного взаимодействия государственных и муниципальных структур. В конечном итоге позиция А. Н. Кокотова, относительно взаимоотношений между государственными органами и органами местного самоуправления сводится к возможности применения к ним многих идей концепции кооперативного федерализма [5].

В-пятых, в пояснительной записке Комитета Государственной Думы Российской Федерации по государственному строительству и законодательству к проекту № 40361-8 федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» в качестве обоснования необходимости смены федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» было указано, что «существование конструкции, предполагающей закрепление в федеральном законодательстве вопросов местного значения и полномочий по их решению приводит к путанице при перераспределении полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъекта Российской Федерации. Вопросы местного значения, являясь одним из элементов компетенции органов местного самоуправления, конкурируют по содержанию с закрепленными в федеральных законах полномочиями»¹. Такой подход к обоснованию инициативы федерального законодателя, конечно же, крайне спорный, тем более, что разграничение компетенции местного самоуправления на вопросы местного значения и полномочия органов местного самоуправления по их решению действовал 22 года и был во многом понятен правоприменителю и научному сообществу. Вместо этого Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ предложил крайне спорную с точки зрения научной доктрины и еще более запутанную модель сведения компетенции органов местного самоуправления лишь к определению круга полномочий органов местного самоуправления по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения без указания (определения) перечня вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения. При этом сами полномочия трудно назвать именно полномочиями органов местного самоуправления, поскольку «в чистом виде» таковыми являются только полномочия органов местного самоуправления по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения, не подлежащие перераспре-

делению между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъекта Российской Федерации. Остальные две группы полномочий, указанные в названном законе, полноценно отнести к полномочиям местной власти трудно, поскольку одна из них может быть распределена государственными властями субъектов в свою пользу с изъятием на безвозмездной основе соответствующего муниципального имущества, другая же группа якобы полномочий законодателем вообще отнесена к зоне ответственности региональных властей с возможностью их передачи на уровень местного самоуправления.

Полагаем, что подобную «схоластику» можно было бы избежать, обратив внимание на концептуальные подходы к институту компетенции местного самоуправления, изложенные в работах А. Н. Кокотова. Так, названный ученый и специалист в области не только муниципального, но и конституционного права в своих исследованиях полагает, что, во-первых, вопросы разграничения и согласования полномочий не следует решать отдельно применительно к отношениям Российской Федерации и субъектов РФ и отдельно применительно к отношениям субъектов РФ и муниципальных образований. Полномочия должны разграничиваться одновременно применительно ко всем трем названным уровням публичной власти. В противном случае есть риск того, что осуществление полномочий, особенно четким образом не определенных в результате законодательного разграничения, включая финансирование, в итоге «падет» на муниципальные образования. Этому есть множество подтверждений и в судебной практике Конституционного суда РФ². Во-вторых, полезные для страны

2 Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 29 марта 2011 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 4 части 1 статьи 16 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с жалобой муниципального образования – городского округа «город Чита»; Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 13 октября 2015 г. № 26-П «По делу о проверке конституционности пункта 24 части 1 статьи 16 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с жалобой администрации муниципального образования «Североуральский городской округ»; Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 26 апреля 2016 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности пункта 18 части 1 статьи 14 и пункта 14 части 1 статьи 15 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с жалобой администрации муниципального образования «Нерюнгринский район»; Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 30 мая 2023 г. № 27-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 3.3 Федерального закона «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации», пункта 18 части 1, частей 3 и 4 статьи 14 и пункта 14 части 1 статьи 15 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», статей 10 и 51 Федерального закона «Об охране окружающей среды», пункта 1 статьи 22 Федерального закона «О санитар-

¹ Пояснительная записка Комитета Государственной Думы Российской Федерации по государственному строительству и законодательству к проекту № 40361-8 федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8> (дата обращения 15.08.2025).

схемы кооперативного федерализма, настраивающие на взаимодействие разных уровней власти, должны охватывать отношения государства с органами местного самоуправления, особенно в тех вопросах, где требуются совместные усилия государственных и муниципальных органов. Названное взаимодействие не должно вести к изъятию органами государственной власти полномочий муниципальных органов по вопросам местного значения, за исключением ситуаций временного осуществления органами государственной власти отдельных муниципальных полномочий, которые (ситуации) не подлежат расширительному толкованию. В-третьих, при распределении полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти важно учесть и исполнять правовую позицию Конституционного Суда РФ, изложенную в постановлении от 30 ноября 2000 г. № 15-П¹, которая сводится к тому, что вопросы местного значения, именуемые в настоящее время как вопросы непосредственного жизнеобеспечения населения, могут и должны решаться именно органами местного самоуправления или населением непосредственно, а не органами государственной власти. На органы государственной власти Конституцией РФ и в целом российским законодательством возлагается обязанность создавать необходимые правовые, организационные, материально-финансовые и другие условия для становления и развития местного самоуправления, оказывать содействие населению в осуществлении права на местное самоуправление. Ну и, наконец, в-четвертых, когда федеральный законодатель, определяя полномочия органов местного самоуправления, прямо закрепляет в Федеральном законе от 20.03.2025 № 33-ФЗ полномочия органов государственной власти субъектов РФ по осуществлению решения вопросов непосредственного жизнеобеспечения населения, то есть осуществлению фактических полномочий органов местного самоуправления, следует всегда помнить, что субъекты РФ имеют на местах (в муниципальных образованиях) незначительное число собственных органов, а исполнение органами государственной власти субъектов РФ, действующими на всей территории соответствующих субъектов РФ, муниципальных полномочий очевидно неэффективно, в том числе потому, что существенно

но-эпидемиологическом благополучии населения», пункта 2 статьи 9 и пунктов 1 и 2 статьи 13 Федерального закона «Об отходах производства и потребления», а также пунктов 16–18 правил обращения с твердыми коммунальными отходами в связи с жалобами муниципального образования «Городское поселение город Кудинск Кежемского муниципального района Красноярского края» и администрации Новосибирского района Новосибирской области» и др. URL: <https://legalacts.ru> (дата обращения 15.08.2025).

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 30.11.2000 № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Устава (Основного Закона) Курской области в редакции Закона Курской области от 22 марта 1999 г. «О внесении изменений и дополнений в Устав (Основной Закон) Курской области»». URL: <https://legalacts.ru> (дата обращения 15.08.2025).

отдаляет органы власти от управленческих объектов и явно затрудняет гражданам общение с органами власти [11].

Ну и наконец, нельзя не упомянуть еще один важный аспект, нашедший отражение в работах профессора А. Н. Кокотова – вопрос сохранения или упразднения двухуровневой системы организации местного самоуправления, который до сих пор остается крайне болезненным в дискуссиях как политиков², так и ученых³. И дело даже не в том, что, упраздняя поселенческий уровень местного самоуправления, власти субъектов РФ не приводят никаких вразумительных доводов и экономических расчетов, обозначая только один довод – сокращение аппарата муниципальных чиновников и оптимизацию местных бюджетов. Озабоченность вызывает, как будет работать местная власть на территории упраздняемых поселений, когда вместе с поселениями упраздняется и поселенческая муниципальная власть. Частично Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ отвечает на этот вопрос путем предоставления права субъектам РФ в своих законах закрепить обязательность создания территориальных органов местных поселений округов с обеспечением доступности названных органов для населения, проживающего на территории упраздняемых поселений, при переходе в субъекте РФ на одноуровневую модель организации местного самоуправления. Но здесь следует заметить, что создание территориальных органов местной администрации – это право субъектов, а никак не обязанность. При этом, очевидно, все понимают, что территориальные органы никогда не заменят самостоятельные органы местного самоуправления ни в части полномочий, ни в части ответственности, да и представляют территориальные органы только местную администрацию округа, но никак не иные обязательные органы местного самоуправления, которые имелись в поселениях (глава муниципального образования, представительных органов и др.). А что же по данному вопросу говорит профессор А. Н. Кокотов? В целом ряде своих научных публикаций он настойчиво отмечает, что двухуровневая модель местного самоуправления не является единственным способом приближения публичной власти к гражданам и объединения усилий и ресурсов разных видов муниципальных образований, существует, по мнению ученого, и альтернативный и менее затратный способ – образование в городских (муниципальных) округах развитой сети территориальных

² См.: Прах А. Местное самоуправление. Сенаторы и эксперты поспорили о плюсах и минусах муниципальной реформы. URL: <https://www.kommersant.ru> (дата обращения 16.08.2025); Ваганова В., Сенопальников А., Зима И. Все-таки отстояли сельсоветы? Володин согласился с Татарстаном по реформе МСУ. URL: <https://www.business-gazeta.ru> (дата обращения 16.08.2025).

³ См.: Коновалов Д. М. Ликвидация сельских поселений – это неуважение к народу, к его мнению. URL: <https://ruskline.ru> (дата обращения 16.08.2025); Баженова О. И. Если уходит местное самоуправление, уходят и люди. URL: <https://www.kommersant.ru> (дата обращения 16.08.2025).

органов местного самоуправления [12]. Заметим, не территориальных органов местной администрации, а самостоятельных территориальных исполнительных органов городского (муниципального) округа, но осуществляющих свои полномочия на территории упраздняемых поселений при переходе на одноуровневую модель организации местного самоуправления. Такой подход возможен, по мнению А. Н. Кокотова, при закреплении на законодательном уровне системы, порядка формирования, полномочий названных территориальных органов, а также форм взаимоотношений между иными подобными органами, создаваемыми в городских (муниципальных) округах, с так называемыми центральными органами городского округа. Законодатель при внедрении данной модели организации муниципальной власти на местах должен установить условия, при наличии которых территориальные исполнительные органы должны создаваться. Такими условиями могут быть определенная численность жителей соответствующей территории, наличие у территории статуса самостоятельного населенного пункта, удаленность территории от центра округа и др. Отношения самостоятельных территориальных исполнительных органов с центральными исполнительными органами округов должны, конечно, строиться как субординационные, но на основе законодательных предписаний с учетом принципа единства системы исполнительных органов городского округа. Другим вариантом сохранения местной власти на территориях упраздняемых поселений могло бы стать допущение создания не только исполнительных, но и представительных (выборных) органов местного самоуправления. Указанные представительные и исполнительные органы могут быть наделены полномочиями для решения вопросов непосредственного жизнеобеспечения, сопоставимые по объему с полномочиями ранее действовавших органов местного самоуправления упраздненных поселений. В качестве аргументации состоятельности данного варианта сохранения власти на местах профессор А. Н. Кокотов говорит о несправедливости оставления жителей отдельных населенных пунктов без представительных и исполнительных органов, поскольку именно жители в силу объективных обстоятельств воспринимают муниципальные органы одноуровневой модели организации местного самоуправления как не вполне свои. Жителями поселений, которые в результате перехода на одноуровневую модель теряют свои собственные органы местного самоуправления, органы городских (муниципальных) округов воспринимаются как «чужеродные» органы «центрального» населенного пункта, получившего в силу закона власть над их населенными пунктами, их землями, иными ресурсами. В этой связи важна не сама по себе возможность граждан дотянуться до органов местного самоуправления, о чем неоднократно в своих выступлениях говорил Президент РФ, а именно до своих органов местного самоуправления. Приближение к народу муниципальной власти в городских и муниципальных округах путем создания территориальных органов, включение в ор-

ганизацию муниципально-территориального управления форм муниципально-частного партнерства, общественного территориального самоуправления жителей позволит более эффективно решать насущные вопросы территорий, которые ранее имели самостоятельный статус городских или сельских поселений [13]. Хотели бы оговориться, что вышеназванные идеи и замыслы весьма дискуссионные и, например, автор настоящей статьи не поддерживает их, даже считает в какой-то степени утопичными.

Любые научные исследования, аргументы, гипотезы, несомненно, играют важную роль в развитии правоприменительной практики, так как любые научные исследования и практика могут дать положительные результаты только тогда, когда они находятся в тесной взаимосвязи и «питают» друг друга. Многие новеллы Федерального закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ могли бы быть более понятными для научного, экспертного и правоприменительного сообщества, если бы они учитывали весь накопленный научный потенциал исследований в области местного самоуправления, особенно проводимых профессором А. Н. Кокотовым. Но, с другой стороны, обращаясь к научному наследию юбиляра (в январе 2026 года А. Н. Кокотову исполнится 65 лет) нельзя не вспомнить его же слова о том, что законодательно введенная модель каких-либо отношений, пусть кажущаяся совершенной, должна еще пройти испытание временем. Законодательная модель – это костяк, который еще должен обрести правоприменительную плоть (поведенческими правилами, конвенциями), приближающей ее к действительным потребностям и запросам людей. Это, конечно, долговременный, но явно более эффективный способ совершенствования регулирования законодательства, чем его постоянное изменение. Такой подход не исключает законодательной коррекции имеющейся модели местного самоуправления, но она должна быть взвешенной, точечной и воплощаться в жизнь в соответствии с мудрой русской пословицей – «семь раз отмерь, а один раз отрежь» [11]. Поистине золотые слова.

В заключение исследования научного наследия доктора юридических наук, профессора, Заслуженного юриста Российской Федерации, судьи Конституционного суда Российской Федерации А. Н. Кокотова хотелось бы пожелать юбиляру творческого долголетия, а его работам, мыслям, идеями воплощения в умах и делах современников, в том числе и тех, кому не безразлична судьба местного самоуправления в России. В этой связи хотелось бы процитировать А. И. Солженицына: «Опора на местные силы, представительство множества "местных миров" всегда были свойственны "русскому миру", и земство было одной из форм этого представительства. Окончательное выздоровление общества произойдет, когда мы – граждане – вновь осознаем себя деятельными и ответственными не только за Россию вообще, а за те конкретные миры, которые нас окружают. Процветающее государство может состоять только из процветающих муниципалитетов-земств. Пирамида власти

должна стоять на широком основании, а не на острой вершине. Пока она стоит на вершине, то будет качаться, да и упадет, не ровен час»¹.

Библиографический список

1. Кокотов А. Н. Муниципальное право в российском праве: понятие, назначение и структура // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2004. № 3 (254). С. 54–62.
2. Кокотов, А. Н. Местное самоуправление как основа конституционного строя Российской Федерации // Проблемы права. 2003. № 1. С. 44.
3. Кокотов А. Н., Саломаткин А. С. Муниципальное право России. М.: Юрист, 2005. 384с.
4. Кожевников О. А. Публичная власть, единая система публичной власти, государственная и муниципальная власть в конституционно-правовой доктрине и современной нормативной реальности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2022. Т. 28. № 3 (86). С. 251–256.
5. Кокотов А. Н. Государственная власть и местное самоуправление в территориальной организации субъектов Российской Федерации // Государство и право. 2016. № 11. С. 43–50.
6. Бабичев И. В. Местное самоуправление в единой системе публичной власти: некоторый анализ конституционных новелл // Местное право. 2020. № 6. С. 3–12.
7. Захаров И. И. Местное самоуправление как вид публичной власти // Потенциал современной науки. 2017. № 4 (30). С. 55–57.
8. Шугрина Е. С. Глава 5. Местное самоуправление как конституционная ценность // Гуманитарный потенциал Конституции Российской Федерации. Тюмень: ТюмГУ-Press, 2024. С. 118–132.
9. Безруков А. В. Российский федерализм и местное самоуправление: тенденции соотношения и перспективы развития // Baikal Research Journal. 2023. Т. 14. № 3. С. 1225–1235.
10. Диденко А. Н. Полномочия органов государственной власти – не только права, но и обязанности и ответственность // Самоуправление. 2020. № 5 (122). С. 6–12.
11. Кокотов А. Н. Децентрализация местного самоуправления в Российской Федерации // Российский юридический журнал. 2015. № 1(100). С. 38–47.
12. Кокотов А. Н. Территориальные органы местного самоуправления и укрупнение муниципальных образований // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 1. С. 28–31.
13. Кокотов А. Н. Совершенствование конституционной модели местного самоуправления в России // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2020. № 4 (41). С. 116–123.

References

1. Kokotov A. N. Municipal law in Russian law: concept, purpose and structure // Izvestia of higher educational institutions. Law studies. 2004. No. 3 (254). Pp. 54–62.
2. Kokotov, A. N. Local self-government as the basis of the constitutional system of the Russian Federation // Problems of Law. 2003. No. 1. Pp. 44.
3. Kokotov A. N., Salomatkin A. S. Municipal law of Russia. Moscow: Yurist, 2005. 384 s.
4. Kozhevnikov O. A. Public power, the unified system of public power, state and municipal power in the constitutional and legal doctrine and modern normative reality // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. Vol. 28. No. 3 (86). Pp. 251–256.
5. Kokotov A. N. State power and local self-government in the territorial organization of the subjects of the Russian Federation // State and Law. 2016. No. 11. Pp. 43–50.
6. Babichev I. V. Local self-government in the unified system of public authority: some analysis of constitutional novels // Local law. 2020. No. 6. Pp. 3–12.
7. Zakharov I. I. Local self-government as a type of public authority // The potential of modern science. 2017. No. 4 (30). Pp. 55–57.
8. Shugrina E. S. Chapter 5. Local self-government as a constitutional value // Humanitarian potential of the Constitution of the Russian Federation. Tyumen: TSU-Press, 2024. Pp. 118–132.
9. Bezrukov A. V. Russian federalism and local self-government: trends in correlation and development prospects // Baikal Research Journal. 2023. Vol. 14. No. 3. Pp. 1225–1235.
10. Didenko A. N. The powers of public authorities – not only rights, but also duties and responsibilities // Self-government. 2020. No. 5 (122). Pp. 6–12.
11. Kokotov A. N. Decentralization of local self-government in the Russian Federation // Russian Law Journal. 2015. No. 1 (100). Pp. 38–47.
12. Kokotov A. N. Territorial bodies of local self-government and consolidation of municipalities // State power and local self-government. 2023. No. 1. Pp. 28–31.
13. Kokotov A. N. Improving the constitutional model of local self-government in Russia // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 4 (41). Pp. 116–123.

Информация об авторе

Кожевников Олег Александрович – доктор юридических наук, профессор

Information about the author

Kozhevnikov Oleg A. – Doctor of Law, Professor

Статья поступила в редакцию 09.09.2025; одобрена после рецензирования 10.10.2025; принята к публикации 17.12.2025

The article was submitted 09.09.2025; approved after reviewing 10.10.2025; accepted for publication 17.12.2025

¹ Степанов О. Смотрите под ноги. Почему без здорового местного самоуправления невозможно здоровое общество. URL: <https://www.kommersant.ru> (дата обращения 16.08.2025).

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 340

К вопросу о предпосылках формирования превентивного потенциала права

Васильков Константин Александрович¹, Василькова Екатерина Викторовна²

¹Адвокатская фирма «Юр-Транс», Барнаул, Россия, konstantin.vasilkov.95@mail.ru

²Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, kempf_e_v@mail.ru,
<https://orcid.org/0009-0001-4841-1015>

Аннотация. Исследование посвящено анализу предпосылок формирования превенции как категории, интегрирующей предупредительный потенциал права. Авторы связывают генезис превенции с теориями возникновения государства и права, подчеркивая их взаимозависимость, выделяют когерентные и исторические предпосылки. Когерентные предпосылки обусловлены потребностью социума в стабильности его институтов, что иллюстрируется экономическими механизмами и юридическими нормами. Исторические предпосылки раскрывают эволюцию превенции от архаичных форм до современной интерпретации и отражения в отраслях права. Авторы указывают, что становление превенции обусловлено взаимодополняемостью когерентных и исторических факторов, обеспечивающих гармонизацию социальных институтов.

Ключевые слова: превенция, профилактика, когерентные предпосылки, исторические предпосылки

Для цитирования: Васильков К. А., Василькова Е. В. К вопросу о предпосылках формирования превентивного потенциала права // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 4. С. 13–18.

Original article

On the question of the prerequisites for the formation of the preventive potential of law

Vasilkov Konstantin A.¹, Vasilkova Ekaterina V.²

¹Law firm «Yur-Trans», Barnaul, Russia, konstantin.vasilkov.95@mail.ru

²Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, kempf_e_v@mail.ru,
<https://orcid.org/0009-0001-4841-1015>

Abstract. The study is devoted to the analysis of the prerequisites for the formation of prevention as a category integrating the preventive potential of law. The authors connect the genesis of prevention with the theories of the emergence of the state and law, emphasizing their interdependence, and identify coherent and historical prerequisites. Coherent prerequisites are determined by the need of society for the stability of its institutions, which is illustrated by economic mechanisms and legal norms. Historical background reveals the evolution of prevention from archaic forms to modern interpretation and reflection in the branches of law. The authors point out that the emergence of prevention is due to the complementarity of coherent and historical factors that ensure the harmonization of social institutions.

Keywords: prevention, prophylaxis, coherent prerequisites, historical prerequisites

For citation: Vasilkov K. A., Vasilkova E. V. On the question of the prerequisites for the formation of the preventive potential of law // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 4. Pp. 13–18.

Долгое время среди ученых не утихали споры относительно причин и предпосылок происхождения государства. Не опираясь на конкретные социальные, исторические и экономические особенности, отметим, что каждая из теорий зарождения рассматриваемой формы общественного устройства отдельной строкой ставила условия формирования. На наш взгляд, наиболее авторитетными и структурно-организованными можно назвать теологическую, патриархальную, договорную, органическую, материалистическую, психологическую, патримониальную и ирригационную доктрины, теорию насилия. Любая из них ставит во главу конкретный доминирующий способ возникновения государственности. Очевидно, что под влиянием только лишь одного условия государство не могло бы сформироваться в том виде, в каком оно есть сейчас, для этого необходимо наличие множества иных предпосылок.

Не вызывает сомнений, что в контексте онтогенеза государства одновременно формируется и развивается право.

Принимая во внимание заданный вектор исследования, обозначим проблему: как, в какой момент стало возможно разглядеть превенцию в праве? Полагаем, что однозначного ответа на данный вопрос не существует ни с позиции теории, ни с позиции практики, в связи с чем требуется более глубокий анализ.

Ранее в своих работах мы обозначали [1], что на современном этапе скрывающийся в превенции предупредительно-профилактический потенциал права вышел за рамки просто правового явления и уже сформировался как категория (с присущими ей признаками). Очевидно, что создание и развитие данной категории происходило под влиянием определенных условий (предпосылок). По этой причине, анализируя теории возникновения государства и права, мы имеем возможность утверждать про одновременное появление предупредительных мотивов (они представляют превенцию в досистемном, полноценно не сформированном, античном виде), выраженных в самом факте привлечения лица к ответственности, и права. В этой связи для выделения предпосылок появления превенции необходимо обзорно остановиться на анализе теорий возникновения права.

С течением времени строились различные подходы к рассмотрению данного вопроса: классовый (К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин), диалектико-социологический (Е. Б. Пашуканис), антропологический (М. А. Рейснер, Э. Аннерс) и т. д., а также выдвигались теории: естественная (Г. Гроций, Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж. Ж. Руссо и др.), историческая (Ф. Савиньи, Г. Пухта), юридического позитивизма (И. Бентам, Д. Остин, Г. Кельзен, Г. Ф. Шершеневич), социологического позитивизма (Э. Эрлих, К. Лавеллин, Д. Фрэнк, С. А. Муромцев), психологического позитивизма (Л. Петражицкий, Г. Тард) и др. Краеугольным камнем при их анализе является причинно-следственная связь между предпо-

сылками появления права (причина) и дальнейшей координацией жизни социума (следствие). Поэтому, по нашему мнению, фундамент, на котором строилось право, – это необходимость регуляции общественных отношений в глобальных масштабах.

В этой связи, безусловно, у превенции как категории, объединяющей в себе весь предупредительно-профилактический потенциал права, должны быть свои, особые предпосылки. Мы убеждены, что они отличаются от созвучных условий появления права, поскольку превенция имеет собственный объект, предмет и функционал, при этом она призвана всегда находиться в строгом и продуктивном взаимодействии с последним.

Первостепенно необходимо определить, что собой представляют предпосылки появления превенции с точки зрения теории. В толковом словаре С. И. Ожегова предпосылка трактуется как «исходный пункт какого-либо рассуждения, предварительное условие чего-либо» [2]. Поэтому полагаем, целесообразно рассматривать в анализируемом контексте предпосылки и условия как синонимичные термины.

Переходя к сути и используя метод аналогии, отметим, что профессор Н. И. Матузов, выделяя материальные (общие) и юридические (специальные) предпосылки возникновения и функционирования правоотношений, указывает, что в «широком плане под материальными предпосылками понимается совокупность экономических, социальных, культурных и иных факторов, обуславливающих объективную необходимость правового регулирования тех или иных общественных отношений» [3, с. 186]. С учетом приведенной позиции представляется возможным представить *предпосылки превенции как совокупность конкретно-определенных факторов, которые обуславливают объективную необходимость и возможность обобщения предупредительно-профилактического потенциала права в категорию.*

Полагаем, что все предпосылки можно разделить по родовому признаку на *когерентные и исторические.*

Кратко характеризуя их, отметим, что термин «когерентный» с точки зрения этимологии расшифровывается от основы глагола *cohaereo* (лат. «быть связанным, соединенным, сросшимся, держаться или висеть вместе, примыкать» [4, с. 22]), поэтому когерентные предпосылки характеризуются взаимосвязанностью, статичностью и крайней степенью зависимости от социума. Исторические предпосылки можно охарактеризовать через генезис и последовательную эволюцию превенции от античного вида до категории права. Приступим непосредственно к анализу.

Когерентные предпосылки рассматриваемой категории, отталкиваясь от ее объекта, предмета и метода, можно разделить на *социальные, экономические, юридические, психолого-педагогические и доктринальные.*

Социальные обусловлены необходимостью нормального функционирования и развития общественных институтов. Начиная с О. Конта, а в развернутой формулировке – с Э. Дюркгейма, категория социальных институтов является ключевой в объяснении общественного устройства. В этой связи М. С. Комаров отмечает, что «понятию социального института принадлежит центральное место в системно-структурном анализе общественной жизни. Оно предполагает возможность обобщения, идеализации и абстрагирования из многообразных действий людей наиболее существенных типов социальных отношений путем соотнесения их с фундаментальными целями и потребностями социальных систем» [5].

Как и Дюркгейм, Парсонс считал, что стабильность социальной системы есть благо, а существенные изменения влекут аномию, т. е. состояние неопределенности относительно того, каким нормам и правилам надлежит следовать, ибо одни из них вступают в конфликт с другими [6, с. 4].

По вышеуказанному мнению, основным условием нормального функционирования социальной системы (а от этого и социальных институтов) является стабильность. Однако не совсем понятно, в чем она должна проявляться. Будет ли стабильным только положение статичности или необходимо исключение внешнего (в данном случае – противоречащего правовым нормам) воздействия на систему? По причине неоднозначности и объемности данного признака полагаем, что он может быть заложен в фундамент только при согласованности с действующим правовым регулированием и при обеспеченности им. Нормальное функционирование социального института должно зависеть от возможностей и состояния права. При этом в любом случае, когда возникает конфликт интересов, притязаний, а иногда и самих социальных институтов (в условиях стремительно развивающихся общественных отношений), необходимы постоянно действующие механизмы превентивной направленности, которыми выступают предупреждение и профилактика. Для раскрытия данного тезиса необходимо привести наиболее распространенную классификацию социальных институтов, чтобы осознать истинный смысл анализируемых предпосылок.

Исследователи отмечают возможность выделения следующих главных социальных институтов: а) экономический; б) политический (государство); в) институт образования; г) семейный; д) военный; ж) религиозный [7]. Отметим, что внутри каждого из них существуют регулятивные и охранительные превентивные нормы, а также правила правомерного поведения, которые предупреждают, профилактуют, развивают, гармонизируют все вышеперечисленные социальные институты. Соответственно, не возникает сомнений, что для нормального, стабильного, перспективного функционирования данных институтов (имеющих сложное внутреннее устройство) необходима постоянная предупредительно-профилактическая координация. Этот тезис, в свою очередь, говорит о том, что условием существования и развития превенции как

категории являются социальные факторы, и при этом они стоят во главе выдвигаемой иерархии, так как все остальные – это продукты общественного взаимодействия (что было наглядно продемонстрировано на примере выделения конкретных видов социальных институтов).

Переходя ко второму виду предпосылок, отметим, что административно-хозяйственная деятельность социума в настоящее время рассматривается с позиции сложного структурного устройства. Принимая во внимание, что экономический институт – это часть социальной системы, В. М. Деревянко указывает, что «согласно институциональному научному видению экономика рассматривается как открытая эволюционная система, испытывающая постоянное воздействие окружающей среды (культуры, политики, природы) и реагирующая на них. Поэтому институционализм отрицает важнейший постулат неоклассической теории – стремление экономики к равновесию, рассматривая его как нетипичное, очень кратковременное состояние» [8].

В этой связи в контексте превенции *экономические* предпосылки предметно характеризуются необходимостью нормального и постоянного функционирования хозяйственных отношений в обществе. Можно выделить следующие направления экономических отношений:

- 1) формирование конкурентной среды и преодоление монополистических тенденций в экономике;
- 2) стимулирование выхода на рынок новых компаний, снятие барьеров на этом пути;
- 3) развитие рынка земли и недвижимости;
- 4) развитие финансовых рынков как источника капитала для экономического роста [9, с. 68].

Вышеприведенное в совокупности доказывает, что превенция появляется в результате того, что данные направления отношений могут переживать периоды дестабилизации (причины могут быть как внутренние, так и внешние), что влечет за собой порой непоправимые последствия для экономики всех уровней в государстве. В свою очередь меры предупредительно-профилактической организации равновесия экономической системы призваны обеспечивать нормальное и постоянное ее функционирование и развитие. В настоящее время такую координацию можно увидеть в проводимой государством политике в области экономики, в частности по усилению бюджетной дисциплины, углублению влияния инструментов и механизмов Банка России на повышение уровня потенциального экономического роста и др. [10].

При этом все вышеуказанные, а также иные действенные меры должны быть закреплены в нормативно-правовых актах различного уровня. В этой связи можно отметить: Налоговый кодекс Российской Федерации, Гражданский кодекс Российской Федерации, Федеральные законы от 18 июля 1999 г. № 183-ФЗ «Об экспортном контроле», от 23 июня 1999 г. № 117-ФЗ «О защите конкуренции на рынке финансовых услуг», от 25 февраля 1999 г. № 40-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организа-

ций», указание Банка России «Об установлении форм документов, применяемых при казначейском обеспечении обязательств при банковском сопровождении государственных контрактов, и порядка их заполнения», положение Банка России «О требованиях к системе управления операционным риском в кредитной организации и банковской группе» и др., список можно продолжать долго. По этой причине, полагаем, что объективно и недвусмысленно можно разглядеть влияние экономических предпосылок превенции.

Теперь перейдем к *юридическим* предпосылкам. Они характеризуются существованием превенции в праве как комплексной его категории, включающей в себя специфическую классификацию, функции, объект и предмет. При этом с изменением правового регулирования, характерного для конкретного исторического периода, эволюционировала и превенция. В данном тезисе можно увидеть сущность рассматриваемого вида предпосылок.

Вместе с тем, как справедливо указывает Л. А. Морозова, «сущностными качествами права являются нормативность, стабильность и авторитетность. Только стабильная, авторитетная и динамичная правовая система способна установить прочный правопорядок, который обеспечивается судебными и другими правоохранительными органами» [11, с. 147]. Очевидно, что превенция как воплощение всего предупредительного потенциала права (в нормах, явлениях, феноменах, правоприменительной деятельности и др.) является его частью в широком смысле, в настоящее время она представлена категорией и призвана устанавливать, обеспечивать и поддерживать правопорядок. Из вышесказанного следует, что формированием законодательного превентивного фундамента превенция обязана и юридическим факторам в том числе.

В свою очередь *психолого-педагогические* факторы выражены, как правило, юридической ответственностью, хотя разглядеть их можно и в регулятивных нормах. Меры наказания и практика их применения служат психологическим, воспитательным мотивами для неопределенного круга лиц к поддержанию правомерного поведения и соблюдению норм и предписаний законодательства. Данные предпосылки проявляются абстрактно и отражают функциональную направленность превенции. Вместе с тем не вызывает сомнений тот факт, что необходимость и стремление государства к формированию правового и гражданского общества обусловлены существованием превентивного фундамента. В этой связи данный вид предпосылок с учетом объемности и спектра воздействия существует самостоятельно.

Продолжая анализ, отметим, что заключительными предпосылками, которые мы рассмотрим, будут *доктринальные*, характеризующиеся последовательным расширением сферы влияния социально-гуманитарных наук на превенцию. Кратко проанализируем основные моменты.

Так, начиная с периода античности, учение о предупреждении и профилактике развивалось в контек-

сте наказаний и уголовной ответственности. Говоря более конкретно, отметим, что одним из первых был Протагор, который близко подошел к идее специального и общего предупреждения. Наказание, по его мнению, «осуществляется во имя будущего, чтобы не совершал преступлений ни наказываемый, ни другой человек, которому становится известно о применении наказания» [12, с. 57].

Платон в своем учении о гармонии (мировой и внутренней – человеческой) также придерживался взгляда относительно возможности предупреждения преступлений, которые он рассматривал как «болезнь души преступника и как болезнь государства. Заниматься лечением этой болезни должно государство. Законы в государстве должны быть составлены так, чтобы отвращать от преступления тех, кто может сделаться преступником» [13, с. 89].

Кроме того, Аристотель в своих трудах говорил о возможности психического принуждения как средства предупреждения. «Механизмами психического принуждения выступают закон и угроза наказания, которые должны оказывать сдерживающее влияние на побуждающие начала преступных действий и поступков – гнев, стремление к наслаждению и др.» [14, с. 76].

Древнеримский юрист Цицерон среди факторов, оказывающих предупредительную роль, указывал на исключительную важность неизбежности наказания, утверждая вслед за Платоном и Аристотелем, что надежда на безнаказанность является одной из главных побудительных причин к совершению преступлений [15, с. 322–330].

Анализируя развитие науки в данной области в более поздние исторические периоды, отметим, что «в трактовке Гоббса всякое преступление есть грех, но не всякий грех есть преступление» [16, с. 145]. Фактически, Т. Гоббс говорит о том, что грех и преступление – это сходные понятия, однако наполнение и объем у них разные.

Положительное влияние на формирование превенции можно увидеть в научных доктринах английского педагога и философа Дж. Локка, который писал про основополагающее влияние педагогики. Также франко-швейцарский философ, писатель и мыслитель эпохи Просвещения Ж. Ж. Руссо в своем трактате «Об общественном договоре», имеющем явную государственно-правовую направленность, хоть и отвлеченно, но рассуждал о потенциале уголовного закона и наказаниях [17].

Следует отметить, что в европейской философии Г. Гегель одним из первых развил тему допустимости пределов насилия и наказания. Его идеи повлияли на работы и мировоззрение великого итальянского философа Ч. Беккариа, который впоследствии в своем трактате «О преступлении и наказании» заложил основы классической школы уголовного права в том виде, в котором она существует в настоящее время.

Сейчас наука в области превенции представлена различными исследованиями: от рассмотрения превентивных норм [18], функций превенции в целом

[19], в том числе в различных отраслях права [20, 21, 22], до аргументирования статуса превенции как института российского права [23], что говорит о комплексном и одновременно точечном доктринальном развитии превенции. Таким образом, анализ научных представлений о предупреждении и профилактике дает недвусмысленные основания, во-первых, говорить о наличной действительности существования превенции как сложного правового явления, представленного в настоящее время в виде категории, а во-вторых, о том, что развитие науки в предупредительно-профилактическом контексте является необходимой предпосылкой существования превенции.

Проанализировав все когерентные предпосылки превенции, своевременным считаем выдвинуть тезис о том, что они в совокупности и взаимосвязи составляют условия возникновения превентивной сферы общественных отношений, без которых не было бы ни фактических, ни юридических оснований говорить о превенции, и благодаря которым стало возможным формирование ее как категории права, раскрывающей предупредительно-профилактический потенциал всей правовой действительности.

Говоря про исторические предпосылки превенции, следует отметить, что это конкретно-исторические условия возникновения и развития данного правового явления. Первоначально зародившись в законодательстве Древнего Вавилона (законы Хаммурапи), Рима (законы XII таблиц), Руси (Русская Правда, Соборное уложение 1649), Индии (Кодекс древнеиндийских законов Манава Дхармашастра), Египта (Пучении гераклеопольского государя сыну Мерикара), а затем развиваясь в умах философов и ученых, предупреждение постепенно от просто мстительного мотива наказания эволюционировало в полноценную категорию, раскрывающую предупредительно-профилактический потенциал права.

Постепенно количество превентивных норм, а затем и соответствующих нормативно-правовых актов (равно как и теоретических доктрин) увеличивалось. Это привело к тому, что на современном этапе можно говорить об обобщении всех анализируемых общественных отношений в полноценную категорию российского права с учетом: а) существующих теоретических воззрений на предупреждение и профилактику; б) колоссального количества нормативно-правовых актов превентивной направленности (в том числе кодифицированных); в) наличия специальных норм, которые содержат в себе механизмы прямых предупредительных действий на отдельного человека и косвенных – на население в целом; г) возможности вынесения специальных превентивных актов; д) закрепления конкретно-превентивных видов наказания (предупреждения); ж) закрепления на законодательном уровне в нормах ведущих отраслей права (конституционного, уголовного, административного, гражданского, уголовно-процессуального и др.) превентивных принципов ответственности и регулирования общественных отношений.

Таким образом, принимая во внимание все вышеизложенное и с учетом проведенного анализа, можно выделить два типа предпосылок формирования превенции: *когерентные и исторические*. Первые характеризуются взаимозависимостью и фундаментальностью, включают в себя социальные, экономические, юридические, психолого-педагогические и доктринальные. Вторые представлены в виде конкретно-исторических условий возникновения и развития данного правового явления.

Библиографический список

1. Репьев А. Г., Васильков К. А. «Превенция» как правовая категория: в порядке научной дискуссии // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 2. С. 35–42.
2. Словарь русского языка С. И. Ожегова // Толковый словарь Ожегова. URL: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=24525>.
3. Теория государства и права: учебник / Н. И. Матузов, А. В. Малько. М.: Юрист, 2004. 245 с.
4. Коновалова М. В. Когерентность и интертекстуальность как текстовые категории // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 8. С. 21–25.
5. Комаров М. С. Введение в социологию: учеб. для вузов. М.: Наука, 1994. 317 с.
6. Ядов В. А. Социальные институты // Человек. Общество. Управление. 2006. № 1. С. 4–13.
7. Аитов Н. А. Социальные аспекты получения образования в СССР // Социальные исследования. Вып. 2. М.: Наука, 1968. С. 187–196.
8. Деревянко В. М. Актуальные особенности функционирования экономических институтов в России // Современные технологии обеспечения гражданской обороны и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. 2015. № 1 (6). С. 80–83.
9. Ипатов П. Л. Взаимодействие экономических и политических институтов в условиях роста российской экономики // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2008. № 4 (23). С. 66–70.
10. Борисюк Н. К. Особенности стабилизации экономического роста в России // Вестник ОГУ. 2013. № 8 (157). С. 10–12.
11. Теория государства и права: учебник / Л. А. Морозова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Эксмо, 2010. 510 с.
12. Шиханцов Г. Г. Криминология: учебное пособие. Минск: Тесей, 2006. 295 с.
13. Ракчеева Н. Е. Государство. Платон. М.: МАКС Пресс, 2001. 202 с.
14. Аристотель. Риторика. Поэтика. М.: Просвещение, 1985. 259 с.
15. Цицерон. Речи. В 2-х тт. Т.1. М.: Наука. 1993. 448 с.
16. Волков Ю. К. Философско-политические и философско-правовые интерпретации понятий преступление и наказание // Приволжский научный вестник. 2015. № 12-2 (52). С. 144–150.

17. Руссо Ж. Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Пер. с фр. М.: «КАНОН-пресс», «Кучково поле», 1998. 416 с.
18. Шуйский А. С. Противодействие террористическим актам посредством уголовно-правовых норм с двойной превенцией: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 194 с.
19. Данченко А. А. Превентивная функция российского права: дис. ... канд. юрид. наук. Кострома. 2002. 164 с.
20. Арапчор О. М. Превентивная функция российского трудового права: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург. 2013. 219 с.
21. Червонная Ю. А., Оганезов Э. М. Превенция в российском уголовном праве // Современные научные исследования и разработки. 2017. № 9 (17). С. 510–512.
22. Москаленко И. В. Понятие превентивных функций в системе гражданского права // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 2. С. 7–9.
23. Тихонов Я. И. Институт превенции в системе Российского права: дис. ... канд. юрид. наук. Вологда. 2019. 225 с.

References

1. Repyev A. G., Vasilkov K. A. «Prevention» as a legal category: in the order of scientific discussion // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2020. № 2. Pp. 35–42.
2. Dictionary of the Russian language by S. I. Ozhegov // Ozhegov's explanatory Dictionary. URL: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=24525>.
3. Theory of State and law: textbook / N. I. Matuzov, A. V. Malko. M.: Jurist, 2004. 245 p.
4. Konovalova M. V. Coherence and intertextuality as text categories // Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2007. № 8. Pp. 21–25.
5. Komarov M. S. Introduction to sociology: textbook for universities / M. S. Komarov. M.: Nauka, 1994. 317 p.
6. Yadov V. A. Social institutions // Human. Society. Management. 2006. № 1. Pp. 4–13.
7. Aitov H. A. Social aspects of education in the USSR // Social research. Issue 2. M.: Nauka Publ., 1968. Pp. 187–196.
8. Derevyanko V. M. Actual features of the functioning of economic institutions in Russia // Modern technologies for civil defense and emergency response. 2015. № 1 (6). Pp. 80–83.
9. Ipatov P. L. Interaction of economic and political institutions in the context of the growth of the Russian economy // Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University. 2008. № 4 (23). Pp. 66–70.
10. Borisjuk N.K. Features of stabilization of economic growth in Russia // Bulletin of OSU. 2013. № 8 (157). Pp. 10–12.
11. Theory of state and law: textbook / L. A. Morozova. 4th ed., revised and add. M.: Eksmo, 2010. 510 p.
12. Shikhantsov G. G. Criminology: a textbook. Minsk.: Theseus, 2006. 295 p.

13. Rakcheeva N. E. The State. Platon. M.: MAK Press, 2001. 202 p.
14. Aristotle. The rhetoric. Poetics. M.: Prosveshchenie, 1985. 259 p.
15. Cicero. Speeches. In the 2nd part of vol. 1. M.: Nauka. 1993. 448 p.
16. Volkov Yu. K. Philosophical-political and philosophical-legal interpretations of the concepts of crime and punishment // Privolzhsky Scientific Bulletin. 2015. № 12-2 (52). Pp. 144–150.
17. Rousseau J. J. About the social contract. Treatises / Translated from French/ M.: «CANON-press», «Kuchkovo pole», 1998. 416 p.
18. Shuisky A. S. Countering terrorist acts through criminal law norms with double prevention: abstract. Dissertations of the Candidate of Sciences in Law. M., 2012. 194 p.
19. Danchenko A. A. The preventive function of Russian law: dis. ... kand. jurid. sciences. Kostroma. 2002. 164 p.
20. Arapchov O. M. The preventive function of Russian labor law: dis. ... kand. jurid. sciences. Yekaterinburg, 2013. 219 p.
21. Chervonaya Yu. A., Oganezov E. M. Prevention in Russian criminal law // Modern scientific research and development. 2017. № 9 (17). Pp. 510–512.
22. Moskalenko I. V. The concept of preventive functions in the system of civil law // Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2006. № 2. Pp. 7–9.
23. Tikhonov Ya. I. Institute of prevention in the system of Russian law: dis. ... kand. jurid. sciences. Vologda. 2019. 225 p.

Вклад авторов

Васильков К.А. – идея, сбор материала, обработка материала, написание статьи.
Василькова Е.В. – обработка материала, написание статьи, научное редактирование текста.
Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors

Vasilkov K.A. – idea, collection of material, processing of material, writing of the article.
Vasilkova E.V. – processing of material, writing of the article, scientific editing of the text.
All authors made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 19.05.2025; одобрена после рецензирования 11.08.2025; принята к публикации 17.12.2025

The article was submitted 19.05.2025; approved after reviewing 11.08.2025; accepted for publication 17.12.2025

Правовой статус мировых посредников в период проведения крестьянской реформы в Российской империи

Гребенщикова Ирина Васильевна

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, grebenshikova_iv@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена вопросам правового статуса мировых посредников в период подготовки и проведения крестьянской реформы, отменившей крепостное право в Российской империи. На основании нормативных правовых актов Государственного архива Ярославской области, а также научной литературы, были определены права и обязанности мировых посредников, требования к лицам, назначаемым на эти должности, а также рассмотрены особенности их деятельности в период проведения крестьянской реформы. Изучены вопросы их взаимодействия с земской полицией в рамках проведения межевания земель, составления Уставных грамот и выполнения судебно-полицейских функций.

Ключевые слова: крепостное право, мировые посредники, правовой статус, крестьянская реформа, Свод законов Российской империи, Основные начала 25 марта 1859 г., Положения от 19 февраля 1861 г., Положения о Губернских и Уездных по крестьянским делам учреждениях, общие циркуляры Министерства внутренних дел по крестьянскому делу, Мировые съезды, Уставные грамоты, временнообязанные крестьяне, межевание, судебно-полицейские функции

Для цитирования: Гребенщикова И. В. Правовой статус мировых посредников в период проведения крестьянской реформы в Российской империи // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 4. С. 19–24.

Original article

The legal status of the world mediators during the Peasant Reform in the Russian Empire

Grebenshchikova Irina V.

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia, grebenshikova_iv@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the issues of the legal status of the world mediators during the preparation and implementation of the Peasant Reform, which abolished serfdom in the Russian Empire. Based on the normative legal acts of the State Archive of the Yaroslavl Region, as well as scientific literature, the rights and obligations of the world intermediaries, the requirements for persons appointed to these positions were determined, and the specifics of their activities during the Peasant Reform were considered. The issues of their interaction with the zemstvo police in the framework of land surveying, drafting charters and performing judicial police functions have been studied.

Keywords: serfdom, world mediators, legal status, Peasant reform, Code of Laws of the Russian Empire, Basic principles of March 25, 1859, Regulations of February 19, 1861, Regulations on Provincial and County institutions for peasant affairs, general circulars of the Ministry of Internal Affairs on peasant affairs, World congresses, Charters, temporarily liable peasants, land surveying, judicial and police functions

For citation: Grebenshchikova I. V. The legal status of the world mediators during the Peasant Reform in the Russian Empire // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 4. Pp. 19–24.

Вторая половина XIX в. была для Российской империи одним из значимых этапов развития. Крестьянская реформа от 19 февраля 1861 г. стала самой масштабной и значимой в этот период. Благодаря этой реформе от крепостной зависимости были освобождены миллионы крестьян, она послужила толчком к

проведению кардинальных преобразований, охвативших всю территорию Российской империи.

Предпосылками к проведению Крестьянской реформы послужил ряд факторов – это и в пораже-

ние в Крымской войне, которое показало отсталость экономической системы Российской империи от западноевропейских государств, и крепостное право, тормозившее развитие государства, и отсутствие «свободных рук» для фабрик и мануфактур, и использование помещиками репрессивных способов привлечения крестьян к труду, что вызывало массовое недовольство среди последних, и пр. Именно поэтому в Российской империи сложилась предреволюционная ситуация. Нужны были масштабные реформы, и Александр II энергично взялся за их проведение.

На собрании дворянства в Москве в 1856 г. император поручил Министру внутренних дел С. С. Ланскому собрать по различным ведомствам все сведения об «устройстве помещичьих крестьян» [1, с. 32].

Министерство внутренних дел, которому была поручена «подготовка к изменению быта помещичьих крестьян» и которому подчинялись все местные органы – губернаторы, уездные исправники, городничие, волостные старшины, сельские старосты, на основании всех изъятых из архива в течение лета 1856 г. дел «об устройстве быта помещичьих крестьян» составило «историческую записку» о крепостном праве в России [2, с. 9].

Подготовка проекта об отмене крепостного права была возложена на созданный в январе 1857 г. Секретный комитет, на первом заседании которого было объявлено о немедленном начале составления предложений по постепенному освобождению крепостных крестьян.

Главный комитет по крестьянским делам предложил для рассмотрения споров между помещиками и временнообязанными крестьянами учредить мировых судей и уездные расправы. Эти предложения были утверждены 25 марта 1859 г. в качестве Основных начал.

По своему правовому статусу должность мирового судьи (посредника) приравнивалась к должности гражданского служащего, и лица, назначаемые на нее, должны были соответствовать критериям, обозначенным в Своде законов Российской империи (п. 3 гл. 1 кн. 1 т. 3 Свода уставов о службе гражданской), к таковым критериям относились состояние лиц и их происхождение, возраст и уровень знаний¹.

На должность гражданского служащего по происхождению могли назначить потомственных дворян и сыновей личных дворян, а также лиц, фамилии которых происходили от бывших владельцев мусульманских провинций Закавказья, приравненных по своему правовому статусу к потомственным дворянам Империи, Калмыцких нойонов Астраханской и Ставропольской губерний и членов их семейств, приравненных при назначении на гражданскую службу к дворянам, и лиц, обозначенных в примечании к п. 5 Свода уставов о службе гражданской. Из данного перечня видно, что вероисповедание не препятствовало назначению на должность гражданского служащего.

Критерии к лицу, назначаемому на должность, были определены и в Основных началах от 25 марта 1859 г. В соответствии с ними на должность сроком на три года назначали лиц, соответствующих условиям личного и земельного ценза.

Ввиду того, что основными функциями предложенных крестьянских учреждений были посредническая и административно-судебная деятельность, а сами эти учреждения рассматривались как временные, во избежание смешения понятие «мировые судьи» было заменено на «мировые посредники».

Приняв во внимание тот факт, что на первоначальном этапе, сразу после объявления положений Крестьянской реформы крестьянские общества еще не могли быть образованы, Главный комитет счел необходимым предоставить губернаторам право на первые 3 года по согласованию с губернским и уездным предводителями дворянства назначать мировых посредников из составленных уездными дворянскими собраниями списков и представлять их кандидатуры на утверждение Сенату [3, с. 86]. Такой порядок назначения мировых посредников рассматривался как временный, поэтому в Основных началах от 25 марта 1859 г. было оговорено, что «порядок избрания мировых посредников по истечении трех лет должен быть определен Особыми правилами».

Среди так называемых посредников первого призыва, назначенных в период революционных перемен 1859–1861 гг., оказались прогрессивно настроенные лица, среди них декабристы А. Е. Розен и Г. С. Батеньков, писатель Л. Н. Толстой и др.

19 февраля 1861 г. в Петербурге император Александр II подписал Манифест об отмене крепостного права и Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, опубликованное 5 марта 1861 г. [4, с. 53]. Для реализации положений реформы, разрешения спорных вопросов, возникающих из обязательных поземельных отношений между помещиками и временнообязанными крестьянами, в каждой губернии учреждались Губернское по крестьянским делам присутствие (п. 1) и Уездные мировые съезды, куда входили уездные мировые посредники (п. 2) [5].

В соответствии с объявленными общими положениями на должность мирового посредника в соответствии с Положением о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениях могли назначить лицо, если им выполнено одно из условий:

- владеет, хотя бы и в разных губерниях, удобною землею как в непосредственном его распоряжении находящуюся, так и отданною в пользование крестьянам в количестве не менее пяти сот десятин;
- владеет меньшим количеством земли, но никак не менее ста пятидесяти десятин;
- окончил курс наук в учебных заведениях с правом на чин ХП класса или оному соответственный;
- по существующим ныне законам имеет право избирательного голоса в Губернском Дворянском Собрании².

¹ Свод законов Российской империи: «Свод уставов о службе гражданской» Т. 3. Кн. 1. Гл. 1 п. 3. СПб., 1896. С. 1 (404 с.)

² Высочайшее утвержденное положение о губернских и уездных по крестьянским делам в учреждениях. URL:

Личностные характеристики мировых посредников были прописаны в тексте Особого циркуляра МВД от 22 марта (3 апреля) 1861 г. № 10, где указывалось на необходимость тщательного отбора. К ним были отнесены образованность, беспристрастность, преданность делу и реформе.

Увольнение с должности мирового посредника осуществлялось на основании Общего циркуляра Министерства внутренних дел по крестьянскому делу от 10 октября 1962 г. № 17 «Об отводе Мировых посредников», где определялось, что надо руководствоваться ст. 34 Положения о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениях¹. Увольнение же по личным пререканиям не допускалось. Лицам, не довольным решениями или действиями мирового посредника, согласно ст. 73 и 127 того же положения предоставлялось право подавать жалобу на решения Мирового посредника по спорным делам – Уездному Мировому съезду, а на распорядительные действия посредника – Губернскому по крестьянским делам присутствию.

Денежные расходы на содержание мировых посредников выделялись в соответствии с Общим циркуляром Министерства внутренних дел по крестьянскому делу от 17 июня 1861 г. № 2 на основании Министерских распоряжений от 6 и 16 июня 1861 г. «О деньгах на содержание мировых посредников»².

По приблизительным расчетам, составленным Министерством внутренних дел, денежных средств выделялось меньше, чем требовалось на самом деле. Поэтому Управляющий Министерства внутренних дел статс-секретарь П. А. Валуев по данному вопросу во взаимодействии с Министром финансов предложил Казенным палатам отпускать ассигнования по требованию начальников губерний в соответствии с реальным количеством мировых посредников, даже если их количество превышало их численность по ведомости МВД.

Лицам, состоящим на должности мирового посредника, не присваивали звание «особый класс», но в правах служебных и в порядке взысканий по службе они состояли в равной степени с Уездными предводителями дворянства³.

Мировым посредникам для выезда по служебным вопросам выдавались казенные подорожные и открытые листы. Так же они для разездов по почтовым трактам и для проезда по проселочным дорогам имели право изымать у населения лошадей.

Порядок направления мировых посредников в отпуск регулировался ст. 21 Положения о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениях.

При выдаче содержания мировым посредникам деньги в пенсионный капитал не вычитались ввиду того, что Общим циркуляром Министерства внутренних дел по крестьянскому делу от 4 ноября 1861 г. № 11 «О вычетах в пенсионный капитал из сумм на содержание мировых учреждений» по согласованию с Министерством финансов было дано разъяснение, что в «должностные лица местных по крестьянским делам учреждений ни к какому разряду по пенсии не принадлежали»⁴, получение пенсий по этим должностям не предусматривалось. На канцелярию, на наем рассыльных и прочие расходы выделение отдельных денежных средств тоже не было предусмотрено.

Общим циркуляром Министерства внутренних дел от 8 февраля 1862 г. № 2 были даны разъяснения относительно распоряжений от 9 и 11 декабря 1961 г. «О содержании кандидатов на время исполнения ими должности мировых посредников»⁵. Например, определено 3 случая, когда кандидаты должны были исполнять обязанности мирового посредника:

- 1) когда посредник откажется от должности, или когда он долгое время отсутствует, не получая положенного содержания;
- 2) когда посредник по кратковременному отсутствию, не более 29 дней в году, или по болезни, не более 4 месяцев, согласно закону сохраняет свое содержание;
- 3) когда посредник не оставляет заведывание участком, но в тоже время кандидату поручаются какие-либо отдельные действия.

В первом из этих случаев на основании общего закона (ст. 1006 т. III Свода законов установление о службе) лицам, не получающим на службе жалования, когда они по распоряжению начальства временно замещают иные должности, разрешалось выплачивать содержание по п. 1 ст. 1005, где было сказано, что «чиновнику, а также канцелярскому служителю, вступающему по назначению начальства или по порядку службы, в исправление должности, остающейся праздною (вакантною), производится содержание на следующем основании: он получает жалование и все содержание сей должности определен будет, и с тем вместе прекращается содержание по настоящему его званию».

Во втором случае следовало брать во внимание, что на основании ст. 22 Положения о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениях мировой посредник должен из получаемого им содержания производить все выплаты по выполнению служебных обязанностей. Поэтому при сдаче должности он каждый раз был обязан командировать в распоряжение кандидата, письмоводителя, а также и рассыльных и вообще передавать свою канцелярию со всеми канцелярскими материалами. Помимо этого, кандидат, «не имея полных денежных средств, соединенных с временным им местом, не мог быть лишен

<https://pravo.by/pravovaya-informatsiya> (дата обращения: 10.09.2025).

¹ Государственный архив Ярославской области Ф. 120, оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 41.

² Там же. Л. 2.

³ Свод законов Российской империи: «Свод уставов о службе гражданской» ст. 236, 269, Т. 3. Кн. 1. Гл. 1 п. 3. СПб., 1896. С. 1 (404 с.)

⁴ Государственный архив Ярославской области Ф. 120, оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 15.

⁵ Там же. Л. 23.

определенных в примечании к приведенной выше статье суточных денег».

И в третьем случае, кандидат, в соответствии с примечанием к ст. 22 Положения о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениях получал только суточные деньги – 2 руб. 50 коп.

Полномочия мировых посредников были определены в соответствии с Положением о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениях. Главной задачей мировых посредников являлось обеспечение выполнения условий реформы, разрешение споров и установление новых поземельных связей (составление уставных грамот), осуществление при этом судебной и полицейской власти над крестьянами и иными сословиями с правом наложения штрафа или ареста, а также надзор за крестьянским самоуправлением.

Мировые посредники при составлении уставных грамот, в которых было определено количество земли, предоставляемое крестьянам в пользование, и размер повинностей, предназначенных в пользу помещика, руководствовались местным положением и министерскими циркулярами.

Так, Общим циркуляром Министерства внутренних дел по крестьянскому делу от 24 января 1862 г. «О порядке утверждения и приведения в действие уставных грамот»¹ помещику предоставлялось право по соглашению с крестьянами подарить обществу крестьян часть их надела, не менее 1/4 высшего или указанного размера с прекращением затем их обязательных отношений. Такие грамоты при тщательной проверке мировыми посредниками представлялись в Губернское по крестьянским делам присутствие, которое данные их утверждало установленным порядком. По имениям, заложенным в кредитных установлениях, Губернское присутствие обязано было предварительно удостовериться, что за представленной крестьянам по уставной грамоте в собственность части их надела останется в распоряжении помещика не менее 3/4 высшего или указанного надела, определенного для той местности, к которой принадлежит имение. В случае если имение было заложено, то земля крестьянам отчуждалась с согласия кредитного установления.

Или же, например, по вопросам межевания циркуляром Министерства внутренних дел от 7 августа 1861 г. № 56 «О порядке межевых действий при разделении угодий» в соответствии с правилами для разного рода технических работ при разграничении крестьянских земель, как для отвода крестьянам наделов в пользование, так и в случае выкупа крестьянских угодий, выкипировки и геодезические описания границ подписывались помещиком или поверенным от крестьян и землемером, производящим отвод, утверждались мировым посредником и передавались с описаниями границ по принадлежности, сельскому обществу².

¹ Государственный архив Ярославской области Ф. 120, оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 20 (об.)

² Там же. Л. 12.

В соответствии с п. 4 Положения о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениях отграниченные выкупленные земли наносились на выкопировках нового генерального или специального межевания, а геодезическое описание границ составлялось на том же основании как о землях, отводимых в постоянный надел. Экипировки и описания границ подписывались землемерами, помещиками, поверенным от крестьян и утверждались мировым посредником. Затем эти выкопировки, описание границ и копии с них мировые посредники были обязаны отсылать в Губернскую чертежную для освидетельствования правильности межевых разграничений³.

Одной из основных компетенций мировых посредников было разрешение всякого рода споров между помещиками и временнообязанными крестьянами, а также владельцами горнозаводских предприятий и заводскими людьми. Жалобы на недостаточность платы, обременительность уроков и вообще неудовлетворительное содержание, для упрощения и ускорения их разрешения рассматривались мировыми посредниками на основании циркуляра по Земскому отделу от 24 июня 1861 г. № 2171 «О порядке рассмотрения жалоб временно обязанных заводских крестьян частных горных заводов»⁴.

Общим циркуляром Министерства внутренних дел по крестьянскому делу от 2 июня 1862 г. № 8 «О делах, предоставляемых решению мировыми посредниками по желанию самих спорящих» в соответствии со ст. 35 Положения о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениях мировому посреднику предоставлялось право рассматривать различные гражданские споры и иски, если обе спорящие стороны были согласны на их рассмотрение по совести, при этом никаких исключений из правил не предусматривалось⁵. Это было третейское разбирательство мировых посредников, проводимое исключительно по обоюдному согласию обеих сторон. Распространялось оно на лиц всех сословий и на все гражданские дела.

Общим циркуляром Министерства внутренних дел по крестьянскому делу от 20 июля 1863 г. № 12 «О порядке рассмотрения жалоб по крестьянским делам, поступающих в высшие Правительственные учреждения» жалобы на Губернские по крестьянским делам присутствия по делам об ответственности, по делам о раскладке поземельного на мировые учреждения сбора, по делам, касающимся личных прав крестьян, по состоянию, по общественному и волостному устройству и по отбыванию ими казенных земских повинностей направлялись в Правительствующий Сенат⁶.

Апелляционной инстанцией являлись Уездные съезды, кассационной – Губернские по крестьянским делам присутствия.

³ Там же. Л. 13 (об.)

⁴ Там же. Л. 3.

⁵ Там же. Л. 37 (об.)

⁶ Там же. Л. 72.

Большую работу проводили Мировые посредники при решении спорных вопросов относительно найма в рекруты. Так, условия при найме временнообязанными крестьянами и собственниками в рекруты лиц, поименованных в ст. 378 Устава рекрутов 1862 г.¹, могли быть засвидетельствованы местным мировым посредником, который при этом руководствовался ст. 380–387 того же устава. Принятые согласно ст. 383 Устава рекрутов денежные средства и акты нанимателя и наемщика мировой посредник обязан был направить в Губернское рекрутское присутствие или Уездное рекрутское присутствие.

Так же мировые посредники обладали по отношению к крестьянам судебно-полицейской властью и осуществляли эту функцию в соответствии с Общим циркуляром Министерства внутренних дел по крестьянскому делу от 14 октября 1861 г. № 10 «О подсудности государственных крестьян мировым посредникам»². На основании данного нормативного правового акта деятельность мировых посредников по делам судебно-полицейского разбирательства была разъяснена в ст. 31 и 32 Положения о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениях. Распространялась она и на государственных крестьян. Мировые посредники имели право разбирать различного вида споры и иски между государственными и временнообязанными крестьянами или землевладельцами, а также их проступки.

На основании ст. 32 Положения о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениях мировые посредники не имели права присуждать к телесному наказанию мещан, а также тех лиц подданного состояния, которые в силу своих прав в законе не были установлены. В случае виновности мещан по делам, подсудным мировым посредникам, они присуждались к денежному взысканию или аресту в пределах, указанных в настоящей статье³.

Кроме того, мировой посредник осуществлял разбор споров между лицами всех сословий о государственных крестьянах и о возникших по ведомству государственных имуществ недоразумений.

Также в соответствии с Общим циркуляром Министерства внутренних дел по крестьянскому делу от 8 августа 1862 г. № 14 «О подсудности лиц духовного звания по делам о потрах владельческих полей, лугов и других угодий» мировым посредникам было дано право решать такие дела в отношении лиц духовного сословия⁴. Так, Министерством внутренних дел во взаимодействии с Обер-прокурором Святейшего Синода было сообщено, что в соответствии со ст. 8 Т. X Свода законов Российской империи по ущербу имуществу и по его заявлению дела в отношении лиц духовного звания православного исповедания подлежали рассмотрению ведомством общих граж-

данских присутственных мест. На основании Положения о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениях от 19 февраля 1861 г. окончательное судебно-полицейское разбирательство по делам о потрах владельческих полей, лугов и других угодий и о порубке леса на сумму свыше 30 руб. было возложено на мировых посредников, с предоставлением им права выносить решения в отношении лиц всех сословий о имущественном вознаграждении или денежном взыскании (ст. 31 и 32). Именно поэтому указанные выше дела в отношении лиц духовного звания не могли быть изъяты от подсудности мировых посредников.

Осуществляя функцию надзора за крестьянским самоуправлением, мировые посредники первоначально формировали сельские общества и открывали волости, надзирали за деятельностью волостных старшин, рассматривали жалобы крестьян на действия крестьянской администрации.

В рамках выполнения своих обязанностей мировые посредники осуществляли тесное взаимодействие с губернской и центральной властью (Уездные съезды, Губернские присутствия), земской полицией, органами крестьянского самоуправления и непосредственно с помещиками и крестьянами.

Так, взаимодействие с земской полицией было регламентировано циркуляром Министерства внутренних дел от 26 августа 1861 г. «О взаимных отношениях мировых учреждений и земских полиций»⁵.

Разграничение функций между земской полицией и мировыми посредниками подробно регулировались ст. 23–35 Положения о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениях. Деятельность полиции сводилась к пресечению всяких обид, насилий и самоуправства и к указанию недовольной стороне, что она может обратиться со своей претензией за судебным разбирательством, а также к содействию судебной власти в случае обращения во время производства суда (вызов спорящих свидетелей и т. п.) и к исполнению судебных решений. Вследствие этого в случае возникших между помещиком и крестьянами недоразумений земская полиция до прибытия мирового посредника обязана была, не касаясь существа дела, прекратить всякое насилие и самоуправство и внушить недовольной стороне, что она за разрешением недоразумения или жалобы может обратиться к мировому посреднику. Причем, полиция была обязана каждый раз предупреждать крестьян, что за самовольное уклонение от повинностей, за прогульные дни или просрочку оброка они неизбежно подвергнутся, как установлено в Положении 35 Положения о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениях, денежному взысканию, а за нарушение порядка – иному наказанию. Тогда как в случае справедливой и правильным путем принесенной жалобы на помещика они за излишнее исполнение повинности получают особое вознаграждение.

По распорядительным делам земская полиция на основании ст. 59 Правил о приведении в действие По-

¹ Государственный архив Ярославской области Ф. 120, оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 64.

² Там же. Л. 14.

³ Там же. Л. 18.

⁴ Там же. Л. 38.

⁵ Там же. Л. 14.

ложения о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениях также обязана была немедленно и безоговорочно исполнять все законные требования мирового посредника, подобно тому, как по ст. 2723 ч. 1 т. 11 Свода законов 1857 г. она выполняла требования других присутственных мест.

К компетенции мировых посредников и волостных судов не относилось рассмотрение дел, связанных с «сопротивление крестьян к исполнению закона», судебных определений, постановлений каких-либо государственных или общественных повинностей и вообще всех преступлений и проступков по ст. 296, 297, 298, 299, 301, 302, 303, 304, 305 и 366 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. Эти дела находились в ведении полиции, которая прекращала их на основании данной ей власти производить по ним дознание и передавать их судебному следователю.

В соответствии с Общим циркуляром Министерства внутренних дел по крестьянскому делу от 2 июня 1962 г. № 8 «О порядке отношений с мировыми учреждениями» тесное взаимодействие мировые посредники во исполнение своих прямых обязанностей осуществляли непосредственно с Губернским по крестьянским делам присутствием¹. На основании того, что Мировые съезды не были постоянно действующими учреждениями, их деятельность ограничивалась ст. 105, 106 и 107 Положения о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениях.

На действия и решения мирового посредника, в случае несогласия с ними, как помещики, так и временнообязанные крестьяне могли подать жалобу в Губернское присутствие. Дознание вины мирового посредника влекло за собой предварительное представление Правительствующему Сенату об отстранении от должности и предания его суду. Начальникам губерний надлежало руководствоваться тем, что предварительное дознание по жалобам на действия мировых посредников, если Губернское присутствие признало эти жалобы требующими разъяснений, проводилось по определению данного Присутствия одним из его членов в соответствии с Общим циркуляром Министерства внутренних дел по крестьянскому делу от 18 ноября 1861 г. № 12 «О порядке производства предварительных дознаний о действиях мировых посредников»².

Таким образом, правовой статус мировых посредников, должность которых была учреждена для проведения в жизнь положений Крестьянской реформы от 19 февраля 1861 г., регулировался рядом нормативных правовых актов, в числе которых Свод законов Российской Империи, Основные начала (25 марта 1859 г.), Положение о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениях, Общие циркуляры Министерства внутренних дел по крестьянскому делу.

Библиографический список

1. Киян М. Ш., Хутько Т. В. Концепция проведения крестьянской реформы 1861 г. в Крыму: ожидаемые результаты и действительность // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. 2023. Т. 9 (75). № 2. С. 29–38.
2. Софроненко К. А. Крестьянская реформа в России 1861 г.: сборник законодательных актов. М.: Госюриздат, 1954. 494 с.
3. Новикова А. В. Особенности деятельности мировых посредников на начальном этапе реализации крестьянской реформы 1861 г. // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 4. С. 88–95.
4. Шатковская Т. В. Крестьянская реформа 1861 г.: принципы, правовое содержание и последствия (к юбилею великой реформы) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2020. № 4. С. 50–58.
5. Всемилоостейший Манифест от 19 февраля 1861 г. «Об отмене крепостного права»: сборник / отв. ред. О. И. Чистяков. М.: Юридическая литература, 1989.

References

1. Kiyan M. Sh., Khutko T. V. The concept of the peasant reform of 1861 in the Crimea: expected results and reality // Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University of Law. 2023. Vol. 9 (75). No. 2. Pp. 29–38.
2. Sofronenko K. A. Peasant reform in Russia in 1861: Collection of legislative acts. M.: Gos-yurizdat, 1954. 494 p.
3. Novikova A. V. Features of the activities of world intermediaries at the initial stage of the implementation of the peasant reform of 1861 // Bulletin of the Bryansk State University. 2016. No. 4. Pp. 88–95.
4. Shatkovskaya T. V. The peasant reform of 1861: principles, legal content and consequences (on the anniversary of the great reform) // North Caucasian Law Bulletin. 2020. No. 4. Pp. 50–58.
5. The Most Gracious Manifesto of February 19, 1861 «On the abolition of serfdom»: collection / ed. by O. I. Chistyakov. M.: Legal Literature, 1989.

Информация об авторе

Гребенщикова Ирина Васильевна – кандидат юридических наук, доцент

Information about the author

Grebenshchikova Irina V. – Candidate of Law, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 06.06.2025; одобрена после рецензирования 21.08.2025; принята к публикации 17.12.2025.

The article was submitted 06.06.2025; approved after reviewing 21.08.2025; accepted for publication 17.12.2025.

¹ Государственный архив Ярославской области Ф. 120, оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 31 (об.)

² Там же. Л. 32.

Вопросы понимания и обоснования особенностей правовой культуры современного белорусского общества

Демидова Ирина Андреевна
Могилевский институт МВД, Могилев, Республика Беларусь, demidova-irina00@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4863-8455>

Аннотация. В статье представлены теоретические положения относительно понимания правовой культуры как социально-правового феномена. Теоретическое осмысление правовой культуры осуществляется посредством построения логических понятийных рядов с учетом интеграции положений отдельных методологических подходов к изучению правовой культуры в правоведении. Цель исследования заключается в обосновании факторов, призванных характеризовать особенности правовой культуры современного белорусского общества. Автор приходит к выводу о значимости духовной составляющей формирования и функционирования правовой культуры. Исторически сложившаяся ценностная аксиосфера белорусского общества обуславливает культурно-цивилизационный код общественного правового развития. Детерминантами правовой культуры современного белорусского общества обозначаются мировоззренческая составляющая, идеологическая основа и ментальные основания. Мировоззренческая составляющая представлена исторически сформированной на белорусских землях правовой традицией. Ментальные основания правовой культуры определяются характеристиками правового менталитета и особенностями ментальности белорусов. Идеологическая основа правовой культуры отражается в правовой идеологии, что фиксирует факт принятия белорусским обществом идей правовой государственности, признание ценности права как универсального социального регулятора общественных отношений.

Ключевые слова: правовая культура, современное белорусское общество, методологический подход, логический понятийный ряд, право, культура, правовое пространство, правовая традиция, общественное правовое сознание, правовой менталитет, правовая ментальность, ценность, архетип, социокод, правовая жизнь

Для цитирования: Демидова И. А. Вопросы понимания и обоснования особенностей правовой культуры современного белорусского общества // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 4. С. 25–32.

Original article

Sues of understanding and justifying the peculiarities of the legal culture of modern Belarusian society

Demidova Irina A.
Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs, Mogilev, Republic of Belarus, demidova-irina00@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4863-8455>

Abstract. The article presents theoretical provisions regarding the understanding of legal culture as a socio-legal phenomenon. The theoretical comprehension of legal culture is carried out through the construction of logical conceptual series, taking into account the integration of the provisions of individual methodological approaches to the study of legal culture in legal studies. The purpose of the study is to substantiate the factors that characterize the features of the legal culture of modern Belarusian society. The author comes to the conclusion that the spiritual component is significant in the formation and functioning of legal culture. The historically established value axiosphere of Belarusian society determines the cultural and civilizational code of social legal development. The worldview component, ideological basis, and mental foundations are identified as determinants of the legal culture of modern Belarusian society. The worldview component is represented by the legal tradition that has been historically formed in Belarusian lands. The mental foundations of legal culture are determined by the characteristics of legal mentality and the peculiarities of the mentality of Belarusians. The ideological foundation of legal culture is reflected in legal

ideology, which reflects the fact that Belarusian society has adopted the ideas of legal statehood and recognizes the value of law as a universal social regulator of social relations.

Keywords: legal culture, modern Belarusian society, methodological approach, logical conceptual series, law, culture, legal space, legal tradition, public legal consciousness, legal mentality, legal mentality, value, archetype, sociocode, legal life

For citation: Demidova I. A. Sues of understanding and justifying the peculiarities of the legal culture of modern Belarusian society // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 4. Pp. 25–32.

Введение. В современных реалиях правовое функционирование социума ориентировано на обеспечение устойчивости общественных отношений. Признание социальной значимости права и необходимость проведения правовой политики отражаются в политико-правовых документах посредством термина «правовая культура», который прочно вошел в научный оборот. Проблематика правовой культуры рассматривается преимущественно с позиций юридической теории. При этом можно констатировать наличие внимания к правовой культуре не только ученых-правоведов, но также философов, культурологов, политологов, социологов и представителей других общественных наук. Междисциплинарность исследований выступает отличительной чертой научных изысканий в области правовой культуры и характеризует сложность объекта исследования.

Выявление отличительных характеристик национальной правовой культуры позволяет спрогнозировать направления правового развития белорусского общества, что имеет несомненную теоретическую и социальную значимость. В качестве цели исследования выступает научное обоснование особенностей правовой культуры современного белорусского общества посредством содержательной характеристики системы понятий, составляющих логические понятийные ряды в рамках сформированных в правоведении методологических подходов к изучению феномена правовой культуры.

Материалы и методы. Теоретическое юридическое знание о правовой культуре современного белорусского общества в постсоветский период отражено в ограниченном количестве кандидатских диссертаций белорусских авторов в отношении правовой культуры отдельных категорий должностных лиц [1; 2], правового сознания [3; 4; 5; 6], правомерного поведения [7], ценностных оснований правовой культуры [8]. Степень исследованности правовой культуры современного белорусского общества не позволяет говорить о наличии научной школы по изучению данного социально-правового феномена.

Одновременно в исследовании правовой культуры современного белорусского общества могут быть использованы доктринальные положения, разработанные советскими и современными теоретиками права в отношении феномена правовой культуры. Сформированные в рамках отдельных методологических подходов теоретические положения, которые фиксируются посредством логических понятийных рядов, позволяют представить интегративную тео-

ретическую конструкцию правовой культуры. Проявление характеризующих признаков и черт правовой культуры в социальных реалиях белорусского общества призвано оценить его правовое культурное развитие, выявить специфику национальной правовой культуры. Методологическую основу исследования составляют общенаучные логические методы анализа, синтеза, сравнения, обобщения и систематизации.

Результаты. Рассмотрение правовой культуры как культурного явления устанавливает потребность обозначения культурных факторов, которые лежат в основе процессов формирования и функционирования национального права [9, с. 80]. Представление правовой культуры как части общей культуры определяет роль культурологического подхода в ее познании. Вариативность научного представления правовой культуры с позиций данного подхода объясняется, в том числе, и многозначностью содержания таких понятий, как «право» и «культура». «При этом общие направления трактовки правовой культуры задают принятые в культурологии аспекты анализа культуры – философский, антропологический, социологический, в рамках которых формируется единая методология исследований культуры, определенный понятийный аппарат, то, что называется общей теорией культуры» [9, с. 81]. В характеристике национальной правовой культуры следует исходить из того, что универсальность правового развития социума отражается в правовой теории посредством понятия «правовое пространство», а уникальность – посредством понятий «правовая традиция», «общественное правовое сознание», «правовая жизнь».

Так, через понятие «правовое пространство» в научных исследованиях фиксируется правовая действительность исходя из роли права как социального регулятора общественных отношений [10, с. 30–31]. Правовым пространством признается часть правовой реальности, возникающая вследствие правовой деятельности людей [11, с. 152]. По сфере распространения выделяются правовые пространства отдельного государства, межгосударственных интеграционных образований, а также мировое и формирующееся информационно-коммуникационное интернет-пространство [10, с. 30–39]. В зависимости от правовых ценностей, в число которых входят регуляторы, традиции, мировоззренческие установки, различаются правовые пространства либерального и этатистского типов. Либеральные характеризуются приоритетом субъективного права над публичным интересом, верховенством права и «надпозитивных» ценностей,

открытостью для влияния «внешних» правовых пространств. Пространство этатистского типа отличает признание безусловного приоритета публичных ценностей по отношению к индивидуальным и корпоративным интересам, верховенство позитивного регулирования, высокая степень непроницаемости для «чужеродных» правовых элементов [10, с. 30–39]. Отнесение правового пространства государства к тому или иному типу устанавливается исторически сформировавшейся правовой традицией – внутренней, действующей в рамках национальной культуры системы передачи правовых ценностей, которая отражает правовой опыт общества и определяет характер восприятия права членами социума в соответствии с особенностями их мировоззрения. Как следствие, правовая культура общества имеет мировоззренческие основания, которые обуславливают ее отличительные качества.

Мировоззренческие начала правовой культуры общества фиксируются в научных исследованиях посредством понятия «правовая традиция», определяющего ценностные основания функционирования права в социуме. В социальном плане правовая традиция выступает как важнейший элемент духовного правового наследия общества, в котором отражаются и закрепляются результаты воздействия права на общественную жизнь, содержатся модели правового поведения, укоренившиеся в сознании членов общества. В данной связи правовая традиция может выступать основанием различия национальных правовых систем и, соответственно, правовых культур отдельных обществ. В рамках цивилизационного подхода правовая традиция трактуется как «исторический способ формирования народного правового сознания в контексте широкого круга специфических для данной цивилизации фундаментальных явлений – государственности, религиозности, социальности» [12, с. 242]. При характеристике правовой системы правовая традиция определяется как «совокупность устойчивых, воспроизводящихся результатов правового развития прошлых исторических эпох в пределах отдельно взятой правовой системы, которая обеспечивает трансляцию и преемственность правового опыта, выраженная в передаче правовой культурой из одного времени в другое элементов правовой системы» [13, с. 11]. При установлении проявлений правовой культуры оценке подлежат сформированные в обществе юридические традиции функционирования правовых институтов, организации юридического образования и др. Использование в научных исследованиях понятий «правовая традиция» и «правовая культура» призвано отражать современное состояние правовой системы в качестве итога постепенного накопления правового опыта в обществе. При этом функциональный характер понятия «правовая традиция» проявляется в выражении посредством него специфичности бытия правовой системы.

Правовую культуру общества как в исторической проекции, так и в современных реалиях характеризует сформированность общественного правового

сознания. В качестве одной из форм общественного сознания и духовного компонента правовой культуры общественное правовое сознание отражает отношение общества к праву, правовым учреждениям, правовой деятельности. В формальном (структурно-функциональном) аспекте в структуре правового сознания выделяются элементы, которые носят универсальный характер для всех форм сознания, а именно: нормы, идеи, чувства, взгляды, а также стороны (идеология и психология, теоретическое и обыденно-практическое сознание). В данной связи различаются функции правового сознания, такие же, как у всех форм сознания, – регулятивная, состоящая в закреплении коллективного опыта социальной жизни, рефлексии, и творческая, связанная с развитием общественных отношений и системы права в соответствии с природой общественных отношений [14, с. 108–109]. Установками правового сознания, отражающими его универсальность, обозначаются негативность (негативная установленность), что связано с приведением его в актуальное состояние при появлении ситуаций, осознаваемых личностью в качестве неправовых, а также формальность (установленность на форму), что исходит из потребности правовой личности в организованных, структурированных действиях.

Идейное содержание правового сознания фиксируется посредством обозначения в его структуре базовых идей. В их числе называются: идея права или справедливости как проявление сознания права, чувства права и правового идеала; идея меры как отражение разнообразия становления правовой формы; идея порядка как фиксация социальной необходимости, организованности, качественного состояния правовой жизни [14, с. 118–138]. При универсальности правовых идей их проявление в общественном сознании может различаться в соответствии с уровнем его сформированности. Значимость принятия правовых идей социумом заключается в их программном, стабилизирующем характере. Рассмотрение правового сознания как формы чувственного и рационального выражения правовой реальности аналогично представлению об общественном сознании как отражении социальной реальности. При этом специфика общественного правового сознания характеризуется типом чувственности и типом рациональности [14, с. 117]. Различия в функционировании правовой сферы общества фиксируются через понятия «правовой менталитет» и «правовая ментальность». Применение данных понятий позволяет охарактеризовать особенности национальной правовой культуры и объяснить специфику правовой жизни отдельного общества.

Следует признать, что содержание понятий «правовой менталитет» и «правовая ментальность», равно как их соотношение с понятием «правовое сознание», в научных исследованиях трактуется неоднозначно. Выявлены следующие научные позиции. Объем правового сознания признается больше правового менталитета (Р. С. Байниязов) [15, с. 32]. Данный подход является доминирующим. В соответствии с этим

правовой менталитет устанавливается глубинной внутренней структурой правового сознания (О. Н. Братусева) [16]. Высказывается идея об определенной автономности правового менталитета по отношению к правовому сознанию исходя из его культурно-исторического и духовного статуса (Л. А. Петручак) [17, с. 84], особого места в структурах общественного сознания (К. А. Сигачев) [18, с. 22–23]. Правовой менталитет рассматривается также в качестве самостоятельного элемента правовой культуры, отражающего «дух» и этническую традицию права и содержащего совокупность правовых архетипов конкретного общества (О. И. Мирошниченко) [19]. При всех подходах функциональное назначение правового менталитета в структуре правовой культуры состоит в упорядочении, стабилизации, консервации социально значимых связей и отношений. В данной связи правовой менталитет предстает частью законности, элементом правовой идеологии и юридической психологии (В. А. Рыбаков) [20, с. 6]. Нашло обоснование положение, что «в системе элементов юридического сознания он заложен в глубинном слое правовой идеологии и правовой психологии, представляя собой устоявшийся (привычный) образ правовой реальности» [20, с. 10]. Необходимо отметить и наличие научных позиций отождествления правового менталитета с правовой культурой (Л. А. Морозова) [21, с. 433] либо с правовым сознанием (К. А. Абульханова, А. А. Иванов) [22, с. 17; 23, с. 239]. Таким образом, можно констатировать отсутствие однозначной трактовки места и роли правового менталитета.

В отношении правовой ментальности выделяют следующие подходы: она рассматривается в виде глубинного слоя сознания, который в определенной мере смыкается с бессознательным правовым уровнем, с юридическим подсознанием (Р. С. Байниязов) [15, с. 31–32], характеризуется как коллективное чувство, устанавливается функцией менталитета (В. В. Кириенко) [24, с. 311]. Как следствие, на уровне личности проявлением ментальности являются мысли, чувства, эмоции, а на уровне общества – ценности и традиции. Соответственно, формами внешнего проявления менталитета личности устанавливаются привычки, характерные черты общества отражают исторически сформированные традиции и национальные идеи. Ценностно-смысловое ядро менталитета составляет система духовных ценностей и культурных архетипов, которые обуславливают своеобразие мироощущения, мировосприятия и мировоззрения членов социума, самобытность образа жизни, жизненных практик и идеологии [25, с. 77]. Для обозначения культурных особенностей развития общества используется понятие «архетип», что позволяет обозначить ценностные основания духовного и материального уровней правовой культуры. Считается, что «духовный уровень правовой культуры основывается на «абсолютных» ценностях и представлен правовым менталитетом и правовым архетипом» [19, с. 9]. К примеру, уникальность российской правовой культуры определяют соответственно архетип «государя-покровителя»,

что исходит из сакрализации русским народом своих правителей, архетип авторитета, обусловленный идеализацией лица, наделенного определенными должностными полномочиями, архетип «двух жизней», связанный с бессознательной установкой русского человека на существование в рамках двух «правовых систем» – «неписанного народного права и позитивного государственного» и др. [19, с. 11–12] В свою очередь материальный уровень правовой культуры базируется на материальной основе правовой системы – объективных факторах, формирующих правовое поведение личности и устанавливающих правовую действительность. Высказывается мнение о приоритетности духовного уровня в правовой сфере общественных отношений [26]. В данной связи правовые архетипы, которые во всех случаях имеют ценностное основание, призваны объяснению сложившейся исторически правовой реальности.

Понятием «ценность» оперирует, прежде всего, аксиологический подход к рассмотрению правовой культуры, в рамках которого выявление смысла и целей человеческого существования связывается с обозначением предметных и субъектных ценностей. Это позволяет обозначить ценностные основания развития конкретного общества и находит отражение в правовой идеологии как структурном элементе общественного правового сознания. Исторически сформированная ценностная аксиосфера проявляет культурно-цивилизационный код общественного правового развития. Уровень правового культурного развития устанавливается, в том числе, соотносимостью национальных и общечеловеческих ценностей, а также отражением системы правовых ценностей в национальном законодательстве. Для устойчивого развития общества необходимо сохранение и правовое закрепление традиционных общественных ценностей. Так, п. 91 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации к традиционным российским духовно-нравственным ценностям отнесены жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству, высокие нравственные идеалы, семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь, историческая память и преемственность поколений, единство народов России¹. Приверженность традиционным ценностям характеризует культурный уровень развития социума, обеспечивает устойчивость общественных отношений.

Потребность нормативной фиксации системы социально значимых общественных ценностей предполагает их выявление. Ценностная основа функционирования белорусского общества может быть представлена данными национального опроса «Социокультурный портрет современного белорусского общества», проведенного по заказу Белорусского института стратегических исследований (БИСИ) в но-

¹ Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации» // КонсультантПлюс: сайт.

ябре-декабре 2020 г. (выборка – 1500 респондентов). Мироощущение белорусов в значительной степени определяется тягой к «дабрабыту», что проявляет ценность семьи, работы. В числе наиболее значимых для белорусов ценностей в политико-правовой сфере респондентами называются мир, безопасность, свобода, справедливость, порядок, права человека, законность, стабильность, солидарность¹. Обеспеченность обозначенных ценностей – не только результат деятельности белорусского государства и каждого члена белорусского общества, но и проявление особенностей цивилизационного развития в соответствии с социокодом.

При характеристике особенностей правовой культуры общества подлежат учету выявленные в философско-культурологической литературе (М. К. Петров [27], Ю. М. Лотман [28; 29], В. С. Степин [30; 31] и др.) отличия в понимании человека, природы, человеческой деятельности, традиций и инноваций, рациональности, личности, власти в соответствии с социокодом развития социума, что фиксируется в научных исследованиях посредством понятия «культурно-цивилизационный код». Социокод, в соответствии с которым воспроизводится и изменяется социальная жизнь, определяется наличием в обществе особых программ различных видов поведения, общения, деятельности. Подобного рода программы задают содержание культуры и получают закрепление в знаковых формах, транслируются членам социума и передаются через поколения. При таком рассмотрении культура предстает как накопленный и обновляющийся социально-исторический опыт, призванный сохранить старые традиции и сформировать новые. Анализ структуры и динамики социокода как сложной системы основан на представлении о культуре как иерархии программ деятельности, дифференцированных в соответствии с подсистемами культуры, которые имеют в своем основании фундаментальные жизненные смыслы и ценности, выраженные в мировоззренческих универсалиях и пронизывающие все сферы культуры, что составляет своего рода геном социального организма [32]. Развитие культуры при таком рассмотрении предстает и как выработка новых смыслов и значений, регулирующих деятельность, поведение и общение людей, и как формирование новых кодовых систем, закрепляющих и транслирующих эти смыслы и значения [33, с. 63–64]. Правовая культура в подобном ракурсе предстает в виде совокупности результатов правовой деятельности, которые представлены предметами-знаками, фиксирующими правовую информацию и отражающими систему правовых ценностей общества, идейно обоснованную и нормативно закрепленную. Обозначенные факторы устанавливают роль идеологической составляющей правовой культуры.

Группировка правовых культур в своеобразные правовые общности по основанию культурной идентификации позволяет различать идеальную, чувственную и идеологическую правовые культуры [34, с. 58]. Данная типология призвана обосновать роль отдельных структурных элементов правовой культуры – правовой идеологии и правовой психологии, а также представить идеальную модель данного феномена. Значимость правовой идеологии связывается с тем, что она воссоздает закономерности правовой реальности, правовых явлений и процессов в государстве и «задает» направление правового развития национальных правовых систем. Сформированность правовой идеологии выступает показателем развитости национальной правовой системы и уровня правовой культуры общества. Идеологическая правовая культура как совокупность идей, взглядов и представлений о праве, которые сложились в обществе исторически, формирует правовое сознание членов общества и определяет отличительные особенности правовой жизни общества [35, с. 21]. Социальную ценность приобретают правовые идеи с таким нормативным смыслом, который обеспечивает условия для формирования законодательных предписаний с прогрессивным правообразующим содержанием. Примером прогрессивных идей правовой организации белорусского общества могут служить идеи белорусских мыслителей прошлых лет: о приоритете местного (национального) законодательства, роли народного суверенитета в сфере правотворчества, необходимости формирования гражданственности и патриотизма (Ф. Скорина); о понимании правопорядка как правопослушания и разумности лиц, которые находятся у власти (Н. Гусовский); о недопустимости занятия лицом нескольких государственных должностей и необходимости назначения на государственные должности высокоморальных и профессиональных людей (М. Тишкевич); о необходимости обеспечения законности и справедливости в государственной жизни (С. Будный) [36, с. 23, 37–39]; о необходимости обеспечения общего блага (А. Волан) [37, с. 91]. Идейное обоснование правового государства состоит в признании необходимости ограничения своеволия власти, подчинения всех безусловному авторитету закона, установлении обязательным условием общественного согласия жизнь в соответствии с законом (Л. Сапега) [38, с. 121]. Реализация обозначенных идей лежит в основе правового функционирования белорусского общества.

Формирование правовой идеологии основано на принятии социумом правовых идей. Здесь мы солидарны с мнением известного белорусского теоретика права С. Г. Дробязко: «на самом высоком уровне обобщения правовая идеология как высшая ценность общества и личности – это сущность права, его природа, его субстанция, а именно – общесоциальная политическая справедливость, т. е. разумно взвешенный баланс интересов всех социальных групп, личности и общества» [39]. Правовая идеология рассматривается как целостность правовых норм, форм их выражения,

¹ Ценностные приоритеты белорусов: ориентация на мир и «дабрабыт». URL: <https://bistr.gov.by/mneniya/cennostnye-prioritety-belorusov-orientaciya-na-mir-i-dabrabyt> (дата обращения: 31.08.2025).

процедур их реализации, а также правового сознания, которое отражает правовые явления и требования общественной жизни. Правовой идеологией пронизаны все элементы правовой системы, включая правовое сознание, правовые нормы и юридические процедуры, обеспечивающие их реализацию.

Для характеристики существующей правовой реальности в научных исследованиях используется понятие «правовая жизнь», под которой понимается «совокупность всех форм юридического бытия общества, выражающихся как в позитивных, так и в негативных проявлениях правовой действительности, которые отражают особенности (специфику) и уровень юридического бытия, отношение субъектов к праву и степень удовлетворения их интересов» [40, с. 13]. Разница в содержании понятий «правовая культура» и «правовая жизнь» определяется тем, что правовая культура, в отличие от правовой жизни, призвана отражать положительное бытие [41, с. 65–66]. При этом качественное состояние правовой культуры снимает и наличный уровень развития правовой жизни общества, и тот критерий, на основании которого происходит оценивание. Показателями правовой культуры и качества правовой жизни современного общества выступают эффективность и беспроblemность законодательного регулирования общественных отношений, сохранение правовых традиций, сформированность правовых институтов, доступность правовых процедур, правовое общение между государством и гражданским обществом, правовое сотрудничество с другими государствами и др.

Обсуждение. Как теоретическая конструкция правовая культура может быть представлена логическими понятийными рядами в рамках сформированных методологических подходов к ее изучению в правоведении, каждый из которых фиксирует тот или иной ракурс действия права в общественных отношениях. Интегративный подход призван характеризовать правовую культуру всесторонне в соответствии с местом права в нормативной системе современного общества. Как социальная реальность правовая культура общества определяется совокупностью факторов. В их числе могут быть названы общественные ценности (аксиосфера общества), включающие ценности права и порядка, что находит отражение в общественном правовом сознании. Важное значение имеют правовые традиции, посредством которых проявляется социокod общественного развития. Характер правовой деятельности и правового поведения личности определяют правовые установки в соответствии с особенностями менталитета. Как следствие, правовую реальность характеризуют культурные и психологические особенности, которые проявляются в правовой жизни общества.

Заключение. Авторская концепция состоит в обозначении таких детерминант правовой культуры современного белорусского общества, как ментальные основания, которые определяют особенности восприятия правовых явлений белорусами, мировоззренческая составляющая, представленная истори-

чески сложившейся на белорусских землях правовой традицией, и идеологическая основа, отражающая принятие белорусским обществом ценности права как социального регулятора в соответствии с его местом в нормативной системе. Тем самым в качестве факторов, устанавливающих особенности национальной правовой культуры, выступают духовные составляющие общественного бытия. Качественное состояние правовой жизни белорусского общества в соответствии с его социокodом позволяет рассматривать правовую культуру белорусского общества как проект цивилизационного развития в рамках ценностей правового государства западной цивилизации при проявленности в политико-правовой сфере ценностей исторически сформированной правовой традиции. Особенности менталитета и ментальности белорусов обуславливают роль духовности в отношениях между людьми и духовного начала в общественной жизни. Параметрами оценки правовой жизни современного белорусского общества выступают национальное право, исторически сформированная правовая традиция, общественное правовое сознание, отражающее принятие социумом правовой идеи и осознание необходимости правовой организации общественного устройства.

Библиографический список

1. Демидова И. А. Правовая культура публичных должностных лиц органов местного управления и самоуправления (доктрина, нормативная модель, практика): дис. ... канд. юрид. наук. Гродно, 2011.
2. Кебeц А. А. Правовая культура и проблемы совершенствования парламентского правотворчества: дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 1995.
3. Борщева Е. В. Правосознание как фактор формирования правового государства: дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 2000.
4. Вершок И. Л. Теоретические проблемы формирования экологического правосознания: дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 2005.
5. Ефременко Е. М. Правосознание учащейся молодежи: теоретические основы и особенности формирования: дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 2004.
6. Юрашевич Н. М. Правосознание как средство обеспечения реформирования социально-правовой жизни белорусского общества: дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 2002.
7. Печинская Е. В. Стимулирование правомерно-го поведения молодежи: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Гродно, 2003.
8. Фионов А. Н. Ценностные аспекты правовой культуры: дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 2024.
9. Демидова И. А. Правовая культура современного белорусского общества: методология исследования, вопросы понимания и совершенствования: монография. Могилев: Могилевский институт МВД, 2021. 396 с.
10. Правовое пространство и человек: монография / Н. В. Власова, С. А. Грачева, М. А. Мещерякова [и др.]; отв. ред. Ю. А. Тихомиров, Е. В. Пуляева, Н. И. Хлу-

денева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИД «Юриспруденция», 2012. 240 с.

11. Малько А. В. [и др.] Правовая культура, правовая политика и права человека (обзор материалов научно-практической конференции) // Государство и право. 2021. № 2. С. 145–159.

12. Синюков В. Н., Синюкова Т. В. Российская правовая система в мировой типологии права / под ред. А. В. Малько // Правовая политика. Право. Правовая система: монография М.: Юрдитинформ, 2013. С. 227–263.

13. Сулипов Р. С. Правовые традиции России: теоретико-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013.

14. Малахов В. П. Философия права: учебное пособие. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2002. 448 с.

15. Байниязов Р. С. Правосознание и российский правовой менталитет // Правоведение. 2000. № 2. С. 31–40.

16. Братусева О. Н. Правовые культуры в условиях глобализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 24 с.

17. Петручак Л. А. Правовая культура как детерминанта современного российского общества: монография. М.: Юриспруденция, 2012. 400 с.

18. Сигачев К. А. Определение правового менталитета // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2008. № 1. С. 21–23.

19. Мирошниченко О. И. Русский культурный архетип как средство идентификации современного российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 10.

20. Рыбаков В. А. Правосознание и правовой менталитет // Вестник Омского университета. Сер. «Право». 2017. № 3 (52). С. 5–11.

21. Морозова Л. А. Теория государства и права: учебник. 4-е изд. М.: «Эксмо», 2010. 510 с.

22. Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики / под ред. К. А. Абульхановой, А. В. Брушлинского, М. И. Володиковой. М.: институт психологии РАН, 1997. 336 с.

23. Иванов А. А. Теория государства и права: учебное пособие / под ред. В. П. Малахова. 2-е изд. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2009. 351 с.

24. Кириенко В. В. Белорусская ментальность: истоки, современность, перспективы: монография. Гомель: ГГТУ имени П. О. Сухого, 2009. 319 с.

25. Овдиенко К. А. Структура правового менталитета // Общество и право. 2011. № 3. С. 75–77.

26. Петров А. В., Горбатова М. К. Правовая культура: материальная и духовная составляющие // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 12-2.

27. Петров М. К. Язык, знак, культура. Вступ. ст. С. С. Неретиной. Изд. 2-е, стереотип. М.: Едиториал, 2004. 328 с.

28. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. СПб: Азбука-Аттикус, 2014. 411 с.

29. Лотман Ю. М. Семиосфера: сборник. СПб.: Искусство-СПб, 2000. 703 с.

30. Степин В. С. Проблема типов цивилизационного развития. М.: Изд-во РАГС, 2004. 36 с.

31. Степин В. С. Цивилизация и культура. СПб: СПбГУП, 2011. 407 с.

32. Обсуждение книги академика В. С. Степина «Цивилизация и культура»: материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 2013. № 12. С. 3–47.

33. Степин В. С. Культура // Вопросы философии. 1999. № 8. С. 61–71.

34. Карташов В. Н., Баумова М. Г. Правовая культура: понятие, структуры, функции: монография. Ярославль, 2008. 200 с.

35. Агамиров К. В. К понятию правовой культуры и правовой идеологии // Образование. Наука. Научные кадры. 2021. № 3. С. 20–23.

36. Сокал С. Ф. Кароткі агляд гісторыі палітычнай і прававой думкі Беларусі. Магілёў: б.в., 1999. 142 с.

37. Козел А. А. Философская мысль Беларуси: учебное пособие. Минск: Амалфея, 2004. 351 с.

38. Старостенко В. В. Общественная и философская мысль в Беларуси в X–XVII вв.: учебное пособие. Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2005. 214 с.

39. Дробязко С. Г. Идеология в праве как системе / редкол.: В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.] // Право и демократия: сборник научных трудов. Минск: БГУ, 2012. Вып. 23. С. 3–7.

40. Малько А. В., Пономаренков В. А. Правовая жизнь современного общества: социально-факторный анализ: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. 152 с.

41. Насурдинов Э. С. Правовая культура: монография / отв. ред. Ф. Т. Тахиров. М.: Норма, 2016. 352 с.

References

1. Demidova I. A. Legal culture of public officials of local government and self-government (doctrine, normative model, practice): dis. ... cand. jurid. sciences. Grodno, 2011.

2. Kebets A. A. Legal culture and problems of improving parliamentary lawmaking: dis. ... cand. jurid. sciences. Minsk, 1995.

3. Borshcheva E. V. Legal awareness as a factor in the formation of a rule-of-law state: dis. ... cand. jurid. sciences. Minsk, 2000.

4. Vershok I. L. Theoretical problems of the formation of ecological legal awareness: dis. ... cand. jurid. sciences. Minsk, 2005.

5. Efremenko E. M. Legal awareness of students: theoretical foundations and features of formation: dis. ... cand. jurid. sciences. Minsk, 2004.

6. Yurashevich N. M. Legal awareness as a means of ensuring the reform of the social and legal life of the Belarusian society: dis. ... cand. jurid. sciences. Minsk, 2002.

7. Pechinskaya E. V. Stimulating the lawful behavior of youth: dis. ... cand. jurid. sciences: 12.00.01. Grodno, 2003.

8. Fironov A. N. Value aspects of legal culture: dis. ... cand. jurid. sciences. Minsk, 2024.

9. Demidova I. A. Legal Culture of Modern Belarusian Society: Research Methodology, Issues of Understanding and Improvement: monograph. Mogilev: Mogilev. Institute of the Ministry of Internal Affairs, 2021. 396 p.
10. Legal space and man: a monograph / N. V. Vlasova, S. A. Gracheva, M. A. Meshcheryakova [and oth.]; ed. by Yu. A. Tikhomirov, E. V. Pulyaeva, N. I. Khludeneva. M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; Publishing House «Jurisprudence», 2012. 240 p.
11. Malko A. V. [et al.]. Legal Culture, Legal Policy, and Human Rights (Review of Materials from a Scientific and Practical Conference) // State and Law. 2021. No. 2. Pp. 145–159.
12. Sinyukov V. N., Sinyukova T. V. The Russian Legal System in the Global Typology of Law / ed. by A. V. Malko // Legal Policy. Law. Legal System: monograph. M.: Yurditinform, 2013. Pp. 227–263.
13. Sulipov R. S. Legal traditions of Russia: theoretical and legal aspect: abstract of the dis. ... cand. jurid. sciences. Chelyabinsk, 2013.
14. Malakhov V. P. Philosophy of Law: textbook. M.: Academic Project; Yekaterinburg: Delovaya Kniga, 2002. 448 p.
15. Bainiyazov R. S. Legal Consciousness and the Russian Legal Mentality // Jurisprudence. 2000. No. 2. Pp. 31–40.
16. Bratuseva O. N. Legal cultures in the context of globalization: abstract of the dis. ... cand. jurid. sciences. M., 2009. 24 p.
17. Petruchak L. A. Legal Culture as a Determinant of Modern Russian Society: monograph. M.: Yurisprudentsiya, 2012. 400 p.
18. Sigachev K. A. Definition of Legal Mentality // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2008. No. 1. Pp. 21–23.
19. Miroshnichenko O. I. The Russian cultural archetype as a means of identification of modern Russian law: abstract of the dis. ... cand. jurid. sciences. M., 2016. p. 10.
20. Rybakov V. A. Legal Consciousness and Legal Mentality // Bulletin of Omsk University. Ser. Law. 2017. No. 3 (52). Pp. 5–11.
21. Morozova L. A. Theory of State and Law: textbook. 4th ed. M.: «Eksmo», 2010. 510 p.
22. Russian mentality: issues of psychological theory and practice / ed. by K. A. Abulkhanova, A. V. Brushlinsky, M. I. Volovikova. M.: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 1997. 336 p.
23. Ivanov A. A. Theory of the State and law: textbook / ed. by V. P. Malakhov. 2nd ed. M.: UNITY-DANA: Law and Law, 2009. 351 p.
24. Kirienko V. V. Belarusian mentality: origins, modernity, prospects: monograph. Gomel: Sukhoi State Technical Technical University, 2009. 319 p.
25. Ovdienko K. A. The Structure of Legal Mentality // Society and Law. 2011. No. 3. Pp. 75–77.
26. Petrov A. V., Gorbatova M. K. Legal Culture: Material and Spiritual Components // Actual Problems of the Humanities and Natural Sciences. 2014. No. 12-2.
27. Petrov M. K. Language, Sign, and Culture. Introduction by S. S. Noretina. 2nd edition, stereotyped. M.: Editorial, 2004. 328 p.
28. Lotman Yu. M. Inside the Thinking Worlds. SPb: Azbuka-Atticus, 2014. 411 p.
29. Lotman Yu. M. Semiosphere: collection. SPb: Art-SPB, 2000. 703 p.
30. Stepin V. S. The Problem of Types of Civilizational Development. M.: RAGS Publishing House, 2004. 36 p.
31. Stepin V. S. Civilization and Culture. SPb: SPbGUP, 2011. 407 p.
32. Discussion of the book by Academician V. S. Stepin, Civilization and Culture: Materials of the Round Table // Voprosy Filosofii. 2013. No. 12. Pp. 3–47.
33. Stepin V. S. Culture // Voprosy Filosofii. 1999. No. 8. Pp. 61–71.
34. Kartashov V. N., Baumova M. G. Legal Culture: Concept, Structures, and Functions: monograph. Yaroslavl, 2008. 200 p.
35. Agamirov K. V. On the Concept of Legal Culture and Legal Ideology // Education. Science. Scientific Personnel. 2021. No. 3. Pp. 20–23.
36. Sokal S. F. Kratkii ogljad gistoryi politichnasii i pravovoi dumki Belarusi. Magileu: b. v., 1999. 142 p.
37. Kozel A. A. Philosophical thought of Belarus: textbook. Minsk: Amalfeya Publ., 2004. 351 p.
38. Starostenko V. V. Social and philosophical thought in Belarus in the X–XVII centuries: textbook. Mogilev: Kuleshov Moscow State University, 2005. 214 p.
39. Drobiazko S. G. Ideology in law as a system / ed. board: V. N. Bibilo (chief editor) [and oth.] // Law and democracy: collection of scientific papers. Minsk: BSU, 2012. Issue 23. Pp. 3–7.
40. Malko A. V., Ponarenkov V. A. The legal life of modern society: socio-factor analysis: monograph. M.: Yurilitinform, 2015. 152 p.
41. Nasuridinov E. S. Legal Culture: monograph / ed. by F. T. Takhirov. M.: Norma, 2016. 352 p.

Информация об авторе

Демидова Ирина Андреевна – кандидат юридических наук, доцент

Information about the author

Demidova Irina A. – Candidate of Law, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 31.08.2025; одобрена после рецензирования 16.10.2025; принята к публикации 17.12.2025.

The article was submitted 31.08.2025; approved after reviewing 16.10.2025; accepted for publication 17.12.2025.

Особенности консенсуального метода правового регулирования

Каргапольцева Надежда Игоревна

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, kargapolzeva_ni@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрен консенсуальный метод правового регулирования. Автором проанализированы существующие в юридической доктрине позиции относительно проблематики использования диспозитивного метода правового регулирования в области договорных отношений и сделан вывод о том, что консенсуальный метод является самостоятельным в практике правового воздействия на общественные отношения.

Ключевые слова: метод правового регулирования, консенсуальные правоотношения, усмотрение, баланс интересов

Для цитирования: Каргапольцева Н. И. Особенности консенсуального метода правового регулирования // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 4. С. 33–38.

Original article

Features of the consensual method of legal regulation

Kargapoltsseva Nadezda I.

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia, kargapolzeva_ni@mail.ru

Abstract. The article considers the consensual method of legal regulation. The author analyzes the positions existing in the legal doctrine regarding the problems of using the dispositive method of legal regulation in the field of contractual relations and concludes that the consensual method is independent in the practice of legal influence on public relations.

Keywords: method of legal regulation, consensual legal relations, discretion, balance of interests

For citation: Kargapoltsseva N. I. Features of the consensual method of legal regulation // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 4. Pp. 33–38.

Теоретические вопросы реализации метода правового регулирования относятся к числу сложных и недостаточно разработанных тем современной юридической науки. Безусловно, обозначенная тема требует дальнейшего осмысления, поскольку не только является теоретически значимой, но и имеет первостепенное практическое значение.

Система российского права в целом и все ее структурные элементы выступают важным и эффективным инструментом, посредством которого государство как социальная система высшего порядка регулирует общественные процессы. В связи с этим различные средства правового воздействия на поведение людей должны непрерывно совершенствоваться, чтобы с учетом потребностей общественного развития направлять их поведение в нужное обществу русло наиболее эффективным способом.

В современной юридической доктрине метод правового регулирования традиционно определяется как совокупность приемов, способов и средств правового воздействия на общественных отношения.

Принято выделять четыре основных метода: императивный, диспозитивный, поощрительный и рекомендательный.

Необходимо отметить, что усложнение социально-правовых связей и возрастание роли согласования интересов требуют переосмысления классических подходов. Современные тенденции развития общества, демократизация социально-политических процессов и расширение сферы договорных отношений обусловили интерес к расширению методологического аппарата правового регулирования.

На современном этапе развития гуманитарного знания проблема метода правового регулирования решается преимущественно в юридическом плане. Доминирующий подход сводится к изучению действия правовой нормы, структуры ее предписаний и определению границ свободы участников. При этом не учитывается тот существенный факт, что право – явление не только юридическое, но и социальное,

следовательно, коренные проблемы, к числу которых относится и проблема метода правового регулирования, как выходящие за чисто юридические рамки, целесообразно ставить и решать в более широком, социально-правовом плане. Отсюда возникает необходимость исследования взаимодействия права и практики реальных общественных отношений.

В научной литературе неоднократно подчеркивалось, что без осмысления социального измерения право утрачивает способность эффективно воздействовать на поведение субъектов. Анализ метода правового регулирования через призму социальных факторов открывает новые направления для теоретических исследований.

Как справедливо отмечает С. С. Алексеев, «исследование права как инструмента социального управления существенно расширяет правовую проблематику, позволяет высветить в правовых явлениях новые грани, по-новому подойти к решению ряда традиционных вопросов» [1, с. 21].

Между тем, в работах ряда правоведов и практикующих юристов заложены основы нового, с нашей точки зрения, перспективного направления исследования проблем российского правоведения.

Одним из таких актуальных направлений юридической доктрины является проблема использования метода правового регулирования в рамках правоотношений, связанных с достижением согласия между сторонами. Следует отметить, что до настоящего времени в юридической науке не решен вопрос относительно метода регулирования так называемых консенсуальных правоотношений. Некоторые исследователи полагают, что в указанных правоотношениях используется диспозитивный метод. Так, Е. А. Самойлов утверждает, что взаимодействие субъектов консенсуальных правоотношений строится посредством диспозитивного метода [2, с. 16].

Сам термин «диспозитивный» в переводе с латинского языка означает «усматривающий, допускающий выбор». На современном этапе развития гуманитарного знания правоведомы выработаны разные подходы к объективации такой категории, как диспозитивный метод. Ряд исследователей рассматривают его с точки зрения способности восполнять недостигнутые сторонами договоренности относительно содержания правоотношения. Так, по мнению А. С. Пиголкина, диспозитивный метод действует в тех случаях, когда «стороны правоотношения не установили свои права и обязанности путем соглашения» [3, с. 254]. Иными словами, в рамках использования диспозитивного метода действующее законодательство предлагает определенное правило на случай, если участники правоотношения не смогли сами определить его содержание. Например, если при заключении договора купли-продажи продавец и покупатель не оговорили момент исполнения обязанной стороной обязательства по передаче товара, то по умолчанию согласно ст. 458 ГК РФ он считается исполненным с момента вручения товара покупателю по месту нахождения товара.

Согласно иной точке зрения, диспозитивный метод закреплён в правовой доктрине как способ регулирования, предоставляющий субъектам свободу усмотрения при определении содержания их прав и обязанностей.

К примеру, В. К. Райхер назначение децентрализованного метода правового регулирования видит не столько в восполнении пробелов волеизъявления сторон, сколько в предоставлении сторонам возможности отступать от предусмотренной нормами права модели поведения. Иными словами, правовое регулирование в рамках использования диспозитивного метода во многом определяется волей самих участников правоотношения. Обязанная и управомоченная стороны по своему усмотрению устанавливают взаимные права и обязанности, а норма права лишь предоставляет варианты поведения, из которых субъекты могут выбрать наиболее приемлемый для них.

К примеру, А. А. Малиновский характеризует диспозитивность через категорию «усмотрение», определяя ее как «выбор субъектом определенной цели и способов ее достижения или как возможность выражать свою волю и принимать решения независимо от воли других лиц» [4]. В данном контексте децентрализованный метод означает предоставленную участникам правоотношения возможность выбирать из предложенных нормой права вариант поведения. А. А. Малиновский выделяет в категории «усмотрение» два элемента: первый – интеллектуальный, который позволяет субъекту права анализировать предоставленные действующим законодательством возможности удовлетворения своего интереса и выбрать соответствующее субъективное право; второй – волевой, связанный с волевым решением субъекта по определению варианта поведения, посредством которого он реализует свой интерес в рамках выбранного права. Таким образом, свобода выбора и автономия воли являются ключевыми признаками категории «усмотрение» и характеризуют диспозитивный метод в целом.

Таким образом, в основе диспозитивного метода лежит принцип автономии воли участников, что отражено в нормах гражданского законодательства. При этом на современном этапе развития гуманитарного знания правоведы отмечают, что диспозитивность не является нейтральным инструментом, она формирует особый тип правового поведения, основанный на инициативности, самостоятельности и способности субъектов к ответственному выбору. В условиях экономического неравенства диспозитивный метод сталкивается с новыми вызовами.

Необходимо отметить, что свобода усмотрения, предоставляемая сторонам в рамках использования децентрализованного метода правового регулирования, имеет свою специфику в практике реальных отношений между субъектами права. Каждая сторона, обладая возможностью действовать по своему усмотрению, естественно, стремится закрепить выгодные, прежде всего, для себя условия. Указанное обстоятельство означает, что диспозитивный метод сам по себе не ориентирует участников правоотно-

шения на достижение взаимовыгодных условий. В результате каждая сторона может придерживаться своей позиции, что нередко приводит к конфликтам интересов или решению, ущемляющему права и интересы одной из сторон. В практике общественных отношений указанное обстоятельство находит отражение в навязывании одним участником правоотношения своих условий другому. Так, навязывание условий договора означает понуждение контрагента заключить договор на невыгодных для него условиях или условиях, не относящихся к предмету договора. Указанные ситуации зафиксированы в юридической практике, когда перевозчик отказывался принимать груз к отправке без страхования его сохранности¹, или когда взималась дополнительная плата за предъявление груза к перевозке². Или, например, в договорах поставки газа встречаются условия о штрафных коэффициентах за потребление сверх договорного объема, которые, очевидно, не являются выгодными для потребителя³.

Вместе с тем в юридической практике встречаются ситуации понуждения к заключению сделки. Так, в сфере защиты конкуренции требования о передаче денежных средств или иного имущества (включая имущественные права), а также согласие заключить договор возможны при условии включения в него положений о товаре, в котором контрагент не заинтересован. Указанные обстоятельства свидетельствуют о том, что диспозитивный метод может трансформироваться из механизма свободного волеизъявления в инструмент давления одной стороны на другую.

Кроме того, использование децентрализованного метода не позволяет достичь взаимоприемлемого решения в рамках заключения так называемых рамочных договоров, содержание которых определено на законодательном уровне. Например, в соответствии с п. 28 ст. 81 Лесного кодекса Российской Федерации уполномоченный федеральный государственный орган устанавливает порядок заключения договора аренды лесного участка, собственником которого является государство либо муниципалитет⁴. Форма указанного договора определена Постановлением Правительства Российской Федерации от 21 сентября 2015 г. № 1003 «О типовом договоре аренды лесного участка». Учитывая данные обстоятельства, необходимо констатировать, что далеко не все договорные обязательства носят консенсуальный характер.

Необходимо отметить, что об неэффективности регулирования правоотношений, основанных на до-

стижении договоренностей, свидетельствует правоприменительная практика. Согласно статистическим данным в 2017 г. в арбитражных судах субъектов РФ около 75 % всех гражданско-правовых споров составили дела о неисполнении или ненадлежащем исполнении договорных обязательств⁵. Указанное положение судебной практики большинство практикующих юристов объясняют двусмысленным формулированием условий договора либо различающимся пониманием сторон правоотношения самой сущности взятых на себя обязательств. Иными словами, если стороны на стадии заключения договора не достигли консенсуса относительно его содержания, это приводит к противоречиям при реализации взятых на себя обязательств.

Таким образом, использование децентрализованного метода правового регулирования в целях определения взаимовыгодных договоренностей, являющихся необходимым условием возникновения консенсуальных правоотношений, не обеспечивает их достижения. Сильная сторона взаимодействия может использовать предоставленную децентрализованным методом свободу для навязывания тех или иных условий, что ведет к деформации договорного равноправия. Указанное обстоятельство нашло отражение в исследованиях механизма правового регулирования, где определяется, что фактическое согласие сторон далеко не всегда означает подлинный консенсус.

Поэтому одним из актуальных направлений развития современной теории права является выделение особого консенсуального подхода, ориентированного на достижение баланса интересов и на устранение недостатков применения диспозитивного метода к договорным отношениям. В процессе определения взаимных прав и обязанностей в рамках договорных правоотношений предлагается использовать консенсуальный метод правового регулирования. Именно он способен обеспечить оптимальное сочетание интересов всех участников правоотношения.

Обозначенный метод правового регулирования представляет собой организацию взаимоотношений субъектов права на началах взаимовыгодного сотрудничества, то есть когда каждая сторона достигает своих целей путем удовлетворения интересов другой стороны. В то время как диспозитивный метод предусматривает выражение частной воли сторон, консенсус ни за одной из сторон не признает права считать приемлемым для нее только один вариант поведения. Консенсуальный метод основан на открытости сторон результату, на его поиске в русле сотрудничества, а не конфронтации. Указанный метод характеризуется высокой степенью согласованности состояния воли субъектов. В то время как диспозитивный метод предполагает определение содержания правоотношения по своему собственному усмотрению, при консенсуальном методе ни одна из сторон

¹ Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 16 июля 2008 г. по делу № А82-10613/2007-29. URL: <http://www.consultant.ru>.

² Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 22 января 2008 г. № Ф04-141/2008 (540-А67-31). URL: <http://www.consultant.ru>.

³ Постановление Президиума ВАС РФ от 14 апреля 2009 г. № 15747/08 по делу № 25-352/08-5. URL: <http://www.consultant.ru>.

⁴ Лесной кодекс Российской Федерации от 4 декабря 2006 г. № 200-ФЗ // Российская газета. 2006. № 4243.

⁵ Верховный суд подвел итоги работы судов за 2017 г. URL: <http://www.pravo.ru>.

не имеет возможности настаивать только на одном приемлемом для нее варианте поведения, поскольку он ориентирует стороны на конкретный правовой результат – взаимовыгодное решение. Обозначенная черта обосновывает возможность выделения консенсуса в качестве специфического метода правового регулирования.

Консенсуальный метод соответствует общедозволительному типу правового регулирования, устанавливающему лишь общие рамки поведения субъектов, внутри которых стороны самостоятельны в определении взаимных прав и обязанностей. Как справедливо отмечает А. В. Парфенов, эффективность достижения поставленных целей здесь будет зависеть от того, насколько удачно организовано взаимодействие субъектов, что, в свою очередь, обусловлено степенью согласованности волеизъявления каждого из них [5, с. 147]. Основное преимущество консенсуального метода заключается в способности обеспечить максимальную степень согласованности волеизъявления сторон, что позволяет участникам правоотношения прийти к действительно взаимоприемлемому решению относительно его содержания.

Итак, консенсуальный метод правового регулирования – это совокупность юридических приемов и средств, ориентирующих стороны на достижение взаимовыгодного решения относительно своих прав и обязанностей на основе сотрудничества, равноправия, открытости участников диалогу.

Содержание метода правового регулирования в теории права раскрывается на основе его составных элементов. Консенсуальный метод, получивший закрепление в консенсуальной норме, характеризуется следующими компонентами:

1. Общее правовое положение участников правоотношения. Речь идет о статусе субъектов консенсуальных правоотношений, который отражает специфику их взаимодействия. Как справедливо указывает И. П. Кожокар, «в качестве участников анализируемых правоотношений могут выступать физические и юридические лица, социальные общности, а также государство в лице его органов и должностных лиц, которые в силу консенсуальных нормативных предписаний могут выступать в качестве носителей субъективных юридических прав и обязанностей» [6, с. 158]. Важным условием выступает правосубъектность всех участников, то есть способность каждого вступать в данные правоотношения и нести субъективные права и юридические обязанности. Специфика взаимоотношений субъектов в рамках консенсуального правоотношения заключается в том, что их взаимодействие строится на началах равенства в правах, сотрудничества и взаимной открытости при определении объема взаимных прав и обязанностей.

2. Порядок возникновения, изменения и прекращения консенсуальных правоотношений. Консенсуальный метод предполагает особый договорной порядок установления, изменения и прекращения взаимоотношений сторон. Иными словами, рассматриваемый процесс связан с достижением между

участниками правоотношения консенсуса – совместного выработанного взаимоприемлемого решения.

В большинстве случаев использование рассматриваемого метода обусловлено наличием такого юридического факта, как договор. Однако консенсуальный характер могут носить и иные юридически значимые состояния, с которыми норма права связывает процесс возникновения, изменения и прекращения правоотношения. К примеру, членство в организации, родственные отношения и т. д.

3. Способ установления юридических связей между сторонами. В рамках консенсуального метода участники правоотношения сами определяют содержание своих взаимных прав и обязанностей путем обсуждения и учета интересов друг друга. При этом свобода участников правоотношения ограничивается не только нормами действующего законодательства, но и, в первую очередь, необходимостью уважать законные интересы своего контрагента. Основное отличие рассматриваемого метода правового регулирования состоит в том, что он ориентирует участников не на выбор заранее определенных вариантов поведения, а на совместную выработку наилучшего для всех решения.

4. Способы обеспечения прав и исполнения обязательств. Консенсуальный метод включает особые механизмы защиты прав сторон и гарантии исполнения ими своих обязанностей. Гражданское законодательство в рамках возникшего консенсуального правоотношения предусматривает разнообразные средства обеспечения обязательств. Так, на основании ст. 330 Гражданского кодекса Российской Федерации стороны в договоре вправе согласовывать условия, касающиеся неустойки, – должник уплачивает кредитору денежную сумму или передает иное имущество в случае нарушения обязательства¹. С 2015 г. в российском законодательстве появился такой инструмент, как обеспечительный платеж, который выступает гарантией исполнения денежных обязательств. Иными словами, решение об использовании указанных обеспечительных мер принимают сами участники консенсуального отношения на основе взаимного соглашения.

Кроме договорных средств, законодательством установлена юридическая ответственность за уклонение от участия в процедурах, направленных на достижение согласия между участниками правоотношения. В частности, ст. 5.32 КоАП РФ предусматривает административный штраф за уклонение от обязательных требований работников или неучастие в примирительных процедурах². В трудовых отношениях за нарушение принципа консенсуса установлена дисциплинарная ответственность. Так, в соответствии со ст. 192 Трудового кодекса Российской Федерации

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации: Часть вторая от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1. Ст. 1.

на работника может быть наложено дисциплинарное взыскание за неисполнение возложенных на него трудовых обязанностей.

Необходимо отметить, что специфика способов защиты и обеспечения прав в консенсуальных правоотношениях общего вида проявляется в характере взаимодействия государства и личности. В данном контексте необходимо согласиться с мнением Н. И. Матузова, что «в общих правоотношениях взаимные связи: каждый должен видеть в другом носителя права (управомоченного), а себя считать правообязанным по отношению к нему, воздерживаться от нарушения "чужого" права, не чинить препятствий к его осуществлению и т. д.» [7, с. 29]. Здесь консенсуальный подход выражается во взаимной ответственности сторон. Государство признает и обеспечивает права граждан, последние, в свою очередь, добровольно принимают на себя определенные обязанности. Иными словами, каждый участник таких правоотношений рассматривает другого в качестве носителя законных прав, а себя – как обязанное лицо, которое не должно нарушать чужие права. Государство, устанавливая право и свободы в нормах Конституции, не только наделено властными полномочиями но и несет обязанности по созданию условий для реализации и защиты указанных прав. Кроме того, построение правового государства напрямую связано с реализацией принципа взаимной ответственности государства и личности. При этом исполнение обязанностей со стороны государственных органов гарантируется следующими инструментами: должностные лица могут привлекаться к дисциплинарной, гражданско-правовой или уголовной ответственности за недобросовестное исполнение обязанностей, нарушение прав граждан, злоупотребление властью; правительство ответственно перед представительными органами (например, импичмент); предусмотренная законодательством отчетность органов государственной власти перед обществом о результатах их деятельности и др. А исполнение своих обязательств со стороны граждан в свою очередь обеспечивается институтом юридической ответственности.

Подводя итог вышесказанному, предлагается консенсуальный метод правового регулирования рассматривать в качестве самостоятельного, наряду с децентрализованным и централизованным. Его использование создает благоприятную социально-психологическую среду правового регулирования и формирует особый политико-правовой режим, соответствующий современным условиям развития государства и общества.

Представляется, что российскому праву присущ консенсуальный метод правового регулирования, выделение которого обусловлено характерными для него чертами:

1. Ориентирование сторон на взаимовыгодное решение. Именно достижение консенсуса между участниками считается основным результатом использования рассматриваемого метода.

2. Равноправие и сотрудничество. Обсуждение объема прав и обязанностей происходит на основе равноправия сторон и их стремления к конструктивному взаимодействию.

3. Учет интересов обеих сторон. Решение относительно условий договора принимается при учете интересов каждой из сторон, благодаря чему в правоотношении реализуется баланс объема прав и обязанностей.

4. Обладание свойствами гибкости и динамичности. Участники имеют возможность корректировать свои договоренности по взаимному согласию, что придает отношениям динамизм и дает возможность адаптироваться к изменяющимся условиям.

5. Самостоятельность в определении субъективных прав и юридических обязанностей. Придерживаясь основных принципов консенсуса, участники самостоятельно определяют наиболее важные для себя условия, достигая их взаимовыгодного соотношения.

6. Принцип добровольности принятия обязательств и реальности их осуществления.

7. Меры защиты и обеспечения применяются, исходя из характера складывающихся правоотношений, а меры юридической ответственности – в соответствии с санкцией нормы. При этом участникам правоотношения заранее известно о последствиях неисполнения взятых на себя на добровольной основе обязательств. Меры же, в свою очередь, соразмерны и обусловлены спецификой договорных отношений.

В целом внедрение консенсуального метода в практику общественных отношений, направленных на достижение взаимовыгодного результата, повышает эффективность правового регулирования. Указанный подход воплощает гуманистические идеалы гражданского общества, ставя в центр согласие и сотрудничество. Воздействуя на поведение людей через нормы права в желательном для государства и общества направлении, консенсуальный метод позволяет получить оптимальный результат правового регулирования.

Библиографический список

1. Алексеев С. С. Право и управление в социалистическом обществе // Советское государство и право. 1973. № 6.
2. Самойлов Е. А. Консенсуальные правоотношения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. СПб., 2004. 26 с.
3. Юридический энциклопедический словарь. М., 1987. 528 с.
4. Малиновский А. А. Усмотрение в праве // Государство и право. 2006. № 4. С. 102–104.
5. Парфенов А. В. Пределы правового компромисса // Компромисс в праве: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Международ. научно-практической конференции (Н. Новгород, 29–30 мая 2014): в 2 т. / под общ. ред. В. А. Толстика, В. М. Баранова, А. В. Парфенова. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2014. Т. 1. С. 147.

6. Кожокаръ И. П. Правовой консенсус: общетеоретический анализ: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 2005. 223 с.

7. Матузов Н. И. Общие правоотношения и их специфика // Правоведение. 1976. № 3.

References

1. Alekseev S. S. Law and Management in Socialist Society // Soviet State and Law. 1973. No. 6.

2. Samoilov E. A. Consensual Legal Relationships: abstract of dis. ... cand. law sciences: 12.00.01. SPb., 2004. 26 p.

3. Legal Encyclopedic Dictionary. M., 1987. 528 p.

4. Malinovsky A. A. Discretion in Law // State and Law. 2006. No. 4. Pp. 102–104.

5. Parfenov A. V. The Limits of Legal Compromise // Compromise in Law: Theory, Practice, Technique: collection of articles based on the materials of the International scientific and practical conferences (Nizhny Novgorod, May 29-30, 2014): in 2 vol. / ed. by V. A. Tolstik, V. M. Baranov, A. V. Parfenov. N. Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2014. Vol. 1. P. 147.

6. Kozhokar I. P. Legal Consensus: General Theoretical Analysis: dis. ... cand. law sciences: 12.00.01. Saratov, 2005. 223 p.

7. Matuzov N. I. General Legal Relations and Their Specificity // Pravovedenie. 1976. No. 3.

Информация об авторе

Каргапольцева Надежда Игоревна – кандидат юридических наук

Information about the author

Kargapoltseva Nadezda I. – Candidate of Law

Статья поступила в редакцию 06.06.2025; одобрена после рецензирования 16.07.2025; принята к публикации 17.12.2025.

The article was submitted 06.06.2025; approved after reviewing 16.07.2025; accepted for publication 17.12.2025.

Теоретико-правовые аспекты деформации принципа равенства при реализации пассивного избирательного права

Леонов Александр Петрович

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, leo05alex@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена теоретико-правовому исследованию проблемы деформации конституционного принципа равенства пассивного избирательного права граждан в современной России. В работе анализируется парадокс, при котором механизм правового регулирования избирательного процесса, формально провозглашающий и гарантирующий равенство всех кандидатов, на практике становится инструментом воспроизводства и легитимации их фактического неравенства. В качестве центральной теоретико-правовой категории для описания данного процесса автором вводится и обосновывается понятие «деформация правового принципа», рассматриваемое как сохранение формальной юридической оболочки принципа при выхолащивании и искажении его сущностного содержания. На примере детального анализа конкретных правовых институтов – института финансирования избирательных кампаний и института правового статуса политических партий – раскрывается, каким образом законодательно установленные нормы способствуют трансформации экономического и медийного неравенства граждан в их политическое неравенство. Делается вывод о том, что решение проблемы не лежит в плоскости точечных изменений законодательства, а требует концептуального пересмотра всей парадигмы правового регулирования выборов.

Ключевые слова: деформация правового принципа, принцип правового равенства, пассивное избирательное право, механизм правового регулирования, избирательный процесс, правовой институт, финансирование выборов, политические партии

Для цитирования: Леонов А. П. Теоретико-правовые аспекты деформации принципа равенства при реализации пассивного избирательного права // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 4. С. 39–49.

Original article

Theoretical and Legal Aspects of the Deformation of the Principle of Equality in the Exercise of Passive Suffrage

Leonov Alexander P.

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia, leo05alex@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to a theoretical and legal study of the deformation of the constitutional principle of equality regarding the passive suffrage of citizens in modern Russia. The paper analyzes the paradox whereby the legal regulatory mechanism of the electoral process, while formally proclaiming and guaranteeing the equality of all candidates, in practice becomes an instrument for reproducing and legitimizing their de facto inequality. To describe this process, the author introduces and substantiates the «deformation of a legal principle» as a central theoretical and legal category, which is understood as the preservation of the formal legal shell of a principle while its essential content is eroded and distorted. Through a detailed analysis of specific legal institutions—namely, the financing of election campaigns and the legal status of political parties—the article reveals how legislatively established norms facilitate the transformation of citizens' economic and media inequality into their political inequality. The author concludes that the solution to the problem lies not in piecemeal changes but requires a conceptual revision of the entire paradigm of the legal regulation of elections.

Keywords: deformation of a legal principle, principle of legal equality, passive suffrage, mechanism of legal regulation, electoral process, legal institution, election financing, political parties

For citation: Leonov A. P. Theoretical and Legal Aspects of the Deformation of the Principle of Equality in the Exercise of Passive Suffrage // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 4. Pp. 39–49.

Общеправовой принцип равенства всех перед законом и судом, закрепленный в ч. 1 ст. 19 Конституции Российской Федерации, выступает в качестве одной из основ конституционно-правового строя государства. Данный принцип получает свое дальнейшее развитие и конкретизацию в ч. 2 указанной статьи, согласно которой государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также любых других обстоятельств. В сфере организации и функционирования публичной власти этот общеправовой принцип находит свое специфическое выражение в нормах ст. 32 Конституции, которая в ч. 2 устанавливает право граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления. По нашему глубокому убеждению, эти последовательно изложенные конституционные установления формируют целостный и прочный юридический фундамент для отраслевого принципа равенства пассивного избирательного права всех граждан Российской Федерации, то есть их юридически равного права выступать в качестве кандидатов на выборные должности в органах государственной власти и органах местного самоуправления. Однако при всей полноте и юридической безупречности законодательного закрепления данного принципа, эмпирическое наблюдение за практикой его реализации в ходе избирательных кампаний последних десятилетий позволяет выявить устойчивую и системную тенденцию, которую мы в рамках настоящего исследования определяем как деформацию этого принципа. Проведенный нами анализ результатов избирательных кампаний различного уровня, а также персонального состава сформированных по их итогам представительных органов власти позволяет с высокой степенью уверенности утверждать, что в современной российской политико-правовой действительности сложился и продолжает углубляться явный разрыв между провозглашенным в законе формально-юридическим равенством граждан как потенциальных кандидатов на выборные должности в органах публичной власти и их фактическими, реальными возможностями полноценной реализации этого права.

Данное противоречие, на наш взгляд, выходит далеко за рамки частной проблемы избирательного законодательства и приобретает характер научной проблемы, имеющей не только отраслевое, но и общетеоретическое значение. Ее суть, по нашему мнению, заключается в объективно существующем противоречии между целевым предназначением механизма правового регулирования избирательного процесса, состоящим в обеспечении реального

равенства возможностей граждан для полноценной реализации ими своего пассивного избирательного права, и его фактическим, системным результатом, выражающимся в воспроизводстве и юридической легитимации их неравенства в этой области. Фактически это значит, что механизм правового регулирования избирательного процесса, формально провозглашающий и гарантирующий равенство всех граждан при реализации ими своего пассивного избирательного права, в процессе своего функционирования выступает не как нейтральный инструмент, обеспечивающий достижение заявленной цели, а как активный фактор, производящий эффект, прямо противоположный этой цели. По нашему мнению, простое объяснение этого феномена через влияние внешних, внеправовых факторов, таких как, например, несовершенство политической культуры общества или его общая социально-экономическая стратификация, представляется поверхностным и недостаточным для полноценного научного анализа. Наша позиция, которую мы намерены последовательно отстаивать в рамках настоящей статьи, заключается в том, что наблюдаемое явление – отнюдь не следствие каких-либо локальных недостатков избирательного законодательства, например, юридико-технических дефектов, пробелов или внутренних противоречий отдельных правовых норм, регулирующих, допустим, порядок сбора подписей или правила ведения предвыборной агитации, и оно не может быть сведено к результатам неэффективности правоприменительной практики, проявляющейся в виде ошибок или злоупотреблений со стороны конкретных избирательных комиссий или их должностных лиц при регистрации кандидатов или подсчете голосов избирателей. Напротив, считаем, оно представляет собой имманентный, внутренне присущий самому механизму правового регулирования избирательного процесса результат его функционирования. Мы полагаем, что внутренняя логика этого механизма, несмотря на его внешнюю нейтральность, объективно способствует трансформации существующего в обществе фактического неравенства граждан в их первоначальном доступе к необходимым для проведения избирательной кампании финансовым, организационным и информационным ресурсам в юридически оформленное и легитимное неравенство их практических политических возможностей для ведения конкурентной борьбы за получение выборной должности.

Безусловно, проблема обеспечения не только формального, но и фактического равенства кандидатов уже становилась предметом научного осмысления. Так, доктринальные основы принципа равного избирательного права подробно исследованы в работах Д. М. Худолея [1] и В. А. Трояна [2]. Отдельные аспекты дифференциации правового статуса кандидатов и допустимости отступлений от принципа

равенства анализировались С. Н. Швердяевым [3], а проблемы, связанные с «фильтрацией» кандидатов на этапе регистрации и сбором подписей, подвергались критике в статьях Л. А. Нудненко [4]. Более того, влияние финансового и медийного неравенства на политическую конкуренцию рассматривалось в исследованиях Т. А. Оспанова [5], З. И. Алиевой и Н. А. Гасанова [6], которые справедливо указывали на преимущества «сильных» партийных кандидатов. Однако в большинстве указанных работ авторы оперируют категориями «ограничение права» или «злоупотребление правом», не ставя вопрос о системном характере искажения самой правовой материи.

По нашему мнению, для проведения корректного теоретико-правового анализа обозначенного нами феномена недостаточно использовать такие устоявшиеся в юриспруденции категории, как «нарушение права» или «пробел в праве». Считаем необходимым обосновать данный тезис, поскольку он имеет важное методологическое значение для всего нашего дальнейшего исследования. Доктринальное определение категории «нарушение права» базируется на понимании его как результата противоправного воздействия на носителя субъективного права. Так, в научной литературе оно определяется как «противоправное ограничение возможности другого человека пользоваться тем или иным правом или свободой» [7, с. 109] или как «юридическое действие, направленное со стороны его автора к стеснению другого лица в осуществлении права»¹. Приведенные дефиниции акцентируют внимание на объективной стороне явления, то есть на факте создания препятствий для реализации права лицом, которому оно принадлежит. Однако с точки зрения теоретико-правового анализа внутренней структуры правоотношения любое субъективное право всегда существует в неразрывной связи с соответствующей юридической обязанностью другой стороны. Следовательно, «нарушение права» одного субъекта с неизбежностью предполагает неисполнение или ненадлежащее исполнение корреспондирующей юридической обязанности другим субъектом правоотношения либо, в отдельных случаях, злоупотребление им своим собственным субъективным правом, что входит в прямое противоречие с императивными предписаниями закона. Именно наличие такого противоречия между действиями (бездействием) обязанного субъекта и конкретной нормой права является конституирующим признаком данной категории. В контексте избирательного процесса это может выражаться, например, в незаконном отказе избирательной комиссии в регистрации кандидата, что является прямым неисполнением обязанности по регистрации кандидата при соблюдении им всех требований закона, или в фальсификации итогов голосования, что прямо запрещено императивными нормами уголовного законодательства.

Однако специфика и сложность исследуемой нами проблемы заключаются в том, что системное неравенство политических возможностей кандидатов возникает и воспроизводится в отсутствие явно противоправных деяний и в условиях, когда все участники избирательного процесса формально строго исполняют возложенные на них юридические обязанности и не нарушают прямых законодательных запретов. В свою очередь, категория «пробел в праве» указывает на «полное или частичное отсутствие нормативных установлений, необходимость которых обусловлена развитием общественных отношений и потребностями практического решения дел, основными принципами, политикой, смыслом и содержанием действующего законодательства» [8, с. 37]. Применительно к нашей теме, это могло бы означать, что законодатель, к примеру, упустил из виду необходимость урегулирования какого-либо аспекта финансирования выборов или порядка ведения предвыборной агитации. Однако это не так, более того, современное российское законодательство о выборах, напротив, отличается чрезвычайной детализацией и подробностью регламентации практически всех этапов любой избирательной кампании. Таким образом, мы сталкиваемся с ситуацией, когда сам механизм правового регулирования избирательного процесса не нарушается и не содержит очевидных пробелов, но при этом его функционирование приводит к результатам, прямо противоположным тем целям, которые были заложены в его основу законодателем.

Для описания и научного анализа этого процесса мы считаем необходимым ввести в научный оборот такую теоретико-правовую категорию, как «деформация правового принципа». Выбор нами этого термина отнюдь не случаен и обусловлен его способностью с высокой степенью семантической точности отразить ключевую особенность исследуемого нами явления, состоящую в сохранении формально-юридической оболочки правового принципа при одновременном искажении его внутренней сущности и социального предназначения. Основываясь на этом, в рамках настоящего исследования под деформацией правового принципа мы будем понимать сложный процесс, обладающий тремя взаимосвязанными признаками. Во-первых, при деформации полностью сохраняется формальная структура принципа, то есть его текстуальное выражение в Конституции и федеральных законах, а также юридические процедуры его реализации, которые могут scrupulously соблюдаться всеми участниками соответствующих правоотношений. Во-вторых, несмотря на сохранение этой нетронутой правовой формы, происходит выхолащивание или искажение сущностного, содержательного ядра принципа, его телеологического предназначения, то есть той основной социальной цели, для достижения которой он был изначально сформулирован и закреплён в системе права. В случае с принципом равенства пассивного избирательного права граждан такой целью, безусловно, является обеспечение для всех граждан Российской Федерации реальных,

¹ Мейер Д. И. Русское гражданское право // Классика российского права. URL: https://civil.consultant.ru/elib/books/45/page_27.html (дата обращения: 05.07.2025)

а не декларативных, равных возможностей для вступления в политическую конкуренцию за получение выборной должности. В-третьих, деформированный правовой принцип не просто перестает выполнять свою изначальную позитивную функцию, а начинает выполнять функцию прямо противоположную, становясь механизмом, который служит цели легального оформления, юридической формализации и общественной легитимации фактически существующего неравенства. Иными словами, избирательный процесс, проведенный в строгом соответствии с установленными законодательством едиными для всех кандидатов процедурными требованиями, но в условиях изначально неравных возможностей кандидатов для ведения конкурентной борьбы за голоса избирателей, конкретные правовые механизмы формирования которых мы рассмотрим ниже, придает видимость законности и справедливости тому результату выборов, который predetermined не равным составлением кандидатов, а их изначальными, кардинально различными стартовыми возможностями, и тем самым закрепляет и углубляет политическое неравенство между гражданами в их реальной способности влиять на формирование органов публичной власти. Именно такая многогранная деформация, по нашему глубокому убеждению, и происходит с принципом равенства пассивного избирательного права граждан в современной России.

Полагаем, одним из основных правовых институтов, посредством которых осуществляется описанная нами выше деформация принципа равенства пассивного избирательного права граждан, является институт финансирования избирательных кампаний. Прежде чем перейти к его детальному анализу, мы считаем необходимым сделать важную методологическую ремарку. Проблема влияния финансового фактора на результаты выборов является универсальной и проявляется на всех уровнях публичной власти – от федерального до муниципального. Однако в рамках настоящего исследования мы сознательно ограничимся анализом законодательства, регулирующего выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Такой выбор обусловлен тем, что именно на федеральном уровне избирательные кампании являются наиболее ресурсоемкими, а установленные законодателем финансовые рамки и правила наиболее наглядно демонстрируют всю глубину исследуемой нами проблемы. Кроме того, именно федеральное законодательство зачастую выступает в качестве модели для правового регулирования выборов на региональном и местном уровнях, что придает нашему анализу не только частное, но и общее значение.

Не вызывает сомнений, что в современных условиях избирательный процесс представляет собой крайне затратное финансово-экономическое мероприятие, требующее от любого кандидата, намеренного вести реальную, а не номинальную борьбу за голоса избирателей, мобилизации значительных денежных средств. Шанс быть избранным в представительный

орган власти появляется только у того, кто способен организовать и провести широкую, системную и качественную агитационную кампанию, направленную на информирование максимального числа избирателей о своей личности и своей предвыборной программе. При этом все без исключения расходы на ее проведение, как это прямо установлено в императивных требованиях ч. 1 ст. 58 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»¹ (далее – закон «Об основных гарантиях избирательных прав») и ч. 1 ст. 71 Федерального закона от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»² (далее – закон «О выборах депутатов Государственной Думы»), могут осуществляться исключительно из средств специальных избирательных фондов, которые обязан создать каждый кандидат, выдвинутый по одномандатному избирательному округу. На первый взгляд, данное нормативное установление, вводящее единый и универсальный для всех кандидатов порядок финансирования их деятельности, является юридически нейтральным и направлено исключительно на достижение позитивных целей обеспечения финансовой прозрачности выборов и предотвращения использования в них незаконных денежных средств. Однако, по нашему мнению, детальный анализ правил формирования и расходования этих фондов, закрепленных в ст. 71 упомянутого закона «О выборах депутатов Государственной Думы», позволяет сделать вывод о том, что совокупность образующих данный правовой институт норм сконструирована законодателем таким образом, что она не только не способствует нивелированию (сглаживанию) изначального имущественного неравенства граждан, но, напротив, становится мощным инструментом его усиления и легитимации в рамках избирательного процесса.

Мы полагаем, что деформирующая функция этого института проявляется через совокупность нескольких взаимосвязанных нормативных установлений. Во-первых, это установленный в ч. 9 ст. 71 закона «О выборах депутатов Государственной Думы» предельный размер всех расходов из средств избирательного фонда кандидата, который не может превышать 40 млн рублей. Сама по себе эта законодательно зафиксированная сумма является своего рода официальным признанием со стороны государства того колоссального объема финансовых ресурсов, который является допустимым и необходимым для ведения полноценной и конкурентоспособной избирательной кампании на федеральном уровне. Во-вторых,

¹ Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 17 июня 2002 г. № 24. Ст. 2253.

² Федеральный закон от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 24 февраля 2014 г. № 8. Ст. 740.

важнейшее значение, на наш взгляд, имеет положение п. 2 ч. 8 ст. 71 того же закона, которое устанавливает, что избирательные фонды кандидатов могут формироваться за счет их собственных средств, причем их доля может составлять до 50 % от предельной суммы всех расходов, то есть до 20 млн рублей. Соединение этих двух формально-нейтральных норм, по нашему мнению, на практике создает легальный механизм, который фактически превращает избирательную кампанию в соревнование финансовых возможностей кандидатов и юридически закрепляет огромное преимущество состоятельных граждан. При этом для гражданина, не обладающего личным состоянием, сопоставимым с указанными суммами, и не имеющего доступа к финансовым ресурсам крупного бизнеса или иных состоятельных спонсоров его избирательной кампании, формально закрепленная в законе обязанность по созданию избирательного фонда и ведению из него агитации становится практически непреодолимым экономическим барьером, который превращает его конституционное право быть избранным в сугубо декларативную, не подкрепленную реальными возможностями фикцию. Таким образом, формально все граждане нашей страны, независимо от их материального положения, обладают равным конституционным правом быть избранными, однако на практике в полной мере реализовать это право через участие в конкурентной избирательной кампании могут только те лица, которые обладают крайне серьезными личными финансовыми возможностями либо пользуются поддержкой лиц, обладающих такими возможностями.

Более того, законодательное регулирование порядка формирования избирательных фондов за счет добровольных пожертвований от граждан и юридических лиц, предусмотренное п. 3 ч. 8 ст. 71 закона «О выборах депутатов Государственной Думы», также, по нашему мнению, не способствует выравниванию возможностей кандидатов, напротив, усугубляет их неравенство. Представляется совершенно очевидным, что и физические, и юридические лица, принимая решение об оказании финансовой поддержки тому или иному кандидату, руководствуются отнюдь не альтруистическими побуждениями, а в первую очередь соображениями рациональности и перспективности своих вложений. Это с высокой долей вероятности означает, что они окажут финансовую поддержку либо кандидатам, уже обладающим широкой известностью и высоким социальным статусом, либо кандидатам, выдвинутым влиятельными политическими партиями, поскольку очевидно, что вложение средств в таких претендентов будет представляться им более эффективным. Рядовой же гражданин, не обладающий ни медийной узнаваемостью, ни партийной поддержкой, оказывается в заведомо проигрышном положении, в том числе и в борьбе за привлечение пожертвований на свою избирательную кампанию со стороны представителей бизнеса и частных лиц. В результате этого правовой институт финансирования избирательных кампаний, формально созданный для

обеспечения их прозрачности и контроля, на деле выполняет функцию жесткого экономического фильтра, который не только отсекает от реального участия в выборах подавляющее большинство граждан, не обладающих значительными финансовыми ресурсами, но и легитимирует этот процесс, придавая ему видимость законного и справедливого соревнования, проведенного по единым для всех правилам. Таким образом, происходит не что иное, как трансформация экономического неравенства граждан в их политическое неравенство, которая осуществляется не вопреки, а при помощи и посредством самого механизма правового регулирования избирательного процесса, что и является, по нашему мнению, ярчайшим проявлением деформации конституционного принципа равенства пассивного избирательного права граждан.

На данном этапе нашего исследования мы считаем необходимым сделать небольшое отступление и порассуждать о возможных причинах, которые могли побудить законодателя к созданию и поддержанию именно такой, а не какой-либо иной модели правового регулирования финансирования избирательных кампаний. Можно, безусловно, предположить, что в основу этой модели была положена некая рациональная, с точки зрения законодателя, идея. Нельзя исключать, что столь высокий финансовый порог для входа в федеральную избирательную кампанию был задуман как своего рода квалификационный ценз, призванный отсеять заведомо несерьезных, неподготовленных кандидатов и тем самым обеспечить более высокое качество и ответственность депутатского корпуса. В рамках этой логики способность кандидата мобилизовать значительные финансовые ресурсы может рассматриваться как показатель его организаторских способностей, умения выстраивать отношения с элитами, его личной успешности и, как следствие, его потенциальной эффективности в качестве государственного деятеля. Возможно, в основе такого подхода лежит и более глубокое, хотя и не обозначаемое публично, идеологическое допущение, согласно которому граждане, добившиеся в своей жизни значительного материального успеха, обладают и более развитыми управленческими компетенциями, а потому смогут более эффективно распоряжаться государственными финансами и управлять делами всего общества.

Однако, по нашему глубокому убеждению, даже если допустить, что мы правы в своей попытке таким вот образом сформулировать рациональное объяснение для избранного законодателем подхода, она в любом случае не только не опровергает, но, напротив, еще более четко обозначает всю глубину исследуемой нами проблемы деформации принципа равенства. Мы полагаем, что подобный подход является в своей основе глубоко ошибочным и антидемократическим. Во-первых, он осуществляет неявную подмену критериев оценки потенциального кандидата, когда вместо оценки его политической программы, его интеллектуальных, моральных и деловых качеств, его способности представлять интересы своих изби-

рателей на первый план выводится критерий его финансовой состоятельности или способности привлекать финансовые ресурсы. Такая подмена критериев, по нашему мнению, вступает в прямое противоречие с самой сутью демократического представительства, которое предполагает равенство возможностей для всех граждан, а не только для представителей имущественной элиты. Во-вторых, сама идея о том, что личный финансовый успех является прямым эквивалентом компетентности в сфере государственного управления, не выдерживает серьезной критики и носит характер опасного социального стереотипа. Навыки, необходимые для ведения бизнеса и приумножения личного капитала, отнюдь не тождественны навыкам, требующимся для защиты публичного интереса, разработки взвешенных законов и служения всему обществу. Безусловно, мы не претендуем на справедливость нашего предположения о целях законодателя при установлении такой системы финансирования избирательных кампаний, и она приведена нами лишь как некая попытка понять эту логику, но в любом случае, по нашему глубокому убеждению, какие бы благие цели ни преследовал законодатель, будь то стремление повысить качество депутатского корпуса или обеспечить финансовую прозрачность выборов, объективным и неизбежным результатом созданного им правового механизма становится не что иное, как закрепление привилегированного положения для одной, самой обеспеченной части общества в ущерб всем остальным гражданам, а объективный результат функционирования созданного им правового института состоит в системной деформации одного из основополагающих конституционных принципов.

Проведенный нами выше анализ правового института финансирования избирательных кампаний выделяет лишь одну, хотя и чрезвычайно важную сторону исследуемой нами проблемы деформации принципа равенства пассивного избирательного права граждан. Однако, по нашему мнению, данный правовой механизм функционирует не изолированно, а в тесной, неразрывной связи с другим очень мощным фактором, который носит уже не правовой, а социальный характер, но при этом оказывает не меньшее, а порой, наверно, даже и решающее влияние на исход политической борьбы на выборах. Речь идет о таком ресурсе, как изначальная узнаваемость кандидата, которую в современной науке принято обозначать термином «медийный капитал». Под ним мы понимаем уже существующий у того или иного лица еще до начала избирательной кампании запас общественной известности, доверия и, как правило, позитивного имиджа, накопленный им в ходе его предшествующей профессиональной или общественной деятельности. В условиях современного информационного общества, характеризующегося колоссальным объемом циркулирующей в обществе и в информационно-телекоммуникационных сетях информации и, как следствие, острейшей конкуренцией за внимание аудитории, этот вид капитала при-

обретает важнейшее значение. Известный политик, популярный артист или спортсмен вступают в избирательную кампанию, уже обладая огромным преимуществом перед рядовым гражданином, будь то высококвалифицированный инженер, врач или учитель, поскольку ему не нужно тратить время и ресурсы на то, чтобы избиратели в принципе узнали о его существовании.

Парадокс однако заключается в том, что сам механизм правового регулирования избирательного процесса, будучи формально слепым к этому изначальному социальному неравенству граждан по уровню их медийного капитала, на практике не только не создает условий для его компенсации, но и, напротив, активно способствует его усугублению. Законодательство об избирательных правах граждан, что вполне естественно, не содержит и не может содержать в своем составе норм, которые бы прямо ограничивали участие известных лиц в выборах или, наоборот, предоставляли бы какие-либо особые преференции для кандидатов, не обладающих широкой известностью. Однако оно детально регламентирует единственный легальный способ, посредством которого неизвестный кандидат может попытаться сократить свое отставание от медийных конкурентов и сформировать собственную узнаваемость. Таким способом, в соответствии с главой VII закона «Об основных гарантиях избирательных прав», является проведение предвыборной агитации. В свою очередь, как мы уже установили ранее, наиболее эффективные и масштабные формы предвыборной агитации, способные в сжатые сроки избирательной кампании донести информацию о кандидате до сотен тысяч избирателей, требуют колоссальных финансовых вложений, которые могут осуществляться исключительно из средств избирательного фонда кандидата.

Таким образом, правовая система, регулируя порядок проведения предвыборной агитации и ее финансирования, создает для рядового, никому не известного гражданина, обладающего, возможно, высоким уровнем компетентности и качественной политической программой, но не располагающего значительными личными финансовыми средствами, неразрешимое противоречие, своего рода замкнутый круг. Для того чтобы получить реальный шанс быть избранным, ему необходимо сначала стать известным. Для того чтобы стать известным, ему необходимо провести масштабную агитационную кампанию. Для того чтобы провести такую кампанию, ему необходимы значительные денежные средства в избирательном фонде. Однако сам правовой механизм формирования этого фонда, как мы показали выше, сконструирован таким образом, что он ставит такого гражданина в заведомо проигрышное положение по сравнению с теми кандидатами, которые уже обладают либо значительным финансовым капиталом для фактической «покупки» узнаваемости в ходе предвыборной агитации, либо значительным медийным капиталом, который позволяет им вести эффективную избирательную кампанию при меньших затратах и с

легкостью привлекать пожертвования от граждан и представителей бизнеса в свой избирательный фонд. В результате этого право выступает отнюдь не в роли нейтрального арбитра, обеспечивающего равные условия для всех участников предвыборной гонки, а в роли активного катализатора, который создает все необходимые юридические условия для максимально эффективной и легальной конвертации существующего в обществе социального неравенства граждан, проявляющегося в уровне их доходов и в уровне их известности, в финальное неравенство их политических шансов на победу в выборах. Этот процесс, по нашему глубокому убеждению, также является свидетельством системной деформации сущностного содержания конституционного принципа равенства пассивного избирательного права граждан.

Наряду с рассмотренными факторами, протекающими из того, как механизм правового регулирования финансирования избирательных кампаний и проведения предвыборной агитации взаимодействует с уже существующим в обществе неравенством граждан в их доступе к индивидуальным финансовым и медийным ресурсам, существует, по нашему мнению, и такой правовой институт, который своей собственной внутренней конструкцией порождает и институционализирует неравенство между различными категориями кандидатов. Таким правовым институтом, системно деформирующим принцип равенства, является, с нашей точки зрения, институт политической партии в его современном виде. Мы полагаем, что действующее законодательство о политических партиях и о выборах сконструировано таким образом, что оно целенаправленно создает для кандидатов, выдвинутых политическими партиями, и особенно теми из них, которые уже представлены в Государственной Думе, целый комплекс юридических привилегий и преимуществ, ставящих их в заведомо более выгодное, несравнимое положение с теми гражданами, которые реализуют свое конституционное право быть избранными в порядке самовыдвижения.

Речь в данном случае идет не о каких-либо косвенных или неявных преимуществах, а о прямых, формально закрепленных в нормах избирательного законодательства правовых установлениях, которые создают для кандидатов юридически неравные условия для участия в выборах. Одним из наиболее значимых таких установлений, на наш взгляд, является норма (точнее, совокупность норм), устанавливающая для определенной категории участников избирательного процесса юридическую привилегию в виде освобождения от сбора подписей избирателей в поддержку выдвижения кандидата. В соответствии с положениями ч. 2 ст. 44 закона «О выборах депутатов Государственной Думы» выдвижение политической партией федерального списка кандидатов, а также кандидата по одномандатному избирательному округу считается поддержанным избирателями и не требует сбора их подписей в том случае, если федеральный список кандидатов этой партии на предыдущих выборах депутатов Государственной Думы был допу-

щен к распределению депутатских мандатов или получил не менее 3 % голосов избирателей, либо если список кандидатов партии допущен к распределению мандатов в законодательном органе хотя бы одного субъекта Российской Федерации. В то же время рядовой гражданин, реализующий свое право в порядке самовыдвижения, в соответствии с ч. 5 ст. 44 того же закона обязан для регистрации своей кандидатуры собрать в свою поддержку подписи избирателей в количестве не менее 3 % от общего числа избирателей, зарегистрированных на территории соответствующего одномандатного избирательного округа, что на практике составляет десятки тысяч человек. По нашему мнению, данная норма создает колоссальный, практически непреодолимый для независимого кандидата организационно-правовой барьер, в то время как для кандидатов от парламентских и ряда других партий этот барьер полностью отсутствует. Таким образом, законодатель еще на самой ранней стадии избирательного процесса, на этапе выдвижения и регистрации кандидатов сознательно разделяет всех потенциальных участников выборов на две юридически неравные категории, предоставляя одной из них неоспоримое преимущество перед другой.

Научная дискуссионность нормы, заложенной в ч. 2 ст. 44 указанного закона, представляется нам очевидной, равно как очевидным является и тот факт, что данный правовой механизм, предоставляющий политическим партиям преференции на основе электоральных результатов прошлого, несет в себе системный дефект. Предполагается, что политическая партия, уже получившая ранее поддержку избирателей, доказала свою состоятельность, а потому может быть избавлена от необходимости заново проходить процедуру сбора подписей. Однако такой подход, на наш взгляд, является изначально порочным, поскольку он полностью игнорирует динамику политических процессов и изменчивость общественных настроений. Политическая партия, получившая поддержку избирателей пять лет назад во время предыдущих выборов, за время работы созыва в Государственной Думе могла кардинально изменить свою программу, могла участвовать в принятии непопулярных законов или каким-либо иным образом утратить доверие своих бывших сторонников. Мы считаем, что предоставляя такой партии априори «кредит доверия», основанный на ее прошлых заслугах, закон фактически способствует консервации сложившегося баланса политических сил, создает искусственные преимущества для уже утвердившихся на политической арене субъектов и существенно затрудняет электоральный доступ для новых политических сил и независимых лидеров, которые могли бы более точно отражать актуальные запросы общества. Таким образом, эта норма не просто создает юридическое неравенство между политическими партиями, которые на основании своих прошлых электоральных результатов освобождаются от сбора подписей, и гражданами и их объединениями, которые обязаны проходить эту сложную и ресурсоемкую процедуру, а формирует

юридические предпосылки для ограничения политической конкуренции, что, по нашему мнению, также является одним из проявлений деформации принципа равенства.

Далее это институциональное неравенство дополнительно усугубляется уже на стадии финансирования избирательных кампаний. Как мы отмечали ранее, кандидат-самовыдвиженец вынужден практически в одиночку решать проблему наполнения своего избирательного фонда. В то же время кандидат, выдвинутый политической партией, получает доступ к ее финансовым и организационным ресурсам. В соответствии с п. 1 ч. 8 ст. 71 закона «О выборах депутатов Государственной Думы» политическая партия имеет право перечислить в избирательный фонд своего кандидата денежные средства в размере до 50 % от предельной суммы всех расходов, то есть до 20 млн рублей. Кроме того, в соответствии со ст. 33 Федерального закона от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях»¹ политические партии, чьи федеральные списки кандидатов получили на выборах депутатов Государственной Думы не менее 3 % голосов, получают право на государственное финансирование из средств федерального бюджета. Размер этого финансирования, как установлено пп. «а» п. 6 указанной статьи, является пропорциональным числу полученных голосов. Очевидно, что это создает для парламентских партий стабильный и значительный источник средств, часть которых может быть легально направлена на поддержку их кандидатов на последующих выборах, что, в свою очередь, ставит их в несравнимо более выгодное финансовое положение по сравнению с любым кандидатом-самовыдвиженцем.

Наконец, третье ключевое юридическое преимущество партийных кандидатов проявляется на стадии предвыборной агитации, правовому регулированию которой посвящена глава VIII закона «О выборах депутатов Государственной Думы». Детальный анализ ее положений показывает, что законодатель создает для партий и их кандидатов значительно более благоприятный режим. В частности, в соответствии со ст. 65 и 66 указанного закона государственные и муниципальные организации телерадиовещания и редакции периодических печатных изданий обязаны предоставлять бесплатное эфирное время и бесплатную печатную площадь как политическим партиям (для агитации за федеральный список), так и зарегистрированным кандидатам (включая самовыдвиженцев) для агитации в одномандатных округах. Однако здесь, по нашему мнению, возникает скрытое неравенство, суть которого заключается в том, что половина бесплатного эфирного времени и печатной площади региональных государственных средств массовой информации согласно ч. 5 ст. 65 и ч. 2 ст. 66 закона «О выборах депутатов Государственной Думы» распре-

деляется между политическими партиями, а вторая половина – между всеми кандидатами в округах. Таким образом, кандидат, выдвинутый партией, получает, по сути, двойной доступ к бесплатным агитационным ресурсам, в первый раз как представитель своей партии, а во второй раз – наравне с другими кандидатами, включая самовыдвиженцев, в своем округе. При этом кандидат-самовыдвиженец имеет доступ только ко второй части этого ресурса. В своей совокупности эти и другие юридические преимущества формируют правовую систему, при которой формальный статус кандидата от партии и формальный статус кандидата-самовыдвиженца становятся юридически несопоставимыми. Такое положение дел, с нашей точки зрения, вступает в прямое и неразрешимое противоречие с сущностью конституционного принципа, предполагающего равенство всех граждан как индивидуальных носителей политических прав, а не равенство внутри отдельных, законодательно созданных и привилегированных категорий кандидатов.

Созданная законодателем система юридических преимуществ для кандидатов, выдвигаемых политическими партиями, на наш взгляд, не только сама по себе является мощнейшим фактором деформации принципа равенства пассивного избирательного права граждан, но и вступает в сложное взаимодействие с ранее рассмотренным нами фактором медийного капитала, многократно усиливая его деформирующее воздействие. Наблюдение за электоральной практикой последних лет позволяет нам с высокой степенью уверенности утверждать, что политические партии, осознавая логику функционирования современного информационного общества и законы политической конкуренции в нем, активно и целенаправленно используют предоставленные им законом организационно-правовые и финансовые ресурсы для привлечения в свои избирательные списки кандидатов, уже обладающих высоким уровнем изначальной узнаваемости. В результате этого возникает своего рода симбиотический альянс, который оказывается чрезвычайно эффективным для его участников, но при этом дополнительно вытесняет из реальной политической борьбы рядового гражданина, не обладающего ни одним из этих ресурсов.

Мы полагаем, что механизм этого симбиоза является достаточно простым, но при этом чрезвычайно действенным. Для политической партии как для организации, основной целью которой является борьба за получение и удержание власти, выдвижение в качестве кандидата популярного актера, известного спортсмена или телеведущего представляет собой рациональный и оправданный шаг, поскольку такое решение позволяет партии с минимальными затратами решить сразу несколько важнейших электоральных задач. Во-первых, оно позволяет практически мгновенно преодолеть барьер недоверия и отчужденности, зачастую существующий между политическими институтами и значительной частью общества, поскольку избиратели склонны переносить свое позитивное, эмоциональное отношение к известной

¹ Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» // Собрание законодательства РФ. 16 июля 2001 г. № 29. Ст. 2950.

личности на ту политическую силу, которую эта личность представляет. Во-вторых, высокий медийный капитал кандидата позволяет политической партии существенно сэкономить финансовые и организационные ресурсы, которые в ином случае потребовались бы для проведения мероприятий по формированию его электоральной узнаваемости, поскольку такому кандидату не требуется масштабная агитационная кампания, направленная на первичное информирование избирателей о его личности. И, в-третьих, это позволяет партии скрыть или завуалировать свои не всегда популярные идеологические установки или результаты своей предыдущей политической деятельности за ярким и привлекательным образом медийной персоны.

В свою очередь для самой медийной личности, желающей конвертировать свою известность в политический статус, союз с влиятельной политической партией также является практически безальтернативным и максимально выгодным шагом, поскольку вступая в этот альянс, кандидат получает мгновенный доступ ко всему комплексу юридических привилегий, которые мы детально рассмотрели выше. Ему не нужно заниматься крайне сложной процедурой сбора десятков тысяч подписей, поскольку партия решает эту проблему за него. Он получает доступ к значительным финансовым ресурсам партии, включая средства государственного финансирования, что избавляет его от необходимости самостоятельно искать спонсоров для своей избирательной кампании. Он получает в свое распоряжение весь организационный и кадровый аппарат партии, включая юристов, политтехнологов и агитаторов, которые профессионально ведут его кампанию. И, наконец, он получает дополнительный доступ к бесплатным агитационным ресурсам в средствах массовой информации, которые закон предоставляет политическим партиям. Таким образом, происходит взаимовыгодный обмен, в ходе которого партия предоставляет медийной личности свою мощную организационно-правовую машину и финансовые ресурсы, а взамен получает ее электоральную привлекательность и популярность.

Итогом этого симбиоза, полностью находящегося в рамках действующего правового поля, становится формирование категории своего рода (да простят нас читатели за использование неакадемической лексики) «супер-кандидатов», которые объединяют в себе все три ключевых ресурса, необходимых для победы на современных выборах, а именно: значительные финансовые возможности (предоставленные партией), высокий изначальный медийный капитал и полный набор юридических привилегий, закрепленных в законе. По нашему мнению, является совершенно очевидно, что ни один рядовой гражданин, реализующий свое конституционное право быть избранным в порядке самовыдвижения, не в состоянии даже гипотетически составить реальную конкуренцию такому кандидату. В результате этого избирательный процесс из равного и честного состязания идей и программ превращается в сугубо технологическую процедуру,

результат которой во многом предопределен еще до ее начала фактическим распределением ресурсов между ее участниками. Считаем сказанное выше еще одним убедительным доказательством того, что совокупность действующих правовых институтов, регулирующих избирательный процесс, в своем системном взаимодействии приводит не к обеспечению, а к тотальной деформации одного из основополагающих конституционных принципов демократического правового государства – принципа равенства пассивного избирательного права всех граждан.

Сложившаяся в результате описанного симбиоза политических партий и медийных личностей ситуация, на наш взгляд, порождает еще один сложный социально-правовой парадокс, который заслуживает отдельного осмысления. Он заключается в очевидном противоречии между декларируемым общественным недовольством качеством депутатского корпуса, сформированного с активным участием известных деятелей культуры и спорта, и устойчивым воспроизводством этой же самой модели электорального выбора в ходе последующих избирательных кампаний. В межвыборный период в публичном пространстве, в средствах массовой информации и в социальных сетях достаточно часто звучит критика в адрес депутатов, пришедших в политику из сферы шоу-бизнеса или большого спорта. Эта критика, как правило, является вполне предметной и справедливой, поскольку таким депутатам зачастую вменяется в вину низкий уровень правовой и экономической компетентности, их отстраненность от реальных проблем избирателей, внесение ими популистских или откровенно непроработанных законодательных инициатив, а также их фактическое превращение в своего рода статистов, дисциплинированно голосующих в соответствии с позицией партийного руководства. Казалось бы, такая негативная общественная оценка должна привести к формированию у избирателей устойчивого иммунитета против подобных политтехнологических манипуляций и, как следствие, к отказу от поддержки аналогичных кандидатов на следующих выборах.

Однако на практике мы наблюдаем совершенно иную картину. Как только начинается новая избирательная кампания, значительная часть тех же самых избирателей, которые ранее выражали свое недовольство «Думой певцов и спортсменов», вновь с удивительным постоянством отдают свои голоса кандидатам, чьим главным, а порой и единственным достоинством является их широкая медийная известность. Мы полагаем, что этот парадокс нельзя объяснить лишь простой неразборчивостью или политической наивностью граждан. На наш взгляд, его корни лежат гораздо глубже – в самой природе информационного воздействия и в тех условиях, в которые правовой механизм избирательного процесса ставит рядового избирателя. В условиях перенасыщенного информацией мира, дефицита времени и низкого уровня доверия к политическим институтам в целом для многих граждан процесс принятия электораль-

ного решения становится крайне сложной когнитивной задачей. В этой ситуации выбор в пользу уже знакомого, известного и, как правило, обладающего позитивным имиджем лица, например, любимого актера или прославленного спортсмена, становится для избирателя наиболее простым и психологически комфортным решением, избавляющим его от необходимости тратить время и усилия на изучение и сравнение политических программ незнакомых ему кандидатов, в искренность и компетентность которых он априори не верит.

Таким образом, политические партии, используя предоставленные им законом юридические и финансовые преимущества для выдвижения медийных кандидатов, не просто манипулируют общественным мнением, а эксплуатируют объективно существующие закономерности массового электорального поведения. И механизм правового регулирования избирательного процесса, как мы уже неоднократно подчеркивали, не только не создает никаких барьеров для подобных манипуляций, но и, напротив, всячески им способствует. В результате этого избиратель, будучи формально свободным в своем выборе, фактически оказывается в ловушке, созданной для него всей избирательной системой. Он может быть искренне недоволен результатами работы парламента предыдущего созыва, но в момент голосования, когда ему предстоит сделать выбор между хорошо знакомым и вызывающим положительные эмоции лицом и несколькими незнакомыми и ничем непримечательными фамилиями, он с высокой долей вероятности вновь сделает выбор в пользу первого. Безусловно, мы отмечаем, что в последние годы наблюдается достаточно серьезная тенденция к снижению числа откровенно медийных персон в составе депутатского корпуса. По нашему мнению, это свидетельствует не о том, что данная проблема исчерпала себя, а лишь о том, что политические партии стали несколько более взвешенно и избирательно подходить к использованию этого политтехнологического инструмента, осознав его репутационные издержки. При этом сам правовой механизм, делающий возможным и даже поощряющий подобный симбиоз, остается неизменным, а значит, и проблема сохраняет свою актуальность, продолжая оказывать свое системное деформирующее воздействие на принцип равенства пассивного избирательного права граждан и на качество народного представительства в целом.

Подводя итог проведенному нами исследованию, считаем необходимым еще раз подчеркнуть, что продемонстрированная нами системная деформация конституционного принципа равенства пассивного избирательного права граждан является не следствием каких-либо случайных дефектов законодательства или правоприменительных ошибок, а представляет собой имманентный, внутренне присущий самой конструкции современного механизма правового регулирования избирательного процесса результат его функционирования. Мы показали, что совокупность действующих и формально-нейтральных правовых

институтов, регулирующих порядок финансирования избирательных кампаний, проведения предвыборной агитации и определяющих правовой статус политических партий, в своем системном взаимодействии с объективно существующим в обществе неравенством граждан в их доступе к финансовым и медийным ресурсам, формирует целостную систему, которая не только не обеспечивает достижения своей главной цели, состоящей в создании реальных равных возможностей для всех граждан при реализации ими своего пассивного избирательного права, но и, напротив, легитимирует и углубляет их политическое неравенство. В рамках этой системы конституционное право рядового гражданина быть избранным, не будучи формально отмененным или ограниченным, на практике выхолащивается, превращаясь для подавляющего большинства населения страны в сугубо декларативную, не подкрепленную реальными возможностями юридическую фикцию.

Вместе с тем мы в полной мере осознаем, что проведенный анализ, выявляющий и диагностирующий эту сложную теоретико-правовую проблему, является лишь первым шагом на пути к ее возможному разрешению. При этом мы сознательно не ставили перед собой в рамках настоящей статьи в качестве цели разработку каких-либо конкретных предложений, направленных на противодействие описанным нами деформирующим процессам. По нашему глубокому убеждению, поиск эффективных правовых механизмов, способных обеспечить подлинное, а не декларативное равенство политических возможностей граждан, представляет собой чрезвычайно сложную научную и практическую задачу, которая очевидно не может быть решена в рамках такого научного жанра, как статья. Полноценное решение этой задачи, как нам представляется, требует проведения отдельного, комплексного монографического исследования с обязательным привлечением не только специалистов в области теории права и конституционного права, но и экспертов из смежных областей научного знания – экономики, политической социологии и политологии, поскольку корни проблемы, как нам видится, лежат на стыке правовой и социально-экономической реальностей.

Более того, мы полагаем, что решение обозначенной нами проблемы не может быть простым и прямолинейным. Так, например, идея, которая, казалось бы, лежит на поверхности и вытекает из самой логики нашего анализа, о необходимости кардинального изменения модели финансирования избирательных кампаний путем полного отказа от частных пожертвований и перехода к системе прямого и равного государственного финансирования для всех без исключения зарегистрированных кандидатов с запретом использования для проведения предвыборной агитации любых других средств за исключением выделенных государством, при более глубоком осмыслении оказывается, по нашему мнению, очевидно не работоспособной и даже контрпродуктивной. Объясняется это тем, что реализация такого подхода на

практике будет означать необходимость расходования колоссальных объемов бюджетных средств, формируемых за счет налогов и сборов со всех граждан, организаций и предприятий, на финансирование избирательных кампаний заведомо непроходных кандидатов (так как очевидно, что не все кандидаты могут быть избранными). Соответственно, большая часть выделенных денежных средств попросту «сгорит» при финансировании так называемых «технических» кандидатов, единственная задача которых заключается не в победе на выборах, а в распылении голосов избирателей, или же лиц, преследующих цели, далекие от реального представительства интересов избирателей. Такое использование бюджетных денежных средств вряд ли может считаться рациональным и справедливым и, скорее всего, вызовет лишь дополнительное отторжение и недоверие граждан ко всей избирательной системе в целом. По нашему убеждению, поиск реального решения лежит не в плоскости подобных прямолинейных и затратных мер, а в области нормативной перенастройки всего механизма правового регулирования избирательного процесса, направленной на создание такой системы стимулов и ограничений, которая бы ограничивала чрезмерное влияние финансового и медийного капитала на политический процесс, но при этом не подавляла бы политическую конкуренцию и не нарушала бы основополагающие права и свободы граждан. Разработка такой сбалансированной модели должна стать, по нашему мнению, предметом будущих научных изысканий.

Библиографический список

1. Алиева З. И., Гасанов Н. А. Принципы избирательного права РФ: понятие, виды и роль в правовом регулировании избирательных отношений // Евразийский юридический журнал. 2022. № 1 (164). С. 103–105.
2. Бергер А. Ю. Сравнительно-правовой анализ действия конституционных прав и свобод человека и гражданина в частном праве Германии и России // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 1 (98). С. 100–119.
3. Лазарев В. В. Пробелы в праве и пути их устранения: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2025. 184 с.
4. Мейер Д. И. Русское гражданское право // Классика российского права. URL: https://civil.consultant.ru/elib/books/45/page_27.html (дата обращения: 05.07.2025).
5. Нудненко Л. А. Некоторые проблемы соблюдения принципа равного избирательного права при регистрации кандидатов в депутаты // Государство и право. 2016. № 5. С. 46–55.
6. Оспанов Т. А. Политическая конкуренция в России: конституционно-правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. М., 2015. 22 с.
7. Троян В. А. Конституционно-правовые гарантии субъективного избирательного права: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. Белгород, 2021. 173 с.

8. Худолей Д. М. Принцип равного избирательного права в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. Пермь, 2007. 192 с.

9. Шевердяев С. Н. Допустимые отступления от принципа равенства пассивного избирательного права // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 8. С. 20–28.

References

1. Alieva Z. I., Hasanov N. A. Principles of electoral law of the Russian Federation: the concept, types and role in the legal regulation of electoral relations // Eurasian Law Journal. 2022. No. 1 (164). Pp. 103–105.
2. Berger A. Y. Comparative legal analysis of the constitutional rights and freedoms of man and citizen in Private law in Germany and Russia // Comparative Constitutional Review. 2014. No. 1 (98). Pp. 100–119.
3. Lazarev V. V. Gaps in law and ways to eliminate them: monograph. M.: Norm: INFRA-M, 2025. 184 p.
4. Meyer D. I. Russian civil law // Classics of Russian law. URL: https://civil.consultant.ru/elib/books/45/page_27.html (date of application: 07/05/2025).
5. Nudnenko L. A. Some problems of observing the principle of equal suffrage when registering candidates for deputies // State and Law. 2016. No. 5. Pp. 46–55.
6. Ospanov T. A. Political competition in Russia: constitutional and legal aspects: abstract of the dis. ... cand. jurid. sciences: 12.00.02. M., 2015. 22 p.
7. Troyan V. A. Constitutional and legal guarantees of subjective electoral law: dis. ... cand. jurid. sciences: 12.00.02. Belgorod, 2021. 173 p.
8. Khudolei D. M. The principle of equal suffrage in the Russian Federation: dis. ... cand. jurid. sciences: 12.00.02. Perm, 2007. 192 p.
9. Sheverdyayev S. N. Permissible deviations from the principle of equality of passive suffrage // Constitutional and municipal law. 2015. No. 8. Pp. 20–28.

Информация об авторе

Леонов Александр Петрович – кандидат юридических наук

Information about the author

Leonov Alexander P. – Candidate of Law

Статья поступила в редакцию 21.07.2025; одобрена после рецензирования 10.10.2025; принята к публикации 17.12.2025

The article was submitted 21.07.2025; approved after reviewing 10.10.2025; accepted for publication 17.12.2025

Деятельность субъектов публичной власти в сфере правового регулирования предпринимательства: теоретико-правовой аспект

Тараборин Роман Сергеевич¹, Тепляков Игорь Игоревич², Хвастунов Константин Валерьевич³
^{1, 2, 3} Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Екатеринбург, Россия
¹ Автор, ответственный за переписку: Тепляков Игорь Игоревич, z-nit@yandex.ru

Аннотация. В представленном исследовании раскрываются теоретико-правовые основания современного механизма правового регулирования предпринимательской деятельности в Российской Федерации. Обобщаются взгляды современных исследователей российского права на существенные элементы механизма исследуемого правового регулирования, дается авторская характеристика источникам правового регулирования предпринимательства. На основании анализа теоретико-правовых источников и нормативных правовых актов сформирована авторская классификация правовых актов федерального уровня, в которых содержатся нормы, посвященные организации и реализации предпринимательства в Российской Федерации. В ходе исследования выявлено, что объекты научной сферы в настоящее время по объективным причинам не могут быть определены в качестве объекта концессионных соглашений и механизмов реализации государственно-частного партнерства. Сформированы авторские предложения, направленные на решение данной проблемы и гармонизацию системы источников правового регулирования предпринимательской деятельности в Российской Федерации.

Ключевые слова: правовой механизм, предпринимательство, органы публичной власти, государственно-частное партнерство, объекты научной инфраструктуры

Для цитирования: Тараборин Р. С., Тепляков И. И., Хвастунов К. В. Деятельность субъектов публичной власти в сфере правового регулирования предпринимательства: теоретико-правовой аспект // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 4. С. 50–57.

Original article

Activities of public authorities in the sphere of legal regulation of entrepreneurship: theoretical and legal aspect

Taraborin Roman S.¹, Teplyakov Igor I.², Khvastunov Konstantin V.³
^{1, 2, 3} Ural Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and
Public Administration, Yekaterinburg, Russia
¹ Corresponding author: Teplyakov Igor I., z-nit@yandex.ru

Abstract. The presented study reveals the theoretical and legal foundations of the modern mechanism of legal regulation of entrepreneurial activity in the Russian Federation. The views of modern researchers of Russian law on the essential elements of the mechanism of the studied legal regulation are summarized, the author's characteristics of the sources of legal regulation of entrepreneurship are given. Based on the analysis of theoretical and legal sources and regulatory legal acts, the author's classification of legal acts of the federal level, which contain norms devoted to the organization and implementation of entrepreneurship in the Russian Federation, is formed. The study revealed that the objects of the scientific sphere currently, for objective reasons, cannot be defined as an object of concession agreements and mechanisms for the implementation of public-private partnerships. The author's proposals are formed aimed at solving this problem and harmonizing the system of sources of legal regulation of entrepreneurial activity in the Russian Federation.

Keywords: legal mechanism, entrepreneurship, public authorities, public-private partnership, scientific infrastructure facilities

For citation: Taraborin R. S., Teplyakov I. I., Khvastunov K. V. Activities of public authorities in the sphere of legal regulation of entrepreneurship: theoretical and legal aspect // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 4. Pp. 50–57.

Прежде всего следует подчеркнуть, что конституционно-правовой статус субъектов публичной власти, в том числе и на уровне государственной администрации, предопределяет обязанность данных субъектов по установлению нормативных требований и ограничений для субъектов предпринимательской деятельности при реализации ими своего права на осуществление исследуемого вида экономической деятельности. Следует согласиться с мнением представителей науки публичного (государственного) права, обосновывающих объективную необходимость установления таких ограничений. В частности, О. А. Малютина отмечает по данному вопросу следующее: «Это (ограничения – прим. автора) связано с необходимостью обеспечения интересов других лиц (потребителей, предпринимателей), а также общества и государства в целом» [1, с. 552]. Отметим, что в науке публичного права обосновывается, что нормативная регламентация общих принципов деятельности и ограничений субъектов общественных отношений, является одним из базовых элементов компетенции органов публичной власти [2, с. 59]. Заметим, что рассматриваемые требования и ограничения не являются однопорядковой категорией, а подлежат дифференциации. В рамках классического доктринального подхода разумным представляется подразделить указанные требования и ограничения на общие и специальные. Их правовой смысл состоит в том, что они возлагают на потенциальный субъект предпринимательской деятельности, а равно на уже действующий субъект предпринимательства, определенные обязательства по совершению определенных действий либо же, наоборот, обязанность воздержаться от соблюдения определенных действий с целью соответствия режиму правового поведения при осуществлении предпринимательской деятельности.

Основополагающим правовым актом, регулирующим общие принципы и требования к регулированию предпринимательской деятельности, равно как и к иным видам общественных отношений, является Конституция Российской Федерации. К конституционным нормам-принципам регулирования предпринимательской деятельности, по нашему мнению, относятся следующие положения Основного закона России:

- общая презумпция, согласно которой осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц (ч. 3 ст. 17);
- императивное ограничение недобросовестной конкуренции и попыток монополизации при осуществлении экономической деятельности (ч. 2 ст. 34).

Следует особо отметить гармонизацию устанавливаемых Конституцией Российской Федерации ограничений для субъектов предпринимательской деятельности, которые касаются не только этих субъектов, но также и деятельности государства, которое может устанавливать какие-либо ограничения, только в поименованных Основным законом пределах, закрепленных в ч. 3 ст. 55: «права и свободы могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства».

Следующим элементом в иерархии общих принципов регулирования предпринимательской деятельности является обязательная процедура государственной регистрации субъекта предпринимательства, установленная Гражданским Кодексом Российской Федерации (далее – ГК РФ). С точки зрения правового механизма регулирования содержание данной процедуры может быть охарактеризовано как необходимое требование для получения правосубъектности в предпринимательских отношениях. Соответствующими положениями ГК РФ вышеуказанное требование закрепляется как для юридических лиц, так и для физических лиц, намеревающихся осуществлять предпринимательскую деятельность (ст. 23, 51).

Регистрация юридических лиц и индивидуальных предпринимателей со стороны государства осуществляется уполномоченным федеральным органом исполнительной власти в рамках учета сведений о юридически значимых фактах в реестровой форме: занесению подлежат сведения о начале или об окончании деятельности субъекта предпринимательства – юридического лица (его создание / ликвидация), а также об его существенных юридических изменениях (например, реорганизация). Аналогичный порядок касается также различных стадий деятельности физических лиц – индивидуальных предпринимателей, в том числе это касается и иных юридически значимых сведений согласно ст. 1 Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (далее – Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ).

Государственная регистрация необходима для ведения учета предпринимателей, контроля за их деятельностью и обеспечения интересов их кредиторов. Нормативный механизм государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей представляет собой совокупность положений ГК РФ, Федерального закона от 08.08.2001 №

129-ФЗ и правовых актах, издаваемых в соответствии с требованиями вышеуказанных законодательных актов (например, форма заявления о государственной регистрации юридического лица, индивидуального предпринимателя утверждается Правительством Российской Федерации).

Государственная регистрация индивидуально-го предпринимателя осуществляется по месту его жительства, государственная регистрация субъекта предпринимательства в форме юридического лица – по месту нахождения постоянно действующего исполнительного органа (в случае его отсутствия – по месту нахождения иного органа или лица, имеющих право действовать от имени юридического лица без доверенности). Срок государственной регистрации – не более пяти рабочих дней со дня представления документов в регистрирующий орган и уплаты государственной пошлины.

В соответствии с действующим публично-правовым порядком разграничения полномочий между федеральными органами исполнительной власти Федеральная налоговая служба Российской Федерации (далее – ФНС России) выступает оператором государственной услуги по регистрации субъектов предпринимательской деятельности. Данная федеральная служба уполномочена на ведения реестров, которые являются федеральными ресурсами информационного характера: ЕГРЮЛ – реестр в отношении субъектов предпринимательской деятельности юридических лиц; ЕГРИП – реестр физических лиц, имеющих статус индивидуального предпринимателя. Регламентация операций с вышеуказанными государственными реестрами закреплена порядком, установленным уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти (в настоящее время это Министерство финансов Российской Федерации).

Как отмечается в доктринальных источниках, установленное государством условие о лицензировании отдельных видов экономической деятельности оказывает весьма существенное влияние на потенциальную возможность того или иного субъекта вести предпринимательскую деятельность в установленной сфере экономико-хозяйственных отношений. А. Д. Сайфутдинова при этом отмечает, «что основание для отказа, такое как несоответствие соискателя лицензии лицензионных требований, упоминается лишь отраслевым законодательством, без адекватного отражения в положениях об лицензировании видов деятельности. Речь идет об установлении особенностей правового статуса и организационно-правовой формы, намеренные на осуществление лицензированной деятельности. Лицензирование предпринимательской деятельности может влиять на темпы развития бизнеса, как с положительной стороны, так и с отрицательной» [3, с. 147].

В настоящее время перспективными направлениями развития института лицензирования предпринимательской деятельности следует признать гармонизацию законодательства в целях обеспечения

эффективной и объективной процедуры лицензирования, совершенствование процедур мониторинга качества предоставления услуг, подлежащих лицензированию, а также цифровизацию лицензирования и сопутствующих процессов, прежде всего, за счет введения государственных электронных систем и сервисов.

Безусловно, реализация указанного механизма должна иметь разумные пределы в контексте соблюдения прав представителей предпринимательского сообщества. Следует поддержать следующую позицию С. А. Карпенцевой: «Определение необходимости и основных направлений современного российского государственного регулирования лицензирования предпринимательства зависит от баланса между необходимостью обеспечения безопасности и качества товаров и услуг, защиты прав потребителей и улучшения условий для развития предпринимательства» [4, с. 2].

Обобщая изложенное, можно произвести авторскую классификацию федеральных законов, в которых содержатся нормы, посвященные организации и реализации предпринимательства. Основным элементом классификации в данном случае будут являться акты федерального законодательства в рамках соответствующего общепринятого подхода в российской юридической науке [5, с. 83]. Рациональным представляется дифференцировать эти акты на пять отдельных групп:

I. Акты, устанавливающие обязательные требования к осуществлению предпринимательской деятельности:

– Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»;

– Федеральный закон от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании»;

– Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля»;

– Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности»;

– Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации».

II. Акты, устанавливающие общие принципы организации рыночного механизма и предпринимательской деятельности в Российской Федерации:

– Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»;

– Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции»;

– Федеральный закон от 28 декабря 2009 г. № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации»;

– Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 325-ФЗ «Об организованных торгах».

III. Акты, закрепляющие организационно-правовые формы субъектов предпринимательской деятельности:

- Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»;
- Федеральный закон от 8 мая 1996 г. № 41-ФЗ «О производственных кооперативах»;
- Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»;
- Федеральный закон от 14 ноября 2002 г. № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях».

IV. Акты, регулирующие особенности осуществления отдельных (специальных) видов предпринимательской деятельности:

- Федеральный закон от 29 октября 1998 г. № 164-ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)»;
- Федеральный закон от 29 ноября 2001 г. № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах»;
- Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе»;
- Федеральный закон от 30 декабря 2008 г. № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности».

V. Акты, устанавливающие основные направления и формы поддержки предпринимательской деятельности со стороны государства:

- Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации».

Таким образом, можно сделать вывод, что с одной стороны, исследуемый механизм законодательного регулирования является достаточно дифференцированным, и это неизбежно требует его постоянного мониторинга на предмет различных пробелов и коллизий, а также релевантности современному состоянию развития предпринимательства в Российской Федерации, с другой – используемый дифференцированный подход позволяет государственной администрации обеспечивать надлежащее правовое регулирование всех аспектов предпринимательской деятельности и при необходимости осуществлять оперативное изменение отдельных элементов законодательного регулирования предпринимательства, не затрагивая общие правовые принципы осуществления предпринимательской деятельности в Российской Федерации.

Отдельно следует отметить, что с учетом экономико-правовых преобразований в регулировании предпринимательских отношений можно выделить новые институциональные формы взаимодействия публичного и частного секторов в предпринимательской деятельности, которые требуют пристального внимания.

Одной из таких форм является государственно-частное партнерство.

Следует особо отметить, что в правовой науке и правоприменительной практике Российской Федерации все еще не сложилась единообразная интерпретация содержания категории «государственно-частное партнерство», несмотря на тенденциозность

данного вида публично-частного партнерства в различных сферах общественных отношений.

В этой связи отметим суть государственно-частного партнерства, заключающуюся в осуществлении различных проектов инвестиционного характера, объектом которых, в свою очередь, выступает муниципальная или государственная инфраструктура. Следовательно, государственно-частное партнерство отличается достаточно высокой степенью интеграции публично-правового и частного-правового секторов экономической и управленческой деятельности.

Основанием для вышеуказанных выводов являются доктринальные и нормативные подходы к идентификации определения государственно-частного партнерства. В частности, А. В. Белицкая считает, что «под государственно-частным партнерством следует понимать юридически оформленное на определенный срок, основанное на объединении вкладов и распределении рисков сотрудничество публичного и частного партнеров в целях решения государственных и муниципальных задач, осуществляемое путем реализации инвестиционных проектов в отношении объектов, находящихся в сфере публичного интереса и контроля» [6, с. 204]. В. В. Килинков отмечает следующие существенные признаки государственно-частного партнерства: «государственно-частное партнерство в России (в том числе в сфере образования и науки) – это особое договорное обязательство, выраженное в законодательстве в форме двух схожих договоров, а именно, концессионного соглашения, урегулированного Федеральным законом от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях», а также соглашения о государственно-частном (муниципально-частном) партнерстве, предусмотренного Федеральным законом от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [7, с. 212]. В свою очередь ст. 3 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» дает следующее легальное определение государственно-частного и муниципально-частного партнерств: это юридически оформленное на определенный срок и основанное на объединении ресурсов, распределении рисков сотрудничество публичного партнера, с одной стороны, и частного партнера, с другой стороны, которое осуществляется на основании соглашения о государственно-частном партнерстве, соглашения о муниципально-частном партнерстве, заключенных в соответствии с настоящим Федеральным законом в целях привлечения в экономику частных инвестиций, обеспечения органами государственной власти и органами местного самоуправления доступности товаров, работ, услуг и повышения их качества. Из буквального толкования данных положений закона следует, что такие факторы, как улучше-

ние качества поставляемой продукции и увеличение объемов привлеченных инвестиций определяются субъектом законотворчества как критерии эффективности государственно-частного партнерства.

Представляется, что для общественных отношений социального характера в целом, равно как и для сферы научной деятельности в частности значение государственно-частного партнерства будет возрастать, в контексте решения не только тактических (например, реконструкция зданий и сооружений учреждений РАН), но и стратегических (например, реализация результатов НИР и НИД государственных учреждений науки) задач.

Реализация проектов государственно-частного партнерства позволяет государственному сектору оптимизировать административную нагрузку в части обслуживания отдельных объектов или оказания отдельных услуг, сконцентрировав полномочия на решении ключевых вопросов развития объекта и контроле за исполнением своих обязательств со стороны частного партнера, что позволяет нивелировать риски ненадлежащего использования объекта или недобросовестного исполнения иных обязательств частным партнером.

Следует отметить перспективность реализации проектов государственно-частного партнерства в сфере науки в рамках такого направления, как ремонт, реконструкция и строительство новых объектов научной инфраструктуры (научные институты, лаборатории и т. д.), в процессе реализации которого расходы на указанные процессы будут частично, а в отдельных случаях, возможно, и полностью обеспечены средствами внебюджетных источников. Среди преимуществ такого потенциального подхода следует отметить заинтересованность частного партнера в оперативном и качественном завершении инвестиционного цикла и переходе к циклу эксплуатации для скорейшего получения прибыли, повышение рациональности расходных обязательств, существенную экономию на операционных расходах, потенциальное снижение общей итоговой стоимости проекта и т. д.

Несмотря на выявленные потенциальные преимущества государственно-частного партнерства в научной сфере, следует отметить наличие определенных законодательных пробелов, препятствующих реализации исследуемых проектов в рамках государственного регулирования научной деятельности в Российской Федерации. Так, базовый федеральный закон, регламентирующий реализацию государственной научно-технической политики, не детализирует государственно-частное партнерство в указанной сфере, а лишь оговаривает приоритетность использования его инструментов для стимулирования инновационной деятельности. Примечательно, что формы поддержки инновационной деятельности поименованы в законе только для субъектов публичного управления (Российская Федерация и ее субъекты, органы исполнительной власти федерального и регионального уровней), в то время как для субъектов частной сферы закрепляется норма, согласно которой «поддержка

инновационной деятельности может осуществляться юридическими и физическими лицами в формах, не противоречащих законодательству Российской Федерации». Полагаем, что выявленная пробельность препятствует эффективному развитию государственно-частного партнерства в сфере науки в Российской Федерации: с одной стороны, отсутствие нормативного закрепления форм поддержки инновационной деятельности субъектами частного сектора не ограничивает ее реализацию в целом, с другой – объекты научной инфраструктуры и научно-производственные комплексы не включены в перечень объектов концессионного соглашения (за исключением специальных судов, осуществляющих научно-исследовательскую деятельность) и не указаны среди объектов соглашения о государственно-частном партнерстве (в данном случае отдельными объектами могут гипотетически считаться только программы для ЭВМ, базы данных, информационные системы и центры обработки данных).

Таким образом, объекты научной инфраструктуры могут подлежать включению в предмет государственно-частного партнерства только в случае прямого указания соответствующих положений в федеральных законах. Вместе с тем установление соответствия между указанными объектами научного назначения (центры, лаборатории, технопарки, научные установки, оборудование и т. д.) и объектами социального назначения (транспорт, ЖКХ, культура, досуг и т. п.) представляется некорректным.

Использование результатов деятельности объектов научной инфраструктуры, обладающих научной и практической новизной, уже по своей сути следует отнести к виду инновационной деятельности, следовательно, происходит гармонизация норм-принципов федерального законодательства о науке и научно-технической политике, о государственно-частном или муниципально-частном партнерстве. Таким образом, можно идентифицировать специальную сферу производства, которая ориентирована на использование частных ресурсов в эксплуатации объектов научно-производственного комплекса, проведение научных исследований и разработок с последующим выпуском соответствующего продукта.

Возможные направления реализации государственно-частного партнерства в области науки и реализации научно-технической политики, по нашему мнению, не ограничиваются лишь отдельными сегментами промышленного производства, развитием энергоресурсной базы и т. д. В результате складывается ситуация, при которой нормативно закрепленные на сегодняшний день виды и формы государственно-частного партнерства не соответствуют вызовам, стоящим перед научно-производственным комплексом Российской Федерации, а создают необоснованные препятствия для интеграции в данную сферу частных инвесторов. Вышеуказанное позволяет заключить наличие необходимости правовой идентификации объектов научного и научно-производственного ком-

плексов в качестве самостоятельного вида объектов государственно-частного партнерства.

Отдельной проблемой являются ситуации, при которых по объективным причинам инфраструктура в сфере науки после введения в эксплуатацию не планируется для использования в образовательном процессе. В качестве примера можно привести ситуацию, когда в процессе модернизации учебного здания вуза реализуется проект по оснащению научно-исследовательского центра или приобретению современного лабораторного оборудования, или когда при реконструкции учебного корпуса высшего учебного заведения может быть реализовано техническое оснащение новой исследовательской лаборатории или произведена закупка специализированного научно-оборудования.

Так, В. В. Килинков в своих работах детализирует следующие аспекты проблемного характера: «проблема состоит в том, что предусмотренные законом и соглашением сторон обязательства по финансированию привязаны к объекту образования и образовательной деятельности, а не к научной деятельности, финансирование которой возможно лишь за счет частного партнера и не должно охватываться финансовой моделью проекта; кроме того, соответствующие расходы частного партнера на создание и эксплуатацию научной инфраструктуры за пределами образовательного процесса не могут возмещаться публичным партнером» [7, с. 222].

В результате в рамках действующей конфигурации государственно-частного партнерства объекты научного назначения не могут выступать предметом концессионных соглашений. Безусловно, такое ограничение нивелирует взаимодействие инфраструктурных научных комплексов с объектами здравоохранения, образования, промышленного производства при государственно-частном партнерстве, что, безусловно, не соответствует стратегическим вызовам и задачам, которые стоят перед российской экономикой в настоящее время.

На основании вышеизложенного целесообразным представляется дополнить Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» отдельной статьей, регламентирующей особенности государственно-частного партнерства в сфере науки, устанавливающей правовой смысл, принципы, перечень типовых форм и методов участия в таком партнерстве как для субъектов государственной администрации, так и для субъектов, представляющих частный сектор общественных отношений.

Включению в указанные перечень, по нашему мнению, должны подлежать следующие формы и методы государственно-частного партнерства: поддержка экспорта; консультационные услуги; стимулирование спроса на продукцию инновационного производства и т. д.

Итак, по результатам исследования предпринимательской деятельности в качестве объекта функцио-

нирования государственной администрации можно сделать следующие выводы.

В настоящее время на доктринальном уровне не сложилось единого мнения о характеристике определения «предпринимательская деятельность», закрепленного в ст. 2 ГК РФ в качестве легального. С учетом изложенного, разумным представляется дать авторское уточнение понятия «предпринимательская деятельность» как процесса самостоятельного поиска изменений в потребностях, спросе конечного потребителя на товары и услуги и удовлетворения выявленных потребностей в формах, установленных федеральным законом, на свой риск с целью систематического получения прибыли.

В доктрине российского права для разграничения предпринимательства от иных смежных видов общественных отношений принято выделять его существенные нормативные критерии, установленные гражданским законодательством Российской Федерации, среди которых самостоятельность при реализации предпринимательства, несение рисков в рамках осуществления предпринимательства, систематичность участия в предпринимательских отношениях и систематическое получение прибыли от исследуемого вида деятельности.

В настоящее время раскрытие критерия «систематичность» не нашло своего отражения ни в законодательстве, ни в правоприменительной практике. Данные правовые пробелы вызывают обоснованную критику в отечественной цивилистической науке. Подтверждение факта систематического получения прибыли фактически определяется применительно отдельно к каждому конкретному случаю соответствующими правоприменительными органами на основании обобщения материалов судебной практики и толкования законодательства.

В Российской Федерации на уровне федерального законодательства отсутствует единый универсальный правовой акт, регламентирующий осуществление всевозможных форм предпринимательской деятельности. Поэтому разумным представляется дифференцировать виды предпринимательской деятельности на основе их экономической классификации: производственное предпринимательство, коммерческое предпринимательство, финансовое предпринимательство и предпринимательство в сфере услуг.

В зависимости от положения органа государственной власти в системе государственного управления (высший, федеральный, орган власти субъекта Российской Федерации) характер его воздействия на предпринимательскую деятельность может быть соответственно стратегическим или оперативным.

В зависимости от объема соответствующих властных полномочий органа государственной власти, определенных Конституцией Российской Федерации, законодательством или подзаконными нормативными правовыми актами, регулирование предпринимательской деятельности может носить общий или специальный характер.

Таким образом, стратегический уровень регулирования предпринимательской деятельности общего характера осуществляют высшие органы государственной власти, которыми в соответствии со ст. 10 Конституции Российской Федерации определяются Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание, Правительство Российской Федерации, суды Российской Федерации. На данном уровне регулирования названные субъекты реализуют полномочия общего характера по правовому регулированию предпринимательской деятельности.

Исходя из структурно-функционального анализа Министерства экономического развития Российской Федерации, можно сделать вывод, что именно данный федеральный орган исполнительной власти является основным органом оперативного регулирования специального характера в сфере предпринимательской деятельности на федеральном уровне. Специфика характера данного регулирования определяется закрепленными властными полномочиями в сфере регулирования предпринимательской деятельности как в целом по министерству, так и его отдельным департаментам.

В контексте публично-правового регулирования исследуемых отношений следует отметить особую роль такого федерального органа исполнительной власти, как Федеральная антимонопольная служба Российской Федерации (далее – ФАС РФ).

Анализ Положения о ФАС РФ позволяет определить, что к ведению данной федеральной службы отнесены полномочия специального характера по правовому регулированию сфер деятельности, носящих критически важный характер для всей сферы предпринимательской деятельности: контроль за соблюдением антимонопольного законодательства; контроль за соблюдением законодательства в сфере государственного регулирования цен (тарифов) на товары (услуги); контроль за соблюдением законодательства в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и т. д.

Исследование данного механизма на уровне субъектов Российской Федерации на примере Свердловской области говорит о том, что он на региональном уровне имеет производную структуру от федерального уровня.

На основании доктринального и нормативного анализа регулирования предпринимательской деятельности со стороны системы органов публичной власти сформирована авторская классификация федеральных законов, в которых содержатся нормы, посвященные организационным и реализационным аспектам предпринимательской деятельности, в рамках которой закреплены следующие пять отдельных групп данных правовых документов: законы федерального уровня, установившие общие принципы организации предпринимательства и рыночных отношений в России; нормативные акты, определяющие формы организации субъектов предпринимательства; федеральные акты, содержащие

свод императивных требований при реализации предпринимательской деятельности; нормативные акты, регулирующие особенности осуществления отдельных (специальных) видов предпринимательской деятельности; акты, устанавливающие основные направления и формы поддержки предпринимательской деятельности со стороны государства.

Таким образом, можно сделать следующие выводы: с одной стороны, исследуемый механизм законодательного регулирования является достаточно дифференцированным, что неизбежно требует его постоянного мониторинга на предмет различных пробелов и коллизий, а также релевантности современному состоянию развития предпринимательства в Российской Федерации; с другой – используемый дифференцированный подход позволяет субъектам публичной власти обеспечивать надлежащее правовое регулирование всех аспектов предпринимательской деятельности и, при необходимости, осуществлять оперативное изменение отдельных элементов законодательного регулирования предпринимательства, не затрагивая общие правовые принципы осуществления предпринимательской деятельности в Российской Федерации.

Установлено, что объекты научной сферы в настоящее время по объективным причинам не могут быть определены в качестве объекта концессионных соглашений и механизмов реализации государственно-частного партнерства. В результате чего возможности вовлечения научной инфраструктуры в проекты промышленности, образования, здравоохранения и иные традиционные сферы применения государственно-частного партнерства значительно ограничены, что, безусловно, не соответствует стратегическим вызовам и задачам, которые стоят перед российской экономикой в настоящее время.

На основании вышеизложенного представляется целесообразным дополнить Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» отдельной статьей, регламентирующей особенности государственно-частного партнерства в сфере науки, устанавливающей правовой смысл, принципы, перечень типовых форм и методов участия в таком партнерстве как для субъектов публичной власти, так и для субъектов, представляющих частный сектор общественных отношений.

Включению в указанный перечень, по нашему мнению, должны подлежать следующие формы и методы государственно-частного партнерства: предоставление информационной и консультационной поддержки; формирование спроса на инновационную деятельность; содействие в формировании проектной документации; обеспечение инфраструктуры; поддержка экспорта).

Представляется, что реализация данных предложений будет способствовать гармонизации всего правового механизма регулирования предпринимательской деятельности в Российской Федерации.

Библиографический список

1. Малютина О. А. Правовые ограничения предпринимательской деятельности в России // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 550–554.
2. Султанов Е. Б., Тепляков И. И. Определение вопросов местного значения как предмета ведения органов местного самоуправления // Муниципалитет: экономика и управление. 2018. № 4 (25). С. 58–64.
3. Сайфутдинова А. Д. Роль органов государственной власти в сфере лицензирования предпринимательской деятельности // Вестник магистратуры. 2019. № 9-2 (96). С. 147–149.
4. Карпенцева С. А. Актуальные аспекты нормативно-правового регулирования лицензирования предпринимательской деятельности // Экономика и социум. 2023. № 5 (108). С. 1–10.
5. Тепляков И. И. Вопросы местного значения как предмет ведения органов местного самоуправления: история, теория, практика: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2019. 226 с.
6. Белицкая А. В. Правовой механизм осуществления государственно-частного партнерства в социальной сфере // Российский ежегодник предпринимательского (коммерческого) права. 2012. № 5. С. 202–213.
7. Килинкарров В. В. Государственно-частное партнерство в сфере высшего образования и науки в России // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Право. 2019. Т. 10. № 2. С. 210–225.

References

1. Malyutina O. A. Legal restrictions on entrepreneurial activity in Russia // Legal technique. 2018. No. 12. Pp. 550–554.
2. Sultanov E. B., Teplyakov I. I. Definition of issues of local importance as a subject of jurisdiction of local governments // Municipality: economy and management. 2018. No. 4 (25). Pp. 58–64.
3. Saifutdinova A. D. The role of government bodies in the field of licensing of entrepreneurial activity // Bulletin of the Magistracy. 2019. No. 9-2 (96). Pp. 147–149.
4. Karpentseva S. A. Actual aspects of legal regulation of licensing of entrepreneurial activity // Economy and society. 2023. No. 5 (108). Pp. 1–10.
5. Teplyakov I. I. Local issues as a subject of jurisdiction of local governments: history, theory, practice: dis. ... candidate of legal sciences. Kazan, 2019. 226 p.
6. Belitskaya A. V. Legal mechanism for the implementation of public-private partnership in the social sphere // Russian Yearbook of Entrepreneurial (Commercial) Law. 2012. No. 5. Pp. 202–213.
7. Kilinkarov V. V. Public-private partnership in higher education and science in Russia // Bulletin of the St. Petersburg State University. Law. 2019. Vol. 10. No. 2. Pp. 210–225.

Информация об авторах

Тараборин Роман Сергеевич – доктор юридических наук, доцент

Тепляков Игорь Игоревич – кандидат юридических наук, доцент

Хвастунов Константин Валерьевич – кандидат юридических наук

Information about the authors

Taraborin Roman S. – Doctor of Law, Associate Professor

Teplyakov Igor I. – Candidate of Law, Associate Professor

Khvastunov Konstantin V. – Candidate of Law

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors

All authors contributed equally to the publication. The authors declare no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 09.07.2025; одобрена после рецензирования 10.09.2025; принята к публикации 17.12.2025

The article was submitted 09.07.2025; approved after reviewing 10.09.2025; accepted for publication 17.12.2025

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 352.075.1: 342.571: 342.574

Взаимодействие местного сообщества и органов местного самоуправления в системе национальной безопасности Российской Федерации

Захаров Илья Викторович

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия, izakharov@yandex.ru

Аннотация. Вопросы национальной безопасности для Российской Федерации были актуальны всегда. В Конституции нашей страны изначально закреплены принципы, в силу которых Россия обеспечивает безопасность и общества, и государства, в том числе посредством местного самоуправления, самостоятельного в пределах своих полномочий и обеспечиваемого государством. Обеспечение национальной безопасности начинается именно с муниципального уровня. Тем более, что в результате реформы, состоявшейся в 2020 году, на конституционном уровне был установлен принцип единой системы публичной власти, и органы государственной власти вместе с органами местного самоуправления стали входить в единую систему публичной власти и взаимодействовать с иными структурами для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории. В статье анализируются формы и способы обеспечения национальной безопасности на муниципальном уровне. Также рассмотрены некоторые формы участия населения в осуществлении местного самоуправления. Автор на основе анализа положений Федеральных законов от 6 октября 2003 г. № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и от 25 марта 2025 г. № 33 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» предлагает на законодательном уровне усовершенствовать механизм реализации ряда форм участия населения в осуществлении местного самоуправления.

Ключевые слова: публичная власть, местное сообщество, государство, местное самоуправление, органы государственной власти, органы местного самоуправления, национальная безопасность

Для цитирования: Захаров И. В. Взаимодействие местного сообщества и органов местного самоуправления в системе национальной безопасности Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 4. С. 58–62.

Original article

Interaction between the local community and local self-governments in the national security system of the Russian Federation

Zakharov Ilya V.

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russian, izakharov@yandex.ru

Abstract. National security issues have always been relevant for the Russian Federation. The Constitution of our country initially establishes the principles by virtue of which Russia ensures the security of both society and the state, including through local self-government, independent within its powers and provided by the state. Ensuring national

security begins precisely at the municipal level. Moreover, as a result of the reform that took place in 2020, the principle of a unified system of public authority was established at the constitutional level, and state authorities, together with local governments, began to enter into a unified system of public authority and interact with other structures to most effectively solve problems in the interests of the population living in the relevant territory. The article analyzes the forms and methods of ensuring national security at the municipal level. Some forms of public participation in the implementation of local self-government are also considered. Based on the analysis of the provisions of Federal Laws No. 131 dated October 6, 2003 «On the General Principles of Organizing Local Self-Government in the Russian Federation» and No. 33 dated March 25, 2025 «On the General Principles of Organizing Local Self-Government in the Unified System of Public Authority», the author proposes to improve the mechanism for implementing a number of forms of public participation in the implementation of local self-government at the legislative level self-management.

Keywords: public authority, local community, state, local self-government, state authorities, local self-government bodies, national security

For citation: Zakharov I. V. Interaction between the local community and local self-governments in the national security system of the Russian Federation // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 4. Pp. 58–62.

Как регламентирует п. 25 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400¹, национальными интересами Российской Федерации, помимо прочих, являются защита конституционного строя и развитие механизмов взаимодействия государства и гражданского общества. С учетом того, что после внесения изменений в Конституцию РФ в 2020 году органы местного самоуправления и органы государственной власти стали входить в единую систему публичной власти, термин «государство» допустимо трактовать достаточно широко, подразумевая под ним и муниципальную власть, тем более, что вопросы взаимодействия государства и общества берут свое начало как раз с муниципального уровня. Еще 12 декабря 2013 г. в Послании Федеральному Собранию Президент Российской Федерации отметил, что «местная власть должна быть устроена так – а ведь это самая близкая власть к людям, – чтобы любой гражданин, образно говоря, мог дотянуться до нее рукой»².

Более того, под обеспечением национальной безопасности понимается реализация органами публичной власти во взаимодействии с институтами гражданского общества и организациями политических, правовых, военных, социально-экономических, информационных, организационных и иных мер, направленных на противодействие угрозам национальной безопасности. Поэтому от грамотного взаимодействия власти и населения зависит сокращение условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность причинения ущерба национальным интересам Российской Федерации, что представляет собой угрозу национальной безопасности.

Как справедливо отмечает З. Н. Омарова, «обеспечение национальной безопасности связано с необхо-

димостью определенных ограничений прав и свобод человека. Эта необходимость, согласно Конституции РФ и всему нашему законодательству, вызвана такими главными обстоятельствами, как угрозы безопасности государства, общества, личности» [1].

Как полагает Н. М. Дудин, «стабильность системы основывается на устойчивой социальной структуре, приемлемом жизненном уровне населения, легитимности действующего режима. При этом все участники политического процесса настроены на сотрудничество, поиск компромиссных решений. Достигнут своего рода условный баланс – равновесие сил основных политических институтов, где люди уверены в своих возможностях влиять на власть, а органы власти учитывают общественное мнение в своих решениях» [2].

Еще раз повторимся, что начинать взаимодействие необходимо с муниципального уровня. По верному мнению Т. В. Вербицкой и Н. О. Вербицкой, защита муниципальных образований от экстраординарных ситуаций представляет собой обеспечение целого комплекса конституционных ценностей (жизнь и здоровье людей, право на благоприятную окружающую среду и право на местное самоуправление). «Система поддержания их безопасности также должна быть комплексной, основанной на взаимодействии как всех трех уровней власти, так и муниципальной власти и гражданского общества» [3]. Именно на муниципальном уровне зарождается гражданское общество, которое в дальнейшем получает развитие на государственном уровне.

Нельзя не согласиться с мнением Н. А. Мошкиной, согласно которому «на законодательном уровне признана роль органов местного самоуправления в вопросах обеспечения национальной безопасности Российского государства. Муниципальные органы власти во взаимодействии с институтами гражданского общества осуществляют меры, направленные на противодействие угрозам национальной безопасности и удовлетворение национальных интересов, в целях повышения качества жизни российских граждан, экономического развития страны, укрепления здоровья населения, обеспечения экологической

¹ Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <https://www.consultant.ru>.

² Послание Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному Собранию РФ от 12 декабря 2013 г. URL: <https://www.garant.ru>.

безопасности и рационального природопользования и т. д.» [4]. И это еще раз показывает важность деятельности органов местного самоуправления по обеспечению национальной безопасности в государстве в целом.

Таким образом, уровень общения муниципальных властей с местным сообществом очень важен. И здесь необходимо оговориться, что понимается под местным сообществом. Дело в том, что Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹ (далее – ФЗ № 131) не содержит единого определения, относящегося к населению, имеющему право на осуществление местного самоуправления. Закон употребляет термины «народ», «население», «граждане», «жители». Не оптимизирует данный вопрос и вступивший в силу с 19 июня 2025 г. Федеральный закон от 25 марта 2025 г. № 33 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»² (далее – ФЗ № 33).

Однако Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно в своих решениях называл такое население местным или муниципальным сообществом³. И в данном случае термин «местное (муниципальное)» раскрывает территориальный признак, а термин «сообщество» – социальный. Аналогичной позиции придерживается И. В. Выдрин, который также предлагает унифицировать термин «население» и вести речь уже о местном сообществе [5], что вполне коррелируется с позицией Конституционного Суда Российской Федерации.

¹ Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». URL: <https://www.consultant.ru>.

² Федеральный закон от 25 марта 2025 г. № 33 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». URL: <https://www.consultant.ru>.

³ Заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 2020 г. № 1-З «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2020. № 2; Постановление Конституционного Суда РФ от 23 ноября 2021 г. № 50-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 40 и пункта 6 части 1 статьи 44 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», а также пункта 2 статьи 27 Закона Санкт-Петербурга «Об организации местного самоуправления в Санкт-Петербурге» в связи с жалобой граждан А. А. Афиногенова, В. А. Вольского и других». URL: <http://pravo.gov.ru>; Информация Конституционного Суда Российской Федерации «Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 19 октября 2021 г.). URL: <http://www.ksrf.ru>.

В Уставе муниципального образования «город Екатеринбург»⁴ с 2010 года содержится следующее положение: «Население, проживающее на территории муниципального образования и объединенное общими интересами в решении вопросов местного значения, составляет местное сообщество». И это вполне логичная норма [6].

При этом надо обратить внимание на то, что процесс формирования местного сообщества в большинстве муниципальных образований проходит довольно сложно. В силу нескольких обстоятельств значительная часть местного населения не готова участвовать в решении вопросов местного значения, иметь общие публичные (общественно полезные интересы), быть активными участниками взаимодействия общественности с органами местного самоуправления. Скорее всего, это происходит в силу определенной степени недоверия к органам местного самоуправления, а также в силу недостаточного информирования о деятельности муниципальных властей.

Основными же институтами местного сообщества вполне логично считать организованные объединения населения муниципального образования, которые, как правило, являются субъектами общественного контроля, а также осуществляют предусмотренные в законодательстве отдельные виды публичной деятельности.

По мнению А. Н. Писарева, «формирование местного сообщества в качестве публично-правового института гражданского общества, субъекта и источника осуществления местного самоуправления является необходимым условием на пути его развития в качестве основы конституционного строя Российской Федерации и одной из форм осуществления народовластия, что обуславливает целесообразность введения юридического термина "местное сообщество" в действующее федеральное законодательство» [7; 8].

Как подчеркивает О. И. Баженова, «конституционно-правовое выражение начала коллективности местного самоуправления, равно как и его текущее законодательное обеспечение, – это сложная проблема соотношения социального и правового. Она требует последовательного выяснения двух вопросов: 1) о наиболее предпочтительном для закона социальном (социологическом) термине, способном лучше всего выразить коллективную субъектность местного самоуправления; 2) о наиболее адекватном способе (способах) правового, в том числе конституционно-правового, ее обеспечения» [9]. Конечно же, вопрос социальной (коллективной) субъектности, а также ответственности всего территориального коллектива является краеугольным камнем в обеспечении национальной безопасности.

Не анализируя детально каждую форму участия населения в осуществлении местного самоуправления, следует отметить, что местное самоуправление является одной из основ конституционного строя и неотъемлемой частью гражданского общества. В этой

⁴ Устав муниципального образования «город Екатеринбург». URL: <https://www.garant.ru>.

связи позиция местного сообщества должна быть учтена органами местного самоуправления в любом случае, даже если мнение населения носит рекомендательный характер. И здесь важен подход самого законодателя к вопросу взаимодействия власти и населения.

Обратимся к уже упомянутым ФЗ № 131 и ФЗ № 33. Отражают ли они реальную связь между органами местного самоуправления и муниципальным сообществом? Например, рассмотрим такой институт, как опрос граждан. Статья 31 ФЗ № 131 (п. 1), равно как и ст. 46 ФЗ № 33 устанавливают, что опрос граждан проводится в целях выявления мнения населения. Федеральным законом № 131 регламентируется, что опрос проводится для учета мнения населения при принятии решений органами власти, а ФЗ № 33 данного положения уже не содержит. Тем не менее очевидно, что органам власти надлежит учитывать мнение граждан, выявленное в ходе опроса. Однако те же статьи указанных законов устанавливают, что результаты опроса носят рекомендательный характер. Получается, что, с одной стороны, власть должна учесть мнение местного сообщества, с другой – это мнение носит рекомендательный характер. Где же та самая граница, при которой не возникнет угроза безопасности? Какой смысл проводить опрос граждан, если их мнение можно оставить без внимания?

Статья 13 того же ФЗ № 131 предусматривает множество форм преобразования муниципального образования. При реализации любой из них необходимы либо учет мнения населения, либо согласие населения. При этом законодатель не устанавливает критериев отличия согласия населения и учета мнения населения.

Лишь разделение поселения на два и более осуществляется с согласия населения каждого из образуемых поселений, выраженного непосредственно путем голосования, которое проводится в порядке, установленном законодательством для проведения местного референдума. Проведение такого голосования отличается от голосования на местном референдуме двумя исключениями. Во-первых, при организации голосования по вопросам преобразования поселения разрешается проведение агитации государственными органами, органами местного самоуправления, лицами, замещающими государственные или муниципальные должности (во время организации референдума агитация указанными лицами не допускается). Во-вторых, в этом случае не применяются положения законов, определяющие юридическую силу решения, принятого на референдуме. Статья 73 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» при определении юридической силы решения, принятого на референдуме, устанавливает, что оно является обязательным. По смыслу ФЗ № 131 решение, принятое по результатам голосования по вопросам преобразования, не является обязательным. То есть изначально законодатель определяет, что раз-

деление поселения осуществляется с согласия населения, но далее устанавливает, что такое согласие не является обязательным. И такие законодательные позиции, безусловно, создают некоторые угрозы для внутреннего конфликта между органами местного самоуправления и муниципального сообщества.

Также можно обратиться к фактически так и не реализованному институту отзыва выборных лиц местного самоуправления. Не анализируя сейчас основания и порядок процедуры отзыва, остановлюсь на подведении итогов голосования по отзыву выборных лиц. Выборное лицо местного самоуправления считается отозванным, если за отзыв проголосовало не менее половины избирателей, зарегистрированных в избирательном округе. Здесь следует отметить, что итоги голосования на выборах подводятся от числа избирателей, принявших участие в голосовании, а не от всех зарегистрированных в соответствующем избирательном округе. И ни для кого не секрет, что явка, особенно на выборах депутатов представительных органов муниципальных образований, не так уж велика. При подведении итогов голосования, надо иметь в виду, что они будут подводиться от избирателей, зарегистрированных на территории избирательного округа. Поэтому на голосование по отзыву должно явиться не менее половины избирателей округа, и все они должны проголосовать за отзыв соответствующего выборного лица. Вряд ли когда-нибудь на голосовании по отзыву выборного лица местного самоуправления будет такая высокая явка. Таким образом, отзыв как институт контроля местного сообщества за деятельностью представителей власти, формально предусмотрен, но фактически не реализуем. Аналогичной позиции придерживается Л. А. Нудненко, которая считает, что «нормативное правовое предписание о необходимости подачи за отзыв большинства голосов от числа зарегистрированных в избирательном округе избирателей сделало отзыв депутатов и должностных лиц местного самоуправления на практике нереализуемым, а сам институт досрочного отзыва декларативным» [10]. Наверное, именно по этой причине институт отзыва выборных лиц местного самоуправления в ФЗ № 33 уже не предусмотрен.

Опираясь на указанные примеры, хотелось бы подчеркнуть, что когда законодатель разработает реальный механизм взаимодействия власти и гражданского общества, тогда и будет достигнута действующая и эффективная система обеспечения национальной безопасности, то есть совокупность осуществляющих реализацию государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности органов публичной власти и находящихся в их распоряжении инструментов.

Библиографический список

1. Омарова З. Н. Национальная безопасность и права человека // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 4. С. 35–37.
2. Дудин Н. М. Политическая стабильность как средство национальной безопасности России // Госу-

дарственная власть и местное самоуправление. 2023. № 5. С. 29–33.

3. Вербицкая Т. В., Вербицкая Н. О. Совершенствование механизма защиты муниципальных образований от катастроф в конституционно-правовой системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2024. № 1. С. 18–21.

4. Мошкина Н. А. Роль органов местного самоуправления в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2016. № 2. С. 11–14.

5. Выдрин И. В. Местное самоуправление в Российской Федерации: от идеи к практике (конституционно-правовой аспект): монография. Екатеринбург. 1998. 205 с.

6. Хлуднев Е. И. Местное сообщество: сущность понятия и роль в осуществлении местного самоуправления // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 12. С. 29–32.

7. Писарев А. Н. Местное сообщество как институт гражданского общества и субъект местного самоуправления: публично-правовые аспекты // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 2. С. 29–34.

8. Писарев А. Н. Правовые основы местного сообщества в Российской Федерации: понятие, структура, формы взаимодействия с органами местного самоуправления // Правосудие / Justice. 2023. № 4. С. 43–58.

9. Баженова О. И. Местное сообщество как субъект местного самоуправления: между социальным и конституционно-правовым // Местное право. 2024. № 4. С. 3–14.

10. Нудненко Л. А. Тенденции правового регулирования отзыва избирателями выборного представителя местного сообщества // Административное и муниципальное право. 2018. № 6. С. 25–35.

References

1. Omarova Z. N. National security and human rights // Constitutional and municipal law. 2024. No. 4. Pp. 35–37.

2. Dudin N. M. Political stability as a means of national security of Russia // State power and local self-government. 2023. No. 5. Pp. 29–33.

3. Verbitskaya T. V., Verbitskaya N. O. Improving the mechanism of protection of municipalities from disasters in the constitutional and legal system of ensuring national security of the Russian Federation // Municipal Service: legal issues. 2024. No. 1. Pp. 18–21.

4. Moshkina N. A. The role of local governments in ensuring the national security of the Russian Federation // Municipal service: legal issues. 2016. No. 2. Pp. 11–14.

5. Vydrin I. V. Local self-government in the Russian Federation: from idea to practice (constitutional and legal aspect): monograph. Yekaterinburg, 1998. 205 p.

6. Khludnev E. I. Local community: the essence of the concept and the role in the implementation of local self-government // State power and local self-government. 2020. No. 12. Pp. 29–32.

7. Pisarev A. N. Local community as an institution of civil society and a subject of local self-government: public and legal aspects // State power and local self-government. 2024. No. 2. Pp. 29–34.

8. Pisarev A. N. The legal foundations of the local community in the Russian Federation: concept, structure, forms of interaction with local governments // Justice / Justice. 2023. No. 4. Pp. 43–58.

9. Bazhenova O. I. Local community as a subject of local self-government: between social and constitutional law // Local law. 2024. No. 4. Pp. 3–14.

10. Nudnenko L. A. Trends in the legal regulation of recall by voters of an elected representative of a local community // Administrative and municipal law. 2018. No. 6. Pp. 25–35.

Информация об авторе

Захаров Илья Викторович – кандидат юридических наук, доцент

Information about the author

Zakharov Ilya V. – Candidate of Law, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 16.06.2025; одобрена после рецензирования 10.09.2025; принята к публикации 17.12.2025

The article was submitted 16.06.2025; approved after reviewing 10.09.2025; accepted for publication 17.12.2025

Цифровая трансформация физической культуры и спорта: конституционно-правовые основы регулирования фиджитал-движения в России

Крысанов Антон Вячеславович

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург,
Россия, a.v.krysanov@uslu.su

Аннотация. Предлагаемая статья посвящена конституционно-правовому анализу цифровой трансформации физической культуры и спорта в России с фокусом на фиджитал-спорт как новый гибридный формат соревновательной деятельности. Актуальность исследования определяется тем, что технологическое развитие этой сферы опережает нормативное регулирование, которое находится на этапе становления.

В исследовании проанализированы конституционные гарантии права граждан на занятия физической культурой и спортом, предложено расширенное толкование этого права в условиях цифровой среды, которая выступает не вспомогательным инструментом, а конститутивным элементом самой соревновательной деятельности в фиджитал-спорте. В связи с этим указывается, что правовое регулирование должно предусматривать гарантии, исключающие влияние случайных технических сбоев на результаты соревнований и обеспечивающие соблюдение принципа равноправия участников, установленного Конституцией Российской Федерации.

Автор приходит к выводу о необходимости комплексного, конституционно обоснованного подхода к формированию правовой модели регулирования отношений в сфере фиджитал-спорта, что обеспечит согласованность юридических инструментов различных отраслей права и баланс интересов государства, спортивных организаций и граждан.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, государственная политика в сфере физической культуры и спорта, цифровизация физической культуры и спорта, право на занятия физической культурой и спортом, фиджитал-движение, фиджитал-спорт

Для цитирования: Крысанов А. В. Цифровая трансформация физической культуры и спорта: конституционно-правовые основы регулирования фиджитал-движения в России // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 4. С. 63–68.

Original article

Digital transformation of physical culture and sports: constitutional and legal bases of digital movement regulation in Russia

Krysanov Anton V.

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia, a.v.krysanov@uslu.su

Abstract. This article provides a constitutional and legal analysis of the digital transformation of physical education and sports in Russia, focusing on phygital sports as a new hybrid format for competitive activity. The relevance of this study lies in the fact that technological development in this field is outpacing regulatory frameworks, which are still in their infancy. The study analyzes constitutional guarantees of citizens' rights to engage in physical education and sports and offers an expanded interpretation of this right in the digital environment, which serves not as an auxiliary tool, but as a constitutive element of competitive activity in phygital sports itself.

In this regard, it is argued that legal regulation should provide guarantees that prevent accidental technical failures from affecting competition results and ensure compliance with the principle of equality of participants established by the Constitution Russian Federation.

The author concludes that a comprehensive, constitutionally sound approach to the development of a legal model for regulating relations in phygital sports is necessary, ensuring the consistency of legal instruments across various branches of law and a balance of interests between the state, sports organizations, and citizens.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, state policy in the field of physical culture and sports, digitalization of physical culture and sports, right to engage in physical culture and sports, digital movement, and digital sports

For citation: Krysanov A. V. Digital transformation of physical culture and sports: constitutional and legal bases of digital movement regulation in Russia // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 4. Pp. 63–68.

Конституция Российской Федерации, принятая в 1993 г. и значительно реформированная в 2020 г., определила основы государственного и общественного строя, закрепила права, свободы и обязанности человека и гражданина, сформировала систему органов государственной власти, провозгласила существование местного самоуправления. При этом Основной закон страны объективно не способен детально «спрогнозировать» появление новых правовых институтов, прав личности, «предугадать» точное развитие законодательной и правотворческой мысли. Роль Конституции состоит в программировании дальнейшего развития государства и общества, она должна быть надежной и необходимой нормативно-правовой и ценностной основой для сбережения и успешного развития России и ее народа на основе принципов равенства и справедливости¹.

Сегодняшний курс российского государства на научно-технологическое лидерство и связанные с этим процессы цифровизации перманентно преобразуют и интенсифицируют правовое пространство. Так в научной юридической литературе активно обсуждаются новые субъекты в информационном праве [1], инновационные юридические технологии [2], цифровое право [3], цифровизация экономики², права человека в эпоху цифровых технологий [4] и т. д.

В настоящей статье хотелось бы обратиться к мало исследованной в конституционно-правовом смысле сфере, где цифровая интеграция имеет свои некоторые особенности. Речь идет о правовом регулировании цифровой трансформации физической культуры и спорта, непосредственно о развитии фиджитал-движения (фиджитал-спорта).

Актуальность подобного исследования видится в связи с несколькими обстоятельствами. Во-первых, отсутствие законодательного определения и недостаточно развитое правовое регулирование данной сферы создают правовую неопределенность для участников соответствующих отношений. Во-вторых, стремительное развитие технологий опережает законодательную реакцию государства, что порождает пробелы в правовом регулировании. В-третьих, фиджитал-спорт затрагивает комплекс конституционных прав граждан – право на занятия физической культурой и спортом, право на доступ к информации,

право на защиту персональных данных, что требует выработки сбалансированного правового подхода.

Конституция устанавливает, что в Российской Федерации финансируются федеральные программы охраны и укрепления здоровья населения, поощряется деятельность, способствующая укреплению здоровья человека, развитию физической культуры и спорта (ч. 2 ст. 41). Государство создает условия, способствующие физическому развитию детей (ч. 4 ст. 67.1). Вопросы физической культуры и спорта отнесены к совместному ведению федерации и ее субъектов (ст. 72)³. В своей совокупности данные конституционные нормы создают основу формирования и реализации государственной политики в сфере физической культуры и спорта, установления и гарантирования права граждан на занятия физической культурой и спортом в качестве элемента конституционно-правового статуса личности. При этом видно, что Основной закон страны прямо не закрепляет право на занятия физической культурой и спортом в качестве самостоятельного субъективного права, но, полагаем, что оно вытекает из системного толкования приведенных норм во взаимосвязи с ч. 1 ст. 55 Конституции Российской Федерации. Можем утверждать, что право на занятия физической культурой и спортом неразрывно связано с правом на охрану и укрепление здоровья (ст. 41), правом на отдых (ст. 37), правом на свободное развитие личности (ст. 7, 55), в некоторых случаях оно сопряжено с правом на объединение (ст. 30) и правом детей на физическое развитие (ст. 67.1). В условиях цифровой трансформации содержание рассматриваемого права расширяется и включает в себя возможность использования современных технологий для занятий физической культурой и спортом, доступ к цифровым спортивным платформам и сервисам.

Проводимые мониторинг и анализ документов, издаваемых органами государственной власти, демонстрируют очевидный тренд государственного управления – активное целеполагание, прогнозирование, планирование и программирование в области социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности. Одним из достаточно новых в этой системе документов является Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях развития»⁴, где определяются семь националь-

¹ Зорькин В. Д. Конституция РФ – это программа дальнейшего развития государства и общества. URL: <https://rapsinews.ru/publications/20231212/309467624.html>.

² Savoskin A. V., Kurdyumov A. V., Meshcheryagina V. A. and Vilacheva M. N. Digitalization of the Russian Economy as a National Goal // SHS Web of Conferences 93, 02025 (2021). URL: <https://doi.org/10.1051/shsconf/20219302025>.

³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Феде-

ных целей развития. На первое место среди всей совокупности целей определена установка на сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи. По замыслу документа достижение обозначенной цели характеризуют ряд целевых показателей и задач. В том числе от органов публичной власти требуется повышение уровня удовлетворенности граждан условиями для занятий физической культурой и спортом. Решение поставленной задачи, а также внедрение цифровых технологий в сферу физической культуры и спорта обусловили принятие Концепции развития фиджитал-движения на территории Российской Федерации на период до 2030 г. (далее – Концепция)¹.

Термин «фиджитал» (phygital) возник в маркетинговой среде в начале XXI в. для обозначения стратегий, объединяющих физический и цифровой опыт потребителя [5]. Применительно к сфере физической культуры и спорта в последнее десятилетие данная концепция получила развитие в связи с массовым внедрением носимых устройств, датчиков движения, систем виртуальной и дополненной реальности, платформ онлайн-соревнований с физическим компонентом.

Правовое регулирование отношений в области фиджитал-спорта в Российской Федерации находится на этапе своего зарождения. На сегодняшний день первым и единственным законодательным актом, связанным с указанной сферой, является Федеральный закон о «О Международном мультиспортивном турнире «Игры будущего»»², который не содержит прямого упоминания термина «фиджитал», но при этом определяет, что мультиспортивный турнир «Игры будущего» сочетает элементы физической состязательной деятельности с использованием компьютерного оборудования и результатами интеллектуальной деятельности, включая программы для электронных вычислительных машин и аудиовизуальные произведения, являющиеся неотъемлемой частью спортивного соревнования. Кроме того, «Игры будущего» организовывались с определенными целями, в том числе, это продвижение и популяризация на национальном и международном уровнях видов спорта, сочетающих физическую активность и цифровые технологии.

Таким образом, в рамках кейса по проведению международного мультиспортивного турнира в концепции фиджитал³ федеральный законодатель продемонстрировал необходимость ситуативного регу-

лирования. В свою очередь, базовый закон⁴ (далее – закон о спорте) не уделяет внимания цифровой трансформации физической культуры, спорта и фиджитал соответственно.

С точки зрения предназначения отрасли конституционного права сфера фиджитал-спорта требует комплексного и системного внимания, поскольку при регулировании используются юридические средства различных отраслей права: спортивного, информационного, антимонопольного (контроль над платформами). Конституционно-правовое регулирование должно обеспечивать согласованность отраслевых правовых предписаний и гарантировать реализацию прав граждан.

Вместе с тем само по себе признание фиджитал-состязаний спортом в России оформлено соответствующими правилами вида спорта⁵ (далее – Правила), на основании которых определяется, что фиджитал-спорт (функционально-цифровой спорт) как комплексный вид спорта представляет собой непрерывное состязание спортсменов или групп спортсменов, состоящее из функционального и цифрового сегментов, реализующихся либо поэтапно (двоеборье), либо одновременно (ритм-симулятор) в ходе соревновательного процесса в рамках одного соревновательного действия (матча или гейма).

Принятие упомянутой выше Концепции наглядно указывает, что развитие спортивного фиджитал-направления осуществляется в рамках стратегических документов, определяющих приоритеты государственной политики в области физической культуры и спорта, а также в области цифровой трансформации. Помимо Концепции в этом направлении разработаны и действуют другие документы. Так, Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации⁶ (далее – Стратегия) предусматривает цифровую трансформацию отрасли физической культуры и спорта в качестве одного из приоритетных направлений. Она определяет задачи по созданию цифровой экосистемы физической культуры и спорта, внедрению информационных технологий в управление отраслью, обеспечению доступности цифровых спортивных сервисов для населения. Отдельные авторы предлагают интегрировать в названную стратегию целевые показатели развития фиджитал-спорта [6]. Государственная программа «Развитие физической культуры и спорта»⁷ в качестве приоритетных направ-

рации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.». URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 22 ноября 2024 г. № 3387-р «Об утверждении Концепции развития фиджитал-движения на территории Российской Федерации на период до 2030 г.». URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

² Федеральный закон от 25 декабря 2023 г. № 645-ФЗ «О Международном мультиспортивном турнире «Игры будущего»». URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

³ Игры Будущего: новый формат спортивных соревнований. URL: https://znaniyurussia.ru/articles/Игры_Будущего.

⁴ Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации». URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

⁵ Приказ Министерства спорта Российской Федерации от 28 декабря 2023 г. № 1112 «Правила вида спорта «фиджитал-спорт» (функционально-цифровой спорт)». URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

⁶ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24 ноября 2020 г. № 3081-р «Об утверждении Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 г.». URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

⁷ Постановление Правительства Российской Федерации от 30 сентября 2021 г. № 1661 «Об утверждении государствен-

лений развития физической культуры и спорта непосредственно указывает на развитие инновационных видов спорта, в том числе фиджитал-спорта.

Концепция развития фиджитал-движения предполагает необходимость совершенствования правового регулирования. В рамках конституционно-правового исследования видится необходимым обозначить некоторые возможные пути развития российского законодательства в данной сфере и предложить отдельные положения для научного обсуждения.

Нужна законодательная легализация самого понятия фиджитал-спорт на основе отражения таких его существенных характеристик, как:

- гибридность формы – одновременное присутствие физического и цифрового компонентов, ни один из которых не может быть исключен без утраты сущности данного вида спорта;
- технологическая опосредованность – необходимость использования цифровых технологий для организации и проведения спортивных мероприятий;
- интерактивность среды – возможность взаимодействия спортсмена с виртуальными объектами и другими участниками в реальном времени;
- объективация результатов – автоматическая фиксация показателей с помощью цифровых датчиков и систем мониторинга;
- пространственная дисперсность – возможность одновременного участия спортсменов, находящихся в различных географических локациях.

Кроме того, требуется обозначение отличий фиджитал-спорта от традиционных видов спорта. Цифровая среда здесь выступает не вспомогательным инструментом (как, например, система VAR в футболе или фото- и видеофиниш в легкой атлетике, система PSS в тхэквондо ВТ и т. д.), а конститутивным элементом самой спортивной деятельности. В связи с этим правовое регулирование должно предусматривать гарантии, исключающие влияние случайных технических сбоев на результаты соревнований и обеспечивающие соблюдение принципа равноправия участников, установленного Конституцией Российской Федерации. Одновременно фиджитал-спорт следует отличать от киберспорта, поскольку в последнем физический компонент либо отсутствует вовсе, либо редуцирован до минимума (движения пальцев, зрительная координация).

В условиях цифровой трансформации спортивной среды стоит уделить внимание содержанию конституционного права на занятия физической культурой и спортом в фиджитал-формате и сконцентрироваться на таких правомочиях, как:

- право на свободный выбор форм и видов физкультурно-спортивной деятельности, включая использование цифровых технологий;

- право на доступ к спортивной фиджитал-инфраструктуре и платформам на недискриминационных условиях;

- право на участие в фиджитал-соревнованиях и получение спортивных разрядов и званий;

- право на безопасность при использовании цифровых спортивных технологий;

- право на защиту персональных и биометрических данных, собираемых в процессе фиджитал-соревнований;

- право на получение достоверной информации о технологиях, применяемых в фиджитал-спорте.

В то же время государство в соответствии с конституционными положениями должно создавать условия для реализации указанного права путем развития фиджитал-инфраструктуры, установления стандартов безопасности, обеспечения доступности спортивных фиджитал-услуг для различных категорий населения, включая лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Реализация конституционного права на занятия физической культурой и спортом в цифровой среде потребует специальных гарантий, обеспечивающих защиту прав и законных интересов фиджитал-спортсменов. Например, в контексте фиджитал-спорта актуальным будет вопрос обеспечения права граждан на получение достоверной и полной информации о применяемых технологиях, алгоритмах оценки результатов, рисках использования цифровых устройств, правилах обработки и хранения персональных данных, в том числе биометрических. Так, закон о персональных данных¹ предусматривает, что биометрические персональные данные, характеризующие физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность, могут обрабатываться только при наличии согласия в письменной форме субъекта персональных данных. Вместе с тем закон не определяет, какие именно сведения являются биометрическими данными, но устанавливает, что в отдельных случаях такие данные могут обрабатываться без согласия субъекта. Применительно к фиджитал-спорту следует констатировать, что специальных оснований для обработки биометрических данных без согласия субъекта законодательство не предусматривает. Это означает, что операторы цифровых спортивных платформ обязаны получать письменное согласие спортсменов на обработку биометрических данных. Однако в контексте массовых фиджитал-соревнований, где участвуют сотни и возможно даже тысячи спортсменов, получение индивидуального письменного согласия каждого участника представляет значительную организационную проблему. Полагаем, что возможными решениями могут быть интеграция согласия на обработку персональных данных в форму согласия на участие в соревновании (Приложение № 4 Правил), либо разработка специальной индивидуализированной формы согласия, которая предоставляется

ной программы Российской Федерации «Развитие физической культуры и спорта» и о признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации». URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

¹ Федеральный закон от 27 сентября 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных». URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

участниками или их представителями (в том числе в электронной форме с электронной подписью).

Не менее принципиальным моментом будет соблюдение конституционного принципа равноправия, что применительно к фиджитал-спорту означает недопустимость «технологической дискриминации». В традиционных видах спорта участников различают по физическим способностям и спортивному мастерству, приобретенным в процессе спортивно-тренировочных мероприятий, что соответствует принципу «fair play». Между тем фиджитал-спорт может создавать дополнительные препятствия, связанные с цифровой грамотностью, доступностью оборудования, инфраструктуры и интернета. Такие факторы, будучи социально обусловленными, а не отражающими спортивное мастерство, потенциально нарушают конституционный принцип равноправия.

В сфере фиджитал-спорта должны обеспечиваться возможности обжалования решений спортивных федераций о допуске к соревнованиям, дисквалификации, оспаривания результатов, определяемых цифровыми системами, требования компенсации вреда, причиненного неисправным оборудованием.

Интересным и дискуссионным аспектом правового регулирования представляется сфера допинга в фиджитал-спорте. В законе о спорте допинг определяется как нарушение антидопинговых правил, включая использование или попытку использования спортсменом запрещенной субстанции и (или) запрещенного метода. Правила содержат раздел, посвященный антидопинговому обеспечению, в котором присутствует ссылка на антидопинговые правила¹. При этом в контексте фиджитал-спорта возникает вопрос о правовой квалификации использования технологий, искусственно усиливающих физические возможности (экзоскелеты, нейроинтерфейсы, стимуляторы мышечной активности). Является ли это технологическим допингом, требующим запрета? Полагаем, И. М. Беляева справедливо замечает, что подобные вопросы следует решать через сотрудничество между различными заинтересованными участниками [7], путем создания целостного правового механизма, учитывающего как физическую, так и цифровую специфику соревнований.

В завершение исследования отметим, что цифровая трансформация физической культуры и спорта, выразившаяся в развитии фиджитал-движения, представляет собой современный правовой феномен, требующий комплексного конституционно-правового регулирования. В отличие от применения цифровых технологий в традиционном спорте фиджитал-спорт характеризуется определяющей ролью цифровых платформ и решений, что на сегодняшний день не всегда адекватно отражается в действующем российском законодательстве. Непротиворечивое и эффективное конституционно-правовое регулирование фиджитал-спорта возможно только при условии

согласованности норм различных отраслей права: спортивного, информационного, антимонопольного и др. Отсутствие такой синхронизации неизбежно приводит к нарушению конституционных принципов равноправия и справедливости. Конституционное право как метаотрасль обеспечивает гармонизацию юридических инструментов различных отраслей права и создает правовую модель, позволяющую сбалансировать интересы государства, спортивных сообществ и граждан.

Будущая законодательная деятельность в этой сфере может быть сосредоточена на закреплении понятия «фиджитал-спорт» с указанием его существенных характеристик (гибридность формы, технологическая опосредованность, интерактивность среды, объективизация результатов, пространственная дисперсность), что позволит четко отграничить его от традиционного спорта и киберспорта. Не менее важным может стать развитие и уточнение норм, обеспечивающих конституционно-правовую защиту участников фиджитал-спорта, включая гарантии на свободный выбор форм спортивной деятельности, недискриминационный доступ к спортивной инфраструктуре, защите персональных и биометрических данных.

Принятие Концепции развития фиджитал-движения свидетельствует о готовности государства развивать это направление. Однако стратегические документы должны быть реализованы через систему норм федерального и регионального права, а также муниципальных правовых предписаний.

Библиографический список

1. Терещенко Л. К. Цифровизация как импульс к возникновению новых субъектов // Журнал российского права. 2025. № 10.
2. Червонюк В. И. Инновационные юридические технологии // Юридическая техника. 2021. № 15.
3. Вайпан В. А. Цифровое право: истоки, понятие и место в правовой системе // Право и экономика. 2024. № 1.
4. Глушкова С. И., Летунов Е. Д. Развитие нового поколения прав человека в эпоху цифровых технологий // Вестник Гуманитарного университета. 2020. № 4 (31).
5. Путинцева А. А., Полоус А. Д., Ким А. Новая эра маркетинга: фиджитал // Новые импульсы развития: вопросы научных исследований. 2021. № 1.
6. Генералов В. В. Компьютерный и фиджитал спорт в России: административно-правовое регулирование и перспективы // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 3 (39).
7. Беляева И. М. Антидопинговая политика в киберспорте // Человек. Спорт. Медицина. 2025. Т. 25. № S1.

References

1. Tereshchenko L. K. Digitalization as an impulse to the emergence of new subjects // Journal of Russian Law. 2025. No. 10.

¹ Приказ Министерства спорта Российской Федерации от 24 июня 2021 г. № 464 «Об утверждении Общероссийских антидопинговых правил». URL: <http://www.consultant.ru>.

2. Chervonyuk V. I. Innovative legal technologies // Legal technology. 2021. No. 15.

3. Vaipan V. A. Digital law: origins, concept and place in the legal system // Law and Economics. 2024. No. 1.

4. Glushkova S. I., Letunov E. D. The development of a new generation of human rights in the digital age // Bulletin of the University of Humanities. 2020. No. 4 (31).

5. Putintseva A. A., Polous A. D., Kim A. A new era of marketing: digital // New impulses of development: issues of scientific research. 2021. No. 1.

6. Generalov V. V. Computer and digital sports in Russia: administrative and legal regulation and prospects // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 3 (39).

7. Belyaeva I. M. Anti-doping policy in esports // Human. Sport. Medicine. 2025. Vol. 25. No. S1.

Информация об авторе

Антон Вячеславович Крысанов – кандидат юридических наук

Information about the author

Krysanov Anton V. – Candidate of Law

Статья поступила в редакцию 21.07.2025; одобрена после рецензирования 10.10.2025; принята к публикации 17.12.2025

The article was submitted 21.07.2025; approved after reviewing 10.10.2025; accepted for publication 17.12.2025

Обязанности участников производства по делам об административных правонарушениях

Осинцев Дмитрий Владимирович
Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, dimios@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-8484-0055>

Аннотация. В административно-правовых исследованиях существует ряд направлений, которые считаются хорошо изученными, не содержащих проблемных ситуаций. К таковым относится правовой статус субъектов административной юрисдикции, несмотря на то, что в законодательстве, доктрине и практике его применения речь идет об одностороннем изучении данного вопроса, а именно только об освещении прав участников производства по делам об административных правонарушениях. В связи с этим предлагается рассмотреть вопросы, еще не получившие своего разрешения в науке и не раскрытые в текстах правовых актов – момент возникновения статуса субъекта административной юрисдикции, обязанности и их виды для участников процесса и отдельные аспекты их реализации, а также взаимосвязь статусов участников производства по делам об административных правонарушениях и предшествующих (сопутствующих) административных производств.

Ключевые слова: административная юрисдикция, субъект административного производства, административные обязанности, эксперты и специалисты в административной деятельности

Для цитирования: Осинцев Д. В. Обязанности участников производства по делам об административных правонарушениях // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 4. С. 69–74.

Original article

Obligations of participants in proceedings in cases of administrative offences

Osintsev Dmitry V.
Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Yekaterinburg, Russia, dimios@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-8484-0055>

Abstract. In administrative and legal research, there are a number of areas that are considered well-studied and do not contain problematic situations. These include the legal status of subjects of administrative jurisdiction, despite the fact that legislation, doctrine and practice of its application deal with a one-sided study of this issue, namely, only highlighting the rights of participants in proceedings on administrative offenses. In this regard, it is proposed to consider issues that have not yet been resolved in science and not disclosed in the texts of legal acts – the moment when the status of a subject of administrative jurisdiction arose, duties and their types for participants in the process and certain aspects of their implementation, as well as the relationship between the statuses of participants in proceedings on administrative offenses and previous (related) administrative production facilities.

Keywords: administrative jurisdiction, subject of administrative proceedings, administrative duties, experts and specialists in administrative activities

For citation: Osintsev D. V. Obligations of participants in proceedings in cases of administrative offences // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 4. Pp. 69–74.

Структура административно-правового статуса любого субъекта является многоплановым явлением, включающим множество элементов, таких как административная правоспособность, дееспособность, деликтоспособность, права и обязанности субъектов административного права, административно-право-

вые гарантии прав субъектов административного права, административная ответственность [1; 2].

При этом в силу особенностей юридико-технического изложения данных элементов в процессуальной части КоАП РФ относительно упорядоченны-

ми оказались права участников административной юрисдикции [3; 4], что порой создает ошибочное представление об отсутствии у них каких-либо обязанностей и (или), запретов, ограничений и условий участия в процессуальных действиях и процедурах.

Интересен тот факт, что представленные права рассматриваются как совершенные, которым противопоставлены исключительно обязанности властных участников юрисдикционного производства, что вызвало появление особой терминологии – процессуальная пассивность [5; 6] участников, которые не обладают статусом «представитель власти».

Прежде чем говорить об элементарных обязанностях, зачастую общих (частные обязанности изложены в законе – ст. 25.6–25.10 КоАП РФ и подробно рассмотрены в литературе [7; 8; 9]) для всех участников производства по делам об административных правонарушениях, следует определить, с какого момента процессуальный статус возникает для носителя той или иной процессуальной роли, так как специальный акт по этому вопросу на момент начала процессуального общения (совершения процессуальных действий или отдельных процедур) не выносится, а отметки в протоколах об участии тех или иных лиц могут носить отдаленный по времени характер от момента начала самого действия (процедуры), оставляя неопределенность в правовом положении субъектов административной юрисдикции.

Для названных целей предлагаем руководствоваться фактическим положением дел, т. е. тем, в какой последовательности субъекты вступают в правоотношения с представителями власти, а не согласно очередности изложения статей в главе 25 КоАП РФ.

При наличии такого подхода первым известным лицом становится, безусловно, свидетель (ст. 25.6 КоАП РФ) [10], чей правовой статус возникает с момента предупреждения об ответственности по ст. 17.9 КоАП РФ, когда все совершенное при безответственном поведении, полученная от него информация, ориентиры и пр. могут быть положены в основу организации процессуальной активности должностного лица, но доказательственного значения иметь не будут¹ [11].

Аналогичные требования предъявляются к понятым, однако их процессуальные обязанности возникают чуть ранее, с момента начала соответствующего процессуального действия (ст. 25.7 КоАП РФ)².

Близок к участвующим фигурам потерпевший (ст. 25.2 КоАП РФ), однако его статус может возникнуть в любой момент ведения производства, так как даже будучи не привлеченным к участию в деле потерпевший обладает правом на обжалование постановления (иного процессуального акта) по делу об

административном правонарушении³, а в части предупреждения об ответственности по ст. 17.9 КоАП РФ необходимо учитывать его свидетельский иммунитет с учетом требований ст. 51 Конституции Российской Федерации [12; 13; 14].

Его (потерпевшего) представитель (ст. 25.5 КоАП РФ) или законный представитель (ст. 25.3 КоАП РФ) привлекаются, соответственно, с момента заявления ходатайства о допуске либо начала любого процессуального общения с потерпевшим независимо от формы его выражения и официальной фиксации.

Конечно, условно говоря, фигурант административного правонарушения (ст. 25.1 КоАП РФ) может быть изначально допрошен в качестве свидетеля, но это не вполне целесообразно в силу имеющегося иммунитета согласно ст. 51 Конституции Российской Федерации, при этом, полагаем, что его юрисдикционный процессуальный статус возникает с момента появления повода для возбуждения дела об административном правонарушении, ибо таково толкование, представленное в Постановлении Конституционного Суда РФ от 30 марта 2021 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности ч. 5 ст. 28.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и ч. 3 ст. 201 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки О. С. Яковенко»⁴.

Соответственно, его защитник, законный представитель любого лица должны привлекаться опять же с момента начала процессуального общения с фигурантом по делу, так как более позднее привлечение данных лиц может вызвать противоречия в правовых позициях, которые порой трудно и (или) невозможно устранить, а впоследствии и исправить процессуальные ошибки, что повлечет принятие незаконного постановления (ходатайство о допуске указанных лиц должно быть заявлено заблаговременно в надлежащей форме – ст. 24.4 КоАП РФ)⁵.

Такое положение дел следует учитывать безусловно, так как каждый из процессуальных участников административной юрисдикции действует автономно и не подменяет своей активностью реализацию правового статуса кого-либо из иных лиц⁶, даже позиция фи-

³ Постановления Арбитражных судов Московского округа от 24.12.2014 № Ф05-14486/2014 по делу А40-36625/2014; Дальневосточного округа от 10.07.2015 № Ф03-2424/2015 по делу № А24-6011/2014; Северо-Западного округа от 28.09.2021 № Ф07-14066/2021 по делу № А56-10966/2020. URL: <https://sudact.ru>.

⁴ Российская газета. 2021. № 73.

⁵ Апелляционные определения Верховного суда Республики Мордовия от 3.07.2014 по делу № 33-1191/2014; Санкт-Петербургского городского суда от 28 мая 2024 г. по делу № 33-12245/2024; Постановления ФАС Уральского округа от 06.02.2008 № Ф09-191/08-С1 по делу № А60-25485/07; ФАС Восточно-Сибирского округа от 16.11.2010 по делу № А78-3520/2010. URL: <https://sudact.ru>.

⁶ Определение Санкт-Петербургского городского суда от 23.06.2016 № 12-1227; Решение Московского городского суда от 16.07.2020 по делу № 7-7343/2020. URL: <https://sudact.ru>.

¹ Постановление Московского областного суда от 20.07.2010 по делу № 4а-1059/10; Постановление Челябинского областного суда от 28.09.2010 по делу № 4а-10-858; Решение Санкт-Петербургского городского суда от 07.02.2012 по делу № 12-59/12; Постановление алтайского краевого суда от 8.07.2013 по делу № 4а-340/2013. URL: <https://sudact.ru>.

² Постановление Оренбургского областного суда от 20.12.2013 по делу № 4а-892/2013. URL: <https://sudact.ru>.

гуранта и его законного представителя может не быть консолидированной, а содержать противоположные и противоречивые представления о происшедшем.

Специалисты и эксперты (ст. 25.8, 25.9 КоАП РФ), переводчик как особый специалист в области языкознания (ст. 25.10 КоАП РФ) становятся участниками административной юрисдикции с момента их фактического привлечения к участию в процессуальных действиях (процедурах) или предупреждения об ответственности по ст. 17.9 КоАП РФ независимо от требований и фактического применения ст. 25.12 и 25.13 КоАП РФ.

Дело в том, что они ранее могли участвовать в иных административных производствах, например, в контрольных (надзорных) мероприятиях, где такое предупреждение уже состоялось, дублирование одного и того же действия нежелательно, так как создается негативная установка, что изначально совершенное действие было ошибочным, что снова потребовало предупреждения об ответственности¹.

Далее следует обратиться к содержанию процессуальных обязанностей указанных участников административной юрисдикции, к числу таковых относятся:

1) обязанности лица, подвергнутого административному задержанию (ч. 5 ст. 27.3 КоАП РФ), установленные Приказом МВД России от 18 марта 2013 г. № 141 «Об утверждении Порядка организации оказания медицинской помощи задержанным лицам в территориальных органах МВД России»², Постановлениями Правительства РФ от 16 апреля 2012 г. № 301 «Об утверждении Положения об условиях содержания, нормах питания и порядке медицинского обслуживания задержанных лиц в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации»³, от 15 октября 2003 г. № 627 «Об утверждении Положения об условиях содержания лиц, задержанных за административное правонарушение, нормах питания и порядке медицинского обслуживания таких лиц»⁴;

2) обязанности в связи с применением задержания транспортного средства по оплате стоимости перемещения и хранения задержанного транспортного средства (ч. 11 ст. 27.13 КоАП РФ) – Приказ ФАС России от 15 августа 2016 г. № 1145/16 «Об утверждении Методических указаний по расчету тарифов на перемещение и хранение задержанных транспортных средств и установлению сроков оплаты»⁵;

3) обязанности лица, в отношении которого производится освидетельствование на состояние опьянения⁶, а равно при совершении иных действий, связанных с применением мер обеспечения в производстве по делам об административных правонарушениях (гл. 27 КоАП РФ);

4) требование о том, что никто из участников, впрочем, как и иных лиц (органов и организаций) не должны мешать надлежащему порядку рассмотрения дела об административном правонарушении (ч. 32 ст. 24.3 КоАП РФ);

5) соблюдение требований к электронной форме документов (ч. 1 ст. 24.8 КоАП РФ), в том числе в части их подписания (ч. 3–5 ст. 24.8 КоАП РФ);

6) присутствие при рассмотрении дела или удаление из помещения, где оно рассматривается (ч. 3, 4 ст. 25.1, ч. 5 ст. 25.3, ч. 4 ст. 25.4, ч. 4 ст. 25.6, ч. 3.9 ст. 27.19, ч. 10 ст. 27.19.1 КоАП РФ);

7) явка, участие, удостоверение, дача заключений (ч. 2 ст. 25.8, ч. 2 ст. 25.9, ч. 3 ст. 25.10 КоАП РФ);

8) исполнение вступивших в законную силу процессуальных актов (ч. 1 ст. 26.4, ст. 31.2 КоАП РФ);

9) представление истребуемых сведений в трехдневный срок или сообщение о невозможности их представления (ст. 26.10 КоАП РФ);

10) ответственность за уклонение контролируемого лица от проведения контрольного (надзорного) мероприятия или воспрепятствование его проведению (при условии применения положений ч. 3.1 и последующих ст. 28.1 КоАП РФ)⁷;

11) любые иные законные требования должностного лица, обязательные для выполнения гражданами и должностными лицами⁸;

12) рассмотрение организациями и должностными лицами представлений об устранении причин и условий, способствовавших совершению административного правонарушения, в течение месяца со дня его получения и сообщение о принятых мерах судье, в орган, должностному лицу, внесшим представление (ч. 2 ст. 29.13 КоАП РФ);

13) обязанности, связанные с рассмотрением дела посредством видео-конференц-связи (ст. 29.14, 29.15 КоАП РФ).

полнительной власти. 2016. № 39.

⁶ Постановление Правительства РФ от 23 ноября 2015 г. № 37 «Об утверждении правил направления на медицинское освидетельствование на состояние опьянения лиц, совершивших административные правонарушения» // Российская газета, 4 февраля 2015 г. № 21; Постановление Правительства РФ от 21 октября 2022 г. № 1882 «О порядке освидетельствования на состояние алкогольного опьянения и оформления его результатов, направления на медицинское освидетельствование на состояние опьянения» // СЗ РФ. 31 октября 2022 г. Ст. 7564.

⁷ Постановление Верховного Суда РФ от 22 октября 2024 г. № 11-АД24-47-К6.

⁸ Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (ч. 3 ст. 30) // Российская газета. 2011. № 25; Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» // Российская газета. 2016. № 146.

¹ Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (ч. 5 ст. 33, ч. 4 ст. 34) // Российская газета. 2020. № 171; Постановления Шестого арбитражного апелляционного суда от 09.10.2025 № 06АП-2048/2025 по делу № А73-21457/2024; Седьмого арбитражного апелляционного суда от 23.06.2025 № 07АП-3162/2025 по делу № А27-169/2024; Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 21.08.2024 № 15АП-7908/2024 по делу № А53-42344/2023. URL: <https://sudact.ru>.

² Российская газета. 2013. № 127.

³ Российская газета. 2012. № 89.

⁴ Российская газета. 2003. № 211.

⁵ Бюллетень нормативных актов федеральных органов ис-

Кроме того, никто из участников не должен создавать псевдoleгальные препятствия для нормального ведения хода производства по делу об административном правонарушении, например, путем подачи бесчисленного количества сомнительных ходатайств, просьб об отложении дела, обжалования несущественных актов, которые не влияют на судьбу рассматриваемого вопроса по существу.

Один из таких примеров – решение Свердловского областного суда от 14 ноября 2025 г. по делу № 72-1353/2025, где представителем заинтересованного лица была оспорена отмена определения об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении, при этом никакие права представляемого лица таким решением не затрагиваются, никакие дополнительные обязанности не возлагаются, а препятствия, запреты, ограничения и излишние барьеры в осуществлении предпринимательской деятельности не возникают.

Статья 25.1 КоАП РФ определяет административно-правовой статус лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении. Согласно ч. 1 лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, вправе знакомиться со всеми материалами дела, давать объяснения, представлять доказательства, заявлять ходатайства и отводы, пользоваться юридической помощью защитника, а также иными процессуальными правами в соответствии с КоАП РФ.

Определением от 17 января 2023 г. № 2-О Конституционный Суд РФ проанализировал положения ст. 24.4 и ч. 1 ст. 25.1 КоАП РФ, отметив, что оспариваемое регулирование не содержит каких-либо юридических оговорок. Это подразумевает, что лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, обладает правом заявлять ходатайства на любой стадии такого производства. В то же время, поскольку это право признано лишь за **лицами, участвующими в производстве** по делу об административном правонарушении, данное обстоятельство позволяет заключить, что его реализация возможна **только после возбуждения соответствующего дела**.

В рассматриваемом материале № 72-1353/2025 возбуждением дела считалось бы составление протокола об административном правонарушении согласно ч. 4 ст. 28.1 КоАП РФ, но протокол по делу об административном правонарушении составлен не был, следовательно, **дело об административном правонарушении не было возбуждено, правовой статус лица**, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, **не был приобретен**, следовательно, согласно ст. 30.12 КоАП РФ **заинтересованное лицо не имеет права на принесение жалобы** на соответствующее решение Свердловского областного суда.

В силу ч. 4 ст. 25.5 КоАП РФ защитник и представитель допускаются к участию в производстве по делу об административном правонарушении с момента возбуждения дела об административном правонарушении. Дело об административном правонарушении

в рассматриваемом случае не было возбуждено, следовательно, **представитель, действующий по доверенности от имени заинтересованного лица, не может быть его защитником и не обладает полномочиями на подачу жалобы** на решение Свердловского областного суда от 14 ноября 2025 г. по делу № 72-1353/2025.

В связи с несоответствием административно-правового статуса заинтересованного лица и его представителя (по доверенности) требованиям КоАП РФ жалоба не может быть признана надлежаще оформленной и подлежит возвращению указанным лицам без рассмотрения по существу.

Еще один вопрос, который должен быть сформулирован в качестве постулата административно-юрисдикционной практики: если до возбуждения дела об административном правонарушении в ходе проведения мероприятий по контролю (надзору) лицо привлекалось в качестве эксперта, то в этом же статусе оно и только оно или иное лицо, тождественное ему по статусу, должно выступать в производстве по делам об административных правонарушениях в качестве эксперта.

Получение документов от лица, обладающего специальными компетенциями в ходе административной юрисдикции, – прерогатива представителя власти, иное является необоснованным вмешательством в деятельность правоохранительной системы. Вопрос этот постоянно обсуждается в юридической литературе [15–19], но единого мнения до сих пор не высказано, поэтому следует предложить относительно устойчивые правила применения специальных познаний в данном случае. Так, следует выяснять:

- кто из участников или сторонних лиц представил соответствующий документ или заключение, взаимосвязи (аффилированность) указанных лиц и участников административной юрисдикции, отношения всех субъектов производства по делу об административном правонарушении к представленным доказательствам;

- наличие у лица, составившего доказательственный документ (заключение), специального административно-правового статуса, подтверждающего его профессиональную компетентность и допустимость участия в производстве по делам об административных правонарушениях в определенном качестве. Например, наличие статуса испытательной лаборатории (центра) даже при наличии государственной аккредитации не позволяет выступать в качестве эксперта, так как в силу ст. 33 Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» эксперт – не имеющий личной заинтересованности в результатах контрольного (надзорного) мероприятия, контрольного (надзорного) действия гражданин, не являющийся индивидуальным предпринимателем, имеющий специальные знания, опыт в соответствующей сфере науки, техники, хозяйственной деятельности и получивший статус эксперта в соответствии с общими требованиями, установленными Правительством РФ, в целях привлечения кон-

трольным (надзорным) органом к осуществлению экспертизы¹;

– область приложения профессиональной компетентности (аккредитации) третьего лица, процессы ее расширения или сокращения на период ведения юрисдикционных процедур;

– условия выдачи документа третьим лицом, в том числе о проведении измерений, испытаний, наблюдений и пр., так как, допустим, единичное измерение шума в нерабочий день вряд ли можно считать объективным показателем надлежащей организации дорожного движения и (или) работы особо опасного воспроизводственного объекта и т. п.;

– факты применения результатов специальных познаний вопреки требованиям ст. 24.7 КоАП РФ, влекущие их необъективность и исключение из числа доказательств, например, оплата заключения испытательной лаборатории одним из участников производства по делу об административном правонарушении дискредитирует независимость экспертной оценки, так как экспертной организацией является не заинтересованные в результатах контрольного (надзорного) мероприятия, контрольного (надзорного) действия юридическое лицо либо индивидуальный предприниматель, аккредитованные в национальной системе аккредитации и привлекаемые контрольными (надзорными) органами к осуществлению экспертизы;

– предупреждены ли третьи лица, выдавшие документы (заключения), связанные с применением специальных познаний, об ответственности по ст. 17.9 КоАП РФ, обязанные отозвать представленные ими носители информации, так как она не является доказательственной.

Таким образом, полноценный административно-правовой статус, содержащий все необходимые и достаточные элементы субъектов административной юрисдикции, должен быть изложен в рамках консолидированного текста в одной главе КоАП РФ (глава 25). При этом должны быть предусмотрены правила синхронизации процедур и сохранения специальных правовых статусов, которые возникли у отдельных лиц в рамках предшествующих или сопутствующих административных производств, где допустимость автономности действий должна быть подкреплена алгоритмами сотрудничества и взаимодействия, уважительного отношения друг к другу всех субъектов административного процесса.

Библиографический список

1. Апарина И. В., Федюшкин А. В. Понятие и структура правового статуса субъектов административного права // Вестник ВШЭП. 2025. № 1. С. 125–140.
2. Майдан В. В. Проблемы структуры и содержания административно-правового статуса граждан в РФ // Сборник трудов. Симферополь, 2024. С. 36–40.
3. Павлова Е. В. Потерпевший как участник производства по делам об административных правонарушениях: сравнительно-правовая характеристика законодательства Российской Федерации и отдельных иностранных государств // Современный ученый. 2025. № 9. С. 402–407.
4. Жалнина А. С. Право на защиту в делах об административных правонарушениях // Научные дискуссии. 2024. Т. 4. № 3. С. 52–54.
5. Федорова Т. В. Формальная пассивность участников производства по делам об административных правонарушениях // Актуальные проблемы внесудебного и судебного административного процесса: сб. ст. М., 2024. С. 140–148.
6. Шпакова А. А. Процессуальный статус участников производства по делам об административных правонарушениях. Существующие проблемы и тенденции // Научная молодежь – современной России: сб. ст. Петрозаводск, 2022. С. 150–162.
7. Родимцева Е. Б. Права и обязанности свидетеля как участника производства по делам об административных правонарушениях // Молодежь и наука: реальность и будущее: материалы конф. Невинномысск, 2020. С. 369–370.
8. Куракин А. В., Астахов Д. А., Сальников М. Г., Куракина А. Н. Права и обязанности свидетеля, эксперта, специалиста, переводчика, защитника, представителя и понятого как участников производства по делам об административных правонарушениях // Право и политика. 2006. № 3. С. 137–146.
9. Москаленко С. А., Москаленко М. С. Реализация прав и осуществление обязанностей несовершеннолетнего, в отношении которого ведется производство по делам об административных правонарушениях, его законного представителя, защитника // Административно-правовое регулирование охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности: проблемы и пути их решения: материалы конф. СПб., 2024. С. 150–154.
10. Никоноров Е. А. Некоторые особенности административно-процессуального статуса свидетеля и понятого как участников производства по делам об административных правонарушениях // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 156–161.
11. Глуздал Г. Н. О правовом регулировании признания недопустимыми доказательств по делам об административных правонарушениях // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2022. № 4 (51). С. 12–17.
12. Вечерникова Д. В., Светлова А. П., Тырышкин В. В. Процессуальный статус свидетеля и потерпевшего в рамках административного производства по ст. 5.61 и 20.1 КОАП РФ // Алтайский юридический вестник. 2020. № 2 (30). С. 37–40.
13. Камышев А. И. Свидетельский иммунитет священнослужителя в административном праве // Актуальные вопросы публичного права: сб. тр. 2019. С. 858–862.
14. Бурков А. Л., Кудряков А. В. Защита конституционного права на неприкосновенность частной жизни

¹ Постановление Правительства РФ от 29 декабря 2020 г. № 2328 «О порядке аттестации экспертов, привлекаемых к осуществлению экспертизы в целях государственного контроля (надзора), муниципального контроля» // СЗ РФ. 2021. № 1. Ст. 180.

ни свидетелей административных правонарушений // Журнал Конституционного правосудия. 2014. № 3. С. 19–25.

15. Глазунова И. В. Использование института экспертной инициативы в административном процессе / под общ. ред. А. В. Табакова // Актуальные проблемы использования высокотехнологичных методов экспертных исследований: материалы конф. 2019. С. 213–222.

16. Горелик А. В. Роль экспертизы в противодействии распространению фальсифицированной продукции // Аллея науки. 2017. Т. 4. № 15. С. 555–560.

17. Демидова И. Н. Экспертиза в производстве по делам об административных правонарушениях // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2016. № 2 (69). С. 122–124.

18. Жданов С. П. К вопросу об участии специалиста в производстве по делам об административных правонарушениях // Экономика. Право. Общество. 2015. № 3 (3). С. 78–82.

19. Куценко Т. М. Понятие, виды и значение документов как источников доказательств по делам об административных правонарушениях // Вопросы управления. 2014. № 4 (29). С. 208–215.

References

Aparina I. V., Fedyushkin A. V. The concept and structure of the legal status of subjects of administrative law // Bulletin of the VIEPP. 2025. No. 1. pp. 125–140.

2. Maidan V. V. Problems of the structure and content of the administrative and legal status of citizens in the Russian Federation // Proceedings. Simferopol, 2024. pp. 36–40.

3. Pavlova E. V. The victim as a participant in the proceedings on administrative offenses: comparative legal characteristics of the legislation of the Russian Federation and individual foreign states // Modern Scientist. 2025. No. 9. pp. 402–407.

4. Zhalnina A. S. The right to protection in cases of administrative offenses // Scientific discussions. 2024. Vol. 4. No. 3. pp. 52–54.

5. Fedorova T. V. Formal passivity of participants in proceedings on administrative offenses // Actual problems of extrajudicial and judicial administrative process: collection of art. M., 2024. pp. 140–148.

6. Shpakova A. A. Procedural status of participants in proceedings on administrative offenses. Existing problems and trends // Scientific Youth of modern Russia: collection of art. Petrozavodsk, 2022. pp. 150–162.

7. Rodimtseva E. B. The rights and obligations of a witness as a participant in proceedings on administrative offenses // Youth and science: reality and the future: proceedings of the conference. Nevinnomyssk, 2020. pp. 369–370.

8. Kurakin A. V., Astakhov D. A., Salnikov M. G., Kurakina A. N. The rights and obligations of a witness, expert, specialist, translator, defender, representative and understood as participants in proceedings on administrative offenses // Law and politics. 2006. No. 3. pp. 137–146.

9. Moskalenko S. A., Moskalenko M. S. The realization of the rights and duties of a minor, in respect of whom proceedings are underway in cases of administrative offenses, his legal representative, defender // Administrative and legal regulation of the protection of public order and public safety: problems and solutions: materials of the conference St. Petersburg, 2024. Pp. 150–154.

10. Nikonov E. A. Some features of the administrative procedural status of a witness and those understood as participants in proceedings on administrative offenses // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 4. pp. 156–161.

11. Gluzdak G. N. On the legal regulation of the recognition of evidence as inadmissible in cases of administrative offenses // Vector of Science Tolyatti State University. Series: Legal Sciences. 2022. No. 4 (51). pp. 12–17.

12. Vechernikova D. V., Svetlova A. P., Tyryshkin V. V. The procedural status of a witness and victim in the framework of administrative proceedings under Articles 5.61 and 20.1 of the Administrative Code of the Russian Federation // Altaisky yuridicheskiy Vestnik. 2020. No. 2 (30). pp. 37–40.

13. Kamyshev A. I. Witness immunity of a clergyman in administrative law // Actual issues of public law: collection of tr. 2019. pp. 858–862.

14. Burkov A. L., Kudryakov A. V. Protection of the constitutional right to privacy of witnesses of administrative offenses // Journal of Constitutional Law justice. 2014. No. 3. pp. 19–25.

15. Glazunova I. V. The use of the institute of expert initiative in the administrative process / under the general editorship of A. V. Tabakov // Actual problems of using high-tech methods of expert research: materials of the conference 2019. pp. 213–222.

16. Gorelik A. V. The role of expertise in countering the spread of counterfeit products // Alley of Science. 2017. Vol. 4. No. 15. pp. 555–560.

17. Demidova I. N. Expertise in proceedings on administrative offenses // Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management. 2016. No. 2 (69). pp. 122–124.

18. Zhdanov S. P. On the issue of the participation of a specialist in proceedings on administrative offenses // Economy. Right. Society. 2015. No. 3 (3). pp. 78–82.

19. Kutsenko T. M. The concept, types and meaning of documents as sources of evidence in cases of administrative offenses // Management issues. 2014. No. 4 (29). pp. 208–215.

Информация об авторе

Осинцев Дмитрий Владимирович – доктор юридических наук, профессор

Information about the author

Osintsev Dmitry V. – Doctor of Law, Professor

Статья поступила в редакцию 11.06.2025; одобрена после рецензирования 11.07.2025; принята к публикации 17.12.2025

The article was submitted 11.06.2025; approved after reviewing 10.07.2025; accepted for publication 17.12.2025

Научная статья
УДК 342.9

Некоторые вопросы формирования в государствах – участниках СНГ законодательства в области информации, информатизации и защиты информации

Редкоус Владимир Михайлович

Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Россия, rwmmos@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-2585-6388>

Аннотация. Современное развитие государства и общества неразрывно связано с развитием информации, являющейся средством осуществления государственного управления, регламентации общественных отношений, реализации правовых статусов их участников. Значимость информации для государственного и общественного развития, реализации прав и свобод человека и гражданина повлекла закрепление её основ в современных конституциях. На базе национальных конституций произошло формирование национальных правовых основ регламентации отношений, связанных с информацией.

В работе показана важность расширения научных исследований всего комплекса вопросов, связанных с возникновением информации и информационных отношений, что позволит более точно определить границы информационного права в правовой системе государства, правовое положение субъектов информационных отношений в условиях расширения информатизации и цифровизации всех сторон государственной и общественной жизни, средства регламентации информационных отношений, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также прав и законных интересов иных субъектов в рассматриваемой сфере. Также наглядно представлены возможности сравнительно-правовых исследований в рассматриваемой области на примере стран – участников СНГ.

Определен ряд направлений совершенствования российского законодательства в сфере информации, информационных технологий и защиты информации.

Ключевые слова: информация, информационные технологии, защита информации, национальная безопасность, историография, конституция, конституционное регулирование, законодательное регулирование, правовая основа, права и свободы человека, право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, киберпреступность, средства массовой информации, сравнительное правоведение

Для цитирования: Редкоус В. М. Некоторые вопросы формирования в государствах – участниках СНГ законодательства в области информации, информатизации и защиты информации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 4. С. 75–81.

Original article

Some issues related to the formation of legislation in the field of information, informatization and information protection in the CIS member States

Redkous Vladimir M.

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, rwmmos@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-2585-6388>

Abstract. The modern development of the state and society is inextricably linked to the development of information, which is a means of implementing public administration, regulating social relations, and realizing the legal status of their participants. The importance of information for state and social development and the realization of human and civil rights and freedoms has led to its foundations being enshrined in modern constitutions, including those of the CIS member states. National constitutions have served as the foundation for the formation of national legal frameworks regulating information-related relations, where national legislation plays a crucial role.

The paper demonstrates the importance of expanding scientific research into the full range of issues related to the emergence of information and information relations. This will allow for a more precise definition of the boundaries of information law within the state legal system, the legal status of information relations entities in the context of expanding informatization and digitalization of all aspects of state and public life, and the means of regulating information relations, protecting human and civil rights and freedoms, as well as the rights and legitimate interests of other entities in this area. The potential of comparative legal research in this area is also clearly presented.

A number of areas for improving Russian legislation in the field of information, information technology and information protection have been identified.

Keywords: Information, information technology, information security, national security, historiography, constitution, constitutional regulation, legislative regulation, legal basis, human rights and freedoms, the right to freely seek, receive, transmit, produce and disseminate information by any legal means, cybercrime, mass media, comparative law

For citation: Redkous V. M. Some issues related to the formation of legislation in the field of information, informatization and information protection in the CIS member States // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 4. Pp. 75–81.

В современных условиях сфера информации, информатизации и защиты информации становится важнейшей областью научных исследований. В. С. Горбань в своей работе пишет: «Рассуждения о любой научной проблеме имплицитно предполагают историографический анализ. Если автор знает состояние научной – проблемно-теоретической, критической, историко-философской и прочих типов – разработки интересующей его проблемы, то лишь тогда он может предложить сколько-нибудь существенное объяснение наблюдаемых и мыслимых закономерностей; и даже интуиция ученого является продуктом культуры, образования, опыта, среды и т. п.» [1, с. 109–110].

Достаточно широкое отношение к историографии юридической науки демонстрирует С. В. Кодан, считая, что «историография юридической науки представляет направление в изучении юриспруденции, которое ориентируется на изучение процессов познания государственно-правовых явлений и институтов через научные труды ученых-юристов, исследование их научной биографии и творческого процесса создания произведений, а также механизмов накопления сохранения и передачи историографической информации» [2, с. 16]. С методологической точки зрения такой подход является оправданным, так как он позволяет обеспечить всесторонность охвата изучаемого объекта, несмотря на то, что требует более значительных временных затрат на изучение всех сторон рассматриваемого явления. Однако все же, по мнению автора, основным элементом в историографическом исследовании является анализ процессов возникновения, развития, трансформации массива нормативных правовых актов различной юридической силы в определенной области, требующей нормативной регламентации, в зависимости от конкретно-исторических условий развития государства и права, взаимосвязи и взаимообусловленности государственно-правовых явлений, на который оказывают влияние различные факторы как правового, так и иного связанного с ним характера.

Историографический анализ развития представлений об информации, информационных техноло-

гиях и защите информации показывает, что после распада СССР и объединения бывших советских республик, а ныне суверенных государств, в Содружество Независимых Государств (далее – СНГ), вопросам правового регулирования отношений в рассматриваемой области уделялось большое внимание как на конституционном уровне, так и на законодательном уровне национальных правовых систем. В рамках данной работы особое внимание уделено конституционному срезу закрепления вопросов, связанных с информацией, формированию конституционной основы режима информации в современном обществе. Ведь именно конституционное закрепление информации и связанных с ней вопросов служит основой для формирования на национальном уровне правовой основы деятельности в области информации, информатизации и защиты информации, реализации в данной области прав и законных интересов граждан и иных субъектов, защиты государственных и общественных интересов, обеспечения национальной безопасности.

В настоящее время в государствах – участниках СНГ действуют следующие конституции: Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г.¹; Конституция Азербайджанской Республики от 12 ноября 1995 г.²; Конституция Республики Армения от 5 июля 1995 г.³; Конституции Республики Беларусь от 15 марта 1994 г.⁴; Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 г.⁵; Конституция Кыргызской Республики

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 01.09.2025).

² Конституция Азербайджанской Республики от 12 ноября 1995 г. URL: <https://base.spininform.ru> (дата обращения: 01.09.2025).

³ Конституция Республики Армения от 5 июля 1995 г. URL: <https://base.spininform.ru> (дата обращения: 01.09.2025).

⁴ Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. № 2875. URL: <https://pravo.by> (дата обращения: 01.09.2025).

⁵ Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 г. URL: <https://base.spininform.ru> (дата обращения: 01.09.2025).

от 11 апреля 2021 г.¹; Конституция Республики Молдова от 29 июля 1994 г.²; Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 г.³; Конституция Туркменистана от 18 мая 1992 г.⁴; Конституция Республики Узбекистан от 8 декабря 1992 г.⁵; Конституции Украины от 28 июня 1996 г.⁶

Конституционное развитие государств – участников СНГ показывает, что в их национальных конституциях закреплены: право каждого свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом; законодательная форма определения перечня сведений, составляющих государственную тайну; гарантированность свободы массовой информации; запрет цензуры; запрет на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия; право лица на ознакомление с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом, которому корреспондирована обязанность органов государственной власти, органов местного самоуправления (местных органов власти), их должностных лиц обеспечить каждому такую возможность; право каждого на достоверную информацию о состоянии окружающей среды; возможность ограничения права на получение информации только законом.

В ряде конституций государств СНГ (Республика Армения, Кыргызская Республика и др.) устанавливаются конституционные основы статуса средств массовой информации, играющих важную роль в функционировании современного демократического правового государства.

Можно выделить ряд технико-юридических особенностей закрепления положений, связанных с информацией, например:

1) Азербайджанская Республика – «каждому гарантируется право опровергать опубликованную в средствах массовой информации информацию, нарушающую его права или наносящую ущерб его интересам, либо отвечать на нее»;

2) Республика Армения – «основания ответственности должностных лиц за сокрытие информации или необоснованный отказ в их предоставлении устанавливаются законом»;

¹ Конституция Кыргызской Республики от 11 апреля 2021 г.: принята референдумом (всенародным голосованием) 11 апреля 2021 г. // «Эркин Тоо». 2021. 5 мая. № 41.

² Конституция Республики Молдова от 29 июля 1994 г. // Официальный монитор Республики Молдова от 13 ноября 2024 г. № 466. № 635.

³ Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 г. URL: <https://base.spininform.ru> (дата обращения: 01.09.2025).

⁴ Конституция Туркменистана от 18 мая 1992 г. № 691-XII // Ведомости Меджлиса Туркменистана. 1992. № 5. Ст. 30.

⁵ Конституция Республики Узбекистан от 8 декабря 1992 г. // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан от 1 мая 2023 г. № 03/23/837/0241.

⁶ Конституция Украины от 28 июня 1996 г. № 254к/96-ВР // Вестник Конституционного суда Украины. 2010. № 5. С. 36.

3) Республика Беларусь – «монополизация средств массовой информации государством, организациями или отдельными гражданами, а также цензура не допускаются»;

4) Кыргызская Республика – «информационная безопасность в Кыргызской Республике охраняется государством»; «государство гарантирует каждому защиту персональных данных. Доступ к персональным данным граждан, их получение осуществляются только в предусмотренных законом случаях»;

5) Республика Таджикистан – «государственная цензура и преследование за критику запрещается»;

6) Республика Узбекистан – «государство создает условия для обеспечения доступа к всемирной информационной сети Интернет»; «государство создает условия для полноценного доступа лиц с инвалидностью к объектам и услугам социальной, экономической и культурной сфер, содействует их трудоустройству, получению образования, обеспечивает возможность беспрепятственного получения необходимой им информации».

В ряде конституций государств СНГ показана непосредственная связь информации и обеспечения национальной безопасности путем использования следующих словосочетаний:

1) Российская Федерация – «перечень сведений, составляющих государственную тайну», «обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных»;

2) Республика Казахстан – «перечень сведений, составляющих государственные секреты Республики Казахстан, определяется законом»;

3) Кыргызская Республика – «информационная безопасность»;

4) Республика Молдова – «право на информацию не должно наносить ущерб мерам, направленным на защиту граждан, или национальной безопасности»;

5) Республика Таджикистан – «перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется законом»;

6) Украина – «защита суверенитета и территориальной целостности Украины, обеспечение ее экономической и информационной безопасности являются важнейшими функциями государства, делом всего Украинского народа».

В конституциях двух государств Содружества на конституционном уровне были закреплены новейшие термины из области информационного права:

1) Российская Федерация – «информационные технологии», «применение информационных технологий», «оборот цифровых данных»;

2) Республика Узбекистан – «всемирная информационная сеть Интернет», «средства массовой информации образуют основу гражданского общества».

Таким образом, анализ основных конституционных положений государств – участников СНГ, закрепляющих информацию как конституционно-правовую категорию, показывает, что в большинстве конституций информация связана с реализацией це-

лого ряда основных прав и свобод человека и гражданина, что позволяет, во-первых, рассматривать ее как определенную конституционную ценность, во-вторых, относиться к ней как самостоятельному элементу механизма реализации основных прав и свобод человека и гражданина, а также прав иных субъектов общественных отношений.

Национальные конституции являются тем фундаментом, на котором строятся национальные законодательства государств – участников СНГ в области информации, информационных технологий и защиты информации. Широкий спектр национальных законодательных актов в рассматриваемой сфере открывает перспективы для проведения сравнительно-правовых исследований. В своей работе В. С. Горбань, А. Ю. Саломатин, И. И. Бутрим, Н. В. Макеева отмечают, что «сравнительное правоведение весьма многогранно, имеет огромный не только теоретический, но и практический потенциал». По их мнению, «в условиях глобализации правовой действительности сравнительное правоведение выступает в качестве инструментария современных преобразований права» [3]. Это ставит вопрос о необходимости расширения как объема сравнительно-правовых исследований в области информационного права, так и используемого при этом инструментария. Анализируя совокупность национальных правовых актов в области информации в государствах – участниках СНГ, можно отметить большое сходство в их структуре и содержании, относительном единстве подходов к определению основных терминов, разделении информационного права на самостоятельные институты. Поэтому в настоящее время основным способом проведения сравнительно-правовых исследований в данной области следует признать нормативный способ, базирующийся на анализе правовых норм, объединенных в нормативные правовые акты различной юридической силы. Однако по мере развития национальных правовых систем государств – участников СНГ, их взаимного «расхождения» и «размежевания» в условиях взаимодействия с правовыми системами иных зарубежных стран, разрушения общих объединяющих начал, заложенных еще системой советского права, нормативный способ сравнительного анализа будет постепенно замещаться функциональным, в основе которого лежит уже сравнение не конкретных сходных правовых норм, а сходных видов общественных отношений, обусловленных реализацией рассматриваемых правовых институтов.

В юридической литературе высказывается достаточно много предложений по совершенствованию правового регулирования отношений в области информации, информатизации и защиты информации. В рамках данной публикации хотелось бы обратить внимание на следующие направления совершенствования законодательства в рассматриваемой области.

По мнению автора, при совершенствовании законодательства в рассматриваемой области необходимо добиваться более полной реализации и использования потенциала Модельного закона «Об

информации, информатизации и обеспечении информационной безопасности»¹, принятого на сорок первом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств (далее – Модельный закон об информации). Использование его положений позволит добиться большего единообразия правового регулирования отношений в области информации, информатизации и защиты информации на правовом пространстве СНГ, усилить межгосударственное сотрудничество, сотрудничество национальных уполномоченных органов государств Содружества особенно в условиях возникновения новых угроз информационной безопасности.

Модельный закон об информации предлагает достаточно удачный набор основных понятий и определений их содержания, в частности: информация, информация ограниченного доступа, информация официальная, доступ к информации, защита информации, информатизация, информационная безопасность, информационная система, информационное пространство, информационное пространство межгосударственного взаимодействия, информационно-коммуникационные технологии, информационные и телекоммуникационные ресурсы, информационные технологии, информационный объект, критически важная информационно-коммуникационная инфраструктура, несанкционированный доступ к информации, персональные данные, и ряд других.

В данном законе закрепляют принципы правового регулирования отношений в рамках настоящего Модельного закона и основные принципы государственной политики в области информации, информатизации и обеспечения информационной безопасности. В рамках самостоятельных глав представлены модели правовых норм об информации, информационных ресурсах, основах правового режима информационных ресурсов (гл. 2), информатизации, информационных системах и информационных технологиях (гл. 3), основах правового регулирования обеспечения информационной безопасности и ответственности за правонарушения в сфере информатизации (гл. 4).

Следующее направление связано с возможной кодификацией законодательства в области информации. Анализ национальных информационных законодательств и России, и государств – участников СНГ говорит об их сложности, многоуровневости, одновременности принятия нормативных правовых актов различной юридической силы, что объективно влечет возникновение правовых коллизий, а также различных трудностей правоприменения. Одним из выходов из данной ситуации является кодификация информационного законодательства, проведенная

¹ Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств от 28 ноября 2014 г. № 41-15: Модельный закон «Об информации, информатизации и обеспечении информационной безопасности». URL: <http://www.parliament.am/library/modelayin%20orenqner/310.pdf> (дата обращения: 01.09.2025).

на научной основе, о чем говорят в своих работах Е. В. Виноградова, М. Н. Кобзарь-Фролова [4]. Примером принятия такого кодифицированного акта является Цифровой кодекс Кыргызской Республики от 31 июля 2025 г. № 178¹ (далее – Цифровой кодекс КР).

Для более полного уяснения существа регулируемых вопросов необходимо обратиться к структуре Цифрового кодекса КР, состоящего из общей и особенной частей. Общая часть данного кодекса включает в себя Раздел I. Основы правового регулирования в цифровой среде; Раздел II. Правоотношения в цифровой среде; Особенная – Раздел III. Обработка цифровых данных. Цифровые ресурсы; Раздел IV. Цифровые сервисы и экосистемы; Раздел V. Цифровые технологические системы.

Основы правового регулирования в цифровой среде объединяют следующие главы: Глава 1. Общие положения; Глава 2. Государственное регулирование в цифровой среде; Глава 3. Специальное регулирование в цифровой среде; Глава 4. Взаимодействие в цифровой среде.

Раздел о правоотношениях в цифровой среде содержит главы: Глава 5. Объекты правоотношений в цифровой среде; Глава 6. Субъекты правоотношений в цифровой среде; Глава 7. Цифровая идентификация; Глава 8. Основания возникновения, изменения, прекращения правоотношений в цифровой среде; Глава 9. Осуществление прав и исполнение обязанностей в цифровой среде.

Раздел об обработке цифровых данных и цифровых ресурсах включает следующие главы: Глава 10. Общие положения об обработке цифровых данных; Глава 11. Обработка персональных данных; Глава 12. Пространственные данные; Глава 13. Цифровые реестры.

Раздел о цифровых сервисах и экосистемах представлен следующими главами: Глава 14. Общие положения о цифровых сервисах; Глава 15. Сервисы цифрового благополучия; Глава 16. Телекоммуникационные сервисы; Глава 17. Доверенные сервисы; Глава 18. Госсервисы; Глава 19. Нацэкосистема.

Раздел о цифровых технологических системах включает следующие главы: Глава 20. Общие положения о цифровых технологических системах; Глава 21. Телекоммуникационные сети; Глава 22. Взаимодействие владельцев цифровых технологических систем между собой и с государственными органами; Глава 23. Системы искусственного интеллекта; Глава 24. Обеспечение непрерывности отношений в цифровой среде.

Анализ структуры Цифрового кодекса КР показывает, что в нем представлены как уже ставшие традиционными институционализированные положения о правовом регулировании обработки цифровых данных, цифровых ресурсах, государственного регулирования в цифровой среде, обработке цифровых данных, обработке персональных данных, так и но-

вые институты, связанные со всесторонней цифровизацией государственного управления, например, сервисы цифрового благополучия, системы искусственного интеллекта и др.

Цифровой кодекс КР содержит 101 термин, которые используются в нем как дефинитивные. И в определениях, и в структуре данного кодекса отражаются достижения юридической науки, что позволило не только достаточно четко структурировать правовую материю документа, но и закрепить основанные на достижениях науки определения основных понятий.

Например, с общетеоретических позиций выглядит оправданным наименование глав: объекты правоотношений в цифровой среде (гл. 5); субъекты правоотношений в цифровой среде (гл. 6); основания возникновения, изменения, прекращения правоотношений в цифровой среде (гл. 8); осуществление прав и исполнение обязанностей в цифровой среде (гл. 9).

Закрепление в Цифровом кодексе КР правового регулирования искусственного интеллекта (гл. 23) – дань новациям цифровой сферы, отраженной в праве. Т. А. Полякова, А. В. Минбалева, Н. В. Кротова в своей статье сделали справедливый вывод, что основной акцент в развитии информационного законодательства и доктрины информационного права необходимо делать в отношении формирования моделей регулирования использования технологий искусственного интеллекта в отраслях экономики, социальной сферы (включая сферу общественной безопасности) и в органах публичной власти, и ряде других [5].

Также в Цифровом кодексе КР (ст. 191–197) закреплены: принципы проектирования, разработки и применения систем искусственного интеллекта; ограничения и ответственность в связи с проектированием, разработкой и применением систем искусственного интеллекта; оценка опасности системы искусственного интеллекта; системы искусственного интеллекта повышенной опасности; подтверждение соответствия систем искусственного интеллекта повышенной опасности обязательным требованиям; использование систем искусственного интеллекта повышенной опасности; раскрытие информации при применении отдельных видов систем искусственного интеллекта.

Таким образом, опыт Кыргызской Республики по разработке и принятию Цифрового кодекса страны следует признать удачным и расценить как важный шаг к совершенствованию правового регулирования отношений, связанных с обработкой цифровых данных, созданием и использованием цифровых записей, в том числе в виде цифровых документов и цифровых ресурсов, созданием и использованием цифровых сервисов, построением цифровых экосистем и участием в них, созданием цифровых технологических систем, в том числе центров обработки данных и телекоммуникационных сетей, касающихся доступа владельцев цифровых технологических си-

¹ Цифровой кодекс Кыргызской Республики от 31 июля 2025 г. № 178 // «Эркин Тоо». 2025. 8 августа. № 59.

стем к инфраструктуре (землям, зданиям, строениям, сооружениям и иным аналогичным объектам).

В качестве самостоятельного направления развития законодательства об информации в государствах СНГ в контексте обеспечения национальной безопасности можно выделить законодательное регулирование вопросов обеспечения кибербезопасности. Этому вопросу посвящен ряд работ автора [6; 7].

В Российской Федерации аналогичного законодательного акта нет, хотя вопросы обеспечения кибербезопасности являются актуальными и стоят на повестке дня не только правоохранительных органов. Поэтому положительный опыт государств – участников СНГ может быть использован для совершенствования российского законодательства.

Заканчивая изложение материала, хочется сказать, что область информации, информатизации и защиты информации – одна из самых динамично развивающихся областей государственной и общественной деятельности, а также реализации прав и свобод человека и гражданина. Об этом автор также говорит в своих работах [8]. С развитием информационных отношений связано прогрессивное развитие личности, общества и государства. Нельзя уклониться от регламентации информационных отношений, а также принимать ошибочные, неверные решения, так как это чревато наступлением неблагоприятных последствий, которые зачастую могут рассматриваться как угрозы национальной безопасности в информационной и иных сферах. Поэтому дальнейшее продолжение историографических исследований в рассматриваемой области, а также проведение сравнительно-правовых исследований просто необходимы для глубокого понимания процессов, происходящих в информационной сфере, формулирования основных направлений развития законодательства в области информации и его реализации в современных условиях развития государства и общества.

Также историографические исследования в области правового регулирования отношений, связанных с информацией, должны осуществляться в комплексе с историографическими исследованиями в иных областях правоведения, учитывать нюансы и особенности развития права в целом в тот или иной исторический период развития общества и государства. Право само по себе является информацией, несет в себе информационный отпечаток всего исторического периода своего развития, поэтому развитие самого права – это, в том числе, и развитие информации о регулируемых правом общественных отношениях.

Следует учитывать, что информационное право несет в себе огромный как публично-правовой, так и частноправовой потенциал. С учетом этого обстоятельства информационное право обладает повышенным объемом комплексности, благодаря чему обеспечивается правовая регламентация оборота информации в диалектическом единстве публично-правового и частноправового способов регулирования общественных отношений.

Библиографический список

1. Горбань В. С. Роль историографии в философии права и формировании понятийного языка современной правовой теории // Антиномии. 2025. Т. 25. Вып. 1. С. 107–127.
2. Кодан С. В. Историография юридической науки в современных образовательных и исследовательских практиках // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 3 (51). С. 12–18.
3. Горбань В. С., Саломатин А. Ю., Бутрим И. И., Макеева Н. В. Сравнительное правоведение как динамично развивающаяся комплексная дисциплина: историографический контекст и перспективы // Государство и право. 2024. № 12. С. 65–75.
4. Виноградова Е. В., Кобзарь-Фролова М. Н. Становление и развитие российского административного права (краткий обзор круглого стола к 100-летию Н. Г. Салищевой) // Право и управление. 2024. № 11. С. 268–272.
5. Полякова Т. А., Минбалеев А. В., Кроткова Н. В. Трансформация науки информационного права и информационного законодательства: новый этап в условиях научно-технологического развития России // Государство и право. 2024. № 9. С. 166–179.
6. Редкоус В. М. Вопросы кибербезопасности в документах стратегического планирования государств – участников СНГ // Охрана, безопасность, связь. 2025. № 10-2. С. 102–107.
7. Редкоус В. М. Зарубежный опыт установления компетенции уполномоченного государственного органа в сфере кибербезопасности (на примере Республики Узбекистан) // Образование. Наука. Научные кадры. 2022. № 2. С. 102–107.
8. Редкоус В. М. Некоторые вопросы законодательной регламентации обеспечения кибербезопасности на правовом пространстве СНГ // Развитие информационных технологий органов внутренних дел Российской Федерации: сборник научных трудов Всероссийской науч.-практич. конференции, Москва, 24 октября 2024 г. М: Федеральное казенное учреждение «Научно-производственное объединение "Специальная техника и связь"» Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2025. С. 70–81.

References

1. Gorban V. S. The Role of Historiography in the Philosophy of Law and the Formation of the Conceptual Language of Modern Legal Theory // Antinomies. 2025. Vol. 25. Issue 1. Pp. 107–127.
2. Kodan S. V. Historiography of Legal Science in Modern Educational and Research Practices // Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 3 (51). Pp. 12–18.
3. Gorban V. S., Salomatin A. Yu., Butrim I. I., Makeeva N. V. Comparative Law as a Dynamically Developing Complex Discipline: Historiographic Context and Prospects // State and Law. 2024. No. 12. Pp. 65–75.
4. Vinogradova E. V., Kobzar-Frolova M. N. Formation and development of Russian administrative law (a brief overview of the round table dedicated to the 100th

anniversary of N. G. Salishcheva) // Law and Management. 2024. No. 11. Pp. 268–272.

5. Polyakova T. A., Minbaleev A. V., Krotkova N. V. Transformation of the science of information law and information legislation: a new stage in the context of scientific and technological development of Russia // State and Law. 2024. No. 9. Pp. 166–179.

6. Redkous V. M. Cybersecurity issues in strategic planning documents of the CIS member states // Security, safety, communications. 2025. No. 10-2. Pp. 102–107.

7. Redkous V. M. Foreign experience in establishing the competence of an authorized state body in the field of cybersecurity (using the Republic of Uzbekistan as an example) // Education. Science. Scientific personnel. 2022. No. 2. Pp. 102–107.

8. Redkous V. M. Some issues of legislative regulation of cybersecurity in the legal space of the CIS // Development of information technologies of the internal affairs bodies of the Russian Federation: collection of scientific papers All-Russian scientific and practical conference, Moscow, October 24, 2024. M.: Federal State Institution «Scientific and Production Association "Special Equipment and Communications"» of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2025. Pp. 70–81.

Информация об авторе

Редкоус Владимир Михайлович – доктор юридических наук, профессор

Information about the author

Redkous Vladimir M. – Doctor of Law, Professor

Статья поступила в редакцию 02.09.2025; одобрена после рецензирования 30.09.2025; принята к публикации 17.12.2025

The article was submitted 02.09.2025; approved after reviewing 30.09.2025; accepted for publication 17.12.2025

Регламентация и стандартизация государственных услуг

Савоськин Александр Владимирович¹, Гусев Андрей Владимирович², Вохидова Амина Шавкатовна³

¹ Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия;

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

² Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия

³ Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия

Автор, ответственный за переписку: Савоськин Александр Владимирович, savoskinav@yandex.ru

Аннотация. В последние годы в России активно разрабатываются и внедряются механизмы регламентации и стандартизации государственных услуг, выступающие основополагающими элементами защиты прав и интересов граждан, способствующие обеспечению открытости и доступности информации о правилах их предоставления. В статье рассматриваются теоретические аспекты правового регулирования предоставления государственных услуг, а также отмечается роль цифровизации в процессе их стандартизации. Авторы обращают внимание на постоянное совершенствование нормативной базы и механизмов взаимодействия, что соответствует меняющимся потребностям общества и развитию цифровых технологий.

Ключевые слова: услуга, государственная услуга, единый стандарт, стандарты, регламентация, административный регламент

Для цитирования: Савоськин А. В., Гусев А. В., Вохидова А. Ш. Регламентация и стандартизация государственных услуг // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 4. С. 82–85.

Original article

Regulation and standardization of public services

Savoskin Alexander V.¹, Gusev Andrey V.², Vohidova Amina Sh.³

¹ Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia; South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

² Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia

³ Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia

Corresponding author: Savoskin Alexander V., savoskinav@yandex.ru

Abstract. In recent years, Russia has been actively developing and implementing mechanisms for regulating and standardizing public services, which are fundamental elements for protecting the rights and interests of citizens and helping to ensure openness and accessibility of information on the rules for their provision. The article examines the theoretical aspects of regulating the provision of services, and also notes the role of digitalization in the process of standardizing services. The authors draw attention to the constant improvement of the regulatory framework and interaction mechanisms, which corresponds to the changing needs of society and the development of digital technologies.

Keywords: service, public service, uniform standard, standards, regulation, administrative regulations

For citation: Savoskin A. V., Gusev A. V., Vohidova A. Sh. Regulation and standardization of public services // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 4. Pp. 82–85.

В эпоху, когда государственное администрирование переходит на новый уровень, как никогда актуальными становятся вопросы регламентации и стандартизации государственных услуг, которые представлены в широком спектре и имеют множество форм, обладающих уникальными характеристиками и особенностями реализации.

Начнем с того, что стандартизация услуг, являясь частью общей системы стандартизации в России и

важным инструментом для развития и регулирования сферы оказания услуг, имеет свою специфику, связанную с особенностями услуг как нематериального товара, и требует особых подходов к нормированию.

Федеральный закон от 29 июня 2015 г. № 162-ФЗ «О стандартизации в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 162) в п. 14 ст. 2 закрепляет, что стандартизация – это процесс разработ-

© Савоськин А.В., Гусев А.В., Вохидова А.Ш., 2025

ки, утверждения, изменения, отмены, публикации и применения документов по стандартизации, а также другая деятельность, направленная на обеспечение порядка в отношении объектов, которые подлежат стандартизации. В тоже время в соответствии с пп. 3.1 п. 3 Правил стандартизации в сфере услуг населению, утвержденных. Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 25 февраля 2021 г. № 99-ст стандартизация услуг населению включает в себя работу по созданию и внедрению документов по стандартизации, а также другую деятельность, направленную на достижение порядка и согласованности в отношении объекта стандартизации – услуг, предоставляемых населению. Этот документ устанавливает общие характеристики объекта стандартизации, правила и принципы в отношении этого объекта, то есть стандарт. Он может быть использован добровольно и многократно. Исключения составляют случаи, когда обязательное использование документов по стандартизации установлено федеральным законодательством (п. 1 ст. 2 Федерального закона № 162).

В положениях, установленных Федеральным законом от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (далее – Федеральный закон № 210), непосредственно ставшим отправной точкой для проведения работ по масштабным изменениям в данной области, не содержится легальной дефиниции «стандарт оказания услуг». Однако в п. 19 ст. 2 данного закона закрепляется, что «единый стандарт предоставления государственной и (или) муниципальной услуги (далее – единый стандарт) – установленные Правительством Российской Федерации в случаях, предусмотренных федеральными законами, единые требования к предоставлению государственной и (или) муниципальной услуги», а ст. 14 определяют требования к стандартам и единым стандартам оказания государственных услуг.

Стандартизация услуг включает в себе четкое определение единых критериев, правил и условий, определяющих порядок, доступность и качество оказания услуг обратившемуся лицу исполнителями. Это включает определение стандартов обслуживания, требований к персоналу, процедур обработки заявок и обращений, а также установление критериев оценки эффективности работы учреждений и организаций, оказывающих услугу. А для этого реализуются следующие задачи: используются передовые технологии в сфере услуг; избегаются действия, которые могут ввести услугополучателя в заблуждение; достигаются открытость и доступность оказываемых услуг.

Можно говорить о том, что стандартизация услуг набирает популярность по всему миру, и многие страны разрабатывают национальные стандарты качества услуг и процедуры их оказания. Так еще более актуальным становится предоставление услуг в рамках «одного окна». Для этого создаются единые сайты и организации для обслуживания различных категорий заявителей, обеспечивающие возможность одновременного получения сразу нескольких услуг (при этом

предоставляться они могут разными органами власти). Главными средствами предоставления услуг по такому принципу выступают: многофункциональные центры предоставления услуг и специализированные порталы в сети Интернет, прежде всего Единый портал государственных и муниципальных услуг Российской Федерации (далее – Госуслуги или ЕПГУ).

Если говорить о цифровой трансформации предоставления государственных услуг в рамках «одного окна», то именно портал ЕПГУ является хорошим примером, того как на современном этапе гражданам упростили обращение в органы власти за услугами в формате интернет-платформ [1].

За последние годы данный портал стал важнейшим инструментом взаимодействия граждан с государством. Сейчас он вышел на новый уровень развития благодаря внедрению «суперсервисов»¹, значительно упрощающих процесс получения услуг и минимизируя участие услугополучателя. Гражданину предлагается пройти через несколько этапов, каждый из которых сопровождается информацией о том, какие данные и документы необходимо предоставить в конкретной ситуации. Теперь предоставление услуг в электронном формате упрощается, ведь виртуальный помощник шаг за шагом направляет и поддерживает в процессе заполнения всех необходимых сведений [2].

Стандартизация услуг уже приводит к ряду заметных результатов. Прежде всего, это увеличение доступности государственных услуг для каждого. Единые правила и требования упрощают процедуры получения услуг, цифровая трансформация позволяет в большинстве случаев исключить потребность посещения органов, предоставляющих услугу. Это становится особенно важным для людей с ограничениями по здоровью и жителей отдаленных территорий, которые зачастую сталкиваются с дополнительными сложностями при получении необходимых услуг.

Отметим, что стандартизация оказания услуг не подразумевает ограничение свободы действий госорганов или преобразование услуг в стандартные схемы без учета разнообразных ситуаций. Наоборот, она включает в себя исследование и учет особых нужд услугополучателей и возможностей госорганов, чтобы создать оптимальную модель предоставления услуг. В определенной степени это позволяет усовершенствовать логические процессы и увеличить продуктивность работы государственных структур.

В свою очередь регламентация включает в нормы правила, стандарты и процедуры, которые определяют и ограничивают формы деятельности, что позволяет обеспечить порядок и эффективность работы, а также предотвратить возможные конфликты и нарушения.

Важно заметить, что существует отличие между такими терминами как «регламентация», «регламентирование» и «регулирование».

¹ См.: Ведомственная программа цифровой трансформации Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации на 2021–2024 годы: утв. Минцифры России 30 декабря 2022 г. URL: <https://www.consultant.ru>.

Регламентация как конечный продукт деятельности может быть представлена в виде системы, которая состоит из планируемого результата деятельности, того каким будет процесс деятельности и окружающей среды, в которой все происходит. Иногда можно спутать регламентацию какого-либо объекта и его описание или определение, поэтому важно понимать, что регламентация всегда влечет за собой юридически значимые последствия, а описание и определение – нет.

Как подчеркивает Казаковцев Л.А. [2, с. 14], существует различие между «правовыми общественными отношениями» и «юридическими взаимодействиями в рамках правовых отношений». Так, при оказании государственных услуг регламентирующие правовые свойства характеризуют правовые общественные отношения между государством и гражданином, органом, оказывающим услугу, и заявителем. Эти отношения имеют свои правила и нормы, которые определяют поведение сторон в этих отношениях. С другой стороны, регламентирующие юридические взаимодействия в рамках паровых отношений – это юридические взаимодействия между сторонами в законодательно очерченных границах, обеспечивающих эффективность и правомерность этого процесса.

Таким образом, в контексте разработки регламентов предоставления государственных услуг, регламентация играет важную роль. Она обеспечивает своего рода основу для создания регламентов, определяя основные принципы и требования, которые должны быть учтены при их разработке. Это включает в себя определенные цели и задачи предоставления услуг, установление стандартов качества и доступности, а также определение прав и обязанности участников процесса оказания услуг.

Вообще регламенты коснулись всех аспектов предоставления государственных услуг и были разработаны для различных видов. Примерами могут послужить услуги, предоставление которых производится на основании Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 210, стандартные услуги по обработке поступающих от граждан обращений, регулируемые Федеральным законом от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», услуги, имеющие отношение к мониторингу и регулированию деятельности организаций и частных предпринимателей в рамках Федерального закона от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля».

Стоит подчеркнуть, что Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210 в п. 1 ч. 1 ст. 6 указывает: «органы, оказывающие государственные услуги обязаны предоставлять их в соответствии с административными регламентами». В свою очередь, как таковыми методическими указаниями, непосредственно связанными с производством разработки регламентаций административных процессов, также являются и Правила разработки и утверждения административных регламентов предоставления государственных

услуг, утвержденные постановлением Правительства Российской Федерации от 20 августа 2021 г.¹ (далее – Правила).

Регламенты должны содержать в себе всю необходимую информацию, которая может потребоваться как услугополучателям, так и должностным лицам (служащим, работникам и в целом организациям), оказывающим услуги, а также содействовать упорядочению административных процессов и в некоторых случаях устранению лишних действий.

Каждый проект в соответствии с ч. III и IV Правил должен пройти экспертизу. Она начинается одновременно с процедурой согласования и автоматически размещается на официальном электронном ресурсе, предназначенном для общественного обсуждения законодательных проектов. В рамках данной экспертизы проводится оценивание регулирующего воздействия таких актов², через специальное программное обеспечение, которое обеспечивает связь с реестром услуг. Это позволяет провести независимое антикоррупционное исследование.

Органом, полномочным проводить экспертизу этих проектов в реестре, выступает Министерство экономического развития Российской Федерации. Предмет экспертизы включает в себе следующие позиции: проверка согласования разработанных проектов установленным требованиям; проверка соответствия критериев для принятия решения требованиям; проверка проекта на отсутствие требований об обязательном предоставлении заявителями документов или информации, возможность получения которых доступна специалистам благодаря межведомственному сотрудничеству.

После рассмотрения проекта в течение десяти рабочих дней принимается решение об утверждении (о чем в лист согласования ставится специальная отметка) или отклонении (вносятся предложения в протокол разногласий, являющийся приложением к листу согласований, в котором также ставится специальная отметка; орган, предоставляющий услугу, принимает решение об изменениях в проекте и направлении его для повторного согласования со всеми органами, принимающими участие в процессе согласования) регламента уполномоченным органом. Для утверждения регламента используется подписание цифрового документа в реестре с использованием электронной подписи повышенной надежности руководителем органа, оказывающего услугу. Эти действия совершаются только после получения положительного экспертного заключения по результатам проведенной проверки.

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 20 июля 2021 г. № 1228 «Об утверждении Правил разработки и утверждения административных регламентов предоставления государственных услуг, о внесении изменений в некоторые акты Правительства РФ и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений актов Правительства РФ». URL: <https://www.consultant.ru>.

² См.: Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru>.

Последующие действия характеризуются осуществлением государственной регистрации одобренного регламента. Происходит это следующим образом: после принятия регламента, ведомство (исполняющее услугу) передает его через систему электронных сервисов в Минюст России, прикладывая заполненную в установленном порядке форму одобрения и протокол разногласий (при наличии). Там происходит официальная регистрация документа, после чего он публикуется в открытом доступе на соответствующих платформах.

Можно подчеркнуть, что административный регламент выполняет ряд ключевых задач: структурирует процесс оказания услуг, сокращает сроки их выполнения и нормативно закрепляет ответственность исполнителей.

Подводя итоги, можно говорить о том, что сегодня создаются общие правила и условия для получения услуг, которые должны соблюдаться, а нужно это для того, чтобы каждый получатель, независимо от того, где он живет, сколько ему лет или какой у него социальный статус, мог получить услугу по одним и тем же правилам в небюрократическом порядке.

Важным аспектом является обеспечение информационной открытости и доступности информации о регламентах и стандартах, что позволяет услугополучателям контролировать соблюдение их прав и интересов со стороны органа, оказывающего услугу. Кроме того, постоянное обновление и совершенствование регламентов и стандартов способствует адаптации органов, оказывающих услугу к новым требованиям и потребностям общества в целом.

Переход правительства в цифровой формат играет ключевую роль в процессе регламентации и стандартизации услуг, что позволяет автоматизировать многие административные процессы, упростить процедуры получения услуг, сократить сроки обработки заявок и снизить вероятность ошибок. Кроме того, цифровизация обеспечивает прозрачность и контролируемость действий государственных органов, а также возможность для услугополучателей получать информацию о статусе своих обращений в режиме реального времени [4, с. 39].

При этом правильный вектор развития государства в сфере предоставления услуг в рамках «одного окна» с использованием цифровых технологий говорит о том, что процесс трансформации взаимодействия между государством и гражданами (юридическими лицами) запущен, и его ждут достаточно интересные перспективы, однако его реализация будет в известной мере зависеть от внешнеполитических обстоятельств и выделяемых бюджетных средств. В связи с этим необходимо продолжать работу по оптимизации процессов и внедрению систем мониторинга услуг, а также уделять особое внимание эффективному использованию имеющихся ресурсов.

Библиографический список

1. Савоськин А. В., Вохинова А. Ш. Цифровая трансформация предоставления государственных (муни-

ципальных) услуг // Информационное право. 2023. № 4 (78). С. 18–21.

2. Карасев А. Т., Кожевников О. А., Мещерягина В. А. Цифровизация правоотношений и ее влияние на реализацию отдельных конституционных прав граждан в Российской Федерации // Антиномии. 2019. Т. 19. № 3. С. 99–119.

3. Казаковцев Л. А. Регламентация деятельности организации: современные технологии: учебное пособие. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2020. 108 с.

4. Руколеев В. А., Задорина М. А. Право на доступ к информации: баланс публичных и частных интересов // Юридические исследования. 2024. № 11. С. 38–54.

References

1. Savoskin A. V., Vokhidova A. Sh. Digital transformation of the provision of public (municipal) services // Information law. 2023. No. 4 (78). P. 18–21.

2. Karasev A. T., Kozhevnikov O. A., Meshcheryagina V. A. Digitalization of legal relations and its impact on the implementation of certain constitutional rights of citizens in the Russian Federation // Antinomies. 2019. Vol. 19. No. 3. P. 99–119.

3. Kazakovtsev L. A. Regulation of the organization's activities: modern technologies: a tutorial. Krasnoyarsk: Sib. federal. University, 2020. 108 p.

4. Rukoleev V. A., Zadorina M. A. The right to access information: the balance of public and private interests // Legal studies. 2024. No. 11. P. 38–54.

Информация об авторах

Савоськин Александр Владимирович – доктор юридических наук, доцент

Гусев Андрей Владимирович – кандидат юридических наук, доцент

Information about the authors

Savoskin Alexander V. – Doctor of Law, Associate Professor

Gusev Andrey V. – Candidate of Law, Associate Professor

Вклад авторов

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации. Конфликт интересов отсутствует.

Contribution of the authors

All authors made equivalent contributions to the publication. There is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 02.06.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 17.12.2025

The article was submitted 02.06.2025; approved after reviewing 15.09.2025; accepted for publication 17.12.2025

Научная статья
УДК 340.131.5

Полномочный представитель Правительства Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации: вопросы теории и практики

Сысоев Александр Владимирович
Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия,
Alexander.sysoeff2018@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы становления и развития института полномочного представительства Правительства Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации. Выявляются проблемные вопросы функционирования данного правового института в настоящее время. Предлагается внести изменения в законодательство Российской Федерации, регулирующие данные правоотношения.

Ключевые слова: Правительство Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации, полномочный представитель, должностное лицо, положение о полномочном представителе

Для цитирования: Сысоев А. В. Полномочный представитель Правительства Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации: вопросы теории и практики // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 4. С. 86–90.

Original article

Plenipotentiary Representative of the Government of the Russian Federation in the Constitutional Court of the Russian Federation: issues of theory and practice

Sysoev Alexander V.
Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia, Alexander.sysoeff2018@yandex.ru

Abstract. The article discusses the issues of formation and development of the institution of the plenipotentiary representation of the Government of the Russian Federation in the Constitutional Court of the Russian Federation. The problematic issues of the functioning of this legal institution at the present time are identified. It is proposed to make changes to improve the legislation of the Russian Federation governing these legal relations.

Keywords: Government of the Russian Federation, Constitutional Court of the Russian Federation, authorized representative, official, regulations on the authorized representative

For citation: Sysoev A. V. Plenipotentiary Representative of the Government of the Russian Federation in the Constitutional Court of the Russian Federation: issues of theory and practice // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 4. Pp. 86–90.

Непосредственно об институте полномочного представительства Правительства Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации принято говорить, начиная с 9 ноября 1998 г., со дня принятия Постановления Правительства Российской Федерации № 1306 «О Полномочном представительстве Правительства Российской Федерации в Федеральном Собрании Российской Федерации и Конституционном Суде Российской Федерации» (далее – Постановление № 1306), которое официально закрепило представленный правовой институт.

Нельзя не заметить, что ранее данное должностное лицо защищало интересы федерального органа исполнительной власти сразу в двух высших органах государственной власти – в Федеральном Собрании РФ и в Конституционном Суде РФ, что является особенностью его правового статуса¹.

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 9 ноября 1998 г. № 1306 «О Полномочном представительстве Правительства Российской Федерации в Федеральном

Постановление № 1306 непосредственно не выделяло правовой статус полномочного представителя, но разделяло функции, права, обязанности, а также ответственность, определяя при этом следующие положения:

- Полномочным представителем Правительства РФ в Конституционном Суде РФ является по должности заместитель Министра юстиции РФ;

- Полномочный представитель осуществляет координацию деятельности представителей федеральных органов исполнительной власти по представлению интересов Правительства РФ в Конституционном Суде РФ;

- Министерство юстиции РФ осуществляет организационно-техническое и информационно-аналитическое обеспечение деятельности полномочного представителя.

Особенным является то, что Полномочный представитель Правительства РФ в Конституционном Суде РФ – не специально назначенное должностное лицо, а заместитель Министра юстиции РФ, совмещающий сразу несколько правовых статусов. Также следует отметить, что на момент принятия данное постановление четко не определило полномочия представителя, а лишь закрепило общие принципы и задачи.

В связи с этим появилось Постановление Правительства РФ от 27 февраля 1999 г. № 234 «Об утверждении Положения о Полномочном представительстве Правительства Российской Федерации в Федеральном Собрании Российской Федерации и Конституционном Суде Российской Федерации», которое утвердило создание специального органа – Полномочное представительство Правительства РФ.

В рамках взаимодействия Полномочного представительства с Конституционным судом РФ в постановлении была определена задача по представлению и отстаиванию позиции Правительства РФ в Конституционном Суде РФ. Отдельно в постановлении был определен правовой статус полномочного представителя, обладавшего следующими правами и обязанностями:

- представление стороны Правительства РФ, а также участие в заседаниях судебного органа конституционного контроля на основании его приглашения или согласия;

- отчетная функция по согласованию утверждаемых Правительством РФ проектов обращений в Конституционный Суд РФ, а также проектов документов, которые отражают и содержат мнение федерального органа исполнительной власти по вопросам, рассматриваемым в суде;

- общепредставительская функция должностного лица по уточнению и изменению оснований, по которым орган исполнительной власти направлял свои обращения в Конституционный Суд РФ. При этом они должны были быть согласованы с Председателем Правительства РФ. Помимо названной функции, к этой группе можно отнести и необходимость внесе-

ния уточнений и изменений в позицию Правительства РФ непосредственно на заседании судебного органа конституционного контроля и отзыв обращения при соответствующем поручении Председателя Правительства РФ до начала рассмотрения дела в суде;

- координационная функция по согласованию деятельности лиц, назначенных представителями Правительства РФ для участия в деле в целях достижения надлежащего его рассмотрения.

В дальнейшем вышеуказанные постановления Правительства РФ претерпевали изменения в части изменения внутреннего аппарата Полномочного представительства, а затем и совсем утратили силу в связи с принятием новых актов.

Следующими по хронологии развития института Полномочного представительства Правительства РФ стали два постановления – от 1 февраля 2000 г. № 94 и от 12 марта 2001 г. № 172. Они разделили должности полномочных представителей в законодательном и судебном органах, то есть были назначены отдельные представители в палатах Федерального Собрания РФ и в Конституционном Суде РФ, при этом второму впоследствии пришлось совмещать свои обязанности в Высшем Арбитражном Суде РФ и в Верховном Суде РФ, в связи с чем на него был возложен значительный объем ответственности и правомочий, что еще раз подчеркивает важность статуса данного должностного лица и необходимость осуществления им своих полномочий в силу наличия широкого спектра представляемых интересов и достижения поставленных перед ним целей и задач.

Указанные постановления просуществовали достаточно длительный период времени, вплоть до принятия постановления Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 333 «Об утверждении Положения о полномочном представителе Правительства Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации и Верховном Суде Российской Федерации и внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» (далее – Постановление № 333), обладающего юридической силой на текущий момент и являющегося ключевым в вопросе рассмотрения правового статуса данного должностного лица. Принятие этого постановления было необходимо в силу изменившейся правовой действительности, в частности прекращения 6 августа 2014 г. деятельности Высшего Арбитражного Суда РФ, где полномочный представитель Правительства РФ участвовал при рассмотрении дел¹.

Как отмечает Нагорный И. Е., Полномочный представитель Правительства РФ обладает особой ролью в процессе защиты интересов исполнительного органа власти, а также наделен большой ответствен-

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 333 «Об утверждении Положения о полномочном представителе Правительства Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации и Верховном Суде Российской Федерации и внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации». URL: <http://www.consultant.ru>.

стью и нагрузкой в силу одновременного осуществления своих функций в Конституционном Суде РФ и Верховном Суде РФ [1].

В связи с принятием данного постановления произошёл разрыв взаимосвязи института полномочного представительства и должности заместителя Министра юстиции РФ. С этого момента деятельность по представлению интересов Правительства РФ в Конституционном Суде РФ осуществляет специально назначенное Правительством РФ должностное лицо.

Важно отметить, что законное представительство должностное лицо Правительства РФ осуществляет от его имени без доверенности, что представляется логичным и упрощает внутриуправленческую организацию деятельности данного института, позволяя не тратить время на получение специальных разрешений.

В отличие от ранее действовавших актов данное постановление разграничивает права и обязанности представителя. Так, к его обязанностям относятся:

- представительская функция, заключающаяся в отражении мнения стороны Правительства РФ при рассмотрении дел в Конституционном Суде РФ и Верховном Суде РФ и, соответственно, участии в их заседаниях, что соответствует основной цели и задачам института полномочного представительства как такового;

- отчетная обязанность по представлению федеральному органу исполнительной власти проектов его обращений в Конституционный Суд РФ, что является необходимостью более точного определения позиции Правительства РФ и способствует надлежащему волеизъявлению органа, при котором полномочный представитель по своей сути является связующим звеном между двумя структурами и доносит волю одной из них. К этой группе обязанностей также можно отнести необходимость представления Заместителю Председателя Правительства РФ, Руководителю Аппарата Правительства РФ и его заместителю справок, которые содержат реквизиты, обстоятельства дела и касаются сущности принятого Конституционным Судом РФ решения, то есть отражают информацию о принятых постановлениях и являются элементом информационного посредничества между представителем и названными должностными лицами.

Права полномочного представителя можно отнести к одной группе, так как сущностно они так или иначе направлены на успешную реализацию им своих должностных обязанностей и связаны с различными информационными процессами. Например, он может запрашивать все необходимые материалы и документы, которые потребуются для подготовки дела к слушанию в суде; он может взаимодействовать с различными органами государственной власти и местного самоуправления для достижения поставленных целей и пользоваться базами данных Аппарата Правительства РФ, содержащими нужную для осуществления представительской деятельности информацию.

Невооруженным взглядом заметен значительно расширенный, в сравнении с постановлением Прави-

тельства РФ от 27 февраля 1999 г. № 23, спектр прав и обязанностей полномочного представителя, что может быть связано с более обособленным и самостоятельным статусом данного должностного лица в текущих реалиях, поскольку в этих отношениях перестает быть задействовано Министерство юстиции РФ. При этом нельзя не отметить связь данного министерства в рамках координации своих действий с Полномочным представителем Президента РФ.

Не менее важным актом в вопросах правового статуса полномочного представителя является постановление Правительства РФ от 1 июня 2004 г. № 260 «О Регламенте Правительства Российской Федерации и Положении об Аппарате Правительства Российской Федерации» (далее – Регламент), а именно раздел VIII¹.

Положения Регламента во многом дублируют ранее рассмотренное постановление, однако имеют и особенности. Например, ст. 115 Регламента устанавливает обязательное требование к полномочному представителю – наличие ученой степени по юридической специальности, о чем не было сказано в постановлении, но что является важным нюансом правового статуса представителя относительно предъявляемых к нему требований, поскольку указанное требование – своего рода гарант надлежащего исполнения должностным лицом своих обязательств при представлении интересов Правительства РФ в силу юридической грамотности.

Также Регламент в соответствии с нормами Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» определяет перечень должностных лиц, которые могут быть назначены в качестве представителей Правительства РФ в Конституционном Суде РФ, к ним относятся²:

- Председатель Правительства РФ;
- Полномочный представитель Правительства РФ в Конституционном Суде РФ и Верховном Суде РФ;
- представители по отдельным делам, назначаемые поручениями Председателя Правительства РФ из числа адвокатов или лиц, имеющих ученую степень по юридической специальности. При этом им нужно согласовывать свои действия с Полномочным представителем Правительства РФ в Конституционном Суде РФ.

В соответствии с нормами действующего законодательства установлено ограничение по количеству представителей – не более трех человек.

Важно отметить, что Регламент уточняет некоторые обязанности полномочного представителя, которые уже были представлены в Постановлении № 333. Например, обязанность по представлению Заместителю Председателя Правительства РФ, Руководи-

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 1 июня 2004 г. № 260 «О Регламенте Правительства Российской Федерации и Положении об Аппарате Правительства Российской Федерации». URL: <http://www.consultant.ru>.

² Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации». URL: <http://www.consultant.ru>.

телю Аппарата Правительства РФ и его заместителю, организующему законопроектную деятельность Правительства РФ, справок, содержащих информацию о принятых постановлениях Конституционного Суда РФ, дополнена определенным на это сроком – 2 дня после официального опубликования постановления Конституционного Суда РФ.

Рассмотренный правовой статус полномочного представителя Правительства РФ в Конституционном Суде РФ является достаточным для осуществления им своих функций и охватывает широкий круг его полномочий. При этом нельзя не отметить, что некоторые вопросы можно было бы доработать, сформулировав права и обязанности еще более точно и полно. Так, в рамках законодательной инициативы следовало бы внести изменения в правовой статус данного должностного лица, расширив его такой достаточно важной обязанностью, как необходимость представления в Правительство РФ ежегодного отчета о своей деятельности в качестве полномочного представителя. Данная обязанность позволит осуществлять точечный контроль за должностным лицом и сделает его деятельность более открытой, позволив оценить эффективность и качество проделанной им работы (данное положение уже реализовано в Совете Федерации РФ и Государственной Думе РФ и доказало свою важность в определении правового статуса полномочного представителя).

Также немаловажным является вопрос, касающийся ответственности полномочного представителя, которому в рассмотренных ранее постановлениях не было уделено внимание. Так, целесообразно на законодательном уровне определить, что ответственность возлагается на Правительство РФ и соответствующих должностных лиц, перед которыми полномочный представитель несет ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязанностей. При этом необходимо предусмотреть возможность досрочного освобождения лица от занимаемой им должности в указанных случаях и дачи им объяснений Правительству РФ и соответствующим должностным лицам в устной или письменной форме до вынесения решения, в результате принятия которого оно будет освобождено от занимаемой должности.

Представленные предложения смогли бы помочь поддержанию конституционности действующего законодательства и более эффективному представительству интересов федерального органа исполнительной власти.

Необычный аспект роли данного должностного лица подмечает Я. А. Кузнецов, который говорит о том, что рассматриваемый институт характеризуется как представительство, основанное на «генеральном поручении». Указанная позиция является достаточно интересной и вполне точно описывающей правовой статус полномочного представителя. Здесь понятие «генеральная (общая) доверенность», выведенное в юридической литературе, смешивается с понятием

«поручение», определяющим отношения поверенного и доверителя [2].

Как указывает Е. А. Суханов, генеральные (общие) доверенности выдаются представителю для совершения любых сделок в течение определенного периода времени, а под договором поручения в соответствии с положениями ст. 971 Гражданского кодекса Российской Федерации понимается обязательство поверенного совершать от имени и за счет доверителя определенные юридические действия [3].

Подводя итог, можно сказать о том, что правовой статус Полномочного представителя Правительства РФ в Конституционном Суде РФ является особым в силу своей чрезвычайной важности, основанной на необходимости достижения публичных интересов, соблюдения верховенства Конституции РФ и соответствующих нормативно-правовых актов.

Полномочный представитель Правительства РФ в Конституционном Суде РФ принимает участие в заседаниях данного суда при оспаривании нормативных правовых актов Правительства РФ. Например, 14 января 2020 г. было вынесено Постановление Конституционного Суда РФ № 2-П «По делу о проверке конституционности абзацев первого и четвертого пункта 30 Типового положения о предоставлении социальных выплат на строительство (приобретение) жилья гражданам Российской Федерации, проживающим в сельской местности, в том числе молодым семьям и молодым специалистам (приложение № 4 к федеральной целевой программе "Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года", утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 15 июля 2013 года № 598), в связи с жалобой гражданки М. В. Алисовой». Из наименования вышеуказанного постановления видно, что оспариваемым нормативно-правовым актом в данном случае являлось постановление Правительства РФ. Следовательно, в качестве стороны, принявшей оспариваемый нормативный правовой акт, выступало Правительство РФ, т. к. в соответствии со ст. 115 Конституции РФ оно вправе издавать постановления в пределах своей компетенции. В качестве представителя Правительства РФ в судебном заседании по данному делу выступал Полномочный представитель Правительства РФ в Конституционном Суде РФ М. Ю. Барщевский.

Однако предметом обращения в Конституционный Суд РФ может являться проверка федеральных законов или федеральных конституционных законов на соответствие Конституции РФ. Из положений ст. 103–108 Конституции РФ вытекает, что Правительство РФ может принимать участие в принятии данных законов, если оно:

а) явилось субъектом законодательной инициативы (подготовило проект данного закона и направило его в Государственную Думу);

б) предоставило положительное заключение на законопроект в случаях, предусмотренных ч. 3 ст. 104 Конституции РФ. Следует учитывать, что здесь Правительство РФ дает заключение на законопроект только

по вопросам возможности покрытия расходов на его реализацию из федерального бюджета РФ. По другим вопросам (будут ли нарушены конституционные права граждан данным законом и т. д.) правительство не дает заключения на законопроекты.

Однако Конституционный Суд РФ проверяет законы исключительно на предмет соответствия Конституции РФ и рассматривает исключительно вопросы права, не вдаваясь в вопросы политической и экономической целесообразности. Следовательно, если в Конституционном Суде РФ будет рассматриваться вопрос о соответствии Конституции РФ закона, на проект которого Правительство РФ дало положительное заключение по вопросу расходов из федерального бюджета РФ, то Правительство РФ не может выступать в данном случае как сторона, принявшая оспариваемый нормативный правовой акт.

В целях совершенствования законодательства в данной сфере предлагается внести в положение о Полномочном представителе Правительства Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации и Верховном Суде Российской Федерации, утвержденное постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 333 следующее положение: «Полномочный представитель Правительства Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации принимает участие в заседаниях Конституционного Суда Российской Федерации как представитель стороны, принявшей оспариваемый нормативный правовой акт в случаях:

- оспаривания нормативных правовых актов Правительства РФ;
- оспаривания федеральных законов или федеральных конституционных законов, принятых на основании законопроектов, внесенных Правительством Российской Федерации».

Библиографический список

1. Нагорный И. Е. Проблемы представительства органов публичной власти в Конституционном судопроизводстве // Вестник Нижегородского института управления. 2023. № 2(68). С. 54–66.
2. Кузнецов Я. А. Институт полномочного представительства в Конституционном Суде России // Российское правосудие. 2014. № 12 (104). С. 26–41.
3. Гражданское право: учебник: в 4-х т. /отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд. М.: Статут, 2019. 544 с.

References

1. Nagorny I. Ye. Problems of representation of public authorities in Constitutional court proceedings // Newspaper of the Nizhny Novgorod Institute of Management. 2023. No. 2(68). Pp. 54–66.
2. Kuznetsov Ya. A. Institute of Authorized Representation in the Constitutional Court of Russia // Russian justice. 2014. No. 12 (104). Pp. 26–41.
3. Civil law: textbook: in 4 volumes / ed. line. Well, A. Sukhanov. 2nd ed. M. Status, 2019. 544 p.

Статья поступила в редакцию 17.04.2025; одобрена после рецензирования 11.07.2025; принята к публикации 17.12.2025

The article was submitted 17.04.2025; approved after reviewing 10.07.2025; accepted for publication 17.12.2025

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 347.23

Правовой статус арбитражного управляющего в процедуре распределения имущества, обнаруженного после ликвидации юридического лица

Головизнин Алексей Васильевич

Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия,

a.goloviznin@mail.ru

Аннотация. Процедура распределения имущества, обнаруженного после ликвидации юридического лица, возлагается на арбитражного управляющего, который наделяется полномочиями ликвидатора. Однако на законодательном уровне до сих пор не определен правовой статус арбитражного управляющего в рассматриваемой процедуре. Судебная практика, пытающаяся восполнить указанный пробел, не содержит единого подхода к рассматриваемой проблеме и носит противоречивый характер. В статье на основании анализа действующего законодательства и правоприменительной практики делаются предложения по совершенствованию правового статуса арбитражного управляющего в процедуре распределения имущества, обнаруженного после ликвидации юридического лица.

Ключевые слова: арбитражный управляющий, распределение имущества, обнаруженного после ликвидации юридического лица, интересы кредиторов

Для цитирования: Головизнин А. В. Правовой статус арбитражного управляющего в процедуре распределения имущества, обнаруженного после ликвидации юридического лица // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 4. С. 91–95.

Original article

Legal status of the arbitration manager in the procedure for distributing property discovered after the liquidation of a legal entity

Goloviznin Alexey V.

Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia, a.goloviznin@mail.ru

Abstract. The procedure for the distribution of property discovered after the liquidation of a legal entity is assigned to the arbitration administrator, who is vested with the powers of the liquidator. However, the legal status of the arbitration administrator in the procedure under consideration has not yet been determined at the legislative level. Judicial practice trying to fill this gap does not contain a unified approach to the problem under consideration and is contradictory. Based on the analysis of current legislation and law enforcement practice, the article makes proposals to improve the legal status of the arbitration administrator in the procedure for the distribution of property discovered after the liquidation of a legal entity.

Keywords: arbitration manager, distribution of property discovered after the liquidation of a legal entity, the interests of creditors

For citation: Goloviznin A. V. Legal status of the arbitration manager in the procedure for distributing property discovered after the liquidation of a legal entity // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 4. Pp. 91–95.

Институт арбитражного управления в современной России существует уже более 30 лет. Без арбитражного управляющего не обходится ни одна процедура судебного банкротства. Являясь профессиональным участником банкротного процесса, арбитражный управляющий при осуществлении своих функций должен действовать добросовестно и разумно, в интересах должника, кредиторов и общества (п. 4 ст. 20.3 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹). Поэтому на арбитражного управляющего возлагается обязанность принимать разумные и экономически обоснованные решения в интересах должника и его кредиторов, способствовать соблюдению справедливого баланса между правами должника и имущественными интересами иных участников банкротного процесса². Как неоднократно указывал Конституционный суд российской Федерации «законодатель, учитывая различные, зачастую диаметрально противоположные интересы лиц, участвующих в деле о банкротстве, должен гарантировать баланс их прав и законных интересов, что, собственно, и является публично-правовой целью института банкротства. Достижение этой публично-правовой цели призван обеспечивать арбитражный управляющий»³, от качества работы которого зависит качество соответствующих процедур банкротства [1, с. 72].

Вместе с тем вести речь о выработке единого подхода к правовому статусу арбитражного управляющего еще рано. Зачастую обращение к законодательным положениям и к судебной практике не может дать четкий ответ о полномочиях арбитражного управляющего. Особенно это ярко выражается в случаях возложения на арбитражного управляющего новых функций. Сказанное относится и к распределению имущества юридического лица, обнаруженного после его ликвидации.

Институт распределения имущества ликвидированного юридического лица появился относительно недавно в связи с реформой корпоративного права⁴

и был обусловлен потребностями правоприменительной практики. Указанный институт «был призван ликвидировать дефицит правового регулирования распределения имущества обнаруженного после ликвидации юридического лица, вне зависимости от причин, в том числе и в связи с признанием его недействующим» [2, с. 47]. Но, как правильно было подмечено в юридической литературе, процедура распределения имущества, обнаруженного после ликвидации юридического лица «носит нечеткий характер, толкование основных составляющих этапов и условий приходится осуществлять на основании судебного усмотрения, путем применения аналогии права» [3, с. 70].

Согласно п. 5.2 ст. 64 ГК РФ для распределения имущества юридического лица, обнаруженного после его исключения из Единого государственного реестра юридических лиц (далее – ЕГРЮЛ, реестр), арбитражным судом назначается арбитражный управляющий для выполнения функций ликвидатора. По мнению В. А. Лаптева, арбитражный управляющий «выступает "квазиликвидатором" юридического лица, правоспособность которого прекращена» [4, с. 35]. Сама процедура распределения имущества ликвидированного юридического лица осуществляется по правилам ст. 63 ГК РФ.

Представляется, что полномочия ликвидатора достаточны при распределении имущества ликвидированного юридического лица среди бывших его участников. Так, согласно п. 8 ст. 63 ГК РФ имущество, оставшееся после ликвидации юридического лица, распределяется между его бывшими участниками, имеющими вещные права на такое имущество или корпоративные права в отношении юридического лица. Если же на имущество ликвидированного юридического лица претендуют внешние кредиторы, то вопрос относительно правового статуса арбитражного управляющего в рассматриваемой процедуре остается открытым. На практике арбитражные управляющие применяют аналогию законодательства о банкротстве. Вместе с тем пределы применения такой аналогии каждый раз по-разному определяются судами. Как правильно указывает А. В. Габов, «полной ясности у арбитражных судов в части применения правил о ликвидации по аналогии нет, что особенно очевидно при анализе полномочий арбитражного управляющего» [5, с. 135].

В юридической литературе указывается, что при распределении имущества, обнаруженного после ликвидации юридического лица, арбитражный управляющий обладает усеченным объемом прав по сравнению с конкурсным управляющим. Это предопределяется целью рассматриваемой процедуры, которая состоит в «решении вопроса о судьбе имущества, обнаруженного после ликвидации юридического лица» [6]. Данный подход был преобладающим и у судов,

¹ Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

² Определение Верховного Суда РФ от 14 октября 2021 г. № 305-ЭС21-10040. URL: <https://www.garant.ru>.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2021 г. № 36-П «По делу о проверке конституционности абзаца пятого п. 6 ст. 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина П. Л. Чепкасова». URL: <https://www.consultant.ru>.

⁴ Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в гл. 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 19. Ст. 2304.

которые отказывали арбитражным управляющим в исках по возврату дебиторской задолженности¹, по оспариванию сделок² и др. Аргументировалось это отсутствием субъекта права – юридического лица: раз нет субъекта правовой защиты, значит, нельзя в его пользу что-либо взыскать³.

Вместе с тем очевидно, что указанная ситуация создает юридический дисбаланс, в котором явно копируются права кредиторов ликвидированного юридического лица. По сути, кредиторам юридического лица предоставляется возможность получения только бесхозного «ничейного» имущества, оставшегося после ликвидации юридического лица. Если же такое имущество находится у каких-либо лиц, даже на незаконном основании, то оно не может быть распределено между кредиторами ликвидированного юридического лица. Кредиторы ликвидированного юридического лица лишаются права на защиту своих имущественных интересов в силу утраты правосубъектности корпоративного образования.

Однако постепенно правоприменительная практика стала меняться в пользу таких кредиторов. В частности, суда стали удовлетворять требования арбитражных управляющих о взыскании дебиторской задолженности⁴, о возврате имущества, переданного в аренду⁵, о признании сделок недействительными и применении последствий недействительности сделок⁶ и другие случаи истребования имущества.

Верховный суд РФ в своем определении указал, что в случае назначения судом процедуры распределения обнаруженного имущества ликвидированного юридического лица «арбитражный управляющий действует от имени такого лица, как если бы его статус не был прекращен, и в интересах сообщества лиц, заинтересованных в распределении его имущества»⁷. Чуть позже Верховный суд РФ обозначил такую позицию: «процедура распределения обнаруженного

имущества ликвидированного юридического лица, направленная, по сути, на возобновление процесса ликвидации юридического лица и обеспечение надлежащего проведения ликвидации в части расчетов с заинтересованными лицами... В связи с этим в рамках предусмотренной п. 5.2 ст. 64 ГК РФ процедуры, как прямо указано в данной норме, между заинтересованными лицами может быть распределено, в том числе, имущество в виде требований ликвидированного юридического лица к третьим лицам»⁸. Таким образом, высшая судебная инстанция констатирует наличие полномочий арбитражных управляющих по предъявлению имущественных требований к третьим лицам в рамках процедуры распределения обнаруженного имущества ликвидированного юридического лица, что, представляется, весьма справедливым. Такой широкий подход к рассматриваемой процедуре, позволяющий арбитражному управляющему совершать любые юридически-значимые действия, направленные на увеличение подлежащего распределению имущества [7, с. 146], в большей мере защитит имущественные права кредиторов. Сказанное соответствует правовой позиции Конституционного суда Российской Федерации, который указал, что процедура распределения имущества ликвидированного юридического лица направлена «на возможно более полное удовлетворение требований всех кредиторов и иных лиц, имеющих на это право, обеспечивая защиту их прав и законных интересов»⁹.

Как следует из вышеприведенных примеров наличие полномочий арбитражного управляющего по предъявлению имущественных требований к третьим лицам в процедуре распределения имущества юридического лица, обнаруженного после его ликвидации, обосновывается появлением частичной правоспособности юридического лица. То есть суд восстанавливает частично гражданскую правоспособность ликвидированного юридического лица для распределения имущества [8, с. 117]. Некоторые ученые даже высказываются о необходимости восстановления юридического лица в реестре в случае обнаружения имущества после его ликвидации [9, с. 31], что представляется излишним. Также следует отметить, что элементы правоспособности юридического лица в отрыве от сведений в ЕГРЮЛ как о действующем лице проявляются и в иных случаях, не связанных с процедурой распределения имущества

¹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 7 мая 2021 г. № Ф05-7207/21 по делу № А40-182455/2020. URL: <https://arbitr.garant.ru>.

² Постановление Арбитражного суда Московского округа от 12 февраля 2020 г. № Ф05-21992/2019 по делу № А40-102850/2018. URL: <https://arbitr.garant.ru>.

³ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 1 декабря 2021 г. № Ф05-26528/21 по делу № А40-203989/2020. URL: <https://arbitr.garant.ru>.

⁴ Определение Верховного Суда РФ от 2 июня 2022 г. № 305-ЭС21-28884 по делу № А40-201403/2020. URL: <https://www.garant.ru>.

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 2020 г. № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств». URL: <https://www.consultant.ru>.

⁶ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15 августа 2024 г. № 305-ЭС24-8216 по делу № А41-62370/2021. URL: <https://cloud.consultant.ru>.

⁷ Определение Верховного Суда РФ от 7 ноября 2023 г. № 301-ЭС23-12467 по делу № А43-40025/2022. URL: <https://www.garant.ru>.

⁸ Определение Верховного суда РФ от 5 августа 2025 г. № 307-ЭС25-2804 по делу № А56-95366/2023. URL: <https://cloud.consultant.ru>.

⁹ Определение Конституционного Суда РФ от 25 марта 2021 г. № 498-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Потапова Максима Владимировича на нарушение его конституционных прав п. 8 ст. 63 Гражданского кодекса Российской Федерации и подпунктом «д» п. 20 ст. 1 Федерального закона «О внесении изменений в гл. 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»». URL: <https://internet.garant.ru>.

ликвидированного юридического лица, которые анализируются в юридической литературе [10, с. 75].

Вместе с тем, существует противоположная позиция по этому вопросу, согласно которой правоспособность юридического лица в процедуре распределения имущества не восстанавливается ни полностью, ни в части [11, с. 34], поскольку «подобрать формально-юридические и доктринальные обоснования восстановления правоспособности после ликвидации, а тем более – частичного, крайне затруднительно» [12, с. 18]. Такой подход прослеживается и в некоторых судебных актах¹.

Но так ли важно решение вопроса о наличии или отсутствии правоспособности юридического лица при рассмотрении полномочий арбитражного управляющего при распределении имущества юридического лица, обнаруженного после его ликвидации? Представляется, что ответ должен быть отрицательным. Смысл указанной процедуры заключается в том, чтобы «внести ясность в эти отношения и устранить неопределенность, очертив как круг объектов, так и круг лиц, претендующих на участие в распределении полученных от их реализации денежных средств» [13]. Имущество передается арбитражному управляющему для реализации и удовлетворения требований кредиторов ликвидированного юридического лица. В данном случае на первом плане имущество. Сказанное можно обосновать теорией «персонифицированной конкурсной массы», согласно которой конкурсной массе придаются элементы правосубъектности. Согласно указанной теории обязательным субъектом банкротного процесса будет являться конкурсная масса, а наличие или отсутствие первоначального должника безразлично для ликвидационной процедуры несостоятельности [14, с. 198]. При всей абсурдности возможности трансформации объекта в субъект эта теория не лишена обоснованных аргументов. По аналогии можно привести положения части четыре ГК РФ, посвященные наследственному праву. Так, согласно п. 3 ст. 1175 ГК РФ до принятия наследства требования кредитора могут быть предъявлены к наследственному имуществу. Исходя из данной нормы, можно сделать вывод, что законодатель наследственное имущество признает в качестве субъекта права.

В банкротном процессе арбитражный управляющий действует от имени должника, но не в его интересах. Скорее всего, напротив, он действует в интересах кредиторов должника. Поэтому представляется, что в рассматриваемом случае некорректно вести речь о возникновении отношений представительства между должником и арбитражным управляющим. Следовательно, не имеет значения правосубъектность должника, поскольку арбитражный управляющий выполняет свои специфические функции, необходимые для формирования конкурсной массы для

расчетов с кредиторами и дальнейшей ликвидации юридического лица. Причем, при банкротстве гражданина арбитражный управляющий решает только имущественные вопросы без исключения субъекта из гражданского оборота. В процедуре распределения имущества ликвидированного юридического лица арбитражный управляющий решает судьбу обнаруженного имущества. В данном случае по аналогии его можно сравнить с другим субъектом, распределяющим имущество, – оставшимся после смерти наследодателя исполнителем завещания, который действует в чужих интересах, но от своего имени [15, с. 15].

Может ли и должен ли арбитражный управляющий в процедуре распределения имущества ликвидированного юридического лица действовать от своего имени? Думается, что да! Сказанное подтверждается и судебной практикой. Так, в одном деле бывший конкурсный управляющий ликвидированного юридического лица обратился в арбитражный суд с требованием о распределении обнаруженного имущества между кредиторами. Нижестоящие суды отказали арбитражному управляющему в заявленном требовании, ссылаясь на то, что он не является заинтересованным лицом. Однако Верховный суд Российской Федерации признал за арбитражным управляющим ликвидированного юридического лица право на подачу заявления для распределения имущества, обнаруженного после ликвидации юридического лица. Было отмечено, что арбитражный управляющий, действуя добросовестно, при обнаружении имущества ликвидированного юридического лица вправе обратиться в суд с заявлением в интересах кредиторов должника².

Таким образом, представляется разумным признать за арбитражным управляющим особый правовой статус, позволяющий ему действовать от своего имени, но при этом совершать действия по формированию имущества для удовлетворения требований кредитора. Думается, что данное предложение позволит решить проблемы, связанные с «воскрешением» правосубъектности ликвидированного юридического лица или умершего должника. Кроме того, признание за арбитражным управляющим особого правового статуса позволит ему эффективнее обеспечить соблюдение баланса интересов кредиторов и должника в банкротном процессе.

Библиографический список

1. Зайцев О. Р. Вознаграждение арбитражного управляющего. Новые разъяснения ВАС РФ // Арбитражная практика. 2014. № 2. С. 72–79.
2. Черепанова Ю. П. Исключение юридического лица из единого государственного реестра юридических лиц // Вестник арбитражной практики. 2021. № 4 (95). С. 46–51.
3. Усанова В. А., Попов К. А. Процедура распределения обнаруженного имущества юридического

¹ Определение Верховного Суда РФ от 20 декабря 2017 г. № 301-ЭС17-18621 по делу № А38-7498/2016. URL: <https://internet.garant.ru>; Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 23 сентября 2021 г. № Ф06-9021/2021. URL: <https://arbitr.garant.ru>.

² Определение Верховного Суда РФ от 7 декабря 2021 г. № 304-ЭС21-14144. URL: <https://cloud.consultant.ru>.

лица: новые подходы в судебной практике // Вестник арбитражной практики. 2024. № 1 (110). С. 69–76.

4. Лаптев В. А. Процедура распределения обнаруженного имущества ликвидированного юридического лица (правовые аспекты) // Юрист. 2020. № 12.

5. Габов А. В. Распределение обнаруженного имущества прекращенного юридического лица // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. № 4. С. 124–145.

6. Тажбаев А. Распределение имущества ликвидированного лица: как банку эффективно использовать этот механизм // Юридическая работа в кредитной организации. 2022. № 2.

7. Милашова Е. А. Юридическая судьба обнаруженных активов ликвидированной компании // Вопросы российской юстиции. 2024. № 30. С. 137–153.

8. Лянгузова Е. М. Злоупотребления при распределении имущества ликвидированной корпорации: судебно-правовой аспект // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 5 (126). С. 114–122.

9. Богданов Е. В., Богданова Е. Е., Богданов Д. Е. Проблема правосубъектности прекращенного юридического лица // Гражданское право. 2016. № 4. С. 29–32.

10. Лаптев В. А. Правоспособность исключенного из ЕГРЮЛ юридического лица // Журнал российского права. 2025. Т. 29, № 8. С. 66–79.

11. Маврина Ю. Ф. Распределение имущества корпорации как одно из последствий исключения юридического лица из единого государственного реестра юридических лиц: вопросы теории и практики // Гражданское право. 2021. № 4. С. 31–34.

12. Емалтынов А. Р. Процессуальные аспекты открытия процедуры распределения имущества ликвидированного юридического лица // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 2. С. 16–19.

13. Касьянов А. С. Отдельные особенности процедуры распределения обнаруженного имущества ликвидированной организации // Гражданин и право. 2023. № 6. С. 87–94.

14. Анашкин С. П. Теория персонифицированной конкурсной массы // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 10. С. 191–208.

15. Горбунов З. Н. Правовая природа и механизм исполнения завещания в наследственных правоотношениях // Наследственное право. 2023. № 4. С. 11–17.

References

1. Zaitsev O. R. Remuneration of the Arbitration Manager. New Clarifications by the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation // Arbitration Practice. 2014. No. 2. Pp. 72–79.

2. Cherepanova Yu. P. Exclusion of a legal entity from the Unified State Register of Legal Entities // Bulletin of Arbitration Practice. 2021. No. 4 (95). Pp. 46–51.

3. Usanova V. A., Popov K. A. Procedure for Distributing the Discovered Property of a Legal Entity: New Approaches in Judicial Practice // Bulletin of Arbitration Practice. 2024. No. 1 (110). Pp. 69–76.

4. Laptev V. A. Procedure for Distributing the Discovered Property of a Liquidated Legal Entity (Legal Aspects) // Yurist. 2020. No. 12.

5. Gabov A. V. Distribution of the Discovered Property of a Terminated Legal Entity // Legal Policy and Legal Life. 2023. No. 4. Pp. 124–145.

6. Tazhbaev A. Distribution of the Property of a Liquidated Entity: How a Bank Can Effectively Use This Mechanism // Legal Work in a Credit Institution. 2022. No. 2.

7. Milashova E. A. The Legal Fate of the Discovered Assets of a Liquidated Company // Issues of Russian Justice. 2024. No. 30. Pp. 137–153.

8. Lyanguzova E. M. Abuses in the distribution of the property of a liquidated corporation: a judicial and legal aspect // Actual Problems of Russian Law. 2021. Vol. 16, No. 5 (126). Pp. 114–122.

9. Bogdanov E. V., Bogdanova E. E., Bogdanov D. E. The Problem of Legal Personality of a Terminated Legal Entity // Civil Law. 2016. No. 4. Pp. 29–32.

10. Laptev V. A. Legal Capacity of a Legal Entity Excluded from the Unified State Register of Legal Entities // Journal of Russian Law. 2025. Vol. 29, No. 8. Pp. 66–79.

11. Mavrina Yu. F. Distribution of the Corporation's Property as One of the Consequences of the Legal Entity's Removal from the Unified State Register of Legal Entities: Issues of Theory and Practice // Civil Law. 2021. No. 4. Pp. 31–34.

12. Emaltynov A. R. Procedural Aspects of Opening the Procedure for Distributing the Property of a Liquidated Legal Entity // Arbitration and Civil Procedure. 2022. No. 2. Pp. 16–19.

13. Kasyanov A. S. Certain Features of the Procedure for Distributing the Discovered Property of a Liquidated Organization // Citizen and Law. 2023. No. 6. Pp. 87–94.

14. Anashkin S. P. The Theory of Personalized Estate // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2022. No. 10. Pp. 191–208.

15. Gorbunov Z. N. Legal Nature and Mechanism of Execution of a Will in Inheritance Relations // Inheritance Law. 2023. No. 4. Pp. 11–17.

Информация об авторе

Головизнин Алексей Васильевич – кандидат юридических наук

Information about the author

Goloviznin Alexey V. – Candidate of Law Sciences

Статья поступила в редакцию 11.06.2025; одобрена после рецензирования 11.07.2025; принята к публикации 17.12.2025

The article was submitted 11.06.2025; approved after reviewing 10.07.2025; accepted for publication 17.12.2025

Экспериментальные правовые режимы в сфере цифровых инноваций в России

Мельник Сергей Васильевич¹, Надтачаев Павел Валерьевич², Понтелеева Мария Александровна³

^{1,3} Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, Россия

² Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, paveln77@mail.ru

¹ m809sv@yandex.ru

³ mariaponteleeva@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу экспериментальных правовых режимов как ключевого инструмента регулирования цифровых инноваций в России. Рассматриваются генезис и нормативно-правовое закрепление данного института в рамках политики «регуляторной песочницы». Анализируются цели и задачи внедрения экспериментального правового режима как способа преодоления правовых барьеров для внедрения новых технологий. Особое внимание уделяется существующим на сегодняшний день препятствиям для успешного внедрения данного института, а также предлагаются ключевые направления совершенствования законодательства в этой сфере.

Ключевые слова: экспериментальный правовой режим, цифровизация, цифровые технологии, правовой эксперимент, инновации, регуляторная песочница, инновационная экономика

Для цитирования: Мельник С. В., Надтачаев П. В., Понтелеева М. А. Экспериментальные правовые режимы в сфере цифровых инноваций в России // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 4. С. 96–101.

Original article

Experimental legal regimes in the field of digital innovation in Russia

Melnik Sergei V.¹, Nadtachaev Pavel V.², Ponteleeva Maria A.³

^{1,3} Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanova, Orel, Russia

² Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia, paveln77@mail.ru

¹ m809sv@yandex.ru

³ mariaponteleeva@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to a comprehensive analysis of experimental legal regimes as a key tool for regulating digital innovations in Russia. It examines the genesis and legal consolidation of this institution within the framework of the «regulatory sandbox» policy. The article analyzes the goals and objectives of implementing an experimental legal regime as a way to overcome legal barriers to the introduction of new technologies. Special attention is paid to the possible obstacles that currently exist for the successful implementation of this institution, and key areas for improving legislation in this area are proposed.

Keywords: experimental legal regime, digitalization, digital technologies, legal experiment, development, innovation, innovative economy

For citation: Melnik S. V., Nadtachaev P. V., Ponteleeva M. A. Experimental legal regimes in the field of digital innovation in Russia // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 4. Pp. 96–101.

В настоящее время в условиях цифровизации общественные отношения претерпевают существенные изменения. Динамичность инновационных подходов порождает ситуации, когда действующий механизм правового регулирования не успевает своевременно

реагировать на новые вызовы, что определяет необходимость его адаптации.

Именно в этих условиях особой значимостью обладают экспериментальные правовые режимы – инструмент, который позволяет государству поэтапно и

контролируемо тестировать правовое оформление новых технологических решений без риска нарушить базовые юридические принципы. В России этот механизм особенно важен, поскольку цифровизация охватывает практически все сферы общественной жизни: от финансов и медицины до транспорта, образования и государственного управления. Поэтому сегодня исследование экспериментальных правовых режимов является не просто первостепенной теоретической задачей, но актуальной практической необходимостью.

В научных трудах отмечено, что «в целях быстрого решения указанной проблемы необходимо применять такие правовые инструменты, которые помогут не только своевременно внедрять цифровые технологии, но и не столкнуться с многочисленными выявлениями нарушений положений законодательства» [1, с. 199].

Стремительное освоение информационных технологий происходит на фоне обострившейся геополитической обстановки, в условиях которой России приходится ориентироваться в основном на собственный потенциал. Причина тому – санкции, наложенные на государство, и ужесточение ограничительных мер экономического характера. Все это усиливает необходимость выработки действенных механизмов, способных не просто адаптировать экономику к новым условиям, но и стать опорой для ее целенаправленного развития.

В связи с этим особое внимания заслуживает институт экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций. Он интересен тем, что предоставляет пространство (как в буквальном, так и в нормативном смысле) для адаптивного, гибкого правового регулирования, опережающего традиционные подходы. Экспериментальный правовой режим позволяет не просто сопровождать, а активно формировать будущую регуляторную среду. Чтобы понять, как он работает, каковы его реальные возможности, следует обратить внимание на две ключевые концепции – правовой эксперимент и правовой режим. Каждая из них проливает свет на разные стороны явления, но вместе они дают целостное представление.

Эксперимент, как метод познания, ассоциируется с естественными науками. Однако его суть – проверить гипотезу, получить достоверные знания о функционировании определенных процессов – делает его применимым и в юриспруденции. Правовой эксперимент отличается тем, что он проверяет не физические законы или математические модели, а гипотезу о ответственности и адекватности тех или иных правовых норм [2, с. 17].

Правовой эксперимент становится способом правового прогнозирования, инструментом, с помощью которого возможно моделирование будущего законодательства. Это делает его ценным не только для практиков права, но и для теоретиков, работающих над систематизацией и развитием правовой науки. Кроме того, экспериментальный правовой режим по-

зволяет заранее выявлять риски: и те, что несут сами технологии, и те, что могут возникнуть от их чрезмерной или, наоборот, недостаточной регламентации.

Законодатель должен адаптировать нормативно-правовую базу к стремительно меняющейся реальности, сохраняя при этом четкость и определенность. Правовой эксперимент позволяет устранить «слепые зоны» в регулировании и сделать законодательство понятным и предсказуемым.

В рамках гражданского законодательства нет возможности сформулировать понятие экспериментальных норм гражданского права, так как оно формально не охватывает локальные правовые акты. Проблема включения их в систему источников вызывает множество споров в связи с противоречивостью ст. 3 Гражданского кодекса Российской Федерации¹, однако проведение научного эксперимента с разными проектами таких актов вполне возможно.

Правовое регулирование общественных отношений, возникающих в процессе осуществления экспериментальных правовых режимов, должно быть основано на нормах гражданского законодательства, в частности, касаясь ответственности, основанной на договорных обязательствах, и возмещения вреда, причиненного государственными и муниципальными органами. Не исключена возможность посредством федеральных законов обязать участников застраховать гражданскую ответственность субъектов экспериментального режима за вред, причиненный при его реализации.

В юридической науке термин «правовой режим» понимается как установленный порядок регулирования, в котором сочетаются разнообразные правовые инструменты – разрешения, запреты и позитивные обязательства [3, с. 123–124]. Эти элементы взаимодействуют между собой, формируя направленное и отличительное правовое воздействие на определенные общественные отношения. Когда речь заходит о предпринимательской деятельности, применение и классификация таких правовых режимов становится предметом научных дискуссий, поскольку правовая оболочка бизнеса не является единообразной и варьируется в зависимости от множества факторов.

В правовой литературе выделяются общий, особый и экстраординарный правовые режимы [4, с. 235]. Особый и общий режимы, как правило, действуют на стабильной и предсказуемой основе, в то время как экстраординарные правовые режимы появляются в ситуациях, которые требуют немедленного реагирования. Эти режимы вводятся в моменты социальной или природной турбулентности, отражая необходимость защитить основные ценности, чаще всего здоровье и жизнь людей. Примеры тому режим чрезвычайной ситуации или режим военного положения.

Некоторые авторы предлагают иную типологию: ординарные и экстраординарные режимы. Первая категория охватывает режимы, применяющиеся к

¹Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

конкретным отраслям, субъектам или в рамках экспериментов и льготных моделей. Вторая затрагивает экстремальные условия, включая военное положение, режим санкций или режим повышенной готовности [5, с. 44].

Значимым шагом к закреплению концепции экспериментальных правовых режимов в законодательстве стал Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»¹, где дается определение данного правового режима как временного применения специальных норм в отношении участников цифровых инициатив, включая такие сферы, как здравоохранение, агробизнес, промышленное производство, транспорт, финансы и другие отрасли. Ключевым элементом становится идея гибкого, альтернативного регулирования новых решений. В законодательстве действуют и другие законы, устанавливающие правовые эксперименты отдельных сфер, например, Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ, который устанавливает специальное регулирование в разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта Москве².

При этом экспериментальный правовой режим нельзя отождествлять с другими моделями особых территорий без учета его уникального содержания. Экспериментальный характер режима проявляется не только в льготах, но и, в первую очередь, в возможности применять законодательные исключения. Это может означать сознательное неприменение отдельных действующих норм к его участникам, что делает такие режимы инструментом легального правового эксперимента. Получается, что экспериментальный правовой режим стоит на стыке двух начал: он одновременно и правовой режим, и инструмент правового тестирования. С одной стороны, это гибкость и мобильность регулирования, позволяющие быстро адаптироваться к инновациям; с другой – потенциальные риски неопределенности и отсутствия универсальных стандартов для всех участников.

Любой участник делового оборота – будь то компания, предприниматель или иной субъект – изначально действует в рамках общих норм или более узких специальных режимов. При этом интересно, что в банковской сфере появляются экспериментальные правовые режимы, которые временно внедряются на ограниченных участках, как территориальных, так и институциональных, и действуют не на всех, а лишь на

отдельно взятых участников. Такой экспериментальный режим можно рассматривать как производный по отношению к уже устоявшемуся регулированию: он «встраивается» в существующую конструкцию, задействуя большинство ее компонентов [6, с. 111]. Вполне обоснованным будет предположить, что похожая картина складывается и в других секторах экономики, где допустимо тестировать механизмы регулирования до их возможной легализации на более общем уровне. Стоит отметить эффективность действия такого правового средства, так как оно используется в качестве поддержки бизнеса в сложных экономических ситуациях, а также в качестве инструмента стимулирования некоторых сфер предпринимательской деятельности [7, с. 19].

Экспериментальные правовые режимы формируют уникальную форму правового инструментария. Они ограничены по времени и часто распространяются лишь на определенные категории участников и на конкретные сферы, как правило, это чувствительные или приоритетные направления экономики. Участие в таких режимах обычно добровольно: ни юридические лица, ни органы власти, ни предприниматели не обязаны вовлекаться в правовой эксперимент (это выбор, а не предписание). Элементы подобного режима могут приостанавливать действие лишь отдельных норм, заменяя их на временные положения, своего рода прототипы будущих норм, которые намеренно выносятся на проверку. В то же время такое вмешательство в действующее регулирование не ослабляет правоспособность участников, напротив, иногда эксперимент дает возможность расширить рамки допустимого поведения в правовом поле.

Что особенно важно, сама суть экспериментального правового режима заключается в поиске путей модернизации системы регулирования. Это не финальная цель, а инструмент, средство развития законодательства. Следовательно, экспериментальные режимы играют роль надстройки над базовыми правовыми конструкциями. Взамен статичного подхода предлагается опробованный в деле более гибкий механизм, позволяющий участникам хозяйственного оборота реализовывать новые цифровые практики, прежде чем они будут закономерно встроены в стабильное юридическое пространство (будь то общее или специальное правовое регулирование).

Гибкость и возможность отслеживания последствий – еще одна важная отличительная черта. При запуске такого режима органы, отвечающие за регулирование, как правило, закладывают механизмы мониторинга и анализа эффективности действующих в его рамках норм. Это позволяет по завершении эксперимента принять аргументированное решение: сохранить, откорректировать либо вовсе отказаться от опробованных подходов. В этом контексте значительную роль играет закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации», который закрепил как юридическую основу для подобных правовых новаций, так и механизм их практической оценки.

¹ Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 20. Ст. 2284.

² Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в ст. 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 17. Ст. 2701.

Важной чертой таких режимов становится и их направленность на стимулирование инновационного развития. Государство, внедряя правовой эксперимент, дает сигнал бизнесу и научному сообществу: вы можете пробовать, искать, ошибаться, и все это в условиях правовой определенности и без риска быть наказанным за несоответствие устаревшим нормативам. Это особенно актуально в условиях стремительной цифровизации и появления новых форм экономической деятельности, которые еще не описаны в традиционном законодательстве.

Экспериментальные правовые режимы служат своеобразным мостом между традиционной системой норм и необходимостью опережать изменения, происходящие в обществе и на рынке. Они не отменяют действующее законодательство, а действуют как временные автономные структуры, дополняющие его в строго очерченных рамках. Именно это делает их эффективным инструментом правовой адаптации в условиях неопределенности и технологического скачка.

На сегодняшний день в научных кругах активно обсуждаются препятствия, которые тормозят развитие инновационной экономики. Одной из важнейших проблем, безусловно, является отставание действующего законодательства от стремительно развивающихся цифровых технологий [8, с. 177]. Нормативно-правовая база, разработанная под реалии предыдущих технологических укладов, часто оказывается неспособной эффективно регулировать новейшие цифровые решения и процессы. Это становится особенно заметно, когда попытки внедрения цифровых платформ или искусственного интеллекта начинают сталкиваться с правовыми барьерами.

Чтобы обеспечить гибкое регулирование и в то же время не выйти за рамки правового поля, необходимо прибегать к инструментам, способным реагировать на вызовы времени. Современная юридическая теория выделяет несколько подходов, помогающих преодолеть несоответствие между законом и быстро меняющейся технологической реальностью. Один из таких подходов – «мягкое право». Речь здесь идет о документах, таких как письма, методические рекомендации, инструкции, которые подготавливаются полномочными органами исполнительной власти. Хотя юридической силы они не несут, на практике могут оказывать существенное влияние на поведение субъектов.

Другим способом адаптации к быстро возникающим технологическим новшествам становится саморегулирование. Компании и деловые объединения самостоятельно формируют стандарты деятельности и профессиональные нормы, ориентируясь на специфику своей отрасли. Это позволяет быстрее реагировать на вызовы рынка, не дожидаясь законодательных инициатив сверху.

Однако наиболее важным в контексте цифровой трансформации считается третий подход – создание условий для регулирования через эксперимент. Это может выражаться как посредством временного

установления особых правил, так и через запуск полноценных экспериментальных правовых режимов. В данном случае законодательство временно «смягчается» или корректируется в строго определенной сфере или территории, где обкатываются инновационные решения. Такой подход позволяет не только протестировать нововведение на практике, но и понять, какие именно нормы нуждаются в обновлении.

Мировая практика сформировала немало примеров успешного запуска экспериментальных правовых режимов. Разные страны по-своему решают задачи правового сопровождения технологических изменений, создавая так называемые регуляторные песочницы. Эти специальные режимы дают возможность определенному кругу участников, обычно это инновационные технологические компании, временно работать в особом правовом ландшафте [9, с. 42]. На ограниченной территории или в пределах конкретной отрасли внедряются цифровые решения, эффективность и риски которых анализируются при более гибком правовом сопровождении.

В Российской Федерации с принятием закона № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах» были заложены институциональные основы функционирования таких «песочниц» в отечественной юрисдикции. Идея в том, что на экспериментальном поле можно безопасно внедрять технологические инновации, не дожидаясь изменений в общем законодательстве, но и не выходя за рамки закона.

Сам по себе механизм экспериментального регулирования выступает не панацеей, а инструментом, актуальность которого определяется условиями конкретной правовой и технологической ситуации. Он помогает выстроить мост между традиционным правом и новыми цифровыми реалиями, позволяя обеспечить контроль над инновациями, не лишая при этом рынок свободы для развития.

Некоторые ученые, рассматривая применение экспериментальных правовых режимов в Российской Федерации, высказывают свое мнение относительно потенциальных нарушений правовых принципов. Участникам таких режимов предоставляются определенные послабления в применении норм действующего законодательства. В теории это делается ради внедрения инновационных решений, однако на практике может привести к искажению рыночной конкуренции. Если компания, действующая в рамках эксперимента, получает привилегии, она, обладая заметным преимуществом, рискует занять доминирующее положение, осложняя тем самым выход на рынок новым участникам и препятствуя развитию конкурентной среды. Это создает риск дискриминационных условий, что напрямую противоречит антимонопольному регулированию [10, с. 45].

В качестве возможного выхода из сложившейся ситуации стоит только не ограничиваться регулированием со стороны тех органов, которые инициируют эксперимент, но и активно включать в этот процесс антимонопольные ведомства. Совместное принятие решений о запуске, корректировке или за-

вершении экспериментального правового режима могло бы предотвратить перекося в распределении прав и обязанностей между участниками. Более того, существует необходимость внедрения системы антимонопольного комплаенса у субъектов, участвующих в экспериментальных режимах. Это позволило бы сохранить баланс интересов и обеспечить защиту конкуренции в процессе внедрения инноваций.

В данном случае стоит уделить внимание более глобальному аспекту проблемы. Речь идет об отсутствии в российской правовой системе единого подхода к регулированию экспериментальных правовых режимов. На сегодняшний день основное регулирование закреплено в двух ключевых актах: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации»¹ и Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах»². Однако этим дело не ограничивается. Существует ряд других правовых актов, регулирующих проведение экспериментов в отдельных секторах. Например, Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ, который предоставляет специальное правовое регулирование г. Москве для целей разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта [11, с. 475].

Несмотря на очевидный потенциал экспериментальных правовых режимов как инструмента внедрения инноваций, в российском законодательстве на сегодняшний день прослеживается необходимость системного и согласованного подхода. Мнение ученых указывает на то, что без тщательной проработки вопросов взаимодействия с антимонопольными органами, периодического анализа и унификации правовой базы такие режимы могут не оправдать своей реформаторской миссии.

На наш взгляд, существует необходимость пересмотра действующего законодательства в части регулирования экспериментальных режимов. Только установление единого нормативного подхода позволит не просто создавать отдельные успешные случаи правовых экспериментов, а выстроить системную модель адаптации правовой среды к быстро меняющемуся техногенному и цифровому ландшафту.

Библиографический список

1. Гусарева А. Е. Экспериментальный правовой режим как новый инструмент правового регулирования: преимущества и недостатки // Вестник науки. 2024. № 3 (72). С. 199–206.
2. Чагин И. Б. Сущностная характеристика правового эксперимента // Сибирский юридический вестник. 2021. № 1 (92). С. 14–18.
3. Малько А. В., Лиманская А. П. Специальный правовой режим как особое средство правового регу-

¹ Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020.

² Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах». URL: <https://www.consultant.ru>.

лирования // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 6. С. 120–124.

4. Кванина В. В. Понятие и виды правовых режимов предпринимательской деятельности // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 424.

5. Тарасенко О. А. Экспериментальный правовой режим – полигон для инноваций и регулирования // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2023. № 1. С. 40–55.

6. Тарасенко О. А. Формирование доктрины и законодательства о правовых режимах банковской деятельности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 1. С. 105–132.

7. Ершова И. В., Петраков А. Ю. Режим повышенной готовности в системе правовых режимов осуществления предпринимательской деятельности // Lex Russica. 2020. № 9. С. 9–20.

8. Свистунов Ю. А., Свистунова Л. Ю. Правовые проблемы цифровизации экономики в российской федерации // Ленинградский юридический журнал. 2023. № 1 (71).

9. Наумов В. Б., Бутринович Я. Н., Котов А. А. Обеспечение качества правового регулирования экспериментальных правовых режимов // Российское право: образование, практика, наука. 2020. № 3. С. 40–49.

10. Громова Е. А. Экспериментальные режимы создания цифровых инноваций и проблемы обеспечения добросовестной конкуренции // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 10. С. 41–51.

11. Санченко И. Д. Возможные проблемы применения экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций // Вопросы российской юстиции. 2021. № 16. С. 472–481.

References

1. Gusareva A. E. Experimental Legal Regime as a New Tool of Legal Regulation: Advantages and Disadvantages // Bulletin of Science. 2024. No. 3 (72). Pp. 199–206.
2. Chagin I. B. Essential Characteristics of a Legal Experiment // Siberian Legal Bulletin. 2021. No. 1 (92). Pp. 14–18.
3. Malko A. V., Limanskaya A. P. Special legal regime as a special means of legal regulation // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2013. No. 6. Pp. 120–124.
4. Kvanina V. V. The concept and types of legal regimes of entrepreneurial activity // Bulletin of Tomsk State University. 2017. No. 424.
5. Tarasenko O. A. Experimental legal regime – a testing ground for innovation and regulation // Bulletin of St. Petersburg State University. Series 14. Law. 2023. No. 1. Pp. 40–55.
6. Tarasenko O. A. Formation of the Doctrine and Legislation on Legal Regimes of Banking Activities // Bulletin of Perm University. Legal Sciences. 2021. No. 1. Pp. 105–132.
7. Ershova I. V., Petrakov A. Yu. The State of Emergency in the System of Legal Regimes for Business Activities // Lex Russica. 2020. No. 9. Pp. 9–20.
8. Svistunov Yu. A., Svistunova L. Yu. Legal Problems of Digitalization of the Economy in the Russian Federation // Leningrad Law Journal. 2023. No. 1 (71).

9. Naumov V. B., Butrinovich Ya. N., Kotov A. A. Ensuring the Quality of Legal Regulation of Experimental Legal Regimes // Russian Law: Education, Practice, Science. 2020. No. 3. Pp. 40–49.

10. Gromova E. A. Experimental regimes for creating digital innovations and the problems of ensuring fair competition // Journal of Russian Law. 2022. Vol. 26, No. 10. Pp. 41–51.

11. Sanchenko I. D. Possible problems of application of experimental legal regimes in the sphere of digital innovations // Issues of Russian Justice. 2021. No. 16. Pp. 472–481.

Информация об авторах

Мельник Сергей Васильевич – кандидат юридический наук, доцент

Надтачаев Павел Валерьевич – кандидат юридических наук, доцент

Information about the authors

Melnik Sergey V. – Candidate of Law, Associate Professor

Nadtachaev Pavel V. – Candidate of Law, Associate Professor

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации, включая идею, сбор материала, написание статьи и научное редактирование текста. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors

All authors made an equivalent contribution to the preparation of the publication, including the idea, collection of material, writing the article, and scientific editing of the text. The authors declare that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 05.06.2025; одобрена после рецензирования 14.07.2025; принята к публикации 17.12.2025

The article was submitted 05.06.2025; approved after reviewing 14.07.2025; accepted for publication 17.12.2025

Научная статья
УДК 349.3

Присвоение звания «Ветеран труда» в Российской Федерации: особенности правового регулирования и анализ судебной практики

Подлевских Ольга Викторовна

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, olga01181981@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуются особенности правового регулирования присвоения звания «Ветеран труда» в Российской Федерации. Рассматриваются исторические предпосылки института, анализируются положения федерального законодательства и региональная практика после реформы 2004 г. Особое внимание уделено судебной практике, анализ которой позволяет выявить противоречия между формалистской позицией органов социальной защиты и правами граждан. Сделан вывод о необходимости унификации критериев установления единого перечня документов и закрепления федеральных гарантий.

Ключевые слова: ветеран труда, социальная защита, ведомственный знак отличия, судебная практика, федеральное регулирование

Для цитирования: Подлевских О. В. Присвоение звания «Ветеран труда» в Российской Федерации: особенности правового регулирования и анализ судебной практики // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 4. С. 102–107.

Original article

Conferring the honorary title «Veteran of Labour» in the Russian Federation: specifics of legal regulation and analysis of judicial practice

Podlevskikh Olga V.

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia, olga01181981@yandex.ru

Abstract. The article examines the legal regulation of awarding the title «Veteran of Labour» in the Russian Federation. It covers the historical background of the institution, the provisions of the Federal Law «On Veterans», and regional specifics of regulation after the 2004 reform. Special attention is paid to judicial practice in 2020–2025, which revealed systemic contradictions between the formalistic approach of social protection authorities and citizens' rights. The conclusion emphasizes the need for unified criteria, a consolidated list of documents, and the expansion of federal guarantees.

Keywords: veteran of labour, social protection, departmental award, judicial practice, federal regulation

For citation: Podlevskikh O. V. Conferring the Honorary Title «Veteran of Labour» in the Russian Federation: Specifics of Legal Regulation and Analysis of Judicial Practice // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 4. Pp. 102–107.

Звание «Ветеран труда» традиционно воспринимается в обществе как форма социального признания за многолетний и добросовестный труд, как знак уважения государства к людям, которые своим ежедневным трудом создавали материальные и духовные ценности, формировали экономический и культурный потенциал страны. В советский период данная форма поощрения приобрела официальное оформление: в 1974 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР была учреждена медаль «Ветеран труда». Несмотря на то, что сама медаль не являлась

юридически тождественной званию, именно в тот момент был заложен символический и правовой фундамент для последующего развития института.

После распада СССР возникла необходимость в обновленном нормативном закреплении социальной поддержки данной категории граждан. В 1995 г. был принят Федеральный закон от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах», который придал званию «Ветеран труда» статус федерального значения. Закон устано-

вил основные критерии присвоения: наличие определенного трудового стажа (для мужчин – не менее 25 лет, для женщин – не менее 20 лет), достижение пенсионного возраста и подтвержденные награды – государственные, ведомственные или почетные звания. Однако уже тогда выявился пробел – отсутствовала четкая дефиниция понятия «ведомственный знак отличия в труде». На практике это порождало неоднозначность, поскольку различные органы и учреждения по-разному трактовали, какие именно награды могут быть признаны основанием для присвоения звания.

Подобные пробелы в системе правовых понятий характерны в целом для пенсионного и социального законодательства, что неоднократно отмечается в научной литературе. Так, А. В. Александрова указывает, что отсутствие единых и легально закреплённых дефиниций ключевых категорий социального обеспечения существенно осложняет правоприменение и способствует росту судебных споров [1].

Реформа 2004–2005 гг. изменила систему коренным образом. Федеральный закон от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов "О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»" и "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации"» перераспределит полномочия и передал право определения порядка и условий присвоения звания субъектам Российской Федерации. В результате единый федеральный стандарт был заменен региональными правилами, что, с одной стороны, позволило учитывать специфику отдельных территорий, а с другой – породило значительные различия в подходах. Одни регионы закрепили достаточно широкий перечень оснований и документов, другие – установили более жесткие условия, что объективно привело к неравенству в реализации прав граждан.

Современная практика подтверждает, что в одних регионах ветераны труда пользуются достаточно широким спектром льгот и преференций. Так, в Москве и Санкт-Петербурге за данной категорией граждан закреплены компенсации расходов на оплату жилищно-коммунальных услуг, право на бесплатный проезд в городском и пригородном транспорте, предоставление льготных путевок на санаторно-курортное лечение, а также определенные налоговые послабления¹. Тогда как в ряде субъектов Центрального

федерального округа (например, в Тверской и Ярославской областях) предусмотрены региональные денежные выплаты, размеры которых приближены к федеральному прожиточному минимуму, что позволяет говорить о более реальном обеспечении социальной поддержки².

В Свердловской области система социальной поддержки ветеранов труда регулируется Законом Свердловской области от 25 ноября 2004 г. № 190-ОЗ «О социальной поддержке ветеранов в Свердловской области». Ключевым элементом предоставляемых мер является ежемесячная денежная выплата (далее – ЕДВ), которая, несмотря на ее значимость, ЕДВ не является единственной формой поддержки. Ветеранам труда предоставляются компенсации расходов на оплату жилищно-коммунальных услуг, льготы на проезд в общественном транспорте, бесплатное зубопротезирование, налоговые послабления, а также иные меры социальной помощи³.

Таким образом, в рамках одного и того же правового института сложилась крайне дифференцированная система, при которой граждане, обладающие одинаковым статусом «Ветеран труда», фактически оказываются в неравных условиях в зависимости от места проживания. Более того, различия касаются не только объема предоставляемых льгот, но и порядка их оформления. Так, в Москве оформление удостоверения и всех выплат носит централизованный характер и сопровождается информационной поддержкой, тогда как в ряде регионов граждане вынуждены самостоятельно собирать и доказывать наличие данного права, сталкиваясь с бюрократическими барьерами. Все это подтверждает необходимость выработки единого минимального стандарта федерального уровня, который обеспечил бы ветеранам труда равные социальные гарантии на всей территории Российской Федерации.

В науке права социального обеспечения такая модель рассматривается как следствие разграничения предметов ведения между Российской Федерацией и её субъектами. Как указывает М. О. Буянова, социальные права граждан носят федеральный характер, тогда как конкретные меры их реализации могут варьироваться на региональном уровне, что объективно порождает различия в объёме предоставляемых гарантий [2].

Если рассматривать практику присвоения звания «Ветеран труда» не только в Российской Федерации, но и в других государствах постсоветского пространства, становится очевидным, что в целом институт

услуг в Санкт Петербурге». URL: <https://www.consultant.ru>.

² Закон Тверской области от 11 декабря 2007 г. № 154-ЗО «О ветеранах труда Тверской области»; Закон Ярославской области от 3 октября 2018 г. № 50-з «О временных мерах социальной поддержки граждан пожилого возраста в Ярославской области». URL: <https://www.consultant.ru>.

³ Закон Свердловской области от 25 ноября 2004 г. № 190-ОЗ «О социальной поддержке ветеранов в Свердловской области». URL: <https://www.consultant.ru>.

¹ Закон г. Москвы от 26 сентября 2018 г. № 19 «О дополнительных мерах поддержки жителей города Москвы в связи с изменениями федерального законодательства в области пенсионного обеспечения»; Закон Санкт Петербурга от 20 мая 2009 г. № 228-45 «О форме предоставления мер социальной поддержки и дополнительных мер социальной поддержки по оплате жилого помещения и коммунальных

сохранился, но подходы к его регулированию существенно различаются.

В Республике Беларусь действует Закон Республики Беларусь от 11 ноября 2024 г. № 37-З «О ветеранах», который закрепил звание «Ветеран труда» как одну из форм признания заслуг граждан. Основным критерием здесь является стаж работы (службы): для мужчин – не менее 30 лет, для женщин – 25 лет. При этом наличие наград, ведомственных знаков или почетных грамот не является обязательным условием. Такой подход демонстрирует более упрощенный и формализованный порядок, в отличие от российской системы, где наряду со стажем требуется подтверждение награждения. Льготы для белорусских ветеранов труда включают скидки на оплату коммунальных услуг, бесплатный проезд и преимущества при получении медицинской помощи. Фактически перечень мер социальной поддержки унифицирован для всей страны и не зависит от региона проживания.

В Законе Республики Казахстан от 6 мая 2020 г. № 322-VI «О ветеранах» также сохраняется звание «Ветеран труда», однако, в отличие от Республики Беларусь, оно связано не только с трудовым стажем, но и с особыми заслугами перед государством. Звание присваивается указом Президента Республики Казахстан по представлению Правительства Республики Казахстан. Основным критерием является длительная трудовая деятельность, как правило, не менее 40 лет, а также наличие государственных наград или почетных званий. В отличие от России, где решения принимают региональные органы, в Казахстане статус закрепляется на уровне государства, что исключает фрагментацию и различия в объеме льгот. Социальные гарантии также унифицированы и включают выплату специального государственного пособия, специальную помощь в денежном или в натуральном выражении, предоставление медицинских льгот, внеочередное пользование всеми услугами связи, льготное налогообложение и др.

Таким образом, сравнительный анализ показывает, что российская модель наиболее сложная и неоднородная: помимо трудового стажа требуется подтверждение ведомственных или государственных наград, а окончательное решение принимается на уровне субъектов РФ, что формирует разрыв в объеме и качестве предоставляемых льгот. В то же время Республика Беларусь и Казахстан демонстрируют более унифицированный и централизованный подход, при котором различия между регионами внутри страны отсутствуют. Российский опыт оказывается уникальным в силу сочетания федерального статуса звания и региональной автономии в определении мер поддержки, что и порождает дискуссию о необходимости создания единого минимального федерального стандарта.

Ключевой проблемой, оказывающей непосредственное влияние на правоприменительную практику, остается, как уже было указано ранее, отсутствие легального определения понятия «ведомственный знак отличия в труде». Данный термин упоминается

в федеральном законодательстве, но его содержание никак не раскрыто. В результате на практике складывается ситуация, когда разные регионы и даже разные территориальные подразделения органов социальной защиты толкуют его по-своему. Одни структуры признают в качестве ведомственных знаков практически все награды советского и постсоветского периода, включая почетные грамоты, нагрудные знаки, дипломы и медали, другие же занимают более жесткую позицию, ограничиваясь только теми наградами, которые были вручены на основании официальных приказов министерств или федеральных служб.

Отсутствие единой позиции приводит к тому, что заявители оказываются в неравных условиях. В одном регионе запись в трудовой книжке или архивная справка о награждении признается достаточным подтверждением, а в другом те же самые документы не рассматриваются как доказательство, если отсутствует отдельное удостоверение к награде. На практике это нередко становится причиной отказов в присвоении звания по чисто формальным основаниям, даже несмотря на то, что сам факт награждения объективно подтверждается.

В научных исследованиях подчеркивается, что ключевую роль в реализации пенсионных и иных социальных прав играют органы, уполномоченные на их назначение и выплату. О. Н. Петюкова отмечает, что формализм в деятельности пенсионных и социальных органов является одной из основных причин последующих судебных споров, в результате чего суды фактически выполняют компенсаторную функцию защиты прав граждан [3].

Именно судебная практика в последние годы исправляет перекосы административного подхода и формирует справедливое толкование закона. Суды нередко берут на себя роль гаранта прав граждан, подтверждая, что формальные препятствия не должны лишать человека заслуженного статуса.

Суды неоднократно подчеркивали, что отказ в присвоении звания при наличии достоверных и взаимосвязанных подтверждающих документов нарушает права граждан. Отсутствие отдельного удостоверения не может служить основанием для отказа, если факт награждения подтверждается архивными сведениями и записями в трудовой книжке. Органы социальной защиты обязаны учитывать всю совокупность представленных доказательств и давать мотивированную оценку их достаточности, избегая формальных отказов.

Характерным примером является дело, рассмотренное в декабре 2023 г., где отказ в присвоении звания был мотивирован тем, что награда оформлялась совместно с профсоюзом. Кассационный суд указал: награждение должно быть произведено уполномоченным органом государственной власти. Если награждение подтверждено документально и произошло от имени государственного органа, то сопутствующее участие профсоюза не влияет на возможность учитывать эту награду при присвоении звания «Ветеран труда». Важно именно происхождение

награды – государственный орган, а не частная или общественная организация¹.

В одном из дел кассационная инстанция отметила, что при рассмотрении вопросов о присвоении звания «Ветеран труда» органы социальной защиты обязаны оценивать всю совокупность представленных доказательств. Отсутствие удостоверения к награде не может рассматриваться как самостоятельное основание для отказа, если факт награждения подтвержден архивными документами или записями в трудовой книжке. Суд подчеркнул, что на момент вручения знак «Отличник физической культуры и спорта» являлся ведомственным знаком отличия, дающим право на присвоение звания «Ветеран труда». Следовательно, при наличии необходимого трудового стажа и документального подтверждения факта награждения отказ в присвоении звания является неправомерным².

Суды также разъяснили, что к ведомственным знакам могут относиться знаки социалистических соревнований, грамоты и дипломы, врученные от имени президиумов Верховных Советов союзных республик или Совета Министров СССР. Такие поощрения обладают правовым значением, даже если они вручались в торжественной обстановке совместно с представителями профсоюзов. Таким образом, судебная практика постепенно формирует единый подход, при котором наличие государственного элемента в учреждении награды и официальное подтверждение ее вручения являются достаточными основаниями для признания награды «ведомственным знаком отличия в труде»³.

Приведенные примеры демонстрируют, что суды отходят от узкого, формального толкования и обеспечивают защиту прав граждан, которые отдали десятилетия своей жизни труду, но в силу исторических обстоятельств не сохранили полный пакет документов. Судебные решения последних лет служат важным ориентиром как для правоприменителей, так и для законодателя, указывая на необходимость унификации подходов и закрепления в федеральном законе исчерпывающего перечня наград, признаваемых основанием для присвоения звания «Ветеран труда».

Не менее важным является вопрос региональной автономии в регулировании статуса и мер поддержки ветеранов труда. Передача полномочий субъектам Российской Федерации закономерно привела к тому, что каждая территория сформировала собственный перечень льгот и условий, что, с одной стороны, позволило учитывать региональные экономические и

социальные особенности, а с другой – породило значительные различия в положении граждан.

Кассационные инстанции подтвердили правомерность такого подхода. В своих решениях суды прямо указали, что меры социальной поддержки ветеранов труда финансируются за счет средств региональных бюджетов, а значит, субъекты РФ вправе самостоятельно определять как объем выплат, так и перечень предоставляемых льгот. Иными словами, наличие различий в размерах ежемесячных выплат, предоставлении или отсутствии льгот по оплате жилищно-коммунальных услуг, транспортных расходов или медицинского обслуживания не является нарушением принципа равенства. Судебные коллегии подчеркнули, что сам статус «Ветеран труда» закреплён федеральным законом и одинаков по всей стране, а вот наполнение этого статуса социальными гарантиями относится к компетенции субъектов РФ⁴.

Такой подход, хотя и признан законным, фактически закрепил неравенство граждан: жители одних регионов (например, Москвы, Санкт-Петербурга или Республики Татарстан) получают расширенный набор льгот, включающий бесплатный проезд, компенсацию по оплате жилищно-коммунальных услуг, налоговые послабления и дополнительные медицинские преференции, в то время как в других субъектах (особенно в регионах с ограниченными бюджетами) меры поддержки сводятся к символической ежемесячной выплате в размере 500–1000 рублей. Судебные органы признали подобные различия допустимыми, аргументируя это принципом бюджетной самостоятельности субъектов⁵.

В то же время в ряде решений суды обратили внимание на то, что региональная автономия не может толковаться как абсолютная. Субъекты РФ обязаны соблюдать федеральные минимальные стандарты, а их полномочия по определению объема льгот не должны приводить к фактической утрате гражданским статусом «Ветеран труда» или сведению его к формальности⁶. Поэтому даже при признании региональной дифференциации законной суды указывают на необходимость поиска баланса между возможностями региональных бюджетов и конституционным принципом социальной справедливости.

Таким образом, судебная практика окончательно закрепила двойственный характер правового положения ветеранов труда: федеральное законодательство гарантирует единый статус, а субъекты РФ вправе наполнять его различным содержанием. Это

¹ Определение судебной коллегии по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 19 декабря 2023 г. по делу № 8Г-22510/2023[88-22701/2023] // СПС «Гарант».

² Определение судебной коллегии по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 15 августа 2024 г. по делу № 8Г-13069/2024[88-14551/2024] // СПС «Гарант».

³ См., например: Определение СК по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 15 августа 2024 г. по делу № 8Г-13069/2024[88-14551/2024] // СПС «Гарант».

⁴ См., например: Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 19 мая 2023 г. по делу № 8Г-8159/2023[88-9826/2023] // СПС «Гарант».

⁵ См., например: Определение СК по гражданским делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 27 августа 2025 г. по делу № 8Г-17416/2025[88-18900/2025] // СПС «Гарант».

⁶ См., например: Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с реализацией мер социальной поддержки отдельных категорий граждан (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 17 июня 2020 г.) // СПС «Гарант».

создало своеобразную правовую неоднородность, при которой равный по формальному признаку статус в разных регионах сопровождается различным объемом реальных гарантий.

Существенным достижением судебной практики последних лет стало окончательное закрепление принципа бессрочности удостоверения «Ветеран труда». Суды не раз подчеркивали, что лишение гражданина этого статуса возможно исключительно в судебном порядке и только при доказанности факта недостоверности исходных документов, на основании которых звание было присвоено¹. Такая позиция обеспечивает высокую степень правовой стабильности и защищенности граждан, исключая произвольное вмешательство органов исполнительной власти.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 27 апреля 1995 г. № 423 «Об удостоверениях, на основании которых реализуются меры социальной поддержки ветеранов военной службы и ветеранов труда» утвержден единый образец бланка удостоверения ветерана, при этом удостоверение «Ветеран труда» является бессрочным и действительным на всей территории Российской Федерации.

Вместе с тем на то, что орган социальной политики отказался продолжать выплаты, сославшись на «утрату силы» удостоверения ветерана труда при переезде гражданина в другой муниципалитет, суд в своем решении указал, что удостоверение носит бессрочный характер, оно действительно на всей территории Российской Федерации и не может быть аннулировано административным актом. Переезд или смена места жительства не влияют на сам статус гражданина. В результате суд обязал орган восстановить выплаты и компенсировать задержку².

Также Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Российской Федерации отменила принятые по делу судебные решения и направила дело на новое рассмотрение, поскольку к моменту обращения в органы социальной защиты истцу звание «Ветеран труда» с выдачей соответствующего удостоверения уже было присвоено, и при перемене места жительства обязанности подтверждать свой статус и вновь проходить процедуру присвоения звания ветерана труда законом не предусмотрено. Суд разъяснил, что наличие соответствующего удостоверения единого образца является подтверждением статуса ветерана труда и права лица, имеющего данное удостоверение, на предоставление мер социальной поддержки для данной категории граждан³. Подобные действия нарушают принцип правовой определенности и доверия граждан к государству.

¹ См., например: Определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 17 ноября 2004 г. № 48-Г04-16.

² См., например: Решение Удомельского городского суда Тверской области от 30 мая 2025 г. по делу № 2-155/2025 // СПС «Гарант».

³ См., например: Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 6 сентября 2013 г. № 45-КГ13-11 // СПС «Гарант».

Эти дела показывают, что судебная практика не только защищает права конкретных заявителей, но и формирует устойчивый правовой стандарт: удостоверение «Ветеран труда» действует на всей территории Российской Федерации и является бессрочным документом, а его аннулирование возможно лишь при наличии вступившего в силу судебного решения о подложности представленных данных. Соответственно, граждане получают гарантии стабильности своего статуса, а органы социальной политики лишаются возможности произвольного вмешательства в их права.

Таким образом, судебная практика последних лет сыграла роль своеобразного балансирующего механизма в системе социального права. С одной стороны, она сохранила за субъектами Российской Федерации автономию в определении объема мер социальной поддержки, тем самым подтвердив принцип бюджетной самостоятельности регионов. Суды не вмешиваются в политику распределения средств и не требуют унификации всех выплат на федеральном уровне, признавая, что различия в объеме льгот допустимы и закономерны. С другой стороны, судебные органы выступили в качестве гарантии защиты прав граждан от чрезмерного формализма и произвольных отказов со стороны органов социальной политики. Именно суды расширили перечень допустимых доказательств награждения, признали правомерность архивных справок и записей в трудовых книжках, подтвердили возможность зачета совместных наград и окончательно закрепили принцип бессрочности удостоверения «Ветеран труда».

В результате был найден определенный компромисс: регионы сохранили свободу в установлении конкретных мер поддержки, а граждане получили надежные правовые гарантии, что сам факт присвоения звания не может быть поставлен под сомнение формальными придирками. Такая практика способствует укреплению доверия населения к судебной системе и формирует более справедливую модель реализации социального законодательства. Более того, накопленные решения 2024–2025 гг. создают основу для дальнейшего совершенствования федерального регулирования, так как именно судебные акты наиболее четко выявляют пробелы и противоречия действующего законодательства.

Анализ показывает, что рассматриваемый институт в России остается противоречивым и во многом не завершенным с точки зрения правового регулирования. Федеральный закон устанавливает лишь ограниченные критерии, оставляя субъектам значительную свободу в детализации условий и объема мер поддержки. С одной стороны, это обеспечивает гибкость и позволяет учитывать региональные экономические возможности, с другой – порождает неравномерность правоприменения и фактическое неравенство граждан, обладающих одинаковым статусом, но проживающих в разных субъектах Федерации.

Выход из сложившейся ситуации видится в законодательной унификации ключевых положений. На

федеральном уровне необходимо закрепить четкое определение ведомственного знака отличия в труде и исчерпывающий перечень документов, подтверждающих награждение, что позволит исключить произвольное усмотрение чиновников и обеспечить равные условия доступа к званию. Кроме того, назрела необходимость установления минимального федерального стандарта социальных гарантий для ветеранов труда, обязательного для всех субъектов Российской Федерации. Такой стандарт должен включать гарантированную ежемесячную выплату в размере не ниже прожиточного минимума трудоспособного населения, а также компенсацию части расходов на оплату жилищно-коммунальных услуг и бесплатный проезд на городском транспорте.

Закрепление этих норм позволит сбалансировать интересы государства и граждан: с одной стороны, сохранится региональная автономия в расширении перечня льгот, с другой – обеспечится базовое равенство условий по всей территории страны. Это придаст званию «Ветеран труда» должное значение как символу уважения к людям, посвятившим свою жизнь многолетнему труду, и укрепит доверие граждан к институтам государственной социальной защиты.

Библиографический список

1. Александрова А. В. Российское пенсионное законодательство: некоторые проблемы теории и практики // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2022. Т. 10. № 3 (39). С. 23–32.
2. Буянова М.О., Буянова А.В., Гусев А.Ю. Право социального обеспечения: общая часть / под ред. М. О. Буяновой. М.: КноРус, 2021. 224 с.
3. Петюкова О. Н. Правовое содержание деятельности органов Пенсионного фонда Российской Федерации // Проблемы российского законодательства. 2021. Т. 14. № 7. С. 15–21.

References

1. Alexandrova A.V. Russian pension legislation: some problems of theory and practice // Electronic scientific journal «Science. Society. The state.» 2022. Vol. 10. No. 3 (39). pp. 23-32.
2. Buyanova M.O., Buyanova A.V., Gusev A.Yu. The right of social security: a general part / edited by M. O. Buyanova. Moscow: KnoRus, 2021. 224 p.
3. Petyukova O. N. The legal content of the activities of the Pension Fund of the Russian Federation // Problems of Russian legislation. 2021. Vol. 14. No. 7. pp. 15-21.

Статья поступила в редакцию 17.06.2025; одобрена после рецензирования 21.07.2025; принята к публикации 17.12.2025

The article was submitted 17.06.2025; approved after reviewing 21.07.2025; accepted for publication 17.12.2025

Научная статья

УДК 346.57

Проблемные аспекты системы защиты трудовых прав работников в условиях неплатежеспособности нанимателя

Пушко Наталья Вячеславовна

Могилевский институт МВД Республики Беларусь, Могилев, Республика Беларусь,

nataliepushko@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию актуальных аспектов системы защиты трудовых прав работников в условиях неплатежеспособности нанимателя. Предлагается не только использовать приоритизацию требований работников по оплате труда перед иными кредиторами, но и предложить в качестве обеспечительной меры по защите права на оплату труда ввод блокировки денежных средств на расчётном счете нанимателя, а также имплементацию счетов эскроу как элемента системы защиты трудовых прав на случай невыплаты работникам заработной платы, что в совокупности позволит не только стабилизировать финансовое положение наемного персонала, но и сохранит их заинтересованность в поддержании платежеспособности организации.

Ключевые слова: работник, неплатежеспособность, заработная плата, защита, трудовые права, наниматель

Для цитирования: Пушко Н. В. Проблемные аспекты системы защиты трудовых прав работников в условиях неплатежеспособности нанимателя // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 4. С. 108–113.

Original article

Problematic aspects of the system of protection of labor rights of employees in the context of the employer's insolvency

Pushko Natallia V.

Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Mogilev, Republic of Belarus,

nataliepushko@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of topical aspects of the system of protection of labor rights of employees in the context of the employer's insolvency. It is proposed not only to use the prioritization of employee compensation claims over other creditors, but also to propose, as an interim measure to protect the right to pay, the introduction of a cash lock on the employer's current account, as well as the implementation of escrow accounts as an element of the labor rights protection system in case of unpaid wages, which together will not only stabilize the financial situation of employees, but also preserve their interest in maintaining the solvency of the organization.

Keywords: employee, insolvency, salary, protection, labor rights, employer

For citation: Pushko N. V. Problematic aspects of the system of protection of labor rights of employees in the context of the employer's insolvency // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 4. Pp. 108–113.

В современных условиях одним из наиболее актуальных и приоритетных социальных вопросов стоящим перед организацией-банкротом является вопрос обеспечения реализации права работников на оплату труда, защита которого гарантирована международными и национальными нормативными правовыми актами. В связи с тем, что работники являются одними из наиболее уязвимых в экономическом смысле

категорий кредиторов, важно сформировать систему дополнительных гарантий для нивелирования социальных проблем, которые могут возникать в связи неплатежеспособностью субъекта хозяйствования.

Прежде чем рассмотреть подход белорусского законодателя к проблеме правовой защиты работников

© Пушко Н.В., 2025

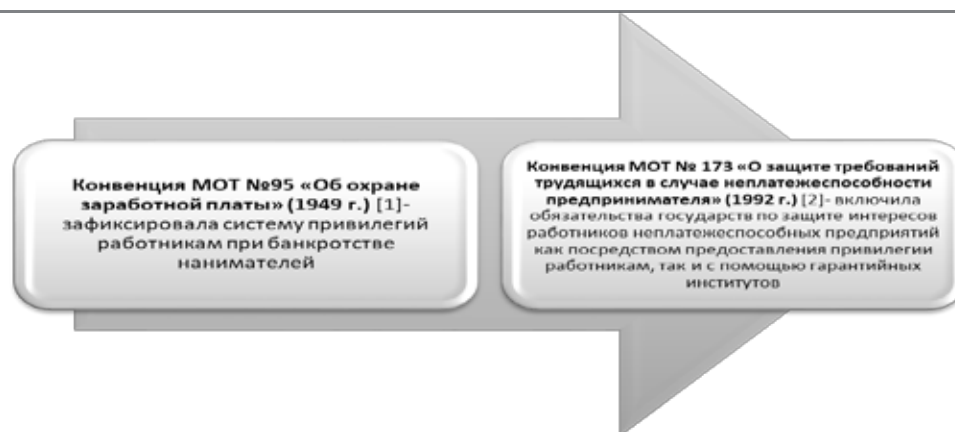

Рис. 1. Конвенции Международной организации труда (далее – МОТ) по защите трудовых прав работников при банкротстве организации

от несвоевременной выплаты заработной платы, необходимо проанализировать международный опыт в этом вопросе (рисунок 1).

Нельзя не упомянуть тот факт, что выбор системы мер, которые то или иное государство предпримет для защиты прав работников при банкротстве нанимателя относится к сфере свободного усмотрения самого государства-участника международных договоров. Выбор отечественного законодателя был сделан в пользу подхода, отраженного в Конвенции МОТ № 95¹ [1, с. 53], определив приоритет удовлетворения требований работников перед требованиями всех иных кредиторов в качестве основной меры защиты.

Отмечая высокую разработанность белорусского трудового законодательства в части регламентирования интересов нанимателей и работников, нельзя не отметить и правовые пробелы в правоотношениях, возникающих после прекращения трудовых правоотношений, в частности, когда расторжение трудового договора происходит вследствие неплатежеспособности нанимателя, поскольку здесь уже необходимо будет учитывать также и потребности кредиторов.

Но, для начала, обратимся к определению понятия «работник», которое содержится в ст. 1 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК)², где закреплено, что работник – это лицо, состоящее в трудовых отношениях с нанимателем на основании заключенного трудового договора. Он обладает общими правами и обязанностями, предусмотренными в ст. 11 и ст. 53 ТК³.

Работники приобретают права кредиторов в связи с неисполнением предприятием-должником обязательств по выплате заработной платы и производству иных выплат, с момента подачи заявления о при-

знании субъекта хозяйствования несостоятельным и их отношения с такой организацией регулируются Законом Республики Беларусь от 13 декабря 2022 г. № 227-3 «Об урегулировании неплатежеспособности» (далее – Закон № 227)⁴ и другими нормативными правовыми актами, регулирующими отношения несостоятельности (банкротства).

В качестве основного инструмента защиты трудовых прав в случае неплатежеспособности нанимателя работники чаще всего рассматривают обращение в суд за взысканием не выплаченной заработной платы, не реализуя при этом еще одну правовую возможность – обращение в комиссию по трудовым спорам (далее – КТС), которая создана непосредственно в организации. До момента увольнения работник может обратиться в данный орган по разрешению индивидуальных трудовых споров, так как споры по оплате труда, в соответствии с п. 2 ст. 236 ТК⁵, непосредственно входят в компетенцию КТС. При этом, согласно ст. 238 ТК, решение КТС имеет обязательную силу, кроме того, в соответствии со ст. 248 ТК, решение КТС подлежит исполнению нанимателем не позднее чем в трехдневный срок по истечении 10 дней, предусмотренных на его обжалование. Если же наниматель не исполнит решение КТС, то работник, получив удостоверение КТС, которое является исполнительным документом (п. 1.ст. 249 ТК), может обратиться в орган принудительного исполнения для претворения в жизнь решения КТС в принудительном порядке.

Специфика правового положения работников в деле о банкротстве заключается в наличии у них некоторых привилегий относительно других кредиторов. Однако нельзя не отметить некоторое ограничение правосубъектности работников в процедуре бан-

¹ Конвенция Международной организации труда об охране заработной платы (принята в г. Женева 1 июля 1949 г.) // КонсультантПлюс: сайт.

² Трудовой кодекс Республики Беларусь: 26 июля 1999 г. № 296-3 (принят Палатой представителей 8 июня 1999 г.: одобр. Советом Республики 30 июня 1999 г.: с изм. и доп. от 8 июля 2024 г.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь: информ.-поисковая система (дата обращения: 20.05.2025).

³ Там же.

⁴ Закон Республики Беларусь от 13 декабря 2022 г. № 227-3 «Об урегулировании неплатежеспособности» // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь: информ.-поисковая система (дата обращения: 18.05.2025).

⁵ Трудовой кодекс Республики Беларусь: 26 июля 1999 г. № 296-3 (принят Палатой представителей 8 июня 1999 г.: одобр. Советом Республики 30 июня 1999 г.: с изм. и доп. от 8 июля 2024 г.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь: информ.-поисковая система (дата обращения: 20.05.2025).

кротства, которое выражается в том, что, несмотря на свой особый привилегированный статус, работники при банкротстве организации не могут иметь права конкурсного кредитора и имеют право принимать участие в собрании кредиторов только через представителя работников, что с позиции законодателя представляется вполне обоснованным, так как на стороне работников принимает участие значительное число людей с однородными требованиями и объединение их интересов в лице представителя позволит достигнуть наибольшей результативности и эффективности по защите их прав. С другой стороны, можно было бы дать работнику возможность выбора: участвовать в качестве конкурсного кредитора в процедурах банкротства лично, или же воспользоваться возможностью действовать через своего представителя.

Само определение понятия «представитель работников должника» содержится в ст. 1 Закона № 227¹: «это лицо, уполномоченное работниками должника (в том числе уволенными лицами, перед которыми не погашена задолженность по выплате заработной платы и производству иных выплат в соответствии с законодательством о труде) представлять их права и (или) законные интересы в производстве по делу о несостоятельности или банкротстве». При этом, в Законе № 227 законодатель из данного определения исключил физических лиц, работающих (работавших) у должника по гражданско-правовым договорам, в отношении которых также могла возникнуть задолженность по оплате их работ и которые по действующему законодательству могут предъявить требования по расчётам по своим обязательствам в общем порядке.

К важным нововведениям Закона № 227, значительно расширяющим возможности представителя работников можно отнести п. 2 ст. 67 Закона № 227, согласно которому представитель работников должника включается в состав комитета кредиторов в обязательном порядке, что дает возможность работникам и бывшим работникам, через своего представителя, принимать наиболее активное участие при проведении процедур банкротства. Кроме того, в Законе № 227 была включена отдельная ст. 59 «Защита интересов работников должника», в нормах которой закреплены полномочия антикризисного управляющего как руководителя организации и представлены все права, в соответствии с законодательством о труде, кроме возможности увеличивать численность (штат) работников без согласия собрания (комитета) кредиторов.

Согласно п. 4 ст. 7 Закона № 227² важным правом, которым наделен представитель работников должника, является «право на подачу в суд заявления кредитора о банкротстве в связи с неисполнением обязательств по выплате заработной платы и производству иных выплат в соответствии с законодатель-

ством о труде». При этом хотелось бы отметить важную новеллу, которая закреплена в п. 2.1. ст. 10 Закона № 227, которая выделяет особое основание для подачи заявления кредитором-представителем работника: «наличие задолженности по выплате заработной платы и производству иных выплат в соответствии с законодательством о труде в размере 1500 и более базовых величин (далее – БВ)»³, что свидетельствует о явно прослеживаемой тенденции по расширению прав и гарантий работников в случае возникновения признаков неплатёжеспособности нанимателя, и говорит о том, что законодатель не оставляет данную проблему без внимания. Однако, данное основание может быть применено для подачи заявления кредитором только «при наличии факта применения к должнику принудительного исполнения, не произведенного в течение шести месяцев, а для сельскохозяйственных организаций – в течение 12 месяцев (п. 2. ст. 10 Закона № 227)», что является общим для любых видов непогашенной кредиторской задолженности. Кроме того, по обязательным платежам в бюджет для подачи заявления кредитора о банкротстве достаточно наличие задолженности в размере 100 и более БВ (для градообразующей или организацией с долей государства – в размере 3000 и более БВ), а по денежным обязательствам – в размере 500 и более БВ (для градообразующей или организацией с долей государства – в размере 30 000 и более БВ). Еще одним значительным этапом в расширении прав работников-кредиторов могло бы явиться введение особых сроков для подачи заявления о банкротстве субъекта экономической деятельности от имени работников, перед которыми имеется задолженность по выплате заработной платы – более чем трех месяцев задолженности по выплате им вознаграждений за труд (по примеру законодательства о банкротстве Российской Федерации). Имплементация данной нормы в отечественное законодательство позволило бы значительно ускорить процесс реализации прав работников на своевременную оплату труда и стимулировало бы нанимателя к более оперативному исполнению своей обязанности по выплате работникам заработной платы и иных гарантированных законом выплат.

В настоящее время также существует законодательный пробел в части порядка избрания представителя работников должника. На практике для его выбора созывается (по инициативе трудового коллектива или антикризисного управляющего) собрание работников, перед которыми имеется задолженность. В нормах Закона № 227, в частности, в п. 1.4. ст. 24 в перечне документов, которые прилагаются к заявлению о банкротстве лишь указан «протокол собрания работников должника (в том числе лиц, ранее уволенных, перед которыми имеется задолженность по выплате заработной платы и производству иных выплат в соответствии с законодательством о труде), на котором избран представитель работников должника для участия в деле о банкротстве, если это собрание проведено до подачи заявления должника о

¹ Закон Республики Беларусь от 13 декабря 2022 г. № 227-З «Об урегулировании неплатежеспособности» // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь: информ.-поисковая система (дата обращения: 18.05.2025).

² Там же.

³ Там же.

Рис. 2. Основные способы защиты прав работников при банкротстве организации

банкротстве, или его копия, заверенная в порядке, установленном законодательством в сфере архивного дела и делопроизводства»¹. Следовательно, подразумевается, что такое собрание должно быть проведено, но сам механизм его созыва, порядок рассмотрения вопросов о кандидатуре будущего представителя работников, его правового статуса, полномочий, порядка определения победителя такого голосования и другие процедурные аспекты избрания представителя не находят отражения в действующем законе.

Наиболее вероятным вариантом решения данной проблемы представляется принятие (по опыту законодательства о банкротстве Российской Федерации) решения по данному вопросу простым большинством работников и бывших работников, участвующих в собрании. В качестве обязательной составляющей данного механизма было бы целесообразно предусмотреть предварительное обращение с заявлением к антикризисному управляющему о своем намерении избрать представителя работников должника.

Кроме того, законодатель не решил вопрос о возможности и порядке участия работников в процедурах банкротства организации в том случае, если представитель работников должника не был избран на общем собрании. В рассматриваемой ситуации возникает еще один пробел в законодательстве о банкротстве, который может лишить работников права на оплату их труда, так как суд общей юрисдикции, удовлетворивший иск работника о взыскании задолженности по заработной плате с нанимателя, не может понудить антикризисного управляющего включить эти требования работников в реестр требований кредиторов нанимателя-должника. По смыслу ст. 144 Закона № 227², погашенными признаются требования

не предъявленные в установленном порядке, требования, а также требования, не признанные управляющим и (или) судом по результатам рассмотрения спора. Как было рассмотрено нами выше, отсутствие представителя у работников-кредиторов, лишает их права на обращение в суд, и в случае непризнания антикризисным управляющим их требований, они будут считаться погашенными, следовательно, конституционная гарантия об охране труда и право на вознаграждение за труд не могут быть реализованы.

Еще одной темой для дискуссий в текущий период времени не получившей законодательной регламентации является вопрос о праве профсоюзов представлять интересы работников в «банкротных» правоотношениях. Общеизвестно, что приоритетом в деятельности профсоюзных организаций любого уровня является представительство и защита трудовых и социальных прав и интересов граждан, позволить им обратиться в суд с заявлением о признании нанимателя несостоятельным (банкротом) было бы еще одним шагом усилению уровня правовой защищенности работников. При этом сама профсоюзная организация, как и любой другой правозащитник, должна отвечать таким критериям, как наличие определенного законодателем правового статуса, объема правосубъектности. Однако многие исследователи в данной области в качестве контраргумента выдвигают тезис о возможности подмены профсоюзом волеизъявление трудового коллектива своими интересами. Для предотвращения возможного злоупотребления своими правами видится правильным предоставление профсоюзной организации права обращаться в экономический суд с заявлением о признании нанимателя банкротом только в случае образования задолженности в связи с неплатежом членских профсоюзных взносов из заработной платы работников.

Наиболее распространенные в мировой практике способы защиты прав работников-кредиторов при банкротстве субъектов экономической деятельности представлены на рисунке 2.

¹ Закон Республики Беларусь от 13 декабря 2022 г. № 227-З «Об урегулировании неплатежеспособности» // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь: информ.-поисковая система (дата обращения: 18.05.2025).

² Там же.

Рис. 3. Преимущества использования счета-эскроу

Принятие Указа Президента Республики Беларусь от 9 января 2023 г. № 3 «О мерах по обеспечению своевременной выплаты заработной платы» (далее – Указ № 3)¹, имеющее целью предотвращение нарушений в части несвоевременной выплаты зарплаты, расширило полномочия Департамента государственной инспекции труда Министерства труда и социальной защиты (далее – Департамента) в части предоставления права на вынесение решения о взыскании зарплаты без обращения в суд. Данное представление имеет силу исполнительного документа и может быть предъявлено к принудительному исполнению в течение трех месяцев со дня его вынесения как Департаментом, так и самим работником. Кроме того, была усилена правовая защита работников от невыплаты (неполной выплаты) им заработной платы через утверждение постановления Совета Министров Республики Беларусь от 23 марта 2023 г. № 203 «Об устранении нарушений законодательства о труде»², согласно которому физическое лицо может подать заявление в Департамент в течение трех лет со дня, когда данное лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права на получение заработной платы.

Однако, несмотря на все вышеперечисленные нововведения, в ряде предприятий может сложиться ситуация, когда данные меры будут являться недостаточно эффективными, так как у нанимателя могут попросту отсутствовать средства для удовлетворения требований работников в связи с его неплатежеспособностью. Поэтому в качестве обеспечительной меры и первого этапа по защите права на оплату

труда в части реализации вышеперечисленных норм предлагается вводить блокировку денежных средств на расчетном счете нанимателя в размере трехмесячного фонда оплаты труда работников организации, то есть установить не снижаемый остаток фонда заработной платы. Такой размер «замораживаемых» на счету денежных средств объясняется тем, что согласно ст. 48 ТК³ в случаях прекращения трудового договора по основаниям, указанным в п. 1 ст. 42 ТК (ликвидация организации, сокращения численности или штата работников), работнику выплачивается выходное пособие в размере не менее трех среднемесячных заработков. Такая мера также позволит гарантировать работникам выплату им заработной платы в случае возникновения кризисной ситуации.

В части стимулирования нанимателей к своевременной выплате заработной платы, даже в случае финансовых проблем в организации, можно рассмотреть имплементацию следующего заимствования из норм трудового законодательства Российской Федерации: так, по нашему мнению, выплата денежной компенсации в размере не ниже 1/150 ставки рефинансирования за каждый день просрочки начиная с первого дня позволит финансово стимулировать нанимателей не допускать несвоевременную выплату зарплаты.

Кроме того, при недостаточности всех вышерассмотренных мер, предлагается установить механизм защиты прав работников через перечисление денежных средств, необходимых для устранения задолженности по оплате труда при банкротстве нанимателя на счета эскроу (ч. 1 ст. 774-1 Гражданского Кодекса Республики Беларусь⁴), что предоставит возможность

¹ Указ Президента Республики Беларусь от 9 января 2023 г. № 3 «О мерах по обеспечению своевременной выплаты заработной платы» // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь: информ.-поисковая система (дата обращения: 18.05.2025).

² Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 23 марта 2023 г. № 203 «Об устранении нарушений законодательства о труде» // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь: информ.-поисковая система (дата обращения: 18.05.2025).

³ Трудовой кодекс Республики Беларусь от 26 июля 1999 г., № 296-З (принят Палатой представителей 8 июня 1999 г.: одобрен Советом Республики 30 июня 1999 г.: с изм. и доп. от 8 июля 2024 г.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь: информ.-поисковая система (дата обращения: 20.05.2025).

⁴ Гражданский кодекс Республики Беларусь (принят Палатой представителей 28 октября 1998 г.: одобрен Советом

немедленного удовлетворения интересов работников-кредиторов [2, с. 46]. В случае наступления банкротства нанимателя сумма задолженности по заработной плате может быть истребована работниками в конкурсном производстве с данного счета.

Преимущества использования счета эскроу представлены на рисунке 3.

Из рисунка 3 видно, что при реализации механизма счета эскроу будут не только надежно защищены интересы бенефициара, но и у банка появятся дополнительные права по контролю за исполнением сделки. Еще одним немаловажным преимуществом будет являться то, что арест и обращение взыскания на денежные средства, находящиеся на данном счете будут невозможны.

Методика реализации подразумевает внесение нанимателем на счета эскроу денежных средств для обеспечения исполнения обязательств по выплате работникам причитающихся им сумм в случае банкротства или ликвидации организации-нанимателя. При этом размер этих денежных средств рассчитывается исходя из штатного расписания нанимателя: количество штатных единиц умноженный на минимальный размер оплаты труда, действующий на дату расчета; или может быть определен в твердой сумме как 0,15 фонда оплаты труда организации. Может быть также предусмотрена возможность поэтапного внесения средств с разбивкой по кварталам.

В заключении, можно сделать вывод, что работники являются одним из субъектов правоотношений в процедурах банкротства, имеющим особый правовой статус, при этом права этого субъекта носят несколько ограниченный характер, о чем свидетельствует то, что работники имеют право принимать участие в собрании кредиторов только через своего представителя. С принятием Закона № 227 полномочия представителя претерпели ряд изменений: появилось особое основание для подачи заявления кредитором-представителем работника – наличие задолженности перед работниками на сумму свыше 1500 БВ; обязательное включение представителя работников должника в состав комитета кредиторов; оформления в качестве отдельной нормы ст. 59 «Защита интересов работников должника» и др. Однако ряд моментов, особенно касающихся процедуры избрания такого представителя до сих пор не получили легального закрепления.

В настоящее время в Республике Беларусь в качестве основной меры по защите права работников на своевременную и полную выплату заработной платы является приоритизация требований работников по оплате труда перед иными кредиторами. Однако эта мера не всегда может быть достаточно эффективной, поэтому в качестве обеспечительной меры по защите права на оплату труда предлагается вводить блокировку денежных средств на расчетном счете нанимателя в размере трехмесячного фонда оплаты труда

работников организации в качестве неснижаемого остатка, что позволит гарантировать работникам выплату зарплаты в случае возникновения кризисной ситуации. Кроме того, законодательное оформление имплементации счетов эскроу как элемента системы защиты трудовых прав работников в случае невыплаты им заработной платы, позволит не только стабилизировать финансовое положение наемного персонала, но и сохранит их заинтересованность в поддержании платежеспособности организации.

Библиографический список

1. Пушко Н. В. Проблемы реализации трудовых прав работников в условиях экономической неустойчивости (банкротства) // Актуальные вопросы права, образования и психологии.: сборник научных трудов; редкол.: В. В. Борисенко (пред. редкол.) [и др.]. Могилев: Могилевский институт МВД, 2019. Вып. 7. С. 52–57.

2. Пушко Н. В. Имплементация счетов эскроу как одного из инновационных элементов защиты трудовых прав работников при неплатежеспособности нанимателя // Актуальные вопросы права, образования и психологии.: сборник научных трудов. Могилев: Могилевский институт МВД, 2024. Вып. 12. С. 43–48.

References

1. Pushko N. V. Problems of realization of labor rights of workers in conditions of economic insolvency (bankruptcy) // Actual issues of law, education and psychology.: collection of scientific papers; ed. by V. V. Borisenko (pre-editor) [and oth.]. Mogilev: Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs, 2019. Issue. 7. Pp. 52–57.

2. Pushko N. V. Implementation of escrow accounts as one of the innovative elements of protection of labor rights of employees in case of employer's insolvency // Current issues of law, education and psychology: a collection of scientific papers. Mogilev: Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs, 2024. Issue. 12. Pp. 43–48.

Информация об авторе

Пушко Наталья Вячеславовна – кандидат экономических наук, доцент

Information about the author

Pushko Natalia V. – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 17.06.2025; одобрена после рецензирования 31.07.2025; принята к публикации 17.12.2025

The article was submitted 17.06.2025; approved after reviewing 31.07.2025; accepted for publication 17.12.2025

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.34

Реализация принципа справедливости в контексте противодействия преступлениям экстремистской направленности (на примере ст. 282 УК РФ)

Акаева Ксения Альбертовна¹, Шапошникова Наталья Сергеевна²

^{1,2} Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия

¹ kseniya.akaeva@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-0766-1741>

² nssabanina@gmail.com

Аннотация. В условиях нарастающей геополитической напряженности и сложившейся военно-политической обстановки экстремистские угрозы, существующие в современном мире, повлияли на ухудшение показателей преступлений экстремистской направленности. Авторами статьи рассматриваются вопросы обоснованности законодательных изменений уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ). Аргументируется мнение о том, что существующая законодательная конструкция ст. 282 УК РФ создает предпосылки к нарушению принципов законности и справедливости уголовного права. Опираясь на статистические данные, авторы предлагают способы совершенствования механизма противодействия преступлениям экстремистской направленности (на примере ст. 282 УК РФ) средствами уголовно-правовой репрессии.

Ключевые слова: принцип справедливости, либерализация, преюдициальные составы, общественная опасность, асистемность, экстремизм, показатели преступлений, противодействие

Для цитирования: Акаева К. А., Шапошникова Н. С. Реализация принципа справедливости в контексте противодействия преступлениям экстремистской направленности (на примере ст. 282 УК РФ) // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 4. С. 114–119.

Original article

Implementation of the principle of justice in the context of countering extremist crimes (on the example of Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation)

Akaeva Kseniya A.¹, Shaposhnikova Natalia S.²

^{1,2} Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia

¹ kseniya.akaeva@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-0766-1741>

² nssabanina@gmail.com

Abstract. In the context of increasing geopolitical tensions and the current military-political situation, modern extremist threats have significantly affected the deterioration of extremist crimes. The authors of the article consider the issues of the validity of legislative changes to the criminal law norm providing for responsibility for inciting hatred or enmity, as well as humiliation of human dignity (art. 282 of the Criminal Code of the Russian Federation). The opinion is argued that the existing legislative structure of art. 282 of the Criminal Code of the Russian Federation creates prerequisites for violating the principles of legality and justice of criminal law. Based on statistical data, the

authors propose ways to improve the mechanism for countering extremist crimes (using the example of Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation) by means of criminal repression.

Keywords: principle of justice, liberalization, prejudicial elements, social danger, asystemic nature, extremism, crime dynamics, counteraction

For citation: Akaeva K. A., Shaposhnikova N. S. Implementation of the principle of justice in the context of countering extremist crimes (on the example of Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Internal Affairs of Russia. 2025. № 4. Pp. 114–119.

Справедливость, будучи зафиксированной
посредством правовых норм,
выступает как признанный и
защищаемый масштаб
соизмерения действий людей.
Благодаря праву, то,
что было только моральным,
приобретает силу закона

А. И. Экимов

В современных условиях особую значимость приобретают вопросы противодействия преступлениям экстремистской направленности. Несмотря на положительную тенденцию развития процессов глобализации, экстремистские проявления продолжают нести в себе потенциальную угрозу суверенитету, территориальной целостности, основам конституционного строя, а также межнациональному (межэтническому) и межконфессиональному единству населения Российской Федерации. В этой связи преступления экстремистской направленности дестабилизируют общественно-политическую и социально-экономическую обстановку, что оказывает негативное влияние на национальную безопасность Российской Федерации.

О важности и актуальности проблемы противодействия преступлениям экстремистской направленности

свидетельствует непосредственный контроль со стороны Главы российского государства. Так, на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации в 2025 году Президент Российской Федерации В. В. Путин акцентировал внимание на том, что «важной задачей органов внутренних дел остается борьба с экстремизмом. Национальная и религиозная нетерпимость, агрессивный, воинствующий радикализм – это угроза единству и сплоченности многонационального народа России, нашему суверенитету и даже территориальной целостности страны»¹.

Для объективной оценки эффективности системы противодействия преступлениям экстремистской направленности необходимо оперировать полными и актуальными статистическими данными.

Общая характеристика преступлений экстремистской направленности по данным МВД России с 2020 года по 2024 год²

Преступления	Годы				
	2020	2021	2022	2023	2024
Преступления экстремистской направленности	833	1057	1566	1340	1719
Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ)	367	486	531	394	467
Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ)	63	86	108	88	120
Организация экстремистского сообщества (ст. 282.1 УК РФ)	21	36	35	13	51
Организация деятельности экстремистской организации (ст. 282.2 УК РФ)	218	278	344	356	311
Финансирование экстремистской деятельности (ст. 282.3 УК РФ)	21	23	36	57	85

¹ Расширенное заседание коллегии МВД. Владимир Путин выступил на ежегодном расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations%20/76408> (дата обращения: 03.06.2025).

² В таблице представлены преступления экстремистской направленности с наибольшим количеством совершенных деяний.

Рассматривая динамику зарегистрированных преступлений экстремистской направленности с 2020 года по 2024 год, можно отметить, что в 2020–2022 годах наблюдалось стабильное увеличение их количества (с 883 до 1599 соответственно), а в 2023 году напротив зафиксировано снижение роста таких преступлений на 14,4 % (1340). В 2024 году тенденция вновь изменилась – зарегистрировано 1719 преступлений экстремистской направленности, что на 28,3 % выше аналогичного показателя в 2023 году [1, с. 40].

Стоит отметить, что за исследуемый период на территории Российской Федерации число выявленных преступлений экстремистской направленности увеличилось в 2 раза: с 833 в 2020 году до 1719 в 2024 году (+106,4 %). При этом максимальный годовой прирост преступлений экстремистской направленности наблюдался в 2022 году (+48,2 %) [2, с. 43]. Очевидно, что сложившаяся ситуация во многом обусловлена появлением новых угроз и вызовов на фоне проведения специальной военной операции. Особую озабоченность вызывает то, что различные организации деструктивного характера, а также отдельные граждане продолжают активно вовлекать российскую молодежь в свою криминальную деятельность посредством сепаратизма, национализма, неонацизма и ксенофобии¹.

За последние пять лет показатель удельного веса преступлений экстремистской направленности в общей структуре преступности увеличился с 0,04 % в 2020 году (из расчета, что на территории Российской Федерации по итогам 2020 года зарегистрировано 2 044 221 преступлений) до 0,09 % в 2024 году (из расчета, что на территории Российской Федерации по итогам 2024 года зарегистрировано 1 911 258 преступлений). Следовательно, общее снижение количества зарегистрированных преступлений не повлияло на улучшение состояния преступлений экстремистской направленности.

В настоящее время перечень преступлений экстремистской направленности определен в Указании Генпрокуратуры России № 503/11, МВД России № 1 от 28 июля 2025 г. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности»². В частности, Перечень № 20 относит к данной разновидности следующие составы преступлений:

– преступления, предусмотренные главой 29 УК РФ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» (ст. 280, 280.1,

280.2, п. «д» ч 2 ст. 280.4, ст. 282, 282.1, 282.2, 282.3, 282.4 УК РФ);

– преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (например, п. «л» ч 2 ст. 105, п. «е» ч 2 ст. 111, п. «г» ч 4 ст. 150, п. «б» ч 1 ст. 213 УК РФ);

– преступления, предусмотренные главой 34 УК РФ «Преступления против мира и безопасности человечества» (ст. 357 УК РФ).

Из указанного следует, что преступления экстремистской направленности «разбросаны» по разным разделам и главам Особенной части УК РФ, что отражает их связь с различными сферами общественной жизни.

Однако ежегодные статистические сведения свидетельствуют, что в структуре рассматриваемых преступлений доминируют деяния, предусмотренные главой 29 УК РФ. Так, с 2020 по 2024 гг. в общем массиве преступлений экстремистской направленности «лидирующие позиции» занимают деяния, предусмотренные ст. 280 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности» – 2245 преступлений, ст. 282.2 УК РФ «Организация деятельности экстремистской организации» – 1507, ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» – 465.

Соответственно, за 2020–2024 гг. число зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 282 УК РФ, в 4 раза меньше, чем публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ) и в 3 раза меньше, чем организация деятельности экстремистской организации (ст. 282.2 УК РФ). Безусловно, представленные цифры нельзя назвать показательными на фоне увеличения общего количества преступлений экстремистской направленности. Однако такое положение отчасти может быть обусловлено отсутствием единого толкования особенностей административной преюдиции в составе преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ. В то же время высокий уровень латентности, использование виновными лицами современных информационных технологий, а также неоднозначность признаков указанного преюдициального состава вызывают сложности в правоприменении.

Следует отметить, что за более чем четверть века своего существования ст. 282 УК РФ неоднократно подвергалась изменениям. Привлечение внимания общественности к усилению ответственности за возбуждение ненависти или вражды, а также увеличение количества лиц, привлекаемых к уголовной ответственности по ст. 282 УК РФ, привело к появлению публикаций, ставящих под сомнение обоснованность существования данной нормы в уголовном законодательстве³. В январе 2018 года в Государственную Думу Российской Федерации был внесен законопроект об

³ Васин В. Беспощадная 282-я. Адвокатская газета: орган Федеральной палаты адвокатов РФ. URL: <https://www.advgazeta.ru> (дата обращения: 03.07.2025).

¹ Заседание коллегии ФСБ России. Владимир Путин принял участие в расширенном заседании Федеральной службы безопасности. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70597> (дата обращения: 03.06.2025).

² Указание Генпрокуратуры России № 503/11, МВД России № 1 от 28 июля 2025 г. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.08.2025).

исключении ст. 282 из УК РФ, не получивший, однако, законодательного одобрения¹. Подобного рода резонансные проявления повлияли на изменение редакции ст. 282 УК РФ² – уголовное преследование стало возможным лишь для лиц после их привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение года. Параллельно была введена ст. 20.3.1 Кодекса об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), предусматривающая ответственность за те же деяния, если они не обладают признаками преступления. Принятию этой нормы предшествовала «Прямая линия с Владимиром Путиным», где отмечалось, что изменение статьи в таком направлении позволит «разграничить реальное разжигание ненависти и те поступки в социальных сетях, которые не представляют опасности для общества»³.

Процесс либерализации, преследующий уголовное законодательство современной России, не должен, на наш взгляд, касаться преступлений экстремистской направленности в силу их высокой степени опасности как для общества, так и для государства в целом.

На сегодняшний день законодателем вновь внесены изменения в ч 1 ст. 282 УК РФ, направленные на повышение уровня уголовно-правовой охраны основ конституционного строя. Так, Федеральным законом от 25 июня 2025 г. № 173-ФЗ «О внесении изменений в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации» законодатель предпринимает попытку изменения составообразующих признаков посредством правил юридической техники: в качестве субъекта теперь может выступать лицо, имеющее судимость за совершение преступления, предусмотренного ст. 282 или ст. 280 и 282.4 УК РФ⁴.

Законодательная новелла в научном обществе и среди правоприменителей получила неоднозначную оценку. По мнению адвоката и руководителя пресс-службы Адвокатской палаты Новосибирской области Вячеслава Денисова, эти изменения связаны с тем, что «в условиях, когда страна участвует в специальной военной операции, а контроль за исполнением миграционного законодательства утрачен, возбуждение ненависти и вражды, унижение человека по

признакам веры, пола или внешнего вида часто становятся предтечей куда более опасных для социума событий»⁵.

Необходимость внесения таких изменений была вызвана размещением в социальных сетях и мессенджерах сети Интернет большого количества публикаций и комментариев, оправдывающих, обосновывающих, одобряющих или пропагандирующих применение насилия либо угрозу его применения в отношении человека либо группы лиц по мотивам национальной, расовой, религиозной принадлежности, а также принадлежности к социальной группе⁶.

В целом статистические данные свидетельствуют, что в возбуждении ненависти либо вражды и унижении человеческого достоинства широко используется именно интернет. Так, по данным МВД России в 2023 году зарегистрировано 88 преступлений, предусмотренных ст. 282 УК РФ, из них 80,7 % совершены с использованием Сети. В 2024 году общее количество преступлений, квалифицируемых по ст. 282 УК РФ, увеличилось на 36,7 % (всего 120), но по сравнению с предыдущим годом процент использования преступниками сети Интернет незначительно снизился и составил 78,3 %. Впрочем, такие показатели связаны с массовой компьютеризацией и цифровизацией всех сфер жизнедеятельности общества, которые предоставили широкие возможности для развития криминальной интернет-среды. Вследствие этого, дистанционная противоправная деятельность обеспечивает высокую степень анонимности виновных лиц, что затрудняет установление их причастности к совершению преступлений, предусмотренных ст. 282 УК РФ.

Административная преюдиция позволила отграничить действия, не представляющие общественной опасности для основ конституционного строя, от тех деяний, которые совершены «ярыми» экстремистами и ставят под угрозу национальную безопасность государства. При этом, мы полагаем, что деяния, описанные в объективной стороне ст. 282 УК РФ, совершенные посредством сети Интернет, менее опасны, чем те, которые совершены без использования IT-технологий.

Частичная декриминализация рассматриваемого состава преступления привела к тому, что дела в отношении лиц, обвиняемых и осужденных по ст. 282 УК РФ, были прекращены, а приговоры – отменены. С одной стороны, такой шаг позволил справедливо оценить степень общественной опасности лиц, совершивших деяния, подпадающие под признаки объективной стороны рассматриваемого состава преступления, с другой – как верно подмечает А. В.

¹ Законопроект 360083-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части признания утратившей силу статьи 282 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 03.08.2025).

² Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 519-ФЗ «О внесении изменений в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.08.2025).

³ Владимир Путин согласился с критикой правоприменения статьи УК о возбуждении ненависти. Адвокатская газета: орган Федеральной палаты адвокатов РФ. URL: <https://www.advgazeta.ru> (дата обращения: 05.06.2025).

⁴ Федеральный закон от 24 июня 2025 г. № 173 «О внесении изменений в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.08.2025).

⁵ Принят закон, упрощающий привлечение к уголовной ответственности за возбуждение ненависти либо вражды. Адвокатская газета: орган Федеральной палаты адвокатов РФ. URL: <https://www.advgazeta.ru> (дата обращения: 05.07.2026).

⁶ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/835233-8#bh_note (дата обращения: 05.08.2025).

Жеребченко, «с введением законодательных новелл акцент сместился в сторону кардинальной либерализации, а в привилегированное положение были поставлены не только случайные преступники, но и те лица, которые целенаправленно воздействовали на психику широкого круга людей» [3, с. 86].

Отметим, что до июньских поправок законодательное определение признака субъекта преступления, предусмотренного основным составом ст. 282 УК РФ, сводилось к лицу после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года. Ныне действующая конструкция определяет в качестве специального субъекта лицо, подвергнутое административному наказанию за аналогичное деяние. Также законодатель установил ответственность для лиц, имеющих судимость за совершение преступления, «предусмотренного настоящей статьей или статьями 280 и 282.4 настоящего Кодекса».

Объясняя такой «шаг» законодателя, можем предположить, что сделан он в целях реализации попытки приведения юридической техники и конструирования составов с административной преюдицией к единому знаменателю, не беря в расчет качественно разный субъектный состав анализируемой нормы, допустив, тем самым, уравнивание степени общественной опасности лица, подвергнутого административному наказанию, с лицом, имеющим судимость.

Подобного рода упущение было оценено в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 8 апреля 2021 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности статьи 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л. Ф. Саковой», в котором подчеркивалось, в частности, что «состояние административной наказанности и состояние судимости имеют смежную природу и свидетельствуют о большей общественной опасности»¹. При этом уравнивать эти категории представляется ошибочным, так как меры административного реагирования уже оказались недостаточно эффективными, о чем объективно свидетельствует повторное совершение административного правонарушения, предусмотренного ст. 20.3.1 КоАП РФ. Совершение преступления свидетельствует о склонности лица к деяниям, обладающим повышенной степенью общественной опасности, а значит, должно иметь более строгую юридическую оценку. Наличие у лица судимости, как отмечается в приведенном Постановлении, служит основанием для оценки совершенных лицом новых преступлений как обладающих повышенной общественной опасностью и потому предполагающих применение более строгих мер уголовной ответственности.

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 апреля 2011 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности статьи 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л. Ф. Саковой». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.05.2025).

Именно такой критерий, как степень общественной опасности лежит в основе ограничения административного правонарушения от преступления. Однако в контексте рассматриваемого состава преступления законодатель отступает от данного постулата и допускает подобного рода погрешности, стремясь соблюсти правила юридической техники при конструировании составов с административной преюдицией, что, на наш взгляд, идет вразрез с принципом справедливости, предполагающим соразмерность наказания совершенному деянию. В санкцию указанной нормы изменения внесены не были: редакция ст. 282 УК РФ, установленная Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 519-ФЗ «О внесении изменений в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации», осталась прежней, несмотря на то, что такой признак субъекта как «лицо, имеющее судимость...» ранее отсутствовал, что вызывает вопросы относительно границы степени общественной опасности таких действий. Представляется необходимым установление справедливых пределов санкции, что позволит назначить лицу наказание, соответствующее степени общественной опасности деяния.

На наш взгляд, конструкция основного состава преступления, предусматривающего ответственность за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, уравнивающая признаки субъектов, обладающих разной степенью общественной опасности, усиливает предпосылки к нарушению принципов законности и справедливости. В связи с этим, опираясь на статистические данные, следуя правилам юридической техники, предлагаем дифференцировать ответственность виновных лиц в разных частях состава преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, «переместив» признак «лицо, имеющее судимость за совершение преступления, предусмотренного ст. 282 или ст. 280 и 282.4 УК РФ» в квалифицированный состав ч 2 ст. 282 УК РФ (тем более, что уголовный закон имеет ряд таких примеров – ст. 264.1 или 116.1 УК РФ). Предлагаемое нами конструктивное видение признаков исследуемого состава преступления максимально соответствует принципу справедливости, составными элементами которого «выступают принципы законности, гуманизма, демократизма, личной и виновной ответственности, дифференциации ответственности и ее индивидуализации» [4, с. 29]. Справедливость, воплощенная в праве, отражает, таким образом, специфическую правовую качественную определенность соответствующих процессов и явлений [5, с. 70].

Уходя от проблем, непосредственно связанных с конструкцией анализируемого состава преступления, обобщим проблемы, возникающие при определении ключевых признаков, необходимых для привлечения лица к уголовной ответственности. В частности, обращает на себя внимание наличие оценочных понятий и категорий (таких как ненависть, вражда, социальная группа), которые сбивают с толку правоприменителя и приводят к неоднозначности толкования законодательных конструкций. Асистемность также просле-

живается в отсутствии единого подхода к пониманию термина «экстремизм» и смежных понятий, что в свою очередь, негативно отражается на работе правоприменителей, затрудняя дифференциацию уголовной ответственности и ставя под сомнение принципы правового государства.

Изложенные проблемы, на наш взгляд, снижают эффективность механизма противодействия экстремизму, проявления которого представляют серьезную угрозу основам конституционного строя и национальной безопасности государства.

Предлагаемые нами решения позволяют максимально унифицировать преюдициальные составы и свести к минимуму возможность произвольного толкования норм уголовного закона правоприменителем.

Библиографический список

1. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2024 года и ожидаемые тенденции ее развития. М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2025. 85 с.
2. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2022 года и ожидаемые тенденции ее развития. М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2023. 87 с.
3. Жеребченко А. В. Перспективы либерализации уголовной ответственности за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ) // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 3. С. 84–87.
4. Сабанин С. Н. Справедливость освобождения от уголовного наказания. Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия совместно с Екатеринбургской высшей школой МВД РФ, 1993. 170 с.
5. Экимов А. И. Справедливость и социалистическое право. Ленинград: Издательство ЛГУ, 1980. 120 с.

References

1. A comprehensive analysis of the state of crime in the Russian Federation by the end of 2024 and the expected trends in its development. M.: FGKU VNII of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2025. 85 p.
2. A comprehensive analysis of the state of crime in the Russian Federation by the end of 2022 and the expected trends in its development. M.: FGKU VNII of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. 87 p.
3. Zherebchenko A. V. Prospects for liberalizing criminal liability for inciting hatred or enmity, as well as humiliation of human dignity (Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 3. Pp. 84–87.
4. Sabanin S. N. The justice of release from criminal punishment. Yekaterinburg: Ural State Law Academy in cooperation with the Yekaterinburg Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 1993. 170 p.
5. Ekimov A. I. Justice and socialist law. Leningrad: LSU Publishing House, 1980. 120 p.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации, включая идею, сбор материала, написание статьи и научное редактирование текста. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors

All authors made an equivalent contribution to the preparation of the publication, including the idea, collection of material, writing the article, and scientific editing of the text. The authors declare that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 07.08.2025; одобрена после рецензирования 01.09.2025; принята к публикации 17.12.2025

The article was submitted 07.08.2025; approved after reviewing 01.09.2025; accepted for publication 17.12.2025

Понятие функций уголовного права: теоретико-методологический анализ

Акиева Дарья Юрьевна
Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия, aurier@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7681-3409>

Аннотация. Статья посвящена исследованию категории «функция» как ключевого элемента методологического аппарата юридической науки и уголовно-правовой теории. Рассматривается междисциплинарная природа данного понятия, анализируются основные научные подходы к его пониманию. На основе историко-теоретического обзора прослеживается эволюция представлений о функциях уголовного права и выделяются три преобладающих направления их интерпретации: социально-философское, отраслевое и социально-правовое. Показано, что многообразие трактовок категории обусловлено сложным характером уголовно-правового воздействия и его социальной направленностью. Сделан вывод о необходимости дальнейшего уточнения категориального аппарата для повышения точности теоретического анализа функций уголовного права.

Ключевые слова: функции уголовного права, функции права, понятийный аппарат, методология, правовое воздействие, социальное назначение

Для цитирования: Акиева Д. Ю. Понятие функций уголовного права: теоретико-методологический анализ // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 4. С. 120–126.

Original article

The concept of the functions of criminal law: theoretical and methodological analysis

Akueva Darya Y.
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia, aurier@mail.ru

Abstract. The article examines the category of “function” as a fundamental component of the methodological framework of legal science and criminal law theory. The interdisciplinary nature of this concept is analyzed, along with the major scholarly approaches to its interpretation. A historical and theoretical review traces the evolution of the understanding of the functions of criminal law and identifies three dominant perspectives: socio-philosophical, branch-specific, and socio-legal. The paper demonstrates that the diversity of interpretations stems from the complex and socially oriented nature of criminal law influence. It concludes that further refinement of the conceptual apparatus is essential for improving the precision of theoretical analysis in the study of criminal law functions.

Keywords: functions of criminal law, functions of law, conceptual framework, methodology, legal influence, social purpose

For citation: Akueva D. Y. The concept of the functions of criminal law: theoretical and methodological analysis // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Internal Affairs of Russia. 2025. № 4. Pp. 120–126.

Одной из ключевых методологических предпосылок успешного научного исследования неизменно выступает формирование точного и содержательно-го понятия, способного корректно отразить сущность изучаемого явления. Отсутствие ясно определенной категории неизбежно осложняет процесс познания, затрудняет выделение предмета исследования и препятствует формированию целостного представ-

ления об объекте. Разработка понятия в отношении любого феномена, включая юридические явления, имеет принципиальное значение именно в методологическом аспекте. То, каким образом определяется категория, во многом предопределяет подходы к ее изучению: позволяет выявить в явлении главное и второстепенное, установить его близость или отличия от смежных понятий, а также определить на-

правление дальнейшего теоретического анализа [1, с. 345].

Исходя из признанной в науке роли в процессе познания категориального аппарата, правовые понятия могут быть рассмотрены как своего рода «опорные точки» или этапы систематизации правовой действительности. Они выполняют функцию ориентиров, обеспечивающих возможность последовательного и глубокого овладения правовой реальностью [2, с. 85]. Научно выверенная, корректно сформированная категория обладает значительным теоретическим потенциалом, однако ее истинная методологическая ценность раскрывается лишь тогда, когда она начинает взаимодействовать с другими элементами научного аппарата, органично включается в систему взаимосвязанных понятий и отражает определенный фрагмент объективной реальности [3, с. 105].

Следует подчеркнуть, что каждое научное понятие не является раз и навсегда установленной, неподвижной категорией. Диалектический подход позволяет видеть в любом понятии результат длительного и поступательного процесса познания, который развивается исторически. По мере перехода от более элементарных представлений к более сложным наука обобщает данные практики, углубляет содержание уже существующих категорий, корректирует их и формирует новые. Поэтому научные понятия не могут рассматриваться как завершенные или неизменные конструкции, им присущи динамичность, изменчивость и способность к постоянному обновлению, что обеспечивает их постепенное приближение к более точному и полному отражению объективной реальности.

В этой связи задача разработки и совершенствования понятийного аппарата сохраняет свою актуальность на каждом этапе развития научного знания. Постоянные изменения социальной и правовой действительности, происходящие в конкретных исторических условиях, неизбежно порождают необходимость переосмысления, уточнения и обновления соответствующих научных категорий. Именно это обеспечивает непрерывность развития теории и ее соответствие реальным процессам, происходящим в обществе.

Таким образом, постоянное обновление категориального аппарата, обусловленное изменениями социальной и правовой сфер, становится необходимым условием развития научного знания. Это в полной мере относится и к тем понятиям, которые лежат в основе отраслевых юридических исследований. Одной из таких ключевых категорий, требующих особого внимания с точки зрения ее содержания и методологической обоснованности, является понятие «функция».

Исторически термин «функция» восходит к латинскому слову *functio*, которое означало «выполнение» или «совершение действия». Этимологически функция трактуется как явление, находящееся в зависимости от другого явления и изменяющееся вместе с изменением этого явления [4, с. 1150]. В лексическом плане функциям близки такие понятия, как работа,

назначение, обязанность, что подчеркивает их направленный, целевой характер и связь с определенной ролью или задачей в системе [5, с. 537].

Вопрос о функциях права, а тем более об особенностях функционирования уголовного права, требует предварительного уточнения самой категории «функция». Данный термин широко используется не только в юриспруденции, но и в математике, кибернетике, биологии, социологии, теории систем и ряде других наук, где он нередко наполняется различным семантическим содержанием. Именно поэтому всестороннее исследование понятия «функция» в праве требует комплексного, системного и междисциплинарного подхода, позволяющего учесть разнообразие научных контекстов и обеспечить корректное методологическое основание для дальнейшего изучения функций уголовного права.

Понятие «функция» в научной сфере используется чрезвычайно широко и многозначно, поскольку каждая область знания обращается к этой категории для описания действия, назначения или закономерностей развития изучаемых явлений.

В естественно-научных дисциплинах термин «функция» чаще всего отражает объективные зависимости между параметрами системы. Так, понятие функции является одним из основных в математике, где оно определяется как соответствие (отображение) между двумя множествами, при котором каждому элементу одного множества сопоставляется элемент другого [6, с. 712–713; 7, с. 185]. В физике функция используется для описания поведения тел и свойств их взаимодействия, например зависимости энергии от состояния системы [8, с. 53]. В биологии данное понятие раскрывается через назначение органа или элемента организма, обеспечивающего его жизнедеятельность. В кибернетике категория «функция» применяется для характеристики механизмов управления, так, Н. Винер определял ее как операционное свойство системы, направленное на достижение определенной цели посредством механизмов обратной связи [9, с. 17].

В гуманитарных науках понятие «функция» трактуется не только как связь между элементами системы, но прежде всего как социально обусловленная роль или назначение объектов, институтов и процессов. В отличие от естественных наук здесь акцент делается на нормативных, целевых и ценностных аспектах, отражающих их значение для общества, социальных групп и индивидов. Так, в философской традиции функция трактуется как специфическое проявление системных свойств объекта. Под этим понятием понимают особый тип взаимосвязи между двумя объектами (или их группами), при котором изменение одного элемента неизбежно вызывает преобразование другого [10]. Проблематика функций различных социально-экономических процессов многократно становилась предметом анализа философов, экономистов и представителей юридической науки. В социологическом контексте функция интерпретируется как определенная роль, которую социальный институт

либо частный социальный процесс играет в удовлетворении потребностей общественной системы более высокого уровня организации, а также в реализации интересов социальных классов, групп и отдельных индивидов. В качестве примеров обычно приводятся функции государства, семьи, искусства и иных общественных структур [11, с. 751].

Таким образом, термин «функция» отличается значительной многозначностью и применяется к самым различным динамическим системам. Это объясняется как разнообразием отношений, которые он выражает, так и особенностями познавательных задач тех наук, где категория получила наиболее широкое распространение (математика, биология, социология и др.). Множественность научных подходов подчеркивает методологическую сложность данной категории и ее многоплановый характер. В то же время в большинстве случаев функция понимается как направленное и избирательное воздействие системы или структуры на определенные элементы внешней среды [12, с. 42]. Функция рассматривается как неотъемлемое свойство существования любой системы, и ее изучение возможно лишь при использовании системного подхода.

Однако междисциплинарные трактовки не могут механически переноситься в юридическую сферу, поскольку правовые явления обладают определенной спецификой. Поэтому, прежде чем переходить к анализу функций права, в особенности функций уголовного права, необходимо уточнить содержание категории «функция» применительно к правовой науке и определить ее особенности в условиях правового регулирования.

В юридической науке термин «функция» начал активно использоваться в конце XIX–начале XX вв. для характеристики социальной роли государства и права. В теории права данное понятие изучено достаточно глубоко. Дискуссии в основном касаются видов функций, критериев их классификации и функций отдельных элементов правовой системы – отраслей, институтов, норм. При этом ученые в целом едины в понимании сути функции права, различия проявляются лишь в оценке отдельных компонентов и их сочетаний в определении.

Обобщенные современные определения функций права предложены М. И. Байтиным, Т. Н. Радько, Ф. Н. Фаткуллиным и рядом других исследователей. По мнению М. И. Байтина, функции права – это наиболее значимые направления и стороны его воздействия, раскрывающие общечеловеческую и классовую природу права и его социальное назначение [13, с. 12]. Т. Н. Радько рассматривает функцию права как обусловленное социальным назначением основное направление воздействия на общественные отношения, в котором проявляются классовая сущность, служебная роль, цели и задачи права [14, с. 13]. Ф. Н. Фаткуллин интерпретирует функции права как ключевые направления прогрессивного воздействия на социальное развитие, определяемые сущностью, целью и назначением права в обществе [15, с. 205].

Классическое понимание функции права объединяет два основных аспекта:

- а) роль (назначение) права в обществе;
- б) направления воздействия права на общественные отношения [16, с. 5; 17, с. 22–33].

Подобный синтез предложил Т. Н. Радько, объединивший взгляды авторов, склонных акцентировать внимание либо на ролевом, либо на регулирующем аспекте функции права.

Среди исследователей, выделяющих преимущественно ролевой аспект, можно назвать Ю. Г. Ткаченко, рассматривающего функции права как конкретное действие права по организации общественных отношений [18, с. 34]. Похожую позицию занимает В. Д. Филимонов, который определяет функции права как социальную роль, проявляющуюся в упорядочении общественных отношений через определенный метод правового регулирования [19, с. 50]. Другие авторы делают упор на направленность правового воздействия. Так, С. С. Алексеев отмечает, что активная роль права проявляется в его функциях, то есть в направлениях воздействия, обеспечивающих организацию и упорядочение общественных отношений [20, с. 191].

Таким образом, несмотря на отдельные различия в акцентах, современные подходы к пониманию функций права в теории юриспруденции едины в главном: функции права отражают его социальное назначение и конкретные направления воздействия на общественные отношения. Осознание этого позволяет выделять роль права в качестве регулятора и стабилизатора общественных процессов, что создает основу для дальнейшего анализа функций уголовного права и связанных с ним дисциплин.

Понятие «функции уголовного права» является относительно поздним продуктом теоретического развития уголовно-правовой науки. До XIX века и в западноевропейской, и в российской мысли исследователи сосредотачивались преимущественно на назначении наказания, целях уголовного закона и основаниях ответственности, а категории, близкие современному понятию функций, применялись косвенно. Так, Ч. Беккариа подчеркивал общественную защитительную роль уголовного закона, рассматривая наказание как инструмент предотвращения вреда обществу, но не выделял функции как отдельную теоретическую категорию [21, с. 34].

Зарождение понятийного аппарата, который стал предшественником категории «функции уголовного права», относится к немецкой уголовно-правовой школе конца XIX – начала XX вв. Работы К. Биндинга и Э. Белинга впервые обосновали представление о «защитной задаче» уголовного закона и его регулятивном воздействии на поведение индивидов [22, с. 21]. В дальнейшем Г. Радбрух и Э. Меркель связали свойства уголовного закона с его аксиологическими основаниями, фактически подводя науку к выделению такого самостоятельного направления анализа, как исследование роли и назначения отрасли [23, с. 53].

В англо-американской традиции развитие поня-

тия шло иным путем: через осмысление уголовного права как инструмента социального контроля. Исследователи девиантного поведения и реакции на него – Э. Сазерленд, Т. Селлин, Г. Гарланд – рассматривали уголовное право как элемент институциональной системы контроля над девиациями [24, с. 87]. На этой базе закрепилось понимание, что уголовное право выполняет определенные социальные роли, что предвосхитило современное содержание категории функций.

В российской дореволюционной доктрине понятие «функции уголовного права» терминологически отсутствовало, но содержательно уже формировалось. Н. С. Таганцев и И. Я. Фойницкий определяли уголовное право как охранительное, предназначенное для защиты общественного порядка посредством установления запретов и санкций [25, с. 14; 26]. Несмотря на отсутствие термина, сама идея специфического социально-правового назначения отрасли была уже явно выражена.

В советский период использование категории «функции» было ограничено общей идеологической ориентацией науки. Уголовное право рассматривалось как инструмент охраны социалистического строя и средство реализации государственной политики [27]. Но именно акцент на социальную обусловленность уголовного права способствовал накоплению теоретических предпосылок для формирования современного понятия функций.

С середины XX века благодаря развитию общей теории права и, прежде всего, работам С. С. Алексеева, категория «функции» стала одним из ключевых инструментариев описания направлений правового воздействия [20]. Это позволило уголовно-правовой науке приступить к формированию собственного понятийного содержания.

Впервые системное осмысление понятия функций уголовного права в 1990–2000-е гг. появляется в работах А. В. Наумова, А. И. Рарога, Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой и других авторов [28, с. 32; 29, с. 27; 30, с. 22–23]. Их вклад заключался в выделении функций как самостоятельной категории, отличной от задач, целей и методов уголовного права, что обеспечило теоретическую автономность понятия.

Но проблема определения понятия «функции уголовного права» остается одной из наиболее дискуссионных в отечественной юриспруденции. Несмотря на длительную историю научных исследований, начиная с фундаментальной работы В. Г. Смирнова (1965 г.) [31], единое понимание данной категории до сих пор не сформировано. Количество, содержание и терминологические границы функций трактуются по-разному, что подтверждается разнообразием точек зрения, представленных в научной литературе. Однако в настоящее время представляется возможным выделить три основных подхода к пониманию термина «функции уголовного права».

Первый подход – философско-социологический, в соответствии с которым функция интерпретируется как социальная роль уголовного права. Наиболее

распространенной является позиция, в рамках которой функция права определяется через его социальную роль, общественное назначение. В этом контексте подчеркивается связь уголовного права с системой социального контроля и регулирования общественных отношений.

Так, В. Д. Филимонов рассматривает функцию права как «социальную роль, которую оно выполняет в организации (упорядочении) общественных отношений, определяемую направленностью и методом правового регулирования» [32, с. 48–50]. Аналогичную точку зрения высказывают и многие другие авторы. По мнению С. В. Анощенковой функция уголовного права – это его социальное назначение, в котором объективируется вове сущность уголовного права, состоящая в обеспечении правопорядка в интересах всех членов общества путем регулирования уголовно-правовых отношений [33, с. 135]. С данной точкой зрения корреспондирует подход М. И. Ковалева, который в наиболее общем виде характеризует функцию как «роль, которую выполняет само право» [34, с. 23].

Второй подход – этимологический (отраслевой), исходя из которого функция рассматривается как направление уголовно-правового воздействия. Значительная часть авторов при определении отталкиваются от этимологии слова «функция» и исходят из того, что функция уголовного права – это, прежде всего, направление его воздействия на преступность и иные общественные отношения, отражающие специфику предмета и метода правового регулирования соответствующей отрасли права [35, с. 375].

Наиболее четко эта мысль сформулирована А. И. Коробеевым, который понимает под функциями уголовного права «основные направления уголовно-правового воздействия на преступность» [36, с. 24]. По его мнению, именно через функции проявляется активная роль уголовного права и его социальное назначение. О. Н. Коваленко также акцентирует внимание на функциональном назначении права в системе государственного управления, определяя функцию уголовного права как «основное направление воздействия норм уголовного права на общественные отношения, отражающее его сущность и место в механизме государственного регулирования» [37, с. 8]. С. Ю. Тимохин, характеризуя функции уголовного права, исходит из отраслевой специфики, определяя их как «объективные, относительно устойчивые, специфические свойства данной отрасли права как правового регулятора общественных отношений, обусловленные предметом и методом уголовно-правового регулирования, обеспечивающие возможность решения задач отрасли» [38, с. 7].

Третий подход – социально-правовой, где функции рассматриваются как элементы социального контроля и управления. Данную группу образуют авторы, которые связывают функции уголовного права с более широкими системами регулирования поведения и властных отношений.

Так, А. Э. Жалинский предлагает рассматривать функции права как формы «легитимации или орга-

низации властных отношений, преодоления конфликтов, управления поведением и др.» [39, с. 180]. В его подходе функции выходят за рамки отраслевой специфики и представляют собой комплекс социально-управленческих задач. Значительный вклад в развитие доктрины внес Г. А. Злобин, критикующий упрощенное понимание социальной функции уголовного права как инструмента предупреждения преступлений. Он подчеркивал участие норм уголовного права в системе социального контроля и выделял такие функции, как социально-превентивная, ценностно-ориентационная, оценочная, юридико-регулятивная, социально-интегративная, системно-правовая и функция поддержания престижа государственной власти. При этом ученый отмечал ограниченность воздействия уголовного права, указывая на невозможность решения проблемы преступности без глубоких социально-экономических преобразований [40, с. 75–78].

Анализ представленных научных позиций показывает, что понятие «функции уголовного права» трактуется многогранно. Его содержание колеблется от социально-философского понимания роли права в обществе до отраслевого раскрытия функциональных направлений воздействия уголовного законодательства на преступность. Примечательно, что большинство определений опирается на общие подходы к пониманию функций права в теории государства, разделяемые большинством исследователей: функции права рассматриваются как его социальная роль и как основные направления воздействия на общественные отношения.

Проведенное исследование подтверждает, что категория «функция» является одной из ключевых методологических основ юридической науки, а ее корректное содержание определяет качество теоретического анализа и глубину понимания уголовно-правовых явлений. Многозначность термина, обусловленная его междисциплинарным использованием, требует тщательной адаптации существующих подходов к специфике правового регулирования. Историко-теоретический анализ демонстрирует, что понятие «функции уголовного права» формировалось постепенно: от общих представлений о назначении наказания до выделения функций в качестве самостоятельной теоретической категории.

Современная доктрина характеризуется отсутствием единства в определении содержания функций уголовного права, что связано с различиями методологических основ и исследовательских акцентов. Однако выявленные три доминирующих подхода – философско-социологический, этимологический (отраслевой) и социально-правовой – позволяют систематизировать существующие научные позиции. Несмотря на различия, все они сходятся в главном: функции уголовного права отражают его социальное назначение и выражают основные направления воздействия на общественные отношения.

Таким образом, уточнение понятия «функции уголовного права» остается актуальной задачей со-

временной юридической науки. Дальнейшее развитие понятийного аппарата требует сохранения междисциплинарного подхода, опоры на богатый историко-теоретический материал и учета изменения социальной реальности. Все это создает основу для последующего углубленного анализа конкретных функций уголовного права и определения их роли в механизме правового регулирования и системе социального контроля.

Библиографический список

1. Энциклопедия философских наук. М., 1974. 452 с.
2. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 29. М., 1973. 82 с.
3. Иоффе О. С. Логические пределы понятий юридического лица, оперативного управления, хозяйственного обязательства // Правоведение. 1972. № 6.
4. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Оникс, 2008. 736 с.
5. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. Практический справочник. М.: Русский язык, 2001. 566 с.
6. Функция. Математическая энциклопедия (в 5 томах). М.: Советская Энциклопедия, 1985. Т. 5. 1248 с.
7. Макарычев Ю. Н., Миндюк Н. Г., Нешков К. И., Феоктистов И. Е. Алгебра. 7 класс. Углубленный уровень. 3-е изд. М.: Просвещение, 2021. 304 с.
8. Ландау Л. Д., Лифшиц Е. М. Краткий курс теоретической физики. В 2-х томах. М.: Наука, 1969. Т. I. Механика. Электродинамика. 272 с.
9. Винер Н. Кибернетика. М.: Советское радио, 1968. 328 с.
10. Функция. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. 1-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1991. 862 с.
11. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев [и др.]. М.: Сов. энцикл., 1983. 840 с.
12. Свидерский В. И., Зобов Р. А. Новые философские аспекты элементарно-структурных отношений. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1970. 128 с.
13. Байтин М. И. О принципах и функциях права: новые моменты // Правоведение. 2000. № 3. С. 4–16.
14. Радько Т. Н. Методологические вопросы познания функций права. Волгоград, 1974. 151 с.
15. Фаткуллин Ф. Н. Проблемы теории государства и права: Курс лекций. Казань, 1987. 336 с.
16. Радько Т. Н. Функции социалистического общественного права: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1967. 23 с.
17. Радько Т. Н. Понятие и признаки функций права // Вестник Академии права и управления. 2016. № 3 (44). С. 22–30.
18. Ткаченко Ю. Г. Методологические вопросы теории правоотношений. М., 1980. 176 с.
19. Филимонов В. Д. Охранительная функция уголовного права. СПб., 2003. 198 с.
20. Алексеев С. С. Общая теория права. Т. 1. М., 1981. 361 с.
21. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: Стелс. 1995. 304 с.

22. Binding K. Die Normen und ihre Übertretung. Leipzig, 1872.
23. Радбрух Г. Философия права. М., 2004. 240 с.
24. Garland D. The Culture of Control. Oxford University Press, 2002. 28 с.
25. Фойницкий И. Я. Курс уголовного права. СПб., 1890. 494 с.
26. Таганцев Н. С. Курс уголовного права. СПб., 1902. 685 с.
27. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР, 1917–1952 гг. [Текст] / Сост.: проф. А. А. Герцензон; под ред. [и с предисл.] проф. И. Т. Голякова. М.: Госюриздат, 1953. 464 с.
28. Курс уголовного права в пяти томах. Т. 1. Общая часть: Учение о преступлении / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М.: Зерцало, 2002. 624 с.
29. Наумов А. В. Российское уголовное право: курс лекций: в 2 т. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрид. Лит., 2004. Т. 1: общая часть. 495 с.
30. Уголовное право России. Общая часть / Под ред. А. И. Рарога. 3-е изд., с изм. и доп. М.: Эксмо, 2009. 496 с.
31. Смирнов В. Г. Функции советского уголовного права (предмет, задачи и способы уголовно-правового регулирования). Л.: Ленингр. ун-т, 1965. 188 с.
32. Филимонов В. Д. Охранительная функция уголовного права. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. 198 с.
33. Анощенкова С. В. К понятию функций уголовного права // Социально-политические науки. 2018. № 3. С. 131–136.
34. Советское уголовное право: Советский уголовный закон. Курс лекций. Вып. 2 / Ковалев М. И.; Отв. за вып.: Семенов В. М. Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1974. 226 с.
35. Понятие уголовного права. Механизм уголовно-правового регулирования / [Наумов А. В. и др.]; под ред. Н. А. Лопашенко // Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс: в 10 т. М.: Юрлитинформ, 2016. Т. I. 712 с.
36. Полный курс уголовного права: в 5 т. / Под ред. А. И. Коробеева. Т. I Преступление и наказание. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. 1133 с.
37. Коваленко О. Н. Задачи и функциональные возможности уголовного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2012. 22 с.
38. Тимохин С. Ю. Функции, задачи и цели уголовного права: проблемы соотношения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2002. 18 с.
39. Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Проспект, 2009. 400 с.
40. Злобин Г. А. О необходимости концептуального подхода к совершенствованию законодательства // Конституция СССР и дальнейшее укрепление законности и правопорядка: материалы конф., Москва, 3–6 окт. 1978 г. / Ин-т государства и права Акад. наук СССР; редкол.: В. Н. Кудрявцев (пред.) [и др.]. М.: ИГПАН, 1979. С. 75–82.

References

1. Encyclopedia of Philosophical Sciences, Moscow, 1974. 452 p.
2. Lenin V. I. The Complete Works. T. 29. M., 1973. 82 p.
3. Ioffe O. S. The logical limits of a conceptual legal entity, operational management, and economic obligation // Law studies. 1972. No. 6. P. 5.
4. Ozhegova S. I. Dictionary of the Russian language. M.: Onyx, 2008. 736 p.
5. Alexandrova S. E. Dictionary of synonyms of the Russian language. Practical reference book. M.: Russian language, 2001. 566 p.
6. Function. Mathematical encyclopedia (in 5 volumes). M.: Soviet Encyclopedia, 1985. Edition 5. 1248 p.
7. Makarov Yu. N., Mindyuk N. G., Neshkov K. I., Feoktistov I. N. Algebra. 7th grade. Your favorite level. 3rd ed. M.: Prosveshchenie, 2021. 304 p.
8. Landau L. D. This is Lifshits. M.: A short course in theoretical physics. In 2 volumes. M. Nauka, 1969. Ti. I. Mechanics. Electrodynamics. 272 p.
9. Viner N. Cybernetics. M.: Soviet radio, 1968. 328 p.
10. Function. Large encyclopedic dictionary / chap. line. A. M. Prokhorov. 1st ed. M.: Soviet Encyclopedia, 1991. 862 p.
11. Philosophical encyclopedic dictionary / chap. string. L. F. Ilyich [and others]. M.: Soviet Encyclopedia, 1983. 840 p.
12. Svidersky V. I. Zobov R. A. New philosophical aspects of elementary structural relations. L. Publishing house of Leningr. Goss. Univ., 1970. 128 p.
13. Baitin M. I. On the principles and functions of rights: new aspects // Law studies. 2000. No. 3. Pp. 4–16.
14. Radko T. N. Methodological knowledge of the function of law. Volgograd, 1974. 151 p.
15. Fatkullin F. N. Problems of the theory of the state and law: a course of lectures. Kazan, 1987. 336 p.
16. Radko T. N. The functions of socialist national law: abstract. diss. ... kand. jurid. sciences'. Saratov, 1967. 23 p.
17. Radko T. N. The concept and recognition of the functions of law // Journal of Academies of Law and Management. 2016. No. 3 (44). Pp. 22–30.
18. Tkachenko Y. G. Methodological issues of the theory of legal relations. M., 1980. 176 p.
19. Filimonov V. D. The security function of an extended right. St. Petersburg, 2003. 198 p.
20. Alekseev S. S. General theory of law. T. 1. M., 1981. 361 p.
21. Beccaria C. On crimes and punishments. M. Stells. 1995. 304 p.
22. Binding K. Die Normen und ihre Übertretung. Leipzig, 1872.
23. Radbruch G. Philosophy of Law. M., 2004. 240 p.
24. Garland D. The Culture of Control. Oxford University Press, 2002. 28 p.
25. Foinitsky I. If. The course of extended law. St. Petersburg, 1890. 494 p.
26. Tagantsev N. S. The course of enlarged law. St. Petersburg, 1902. 685 p.
27. Collection of documents on the history of the age legislation of the USSR and the RSFSR, 1917–1952.

[Text] / Comp.: Professor A. A. Hercenson; ed. (and with a preface.) professor. I. T. Bolshaya. M.: Gosyurizdat, 1953. 464 p.

28. The course of criminal law in five volumes. Vol. 1. General part: The Doctrine of crimes / edited by N. F. Kuznetsova and I. M. Tyazhkova. M.: Zertsalo, 2002. 624 p.

29. Naumov A. V. Russian coal law: a course of lectures: in 2 vols. 3rd ed. – reprint. and an additional M. Jurid. Litt., 2004. T. 1: general part. 495 p.

30. Russian Coal law. The general part / edited by A. I. Rarog. 3rd ed. as amended and supplemented by. M.: Eksmo, 2009. 496 p.

31. Smirnov V. G. The functions of Soviet coal law (subject, tasks and methods of coal law regulation). L. Leningr. Univ., 1965. 188 p.

32. Filimonov V. D. The security function of an extended right. SPb. Law Center Press, 2003. 198 p.

33. Anodenkova S. V. On the concept of the function of coal law // Socio-political sciences. 2018. No. 3. Pp. 131–136.

34. Soviet coal law: The Soviet Coal Law. Course of lectures. Vol. 2 / Kovalev M. I.; Rel. for vol. Semenov V. M. Sverdlovsk: Sverdlovsk Publishing House. jurid. yin, 1974. 226 p.

35. The concept of coal law. Mechanical coal law regulation / [Naumov A. V. and others (ed.)]. N. A. Lopashenko // Coal law. The general part. The pretense. Academic course: in 10 volumes. M.: Yurlitinform, 2016. T. I. 712 p.

36. The complete course of corner law: in 5 volumes / Edited by A. I. Korobeev. T. 1. I commit adultery and punishment. St. Petersburg. Law Center Press, 2008. 1133 p.

37. Kovalenko O. N. Tasks and functional capabilities of augmented law: abstract of the dissertation of the kand. jurid. sciences'. Samara, 2012. 22 p.

38. Timokhin S. Y. Functions, tasks and goals of augmented law: problems of correlation: abstract of the dissertation of the kand. jurid. sciences'. Vladivostok, 2002. 18 p.

39. Zhalinsky A. E. Coal law awaiting a change: theoretical and instrumental analysis. 2nd ed. revision. and additional M.: Prospect, 2009. 400 p.

40. Zlobin G. A. On the need for a conceptual approach to improving legislation // The Constitution of the USSR and the further strengthening of law and order: proceedings of the Conference. Moscow, October 3-6, 1978. / Institute of State and Law of the Academy of Sciences of the USSR; editorial board: V. N. Kudryavtsev (prel.) [and others]. M. IGPAN, 1979. Pp. 75–82.

Статья поступила в редакцию 03.06.2025; одобрена после рецензирования 23.07.2025; принята к публикации 17.12.2025

The article was submitted 03.06.2025; approved after reviewing 23.07.2025; accepted for publication 17.12.2025

Информация об авторе

Акиева Дарья Юрьевна – кандидат юридических наук

Information about the author

Akieva Darya Y. – Candidate of Law

Сложности квалификации легализации (отмывания) денежных средств, приобретенных в результате незаконного оборота наркотиков

Быкова Елена Георгиевна

Екатеринбургский филиал ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А. Я. Сухарева», Екатеринбург, Россия, nega83-03@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3850-9366>

Аннотация. В статье раскрываются проблемы оценки легализации денежных средств, преобразованных из приобретенной в ходе возмездного сбыта наркотиков криптовалюты. Анализ судебных актов за период с января 2023 г. по август 2025 г., постановленных по уголовным делам о преступлении, предусмотренном ст. 174.1 УК РФ, позволил выделить четыре квалификационные проблемы. Наиболее злободневными являются путаница относительно предмета легализации и установление цели придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами или иным имуществом, приобретенным преступным путем. Согласно действующей позиции Верховного Суда РФ в случае получения при совершении предикатного преступления (в том числе незаконного сбыта наркотиков) дохода в виде криптовалюты предметом отмывания являются преобразованные из нее денежные средства. Однако в правоприменительной практике виртуальные активы ошибочно приравниваются к фиатным деньгам. Учитывая, что на сегодняшний день криптовалюта признается имуществом для целей применения отдельных федеральных законов, автор аргументирует необходимость адаптации позиции высшей судебной инстанции к современным условиям путем признания имущества – криптовалюты – предметом легализации. Кроме этого, формируется небесспорная тенденция аргументации наличия цели придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению преступным доходом самим фактом совершения финансовых операций по конвертации криптовалюты в денежные средства. В теории уголовного права этот подход обоснованно критикуется, и перманентно высказываются предложения о необходимости корректировки действующих разъяснений высшей судебной инстанции. В заключении сделан вывод о необходимости исключения цели легализации из диспозиций частей первых ст. 174, 174.1 УК РФ, предложена авторская редакция абзаца третьего п. 1 Постановления Пленума от 7 июля 2015 г. № 32, сформулированы рекомендации для правоприменителей по преодолению сложностей квалификации преступлений, предусмотренных ст. 174, 174.1 УК РФ, в условиях действующей нормативной базы.

Ключевые слова: легализация, ст. 174.1 УК РФ, сбыт наркотиков, криптовалюта, безналичные деньги, цель

Для цитирования: Быкова Е. Г. Сложности квалификации легализации (отмывания) денежных средств, приобретенных в результате незаконного оборота наркотиков // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 4. С. 127–134.

Original article

Difficulties in qualifying the legalization (laundering) of funds acquired as a result of drug trafficking

Bykova Elena G.

Yekaterinburg Branch of the Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Yekaterinburg, Russia, nega83-03@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3850-9366>

Abstract. The article reveals the problems of assessing the legalization of funds converted from cryptocurrencies acquired during the retaliatory sale of drugs. In the period from January 2023 to August 2025, the vast majority of judicial acts were issued in criminal cases of a crime under Art. 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. Their analysis allowed us to identify four qualification problems. The most urgent are the confusion about the subject of legalization and the establishment of the purpose of legitimizing the possession, use and disposal of funds or other

property acquired by criminal means. According to the current position of the Supreme Court of the Russian Federation, if income in the form of cryptocurrencies is received during the commission of a predicate crime (including the illegal sale of drugs), the money converted from it is the subject of laundering. However, in law enforcement practice, virtual assets are mistakenly equated with fiat money. Considering that today cryptocurrencies are recognized as property for the purposes of applying certain Federal laws, the author argues for the need to adapt the position of the highest court to modern conditions by recognizing property – cryptocurrencies – as a subject of legalization. In addition, there is an undeniable tendency to argue for the purpose of legitimizing the possession, use and disposal of criminal proceeds by the very fact of financial transactions involving the conversion of cryptocurrencies into cash. In the theory of criminal law, this approach is reasonably criticized and suggestions are constantly made about the need to adjust the current explanations of the highest court. In conclusion, it is concluded that it is necessary to exclude the purpose of legalization from the dispositions of the first parts of Art. 174, 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, the author's version of the third paragraph of paragraph 1 of the Resolution of the Plenum dated July 7, 2015 No. 32 is proposed, recommendations are formulated for law enforcement officers to overcome the difficulties of qualifying crimes provided for in Art. 174, 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in the current regulatory framework.

Keywords: legalization, Article 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, drug sales, cryptocurrency, non-cash money, purpose

For citation: Bykova E. G. Difficulties in qualifying the legalization (laundering) of funds acquired as a result of drug trafficking // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 4. Pp. 127–134.

Воспрепятствование незаконным финансовым операциям является одной из задач, направленных на достижение целей обеспечения экономической безопасности Российской Федерации¹. В научной литературе отмечается, что большинство подобных операций и незаконных сделок с преступными доходами осуществляется лицами, занимающимися незаконным оборотом наркотиков² [1; 2; 3]. Нормы об ответственности за такие операции и сделки в теории уголовного права позиционируют как «создающие "второй уровень" противодействия преступности» [4].

Предметом легализации могут быть, в числе прочего, денежные средства или иное имущество, полученные в качестве платы за сбыт предметов, ограниченных в гражданском обороте³, в частности, за незаконную деятельность, направленную на возмездную реализацию наркотиков⁴. Противодействие

отмыванию доходов, полученных в результате названной противоправной деятельности, относится к числу стратегических задач, подлежащих решению в процессе реализации антинаркотической политики⁵. Однако претворение в жизнь этого противостояния, по всей видимости, представляет сложности для правоприменителей.

Так, по статистике МВД России в 2023 г. зарегистрировано 126 159 сообщений о незаконном сбыте наркотиков (ст. 228.1 УК РФ⁶), выявлено 943 факта легализации доходов, полученных преступным путем (ст. 174, 174.1 УК РФ). В 2024 г. зарегистрировано 134 998 сообщений о незаконном сбыте наркотиков, выявлено 1058 преступлений, предусмотренных ст. 174, 174.1 УК РФ. За период с января по август 2025 г. зарегистрировано 109 025 сообщений о незаконном сбыте наркотиков, выявлено 1052 деяния, направленных на отмывание доходов, полученных преступным путем⁷.

Приведенные сведения наглядно демонстрируют разительное отличие между количеством фактов незаконного сбыта наркотиков (как правило, возмездного) и фактов легализации полученных от этой незаконной деятельности доходов. Вдобавок к этому в статистической отчетности МВД России число выявленных противоправных деяний, предусмотренных

¹ Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (подп. 17 п. 67). URL: <https://consultant.ru> (дата обращения: 20.06.2025).

² Под наркотиками в данной публикации понимаются наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги, растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, либо их части, содержащие наркотические средства или психотропные вещества.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» (п. 1). URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8442> (дата обращения: 20.06.2025).

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» (п. 13). URL: <https://vsrf.ru/documents/own/8251> (дата обращения:

20.06.2025).

⁵ Указ Президента РФ от 23 ноября 2020 г. № 733 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 г.» (подп. «г» п. 11). URL: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 20.06.2025).

⁶ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. URL: <https://consultant.ru> (дата обращения: 20.06.2025).

⁷ Состояние преступности в России за январь – декабрь 2023 г., январь–декабрь 2024 г., январь – август 2025 г. URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 17.09.2025).

ст. 174, 174.1 УК РФ, приводится безотносительно предикатных преступлений. Поэтому показатели отмыывания доходов от незаконного сбыта наркотиков еще ниже, чем представленные в статистике цифры.

Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ за легализацию доходов, полученных от незаконного оборота наркотиков, в 2023 г. по ст. 174 УК РФ осуждено 1 лицо, по ст. 174.1 УК РФ – 42 лица. В 2024 г. по ст. 174.1 УК РФ осуждено 61 лицо, в первом полугодии 2025 г. – 19 лиц. По ст. 174 УК РФ в обозначенные периоды осужденных нет¹.

Для выявления сложностей квалификации отмыывания доходов, полученных за незаконный оборот наркотиков, проведен анализ судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 174.1 УК РФ². По его результатам усматриваются четыре квалификационные проблемы: путаница относительно предмета легализации, вследствие чего допускается излишнее вменение признаков «денежные средства» или «иное имущество»; отсутствие доказательств совершения финансовых операций именно с денежными средствами или иным имуществом, добытым преступным путем; вменение отмыывания всего незаконно полученного дохода, хотя доказано совершение финансовых операций на меньшую сумму; недоказанность цели придания правомерного вида владению, пользованию, распоряжению денежными средствами или иным имуществом, добытым преступным путем.

Правоведы отмечают, что для расчетов за незаконный сбыт наркотиков наиболее часто используется криптовалюта [5; 6]. Эта тенденция хорошо прослеживается при изучении судебных актов по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 174.1 УК РФ. При этом использование новейших финансовых инструментов в целях легализации доходов, полученных в результате незаконного оборота наркотиков, а также применение новых способов оплаты приобретаемых наркотиков относятся к числу угроз национальной безопасности в сфере оборота наркотиков³.

Квалификация сделок с криптовалютой, полученной в качестве оплаты за незаконный сбыт наркотиков, как отмыывание преступных доходов является

квинтэссенцией проблемы применения ст. 174.1 УК РФ. Основная причина кроется в неопределенном правовом статусе криптовалюты и ответственности за преступления, сопряженные с ее использованием [6], вкупе со спецификой предикатного деяния.

Так, сделка в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению имуществом, приобретаемым, в частности, в результате совершения преступления, предусмотренного ст. 228.1 УК РФ, является конспирацией факта запрещенной деятельности, поэтому квалифицируется только по соответствующей статье уголовного закона как незаконный сбыт наркотических средств без совокупности со ст. 174 или 174.1 УК РФ. Последующее совершение в указанных целях финансовых операций и сделок с денежными средствами, полученными в результате преобразования такого имущества (к примеру, с денежными средствами, приобретенными в результате продажи наркотического средства), образует объективную сторону преступлений, предусмотренных ст. 174 или 174.1 УК РФ⁴. Иными словами, сначала посягающий должен получить доход от незаконной деятельности, который потом может стать предметом легализации. Однако современные способы расчета за незаконный оборот запрещенных предметов заставляют задуматься об актуальности этого разъяснения в нынешних реалиях.

Высшая судебная инстанция допускает, что предметом легализации (отмыывания) могут выступать денежные средства, преобразованные из виртуальных активов (криптовалюты), приобретенных в результате совершения преступления⁵.

В литературе этот подход оценивается положительно как свидетельство признания со стороны судебной власти актуальности и необходимости решения тех или иных неясностей в связи с совершением криптопреступлений в целях обеспечения экономической безопасности страны [7]. Высказывается мнение, что криптовалюта выступает не предметом легализации, а средством, способом совершения преступления [4; 8, с. 410]. В условиях некоего правового вакуума это позволяет, по замечанию М. А. Филатовой, исключить избежания уголовной ответственности в силу прерванности цепи преступных транзакций при использовании криптовалюты, поскольку если преступно полученным является то, чего не существует в правовой системе в принципе, например, криптовалюта, говорить о предмете не представляется возможным [4].

Специалисты отмечают, что такие признаки криптовалюты, как общедоступность (хранение на определенных носителях-кошельках), анонимность, запись транзакций в общедоступный реестр, необратимость

¹ Форма № 6-МВ-НОН «Сведения о лицах, осужденных за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ» (Раздел 1. Сведения о лицах, осужденных за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, новых потенциально опасных психоактивных веществ по основной и дополнительной квалификации) за 2023 г., 2024 г., первое полугодие 2025 г. URL: <https://cdep.ru>.

² Изучены судебные акты, постановленные в период с января 2023 г. по август 2025 г.: 6 определений Верховного Суда РФ; 56 определений кассационных судов общей юрисдикции; приговоры судов и 62 судебных акта апелляционной инстанции, которые пересматривались кассационными судами.

³ Указ Президента РФ от 23 ноября 2020 г. № 733 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 г.» (подп. «е» п. 9). URL: <https://consultant.ru>

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмыывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» (п. 2). URL: <https://consultant.ru>.

⁵ Там же (п. 1).

криптовалютных транзакций, трансграничный характер криптовалют, децентрализованный характер сети повышают безопасность и конфиденциальность обладателей криптовалюты, однако затрудняют расследование преступлений, в которых она фигурирует [6], поскольку отследить передвижения виртуальных активов с одной криптобиржи на другую (в отличие от банковских переводов денежных средств) практически невозможно [1]. По словам В. В. Красинского, многие организаторы наркобизнеса и профессиональные «отмывальщики» задействуют украинскую теневую финансовую инфраструктуру, нарушающую антиотмывочные стандарты, и прибегают к услугам криминальных маркетплейсов (Hydra, RAMP, OMG, Mega, BlackSprut, Silk Road и др.). При этом наиболее распространенными способами совершения и сокрытия наркопреступлений с использованием криптовалют, по мнению автора, выступают миксеры, мультивалютные р2р чат-боты и кроссчейновые мосты [5].

Следует признать, что использование лицами, занимающимися незаконным сбытом наркотиков, криптовалюты для расчетов, а также ее неопределенный статус и технические особенности оборота создают проблему квалификации отмывания полученного преступного дохода.

На нынешний момент правовой статус криптовалюты определен, по сути, для частных случаев. Так, в соответствии с п. 3 ст. 1, ст. 17 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ¹ цифровая валюта не является денежной единицей РФ, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей и признается имуществом для целей Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ². Кроме того, Государственной Думой РФ в первом чтении принят законопроект № 902782-8 о признании цифровой валюты имуществом для целей уголовного и уголовно-процессуального законов³. С учетом этого документа и приведенных законоположений видится возможным относить криптовалюту к иному имуществу, добытому преступным путем, как предмету преступлений, предусмотренных ст. 174, 174.1 УК РФ. Однако в правоприменительной практике чаще всего криптовалюта ошибочно признается денежными средствами⁴.

¹ Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 06.06.2025).

² Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 06.06.2025).

³ Законопроект № 902782-8 «О внесении изменений в ст. 104-1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/902782-8>.

⁴ См., например: приговор Красноярского краевого суда от 27 августа 2024 г. № 2-27/2024, оставленный в этой части без изменения апелляционным определением Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 28 ноября 2024 г. по

В настоящее время оборот криптовалюты законодательно не запрещен. Поэтому в криптокошельках может происходить смешение цифровой валюты, приобретенной в результате законной деятельности и незаконного оборота наркотиков. В литературе отмечается, что неустановление преступного происхождения имущества является одной из причин вынесения судами реабилитирующих решений по делам о легализации преступных доходов [1; 9]. Соответствующие примеры имеются в судебной практике⁵. Один из них представляется наиболее интересным.

Так, по приговору суда, оставленному без изменения апелляционной и кассационной инстанциями, С. признан виновным по ч. 1 ст. 174.1 УК РФ. Суд пришел к выводу, что избранный С. способ получения денежных средств путем проведения последовательных финансовых и банковских операций, а именно, зачисление денежных средств – криптовалюты «Bitcoin» – на подконтрольный виртуальный кошелек, дальнейшее ее конвертирование через различные виртуальные обменники в рубли, перевод денежных средств на банковскую карту, зарегистрированную на его (С.) имя, свидетельствует о наличии у С. цели легализовать денежные средства. Совокупностью доказательств установлено, что эквивалентные 29 143 руб. денежные средства были получены С. за размещение закладок с наркотиками. Однако каких-либо доказательств того, что эквивалентные 61 535 руб. денежные средства также были получены преступным путем, не имеется, поэтому данная сумма подлежит исключению из обвинения⁶. Примечательно, что в данном случае криптовалюту признали денежными средствами, хотя в силу прямого указания в законе она ими не является. Кроме этого, конвертация «Bitcoin» в фиатные деньги и последующий их перевод лицом, получившим преступный доход, на свой банковский счет оценены как свидетельство наличия цели легализации. Такой подход сомнителен. Он представляет собой самостоятельную квалификационную проблему,

делу № 55-848/2024 и кассационным определением Верховного Суда РФ от 25 июня 2025 г. № 53-УД25-11-А5. URL: <https://consultant.ru>.

⁵ См., например, оправдательный приговор Первоуральского городского суда Свердловской области от 4 октября 2023 г. № 1-260/2023, оставленный без изменения кассационным определением Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11 июля 2024 г. по делу № 77-2352/2024; оправдательный приговор Свердловского областного суда от 12 декабря 2023 г. по делу № 2-25/2023, оставленный без изменения апелляционным определением Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 13 марта 2024 г. № 55-45/2024 и кассационным определением Верховного Суда РФ от 18 июля 2024 г. № 45-УД24-28-А2. URL: <https://consultant.ru>.

⁶ Приговор Новоалтайского городского суда Алтайского края от 10 июля 2024 г. по делу № 1-436/2024, апелляционное определение Алтайского краевого суда от 3 октября 2024 г. по делу № 22-4346/2024, кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 27 февраля 2025 г. по делу № 77-827/2025. URL: <https://consultant.ru>.

которая будет рассмотрена далее.

В случаях, когда доказано преступное происхождение криптовалюты, при квалификации по ст. 174.1 УК РФ последующих сделок с ней допускается ошибка, когда вменяется отмывание всего полученного дохода, хотя доказано совершение операций с криптовалютой на меньшую сумму.

Так, по приговору суда, оставленному без изменения апелляционной инстанцией, О. признан виновным по п. «б» ч. 4 ст. 174.1 УК РФ. Суд кассационной инстанции изменил приговор, поскольку из материалов дела усматривается легализация О. денежных средств на сумму 8 775 705,42 руб. При этом сделки, в результате которых легализованы остальные 19 602 138,91 руб., не установлены, поэтому указанная сумма подлежит исключению из объема предъявленного обвинения¹.

Во избежание подобных ошибок правоприменителям рекомендуется уделять особое внимание доказыванию: во-первых, фактов получения виртуальных активов за конкретные эпизоды преступной деятельности; во-вторых, фактов совершения сделок или финансовых операций именно с этим имуществом или преобразованными из него деньгами; в-третьих, цели их совершения.

Цель придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению преступным доходом является обязательным признаком субъективной стороны преступлений, предусмотренных ст. 174, 174.1 УК РФ. Специалисты называют неоднозначность толкования этого признака и сложность его доказывания ключевыми причинами редкого применения названных норм уголовного закона [9; 10; 11; 12; 13].

Такая цель может проявляться, в частности, в сокрытии преступного происхождения, местонахождения, размещения, движения имущества и устанавливается на основании фактических обстоятельств дела. Свидетельствовать о ней могут действия по обналичиванию денежных средств, в том числе с использованием счетов физических лиц, не осведомленных об их преступном происхождении, либо совершение финансовых операций с участием подставных лиц, не осведомленных о том, что вовлеченные в финансовые операции и сделки денежные средства приобретены преступным путем. Однако эти действия сами по себе не могут предрешать выводы о виновности лица в легализации. В каждом конкретном случае необходимо установить цель совершения данных действий². Таким образом, обналичивание денежных средств или совершение финансовых операций с ними может преследовать иную цель, например, их дальнейшее

использование для личных нужд, что, с точки зрения высшей судебной инстанции, не рассматривается как легализация³.

Ввиду оценочности обязательного признака субъективной стороны нормы об отмывании доходов, приобретенных преступным путем, почти не применяются, даже если при совершении предикатного преступления получены денежные средства или иное имущество, являющееся объектом гражданского права.

Дополнительные сложности возникают при доказывании цели преступлений, предусмотренных ст. 174, 174.1 УК РФ, в ситуациях, когда за незаконный сбыт наркотиков получена криптовалюта. В частности, следует согласиться с мнением М. А. Филатовой о том, что из разъяснений п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 «невозможно сделать вывод о допустимости рассмотрения в качестве отмыкания обмен одной криптовалюты на другую» [4].

Председатель Верховного Суда РФ И. В. Краснов справедливо заметил, что «порой суды вынуждены принимать решения в ситуациях, когда отсутствует необходимая юридическая норма, а общественные отношения развиваются быстрее, чем на них реагирует законодатель»⁴. Высшая судебная инстанция сформулировала соответствующие разъяснения в феврале 2019 г., когда в России вообще отсутствовало законодательство, хоть сколько-нибудь определяющее статус криптовалюты. На сегодняшний день ее оборот допускается на территории нашего государства и применительно к некоторым правоотношениям даже определен правовой статус. Поэтому видится необходимым переосмысление действующего разъяснения п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32.

Наркосбытчики совершают цепочку сделок с криптовалютой до того, как переводят ее в фиатные деньги. Поэтому и возникает сложность доказывания преступного происхождения этого актива. Но с учетом действующей позиции высшей судебной инстанции не получится оценить по ст. 174, 174.1 УК РФ действия с криптовалютой до момента ее преобразования в денежные средства. Это порождает дискуссию относительно возможности признания легализацией конвертации криптовалюты в деньги. Вступая в противоречие с собственной позицией, высшая судебная инстанция считает такую квалификацию правильной⁵.

Показателен прецедент из практики Верховного Суда РФ, который воспринимается судами нижестоящих инстанций как практикообразующий. Так, по приговору суда, оставленному без изменения апелляционной и кассационной инстанциями, К. оправдан по

¹ Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 17 апреля 2025 г. № 77-1095/2025. URL: <https://consultant.ru>.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмыкании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» (п. 10). URL: <https://consultant.ru>.

³ Там же (п. 11).

⁴ Интервью Председателя Верховного Суда РФ Игоря Краснова «Российской газете» и информационному агентству ТАСС. 5 ноября 2025 г. URL: <https://www.vsrfr.ru>.

⁵ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 16 июля 2024 г. № 53-УДП24-23-K8. URL: <https://consultant.ru>.

п. «б» ч. 4 ст. 174.1 УК РФ. Высшая судебная инстанция отменила судебные акты в связи с неправильным применением уголовного закона, указав, что К. за свою преступную деятельность, связанную с серийным производством наркотиков, получал вознаграждение в виде «Bitcoin» на виртуальный «Bitcoin»-кошелек, привязанный к созданному им аккаунту. Затем К. преобразовал криптовалюту «Bitcoin» в российские рубли и совершил финансовые операции по переводу денежных средств в размере 8 240 278,29 руб. с виртуального счета на банковские счета, открытые на имя дочери его сожительницы, после чего распорядился денежными средствами по своему усмотрению. По мнению высокого суда, избранный К. способ получения денежных средств путем проведения последовательных финансовых и банковских операций, а именно, зачисление денежных средств – криптовалюты «Bitcoin» – на подконтрольный виртуальный счет, дальнейшее ее конвертирование через различные виртуальные обменники в рубли, перевод денежных средств на банковские карты, зарегистрированные на другое лицо, и их обналичивание через банковские терминалы, свидетельствует о наличии у осужденного цели легализовать денежные средства. Для наличия состава преступления, предусмотренного ст. 174.1 УК РФ, не требуется обязательного вовлечения легализуемых денежных средств в экономический оборот¹.

Этот подход критикуется специалистами в области уголовного права. Так, М. А. Филатова цитирует п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 и отмечает, что «закрепленная конструкция не позволяет признать отмыванием саму по себе конвертацию криптовалюты в денежные средства, поскольку на момент такой финансовой операции предмета отмывания еще не существует». По ее мнению, пока законодатель не внесет криптовалюту в перечень объектов гражданских прав, а из диспозиций частей первых ст. 174, 174.1 УК РФ не исключит обязательное установление цели как признака состава преступления, констатация ее через осознание сложности вычисления источника при незапрещенном использовании криптовалюты является нарушением принципа субъективного вменения [4]. Схожую мысль высказывает М. И. Немова, допуская, что оценить как легализацию возможно совершение лицом дополнительных транзакций по переводу конвертированных денежных средств на электронные кошельки, дробление суммы платежа с целью избежания процедуры идентификации, перевод денег на счета третьих лиц [2].

Соглашаясь, что в настоящее время квалификация по ст. 174, 174.1 УК РФ преобразования криптовалюты в денежные средства не бесспорна, нужно констатировать отсутствие в судебной практике единообразия по этому вопросу. Одни суды не усматривают обязательного признака субъективной стороны названных составов преступлений по причине того,

что конвертация криптовалюты в фиатные деньги для последующей их траты на личные нужды не свидетельствует о цели легализации². Согласно другому подходу, преобладающему в правоприменительной практике, такая квалификация признается обоснованной³, поскольку «способ получения денежных средств от незаконного сбыта наркотиков путем проведения последовательных финансовых операций в виде зачисления денежных средств – криптовалюты – на подконтрольные виртуальные счета, дальнейшее ее конвертирование в рубли и перевод денежных средств на банковские карты заведомо маскируют связь легализуемого имущества с преступным источником его происхождения»⁴.

С точки зрения Председателя Верховного Суда РФ И. В. Краснова, недостаточный уровень единства правоприменения является одной из актуальных проблем, которая явно не способствует уважению судебной власти. Он подчеркивает, что разъяснения высшей судебной инстанции играют важную роль в решении этой проблемы, делая правоприменение более справедливым⁵. Поэтому следует присоеди-

2 См., например: определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 26 июня 2024 г. № 77-2171/2024; оправдательный приговор Черемушкинского районного суда города Москвы от 2 февраля 2023 г. по делу № 1-77/2023, оставленный без изменения апелляционным определением Московского городского суда от 26 июня 2023 г. по делу № 10-10372/2023 и кассационным определением Второго кассационного суда общей юрисдикции от 7 мая 2024 г. № 77-1208/2024; кассационное определение Верховного Суда РФ от 3 мая 2023 г. № 56-УД23-4-К9; определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 9 сентября 2024 г. № 77-3109/2024. URL: <https://consultant.ru>.

3 ФИО осужден по ч. 1 ст. 174.1 УК РФ за то, что под видом дохода, полученного при изменении цен на бирже, используя колебания курса «Bitcoin», распоряжаясь денежными средствами, приобретенными в результате незаконного сбыта наркотиков, легализовал преобразованные из криптовалюты денежные средства на общую сумму 238 000 руб. путем перевода на свой банковский счет. См.: постановленный в порядке, предусмотренном главой 40.1 УПК РФ, приговор Калининского районного суда г. Тюмени от 26 марта 2024 г. № 1-152/2024 (1-762/2023), оставленный без изменения кассационным определением Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 29 апреля 2025 г. по делу № 77-1181/2025. URL: <https://consultant.ru>.

4 См., например: кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 17 апреля 2025 г. № 77-943/2025; определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 17 апреля 2025 г. № 77-1095/2025; приговор Октябрьского районного суда города Рязани от 12 августа 2024 г. по делу № 1-75/2024, оставленный без изменения апелляционным определением Рязанского областного суда от 22 октября 2024 г. № 22-1007/2024 и кассационным определением Второго кассационного суда общей юрисдикции от 15 июля 2025 г. № 77-1924/2025; кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 30 января 2025 г. № 77-72/2025; кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 24 июля 2025 г. по делу № 77-2138/2025. URL: <https://consultant.ru>.

⁵ Интервью Председателя Верховного Суда РФ Игоря Крас-

¹ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 8 июня 2023 г. № 6-УДП23-6-А1. URL: <https://consultant.ru>.

ниться к мнению ученых о необходимости дополнительных разъяснений Пленумом Верховного Суда РФ вопросов квалификации легализации криптовалюты, полученной преступным путем [6; 7]. Правильно указывается, что это поспособствует «с одной стороны, активизации применения уголовного законодательства, направленного на противодействие легализации (отмыванию) преступных доходов, а с другой – исключению случаев необоснованного привлечения граждан к уголовной ответственности за действия, не образующие состава данного преступления, в тех ситуациях, когда совершение финансовых операций и других сделок ограничивалось лишь распоряжением этими доходами» [12].

В заключение нужно отметить, что по-прежнему актуально высказанное в ходе изучения проблем квалификации легализации доходов, полученных в результате совершения мошенничества, мнение автора настоящей публикации о поддержке предложения специалистов об исключении из диспозиций частей первых ст. 174, 174.1 УК РФ указания на цель совершения этих преступлений.

Кроме этого, учитывая принятый в первом чтении законопроект № 902782-8 видится возможным изложить абзац третий п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 в следующей редакции: «Исходя из положений статьи 1 Конвенции Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма от 16 мая 2005 г. и с учетом Рекомендации 15 ФАТФ предметом преступлений, предусмотренных ст. 174 и 174.1 УК РФ, могут выступать виртуальные активы (криптовалюты), являющиеся имуществом, и (или) денежные средства, преобразованные из виртуальных активов (криптовалюты), приобретенных в результате совершения преступления».

В условиях действующего правового регулирования можно рекомендовать правоприменителям сосредоточиться на установлении фактов получения виртуальных активов за конкретные эпизоды преступной деятельности, фактов совершения сделок или финансовых операций именно с этим имуществом или преобразованными из него деньгами, цели их совершения.

Библиографический список

1. Долгиева М. М. Легализация криптовалюты: судебная практика // Законность. 2021. № 3. С. 50–54.
2. Немова М. И. Использование криптовалюты при легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем: анализ судебной практики // Уголовное право. 2019. № 4. С. 63–68.
3. Русанов Г. А. Пути модернизации уголовного законодательства в сфере противодействия легализации (отмыванию) преступных доходов в России //

Российский юридический журнал. 2019. № 1. С. 65–68.

4. Филатова М. А. Проблемы квалификации легализации (отмывания) цифровой валюты // Уголовное право. 2024. № 5. С. 40–51.

5. Красинский В. В. Противодействие финансированию наркобизнеса и отмыванию преступных доходов с использованием криптовалют // Современное право. 2025. № 4. С. 105–111.

6. Степаненко Д. А., Гармышев Я. В. Криптовалюты как предмет и средство совершения преступлений: проблемы квалификации и расследования // Российский следователь. 2025. № 1. С. 32–35.

7. Нудель С. Л., Печегин Д. А. Тенденции уголовной политики в области охраны экономической деятельности в условиях цифровизации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 2. С. 309–335.

8. Коренная А. А., Тыдыкова Н. В. Криптовалюта как предмет и средство совершения преступлений // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 3. С. 408–415.

9. Бажутов С. А. Проблемы правоприменения по делам о легализации преступных доходов: анализ судебной практики и вопросы толкования // Законность. 2020. № 12. С. 3–8.

10. Токманцев Д. В. Проблемы квалификации операций с денежными средствами, полученными от наркопреступлений // Уголовное право. 2015. № 4. С. 68–74.

11. Жадяева М. А., Янина И. Ю. Современное состояние состава легализации (отмывания) денежных средств, полученных преступным путем // Российский следователь. 2022. № 7. С. 35–38.

12. Клименко Ю. А. Новые разъяснения Пленума Верховного Суда РФ по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 174 и 174.1 УК РФ: виртуальные активы и международные стандарты противодействия отмыванию денег // Уголовное право. 2019. № 4. С. 49–55.

13. Батюкова В. Е. К вопросу об уголовной ответственности за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенного преступным путем // Современное право. 2024. № 1. С. 94–98.

References

1. Dolgiyeva M. M. Legalization of Crypto Currency: Case Law // Legality. 2021. No. 3. Pp. 50–54.
2. Nemova M. I. Using cryptocurrency for money laundering: the analysis of judicial practice // Criminal Law. 2019. No. 4. Pp. 63–68.
3. Rusanov G. A. Means of modernization of criminal legislation on countering the legalization (laundering) of criminal proceeds in Russia // Russian Juridical Journal. 2019. No. 1. Pp. 65–68.
4. Filatova M. A. Problems of qualification of legalization (laundering) of digital currency // Criminal Law. 2024. No. 5. Pp. 40–51.

5. Krasinsky V. V. Financing drug business and laundering proceeds using cryptocurrencies // The Modern Law. 2025. No. 4. Pp. 105–111.

6. Stepanenko D. A., Garmyshev Ya. V. Cryptocurrencies as a subject and means of committing crimes: qualification and investigation problems // Russian investigator. 2025. No. 1. Pp. 32–35.

7. Nudel S. L., Pechegin D. A. Criminal policy in the field of economic security: trends of the digital era // Perm University Herald. Juridical sciences. 2022. No. 2. Pp. 309–335.

8. Korennaya A. A., Tydykova N. V. Crypto currency as an object and instrument of committing crimes // Russian Journal of Criminology. 2019. Vol. 13, No. 3, Pp. 408–415.

9. Bazhutov S. A. The problems of law-enforcement in cases on laundering of proceeds of crime: analysis of judicial case-law and issues of interpretation // Legality. 2020. No. 12. Pp. 3–8.

10. Tokmantsev D. V. The problems of classification of transactions of proceeds of drug crimes // Criminal Law. 2015. No. 4. Pp. 68–74.

11. Zhadyaeva M. A., Yanina I. Yu. The modern status of the elements of legalization (laundering) of illegally obtained funds // Russian investigator. 2022. No. 7. Pp. 35–38.

12. Klimenko Yu. A. New explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on crimes under Art. 174 and 174.1 of the Criminal Code: virtual assets and international standards for combating money laundering // Criminal Law. 2019. No. 4. Pp. 49–55.

13. Batyukova V. E. On the issue of Criminal Liability for the Legalization (Laundering) of Funds or other Property Acquired by Criminal Means // The Modern Law. 2024. No. 1. Pp. 94–98.

Информация об авторе

Быкова Елена Георгиевна – кандидат юридических наук, доцент

Information about the author

Bykova Elena G. – Candidate of Law, Associate professor

Статья поступила в редакцию 17.09.2025; одобрена после рецензирования 10.11.2025; принята к публикации 17.12.2025

The article was submitted 17.09.2025; approved after reviewing 10.11.2025; accepted for publication 17.12.2025

Анализ статистических данных о лицах, совершивших коррупционные преступления

Веденин Дмитрий Витальевич

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, dv_1973@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются основные статистические показатели, характеризующие коррупционную преступность в России на современном этапе. Автор отмечает продолжающийся рост количества регистрируемых преступлений коррупционной направленности и лиц, выявленных за их совершение, а также приводит отличительные признаки, присущие преступникам-коррупционерам.

Ключевые слова: коррупция, преступления коррупционной направленности, статистические показатели, преступник-коррупционер, характеристики личности

Для цитирования: Веденин Д. В. Анализ статистических данных о лицах, совершивших коррупционные преступления // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 4. С. 135–139.

Original article

Analysis of statistical data on individuals who have committed corruption crimes

Vedenin Dmitriy V.

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Yekaterinburg, Russia, dv_1973@mail.ru

Abstract. This article examines the main statistical indicators characterizing corruption crime in Russia at the present stage. The author notes the continuing growth in the number of registered corruption-related crimes and persons identified for their commission, and also provides the distinctive features inherent in corrupt criminals.

Keywords: corruption, corruption-related crimes, statistical indicators, corrupt criminal, personality characteristics

For citation: Vedenin D. V. Analysis of statistical data on individuals who have committed corruption crimes // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 4. Pp. 135–139.

В настоящее время коррупция продолжает оставаться одним из самых опасных явлений, наносящих значительный вред государству и обществу. Полностью изжить коррупцию – весьма сложная и вряд ли выполнимая в обозримом будущем задача, однако необходимость принятия мер по обузданию коррупционных проявлений сомнений не вызывает, что нашло свое отражение во многих значимых документах России. В частности, в соответствии с пп. 3 п. 25 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации искоренение коррупции отнесено к национальным интересам нашего государства¹.

Как указывает Л. Н. Рябчикова, в различных видах и формах своего проявления коррупция, возникнув одновременно с появлением государства как инсти-

тута, существовала во все эпохи, времена и у всех народов. Коррупции подвержены все формы управления, причем ее проявления существенным образом варьируются: от незначительного использования влияния в целях оказания определенных услуг до институционального взяточничества, подчиняющего своим правилам, по сути, все государство [1].

Необходимо отметить, что коррупционные проявления не всегда сопряжены с совершением преступлений, и в этом смысле понятие «коррупция» шире понятия «коррупционная преступность», однако последняя является наиболее опасной частью коррупции. Единого понимания того, что считать коррупционными преступлениями, на данном этапе нет, на это обращали внимание многие исследователи, в том числе В. И. Михайлов [2].

Учитывая многообразие различных вариантов преступлений, связанных с коррупционными про-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.06.2025).

явлениями, вряд ли следует согласиться с мнением Е. И. Чекмезовой и З. Д. Ермаковой, которые предложили закрепить в Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее также – УК РФ) перечень коррупционных преступлений с перечислением соответствующих составов, предусмотренных в Особенной части УК РФ [3]. При этом для целей уголовно-правовой статистики в Российской Федерации используется термин «преступления коррупционной направленности», о которых и пойдет речь в дальнейшем, в связи с чем для целей настоящей статьи понятия «коррупционная преступность» и «преступления коррупционной направленности» будут использоваться как равнозначные.

Исходя из пп. 13 п. 47 упомянутой Стратегии национальной безопасности Российской Федерации именно через предупреждение и пресечение преступлений коррупционной направленности планируется достижение цели обеспечения государственной и общественной безопасности, что подчеркивает важность противодействия данному виду преступности¹. Рассматриваемые преступления наносят вред не только авторитету государственной власти, но и причиняют существенный материальный ущерб: в 2023 и 2024 гг. только установленный ущерб от указанных посягательств составил 48,6 и 30,4 млрд рублей соответственно. Показательно, что в добровольном порядке ущерб был возмещен лишь в сумме 7,9 млрд рублей в 2023 г. и 5,4 млрд рублей – в 2024 г. [4].

В целях понимания того, какие преступления в России признаются имеющими коррупционную направленность для целей статистической отчетности по уголовным делам, следует обратиться к периодически издаваемым совместным указаниям Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Министерства внутренних дел Российской Федерации, в которых содержатся соответствующие критерии.

В настоящее время действует Указание Генпрокуратуры России № 503/11, МВД России № 1 от 28 июля 2025 г. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности»², позволяющее сделать определенные выводы.

Так, первая группа преступлений коррупционной направленности характеризуется одновременным наличием в деянии четырех признаков:

1) в преступлении участвует виновный, являющийся либо должностным лицом исходя из примечаний к ст. 285 УК РФ либо лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, действующим от имени юридического лица, а также

в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением (признаки такого лица зафиксированы в примечаниях к ст. 201 УК РФ);

2) указанное выше лицо совершает деяние, связанное с его служебным положением, отступлением от имеющихся у виновного прямых прав и обязанностей;

3) у лица обязательно имеется корыстный мотив, что находит свое выражение в приобретении имущественных прав и выгод независимо от того, присутствует ли выгода для самого виновного или для иных лиц;

4) из предыдущего признака вытекает то, что преступление совершается исключительно с прямым умыслом.

Вторая группа преступлений отнесена к имеющим коррупционную направленность независимо от дополнительных условий: ст. 141.1, 184, 200.5, 200.7, 204, 204.1, 204.2, п. «а» ч. 2 ст. 226.1, п. «б» ч. 2 ст. 229.1, 289 – 291.2 УК РФ, а в некоторых случаях ст. 200.4 УК РФ.

К третьей группе рассматриваемых преступлений причисляются разнообразные деяния при наличии соответствующей отметки в статистической карточке преступления (например, о совершении преступления с корыстным мотивом, о совершении преступления должностным лицом с использованием своего служебного положения и т. д.).

К четвертой группе отнесены преступления, совершение которых может способствовать совершению преступлений коррупционной направленности (ст. 159, 159.1, 159.2, 169, 179 УК РФ и др.). Включенные в эту группу деяния характеризуются наличием в статистической карточке данных о совершении преступления, имеющего отношение к подготовке (даже если она была мнимой) условий для получения субъектом, являющимся должностным лицом, государственным или муниципальным служащим либо лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества либо незаконного предоставления подобной выгоды.

Следует отметить, что в Российской Федерации наблюдается заметный рост количества выявленных преступлений коррупционной направленности. Так, в 2024 г. зарегистрировано 38 503 подобных преступления, что на 5,8 % больше, чем в 2023 г. (36 407). Соответственно, в прошлом году больше выявлено лиц, совершивших коррупционные преступления: если в 2023 г. их установили 17 658, то за следующий год это число возросло на 4 % и составило 18 360 человек [4].

Таким образом, выявляемая в Российской Федерации коррупционная преступность не следует имеющей место тенденции снижения общего количества зарегистрированных преступлений и лиц, установленных за их совершение: в 2024 г. в России было выявлено 1 911 258 преступлений всех видов (снижение на 1,8 % по отношению к предыдущему периоду) и 666 260 преступников (снижение на 11,2 %). На этом

¹ Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.06.2025).

² Указание Генпрокуратуры России № 503/11, МВД России № 1 от 28 июля 2025 г. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» // URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.08.2025).

фоне растет удельный вес как самой коррупционной преступности, так и лиц, совершивших преступления коррупционной направленности: если в 2023 г. эти показатели составляли 1,87 % и 2,35 % соответственно, то в 2024 г. они увеличились до 2,01 % и 2,76 %.

Большинство преступлений коррупционной направленности в Российской Федерации выявляется органами внутренних дел: в 2023 г. – 27 020 (74 %), а в 2024 г. – 26 938 (70 %).

Наиболее часто в 2024 г. фиксировались преступления, связанные со взяточничеством: на ст. 290–291.2 УК РФ приходится 23 240 выявленных посягательств, что составляет несколько больше 60 % от всех преступлений коррупционной направленности. Заметно реже отмечались случаи «коррупционного» мошенничества – 6052, хотя до 2022 г. преступления, квалифицируемые по ч. 3–7 ст. 159 УК РФ, являлись самым часто регистрируемым преступлением коррупционной направленности, квалифицируемым по одной статье [5].

Интересные изменения произошли в 2024 г. с суммами взяток по выявленным преступлениям. Общая сумма взяток существенно снизилась – с 9 362 012 тыс. рублей в 2023 г. до 6 727 064 тыс. рублей в 2024 г. В прошлом году по сравнению с предыдущим периодом заметно сократились суммы взяток в особо крупном размере (с 8 471 304 тыс. рублей до 5 687 642 тыс. рублей), а также полученных взяток (с 6 648 326 тыс. рублей до 3 564 183 тыс. рублей), при этом сумма взяток в значительном размере возросла незначительно (с 204 456 тыс. рублей до 207 196 тыс. рублей), зато существенный рост наблюдался в отношении сумм взяток в крупном размере (с 537 993 тыс. рублей до 697 878 тыс. рублей) и дачи взятки (с 2 713 686 тыс. рублей до 3 162 881 тыс. рублей).

Хотя раскрываемость преступлений коррупционной направленности в России традиционно остается очень высокой – 97,7 % в 2024 г. и 97,2 % в 2023 г., данные цифры не должны вводить в заблуждение, поскольку речь идет о раскрываемости именно выявленных преступлений, однако хорошо известно, что коррупционные преступления отличаются высокой степенью латентности, причем, по мнению Д. А. Шаманского, на сегодняшний день имеются благоприятные условия, причины и обстоятельства для повышения ее уровня [6].

Однако при всей неполноте имеющейся официальной статистической информации¹ иные источники, позволяющие достаточно объективно оценить состояние коррупционной преступности, в руках исследователей, на наш взгляд, отсутствуют. При этом даже на основании имеющейся статистики существует возможность проследить тенденции, присущие рассматриваемому виду преступности, а также выявить черты, характерные для преступников-коррупционеров, что, в свою очередь, позволяет раз-

рабатывать эффективные меры противодействия коррупционной преступности, а также может помочь раскрытию и расследованию соответствующих преступлений.

С учетом того, что преступления коррупционной направленности могут совершать не только должностные лица, не должно вызывать удивления то обстоятельство, что наиболее часто виновными в совершении указанных преступлений становятся работники, сотрудники и представители коммерческих или иных организаций (предприятий): в 2023 г. их установлено 4415 человек, а в 2024 г. – 4830. Между тем, в прошлом году значительно возросло число преступников-коррупционеров, из числа военнослужащих, гражданского персонала воинских частей, учреждений при исполнении служебных обязанностей, граждан в период прохождения военных сборов – до 1733 человек. Данная категория стала второй по распространенности, в то время как в 2023 г. она была лишь четвертой (1278 человек).

Третьей по распространенности в 2024 г. стала группа преступников-коррупционеров, ранее обычно располагавшаяся строчкой выше, куда вошли работники, сотрудники, представители правоохранительных и правоприменительных органов – 1676 человек, из них наиболее часто устанавливались виновные, относящиеся к должностным лицам органов внутренних дел – 1014 человек. Следует отметить, что годом ранее их было несколько больше – 1775 и 1024 лица соответственно.

Четвертая по распространенности в 2024 г. группа – работники, сотрудники, представители иных государственных, муниципальных организаций (предприятий) – 1559 человек (в 2023 г. было 1639 лиц – третья по распространенности группа).

Можно предположить, что увеличение количества преступников-коррупционеров, относящихся к военнослужащим, гражданскому персоналу воинских частей, учреждений при исполнении служебных обязанностей, граждан в период прохождения военных сборов, имеет непосредственное отношение к проводимой Российской Федерацией специальной военной операции, и такой рост числа преступников данной категории негативно сказывается на обороноспособности нашей страны.

Социальное положение лиц, выявленных за совершение преступлений коррупционной направленности, в 2023 и 2024 гг. существенно не отличалось. Наиболее часто виновными в таких преступлениях являлись лица, относящиеся к категории служащих – 7189 в 2023 г. и 7187 в 2024 г., заметно реже ими становились наемные рабочие – 3031 и 3639, лица без определенных источников доходов – 3166 и 2939, субъекты предпринимательской деятельности – 2031 и 2014 человек соответственно.

Усилия, предпринимаемые Российской Федерацией в деле упорядочения миграционных процессов, в определенной степени повлияли и на показатели коррупционной преступности. Хорошо известно, что лица, прибывшие в нашу страну из других госу-

¹ Статистические документы // Сервис ведомственной правовой статистики МВД России. URL: <https://svps.mvd.ru/web/guest/stat-docs/> Доступ для зарегистрированных пользователей.

дарств, нередко допускают те или иные нарушения миграционного законодательства, и некоторая часть мигрантов пытается решить возникающие в связи с этим проблемы путем совершения коррупционных преступлений.

Усилившийся контроль в данной сфере привел к тому, что в 2024 г. за совершение коррупционных преступлений было выявлено на 15,6 % больше трудовых мигрантов (653 человека) по сравнению с предыдущим периодом (565 человек). Еще более заметный результат достигнут в отношении незаконных мигрантов, которые совершили указанные преступления, рост составил внушительные 181,82 % (со 165 до 465 человек).

Если говорить о сферах, к которым относятся преступники-коррупционеры, то следует отметить, что большинство из виновных в 2024 г. имели отношение к государственному управлению и обеспечению военной безопасности, а также к обязательному социальному обеспечению (с точки зрения уголовно-правовой статистики они все отнесены к одной группе) – 5163 человек, из них 3786 осуществляли деятельность по обеспечению общественного порядка и безопасности. Достаточно большое количество виновных были заняты в образовании (1561), здравоохранении и предоставлении социальных услуг (1362). Похожая картина по трем указанным категориям наблюдалась и в предыдущем периоде – 5386, 1743 и 1257 человек соответственно.

Учитывая изложенные выше данные о том, кем в большинстве своем являются преступники-коррупционеры, логично сделать предположение о заметном отличии «портрета» такого преступника в основных статистических показателях от «портрета», который можно составить исходя из данных о «среднем» преступнике.

Очевидно, что для преступника-коррупционера совершенно не типично предыдущее совершение преступления (по крайней мере, преступления, причастность к которому конкретного лица была установлена). Процент лиц, ранее совершавших преступления, среди всех преступников является достаточно стабильным: в 2023 г. он составил 58,56 %, а в 2024 г. – 56,3 %. Аналогичный показатель для преступников-коррупционеров столь же устойчив, но отличается в меньшую сторону очень значительно: 15,5 % и 15,3 % соответственно.

Еще менее характерна для преступников-коррупционеров предыдущая судимость: таковых в 2023 г. было 4,2 %, а в следующем году еще меньше – 4 %, тогда как для «среднего» преступника аналогичная доля значительно выше – 31,2 % и 28,9 % соответственно.

Столь же существенно отличается у преступника-коррупционера и «среднего» преступника возраст во время совершения противоправного деяния. Среди всех преступников в 2024 г. на соответствующий возраст приходился следующий процент виновных (в 2023 г. показатели отличались незначительно):

- 14–15 лет – 1 %;
- 16–17 лет – 8,15 %;

- 18–24 года – 13,37 %;
- 25–29 лет – 11,13 %;
- 30–49 лет – 57,89 %;
- 50 лет и старше – 14,44 %.

Аналогичные доли в отношении преступников-коррупционеров в том же году выглядели следующим образом:

- 14–15 лет – 0 %;
- 16–17 лет – 0,26 %;
- 18–24 года – 9 %;
- 25–29 лет – 9,2 %;
- 30–49 лет – 60,1 %;
- 50 лет и старше – 21,37 %.

Таким образом, преступник-коррупционер значительно старше по возрасту «среднего» преступника, чаще всего это более сформировавшаяся личность, имеющая большой жизненный и профессиональный опыт. Стоит также отметить, что криминальная активность преступников-коррупционеров, достигших пятидесяти лет, снижается не столь значительно, как это прослеживается у преступников в целом.

В последние годы в Российской Федерации отмечается некоторое увеличение доли женщин, совершающих преступления: если в 2023 г. – это 16,8 %, то в 2024 г. – уже 18,2 %. При этом доля женщин среди преступников-коррупционеров несколько выше, чем среди всех преступников, но в прошлом году она немного снизилась (21,44 %) по сравнению с 2023 г. (21,7 %).

Преступников-коррупционеров отличает и намного более высокий уровень образования: более половины из них (55,3 %) по данным 2024 г. имеют высшее образование, в то время как соответствующая доля, относящаяся ко всем преступникам, составляет лишь 12,45 %. Среднее профессиональное образование получили 23,5 % преступников-коррупционеров и 36 % преступников в целом, начальное и основное общее – 4,66 % и 18,43 %, среднее (полное) общее – 15,88 % и 30,9 % соответственно.

Проведенный анализ статистических данных свидетельствует о том, что лица, совершающие преступления коррупционной направленности, достаточно серьезно отличаются от «средних» преступников, и подобные особенности остаются стабильными достаточно длительное время. Во многом эти отличия связаны со спецификой указанных противоправных деяний, заметная часть которых предполагает, например, наличие у субъекта определенного образования (допустим, если речь идет о должностных лицах, что также оказывает влияние на отсутствие у преступников судимости за ранее совершенные преступления). Кроме того, коррупционные преступления чаще всего не требуют от виновного каких-либо физических усилий, обычно присущих насильственным преступлениям, что находит свое отражение в повышенном количестве среди преступников-коррупционеров женщин, а также лиц условно старшего возраста. Наиболее часто выявленные преступники в рассматриваемой сфере имели отношение к государственному управлению и обеспечению военной безопасности,

обязательному социальному обеспечению, здравоохранению и предоставлению социальных услуг. Учет выявленных особенностей, присущих преступникам-коррупционерам, должен производиться как при раскрытии и расследовании преступлений коррупционной направленности, так и при разработке мер профилактики коррупционной преступности.

Библиографический список

1. Рябчикова Л. Н. К вопросу об экономических и правовых аспектах коррупции // Современное право. 2024. № 5. С. 35–40.
2. Михайлов В. И. Доктринальные основы определения понятия «коррупционные преступления» с позиций междисциплинарного подхода // Российский следователь. 2022. № 7. С. 43–50.
3. Чекмезова Е. И., Ермакова З. Д. Соотношение понятий «коррупция», «коррупционные преступления» и «взяточничество» по законодательству Российской Федерации и Республики Казахстан // Сибирское юридическое обозрение. 2024. № 1. С. 121–131.
4. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2024 г. и ожидаемые тенденции ее развития. Аналитический обзор / М. В. Гончарова, О. Р. Афанасьева, М. М. Бабаев, Р. В. Черкасов, Е. М. Тимошина, Г. Э. Бицадзе, К. С. Насуев, Н. А. Ведешкин, Г. Ф. Коимшиди. М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2025.
5. Веденин Д. В. Коррупционная преступность: современные тенденции // На страже закона. 2023. № 3 (3). С. 10–15.
6. Шаманский Д. А. Проблемы латентного соучастия в коррупционном преступлении // Российский судья. 2024. № 1. С. 12–16.

References

1. Ryabchikova L. N. On the economic and legal aspects of corruption // Modern Law. 2024. No. 5. Pp. 35–40.
2. Mikhailov V.I. Doctrinal Foundations of Defining the Concept of «Corruption Crimes» from the Perspective of an Interdisciplinary Approach // Russian Investigator. 2022. No. 7. Pp. 43–50.
3. Chekmezova E. I., Ermekova Z. D. Correlation of the concepts of «corruption», «corruption crimes» and «bribery» under the legislation of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan // Siberian legal review. 2024. No. 1. Pp. 121–131.
4. Comprehensive analysis of the state of crime in the Russian Federation in 2024 and expected trends in its development. Analytical review / M. V. Goncharova, O. R. Afanasyeva, M. M. Babaev, R. V. Cherkasov, E. M. Timoshina, G. E. Bitsadze, K. S. Nasuev, N. A. Vedeshkin, and G. F. Koimshidi. M.: Federal State Budgetary Institution VNII of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2025.
5. Vedenin D. V. Corruption crime: current trends // On guard of the law. 2023. No. 3 (3). Pp. 10–15.
6. Shaman D. A. Problems of Latent Complicity in a Corruption Crime // Russian Judge. 2024. No. 1. Pp. 12–16.

Информация об авторе

Веденин Дмитрий Витальевич – кандидат юридических наук

Information about the author

Vedenin Dmitriy V. – Candidate of Law

Статья поступила в редакцию 18.08.2025; одобрена после рецензирования 10.09.2025; принята к публикации 17.12.2025

The article was submitted 18.08.2025; approved after reviewing 10.09.2025; accepted for publication 17.12.2025

Современное состояние преступности в России

Голубых Никита Владимирович

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, ngolubykh2@mvd.ru

Аннотация. В статье на основе статистических данных анализируются современное состояние, динамика, структура и география российской преступности. Автор дает социально-криминологическую характеристику выявленным лицам, совершившим преступления. В статье обращается внимание на наиболее актуальные проблемы противодействия преступности в России.

Ключевые слова: состояние преступности, структура преступности, личность преступника, предупреждение преступлений, субъекты Российской Федерации

Для цитирования: Голубых Н. В. Современное состояние преступности в России // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 4. С. 140–143.

Original article

The current state of crime in Russia

Golubykh Nikita V.

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia, ngolubykh2@mvd.ru

Abstract. The article analyzes the current state, dynamics, structure and geography of Russian crime based on statistical data. The author gives a socio-criminological description of the identified perpetrators of crimes. The article draws attention to the most pressing problems of crime prevention in Russia.

Keywords: the state of crime, the structure of crime, the identity of the criminal, crime prevention, subjects of the Russian Federation

For citation: Golubykh N. V. The current state of crime in Russia // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 4. Pp. 140–143.

Выступая на Коллегии МВД России, Президент Российской Федерации В. В. Путин заявил, что «сегодня важно наращивать работу ведомства по всем направлениям, закреплять положительные тенденции, которых вы добились. Прежде всего, это касается обеспечения безопасности граждан, защиты здоровья, жизни, имущества людей»¹.

Несмотря на очевидные успехи в деле борьбы с преступностью и существенное снижение за последние 20 лет ее показателей, она продолжает оставаться негативным, достаточно массовым социальным явлением, существенно влияющим на все сферы общественной жизни.

В 2024 году в России было зарегистрировано 1 911 258 преступлений². Этот показатель на 1,8 % ниже показателя 2023 года. Можно отметить, что тенденция на снижение уровня преступности, наметившаяся еще в

2007 году, подтвердилась и в 2024 году. Примерно 32 % преступлений из числа зарегистрированных в 2024 году относились к категории тяжких и особо тяжких.

Из года в год «основой» российской преступности являются имущественные преступления. В 2024 году в России больше половины всех преступлений составили хищения чужого имущества, прежде всего в форме кражи и мошенничества. По-прежнему преступлением номер один в нашей стране является кража (более 499 тысяч преступлений). Второе место занимают мошенничества (более 445 тысяч преступлений). При этом, например, десять лет назад, в 2014 году было зарегистрировано 160 тысяч мошенничеств, что говорит о бурном росте числа таких преступлений в последнее время. Учитывая, что количество краж, зарегистрированных в 2024 году, сократилось на 14,3 % в сравнении с 2023 годом, а количество мошенничеств выросло на 2,8 %, можно предположить, что в ближайшее время мошенничество станет самым распространенным преступлением в России.

¹ URL: <https://kremlin.ru/events/president/news/67795> (дата обращения: 05.06.2025).

² Состояние преступности за 2024 год. URL: <https://мвд.рф/reports> (дата обращения: 05.06.2025).

Говоря об имущественных преступлениях, важно отметить, что в последнее время существенно менялась форма их совершения, все больше таких преступлений совершается при помощи информационно-телекоммуникационных технологий. В 2024 было зарегистрировано 486,3 тысяч краж и мошенничеств, совершенных при помощи IT-технологий. В тоже время на 28,7 % сократилось количество квартирных краж (14,6 тыс.).

Если в целом говорить о преступлениях, совершаемых в сфере компьютерной информации и с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, то в 2024 году в России их было зарегистрировано более 765 тысяч. Количество таких преступлений за год выросло на 13,1 %, что хотя существенно и уступает приросту 2020 года (+73,4 %), все равно является весьма значительным показателем. В настоящее время анализируемая группа преступлений составляет 40 % в общей структуре российской преступности, тогда как в 2023 году она составляла 34,8 %. Можно спрогнозировать дальнейший рост как данной группы преступлений, так и ее удельного веса в общей массе регистрируемых преступлений.

Основу IT-преступности составили хищения чужого имущества (63,5 %) и незаконный оборот наркотических средств (12,4 %).

В целом структура IT-преступности в 2024 году выглядела следующим образом:

- кража (ст. 158 УК РФ) – 105 937 преступлений;
- мошенничество (ст. 159, 159.3, 159.6 УК РФ) – 380 344 преступления;
- незаконные организация и проведение азартных игр (ст. 171.2 УК РФ) – 368 преступлений;
- публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма (ст. 205 УК РФ) – 898 преступлений;
- незаконные производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ, а также незаконные сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (ст. 228.1 УК РФ) – 94 645 преступлений;
- изготовление порнографических материалов (ст. 242, 242.1, 242.2 УК РФ) – 3554 преступления;
- публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ) – 447 преступлений;
- неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ) – 105 311 преступлений;
- создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ) – 309 преступлений.

Если говорить о географии IT-преступности, то пятерка лидеров по удельному весу преступлений, совершаемых в сфере компьютерной информации и с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, среди субъектов Российской Федерации выглядит следующим образом:

- Республика Мордовия – 63,4 %;
- Республика Марий Эл – 61,6 %;

- Республика Татарстан – 57,1 %;
- Ханты-Мансийский АО – Югра – 54,1 %;
- Чувашская Республика – 53,5 %.

Наименьший удельный вес преступлений анализируемой категории наблюдался в следующих субъектах:

- Республика Дагестан – 15,1 %;
- Чеченская Республика – 16,6 %;
- Республика Тыва – 17,2 %;
- Республика Ингушетия – 22,3 %;
- Республика Алтай – 27,7 %.

Можно согласиться с представителями ВНИИ МВД России, что в ближайшее время основными тенденциями рассматриваемой группы преступлений будут выступать:

- рост числа IT-преступлений;
- увеличение числа таких преступлений, совершаемых по политическим мотивам;
- сохранение высокого уровня латентности;
- совершение хищений денежных средств при помощи возможностей кол-центров, в том числе зарубежных;
- увеличение количества утечек персональных данных как значимого криминогенного фактора самовоспроизводства киберпреступлений;
- появление новых способов совершения анализируемых преступлений;
- применение новых технологий, в том числе использующих искусственный интеллект;
- увеличение ущерба от преступлений, совершаемых в сфере компьютерной информации и с использованием информационно-телекоммуникационных технологий [1].

По-прежнему серьезную озабоченность вызывает ситуация, связанная с незаконным оборотом наркотиков. Мало того, что таких преступлений в России в 2024 году было зарегистрировано 198 тысяч, что составляет почти 10 % в структуре преступности, так еще и их количество увеличилось в сравнении с 2023 годом на 3,7 %. Особую тревогу вызывает рост показателей преступлений, связанных со сбытом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (+7 % к показателям 2023 года). Кроме того, за год увеличилась доля таких преступлений в структуре наркопреступности с 66,1 % до 68,2 %.

Если говорить о региональных особенностях наркопреступности, то наибольший удельный вес преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, сильнодействующих веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ, в общей структуре преступности наблюдался в 2024 году в следующих субъектах Российской Федерации:

- Кабардино-Балкарская Республика – 20,5 %;
- Карачаево-Черкесская Республика – 16,9 %;
- Республика Дагестан – 15,5 %;
- Свердловская область – 14,7 %;
- Омская область – 14,6 %.

Наименьший удельный вес преступлений рассматриваемой группы наблюдался в следующих регионах:

- Чукотский АО – 2,3 %;
- Ненецкий АО – 3,9 %;
- Республика Саха (Якутия) – 4,3 %;
- Новосибирская область – 4,8 %;
- Республика Карелия – 4,9 %.

Существенный годовой прирост преступлений наблюдается и в области террористической (+55,9 %) и экстремистской (+28,3 %) деятельности. Всего в 2024 году было зарегистрировано 3714 преступлений террористического характера и 1719 преступлений экстремистской направленности. Вместе с тем сократилось за год на 4,2 % количество преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия. Таких преступлений в 2024 году было зарегистрировано 18,6 тысяч.

В 2024 году зарегистрировано более 105 тысяч преступлений экономической направленности. Количество таких преступлений примерно осталось на уровне предыдущего года, а в структуре преступности экономические преступления составили 5,5 %.

В 2024 году выявлено 666 260 лиц, совершивших преступления. Это на 11,2 % ниже показателей 2023 года. По-прежнему высокой остается среди выявленных преступников доля лиц, не имеющих постоянного источника дохода – 60,8 %, хотя по сравнению с показателями 2023 года она уменьшилась (63,7 %), это остается одной из ключевых проблем криминологии, требующей дальнейшего решения. Среди регионов России по данному показателю лидируют республики Северного Кавказа:

- Республика Дагестан – 84,6 %;
- Республика Ингушетия – 81,8 %;
- Чеченская Республика – 81,6 %;
- Республика Северная Осетия – Алания – 78,9 %;
- Кабардино-Балкарская Республика – 78,8 %.

Женщин среди лиц, совершивших преступления, в 2024 году было 18,1 %, несовершеннолетних – 3,2 %, что в основном соответствует показателям последних лет.

Значительным в 2024 году остается количество преступлений, совершенных лицами, ранее совершавшими преступления – 513 915. Такое количество составляет 57,1 % в структуре расследованных преступлений и является еще одним важным направлением борьбы с преступностью. Среди регионов России по данному показателю лидируют:

- Республика Карелия – 71,6 %;
- Республика Хакасия – 71,2 %;
- Пермский край – 70,1 %;
- Вологодская область – 70,1 %;
- Амурская область – 69,8 %.

Ранее судимыми лицами в 2024 году совершено 288 531 преступление, что составляет 32,1 % от числа расследованных преступлений. Рецидивная преступность остается одной из самых существенных проблем, требующих дальнейшего разрешения. Можно согласиться с отдельными исследователями, что по-

вторное совершение преступления после принятия к виновному предусмотренных законом мер свидетельствует о несовершенстве социально-правового механизма профилактики преступности, невосприимчивости некоторой части преступников к антикриминальному воздействию [2].

В состоянии алкогольного опьянения в 2024 году было совершено 178 533 преступления, что составило 19,8 % в структуре расследованных преступлений. И хотя показатели 2024 года на 20 % ниже показателей 2023 года, проблема продолжает стоять очень остро.

Вопрос о влиянии состояния опьянения на индивидуализацию наказания, как справедливо замечает А. В. Курсаев, неоднозначно решался в отечественной уголовно-правовой литературе. В частности, предлагалось рассматривать опьянение и в качестве смягчающего ответственность обстоятельства всегда или в отдельных случаях, и в качестве отягчающего обстоятельства, а также решать этот вопрос индивидуально в зависимости от особенностей конкретного преступления (или группы преступлений, например, связанных с исполнением профессиональных функций в отношении источника общественной опасности) и индивидуальных характеристик лица, совершившего преступление в этом состоянии [3]. В 2013 году состоялось возвращение совершения преступления в состоянии опьянения в перечень обстоятельств, отягчающих наказание, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации. При этом оно может учитываться или не учитываться судом в качестве отягчающего в зависимости от характера и степени общественной опасности преступления, обстоятельств его совершения и личности виновного.

Среди регионов по удельному весу преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, в структуре преступности лидируют:

- Ненецкий АО – 47,7 %;
- Республика Тыва – 45,8 %;
- Чукотский АО – 39,1 %;
- Республика Алтай – 36,8 %;
- Республика Коми – 35,9 %.

В группе лиц в 2024 году было совершено 150 089 преступлений, что составляет 12,8 % от общей массы зарегистрированных преступлений. По данному показателю лидируют следующие субъекты Российской Федерации:

- г. Москва – 30,4 %;
- Калужская область – 19,6 %;
- Саратовская область – 19,0 %;
- Псковская область – 18,5 %;
- Томская область – 18,1 %.

В составе организованной группы или преступного сообщества (преступной организации) было совершено 38 067 преступлений, что составило 4,2 % в структуре российской преступности. При этом показатели организованной преступности возросли за год на 19,6 %, что не может не вызывать тревогу.

Иностранцами гражданами и лицами без гражданства в 2024 году совершено 38 578 преступлений,

что составило 4,3 % от общего количества преступлений. Абсолютное большинство таких преступлений совершено гражданами республик бывшего Советского Союза. Показатели данного вида преступности остались на уровне 2023 года.

В заключение можно констатировать, что тенденция на снижение преступности, наметившаяся в середине 2000-х годов, продолжилась и в 2024 году. Несмотря на появление новых угроз, прежде всего внешнеполитического характера, органам внутренних дел во взаимодействии с другими правоохранительными органами удалось сохранить контроль над криминогенной ситуацией в России.

Библиографический список

1. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2024 г. и ожидаемые тенденции ее развития. Аналитический обзор / М. В. Гончарова, О. Р. Афанасьева, М. М. Бабаев, Р. В. Черкасов [и др.]. М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2025. 61 с.
2. Филиппова О. В. Структура российской рецидивной преступности // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2024. № 2. С. 19–22.
3. Курсаев А. В. Подходы судов к оценке совершения преступления в состоянии опьянения как обстоятельства, отягчающего или смягчающего наказание // Уголовное право. 2023. № 6. С. 25–38.

References

1. A comprehensive analysis of the state of crime in the Russian Federation by the end of 2024 and the expected trends in its development. Analytical review / M. V. Goncharova, O. R. Afanasyeva, M. M. Babaev, R. V. Cherkasov [and others]. M.: Federal State Budgetary Institution VNII of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2025, 61 p.
2. Filippova O. V. The structure of Russian recidivism // Penal enforcement system: law, economics, management. 2024. № 2. Pp. 19–22.
3. Kursaev A. V. Approaches of courts to assessing the commission of a crime in a state of intoxication as a circumstance aggravating or mitigating punishment // Criminal law. 2023. № 6. Pp. 25–38.

Информация об авторе

Голубых Никита Владимирович – кандидат юридических наук, доцент

Information about the author

Golubykh Nikita V. – Candidate of Law, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 18.06.2025; одобрена после рецензирования 10.07.2025; принята к публикации 17.12.2025

The article was submitted 18.06.2025; approved after reviewing 10.07.2025; accepted for publication 17.12.2025

О некоторых проблемах, связанных с использованием беспилотных воздушных судов в следственной деятельности

Дерюгин Роман Александрович

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, deryugin.r.a@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-6630-1354>

Аннотация. Автором рассматриваются отдельные проблемы применения беспилотных воздушных судов в следственной деятельности. Уделено внимание классификации беспилотных воздушных судов и техническим возможностям их использования в рамках производства следственных действий. На основе проведенного исследования автор делает выводы о целесообразности применения беспилотных воздушных судов следователем самостоятельно и указывает условия, при которых это возможно с учетом действующего законодательства.

Ключевые слова: беспилотные воздушные суда, следственная деятельность, расследование преступлений, следственный осмотр, взаимодействие

Для цитирования: Дерюгин Р. А. О некоторых проблемах, связанных с использованием беспилотных воздушных судов в следственной деятельности // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 4. С. 144–148.

Original article

On some problems related to the use of unmanned aerial vehicles in investigative activities

Deryugin Roman A.

Ural Law Institute of the Ministry of Internal of Russia, Yekaterinburg, Russia, deryugin.r.a@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-6630-1354>

Abstract. The author examines certain problems of using unmanned aerial vehicles in investigative activities. Attention is paid to the classification of unmanned aerial vehicles and the technical possibilities of using them in the course of investigative actions. Based on the conducted research, the author draws conclusions about the expediency of using unmanned aerial vehicles by an investigator independently and specifies the conditions under which this is possible, taking into account the current legislation.

Keywords: unmanned aerial vehicles, investigative activities, crime investigation, investigative examination, and cooperation

For citation: Deryugin R. A. On some problems related to the use of unmanned aerial vehicles in investigative activities // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 4. Pp. 144–148.

Использование беспилотных воздушных судов (далее – БВС) в деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации в настоящее время является одним из важнейших элементов, качественно влияющим на мониторинг, контроль и оперативное реагирование в рамках обеспечения общественной безопасности [1, с. 1765].

В целом вся сфера беспилотных авиационных систем сегодня претерпевает революционный этап развития. Наряду с реализацией перспективного национального проекта «Беспилотные авиационные

системы»¹, согласно которому к 2030 г. запланировано ежегодное производство свыше 30 тыс. гражданских БВС, Президент Российской Федерации В. В. Путин отмечает, что «к 2030 г. Россия должна войти в число глобальных технологических лидеров в сфере беспилотных авиационных систем. Для этого на от-

¹ Путин В. В. заявил о планах нарастить в 10 раз выпуск дронов в 2024 г. URL: <https://www.rbc.ru/politics/19/09/2024/66ec24969a7947ff4de2f5ff>.

ественной технологической и производственной платформе – как внутри страны, так и за ее пределами – предстоит создать мощную индустрию, инфраструктуру и систему сервиса беспилотников. Эта сфера призвана стать одной из ключевых в технологическом развитии России»¹.

Действительно, БВС уже стали критически важным инструментом в аграрном секторе, строительстве, энергетике и промышленности, работе спасательных служб и других сферах деятельности общества. Не исключение и правоохранительные органы, где БВС эффективно применяются при патрулировании объектов, выявлении правонарушений, обеспечении общественной безопасности.

В связи с этим, отметим внесенные в 2023 г. изменения в Федеральный закон «О полиции»², позволяющие подразделениям органов внутренних дел использовать в служебной деятельности БВС в целях обеспечения правопорядка, фиксации правонарушений в сфере дорожного движения, объективного контроля в местах проведения массовых мероприятий, наблюдения за точками оперативного интереса, поиска без вести пропавших лиц, обследования объектов, зданий и сооружений на наличие потенциальных угроз жизни и здоровью граждан и сотрудников.

Вместе с тем одной из важнейших задач, которую можно решить посредством использования БВС в правоохранительной деятельности, является технико-криминалистическое сопровождение производства отдельных следственных действий. Видится, что использование БВС в качестве технического средства при производстве следственных действий в порядке, предусмотренном ч. 6 ст. 164 УПК РФ, позволит существенно оптимизировать работу следователя (дознателя) при получении криминалистически значимой и доказательственной информации.

Современные БВС обладают техническими характеристиками, позволяющими осуществлять длительные полеты на разных высотах и разной скорости (в некоторых комплектациях даже независимо от погодных условий). Максимально точное геопозиционирование объектов в совокупности с высоким качеством фото- и видеосъемки и онлайн-трансляцией широкоформатного изображения повышают качество производства осмотра мест происшествий, расположенных на открытой местности, в лесном массиве, на загородных дорогах (трассах) и иных значительных по площади территориях.

На сегодняшний день перечень БВС, которые по своим характеристикам и назначению могут использоваться в следственной деятельности, необычайно широк.

В соответствии с ГОСТ Р 59517-2021 «Беспилотные авиационные системы. Классификация и категориза-

ция» «национальный стандарт Российской Федерации» все БВС можно разделить на несколько видов:

1. Применительно к взаимному пространственному расположению частей конструкции и оборудования; самолеты (с неподвижным крылом); вертолеты; мультикоптеры; конвертопланы; аэростаты и др.

2. По способу взлета и посадки: горизонтального взлета; вертикального взлета; взлета с направляющего рельса; взлета с руки.

3. По типу двигателя и используемого источника энергии: поршневой двигатель; газотурбинный двигатель; роторный двигатель; электрический двигатель; ракетный двигатель; воздушно-реактивный двигатель; гибридный двигатель.

4. По способу управления: ручной режим дистанционного управления; автоматический режим дистанционного управления; автономный режим дистанционного управления.

Однако в достаточной мере подробной и полной классификации беспилотных авиационных систем в настоящий момент не существует. Это проблема связана с тем, что классификация БВС по различным критериям осуществляется без согласования с производителями, заинтересованными подразделениями государственных органов, конструкторами и учеными.

В качестве еще одного проблемного аспекта следует отметить, что Департаментом информационных технологий, связи и защиты информации Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – ДИТСиЗИ) разработан перечень БВС, которые можно применять в деятельности органов внутренних дел (далее – перечень), а также подразделениями МВД России предложено вносить изменения с учетом позиций из данного перечня в «табель положенности» подразделений, руководствуясь Приказом МВД России от 21 января 2009 г. № 37.

На момент подготовки настоящего исследования отдельные позиции из перечня БВС невозможно приобрести в связи с введением запретов по их закупке в соответствии с Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. № 44 «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»³, так как они являются продуктами иностранного производства. Во-вторых, указанный перечень ограничен конкретными моделями БВС, несмотря на их широкий спектр, различную комплектацию и разную ценовую категорию. В-третьих, отдельные позиции из данного перечня уже не выпускаются производителями.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что перечисленные проблемы в значительной степени ограничивают территориальные органы внутренних дел в приобретении актуальных и эффективных образцов БВС, что позволило бы рационально расходовать бюджетные средства.

³ Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения 28.05.2025).

¹ Совещание по развитию беспилотных авиационных систем. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/76175> (дата обращения: 28.05.2025).

² Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции». URL: <https://www.consultant.ru>.

Но вместе с тем, во многих подразделениях территориальных органов внутренних дел используются БВС, которые приобретены в рамках централизованных поставок беспилотных авиационных систем (далее – БАС), представляющие собой комплекс оборудования, необходимый для осуществления полетов для патрулирования, наблюдения и мониторинга, а также для обеспечения общественной безопасности и борьбы с преступностью. Как правило, такие системы могут применяться только прошедшими специальную летную подготовку и имеющими соответствующую квалификацию сотрудниками подразделений РТК и БВС территориальных органов внутренних дел.

Поэтому практика применения БВС в рамках отдельных следственных действий в настоящий момент построена на принципах взаимодействия следственных подразделений и подразделений РТК и БВС и привлечения последних в качестве специалистов.

В теории же с учетом несложной конструкции, простоты управления и интуитивно понятного интерфейса некоторых БВС можно предположить, что следователь мог бы самостоятельно использовать их для фиксации места происшествия и анализа следственной ситуации и обстановки. Однако в настоящий момент ни в уголовно-процессуальном законодательстве, ни на уровне ведомственных правовых актов нет указаний на возможность самостоятельного использования данных систем следователем, как нет и соответствующего запрета. Применение БВС следователем ограничено только необходимостью его переподготовки или повешения квалификации как внешнего пилота или инструктора в рамках специальных программ обучения и получением летных навыков.

Перед тем как сделать определенные выводы о рациональности подготовки следователей в качестве внешних пилотов, следует обратить внимание на некоторые организационные аспекты проведения полета при производстве следственных действий. Например, при организации полета в рамках проведения осмотра места происшествия необходимо руководствоваться рядом законодательно определенных правил¹. В частности, до начала выполнения

действий по организации полета следует убедиться, что БВС зарегистрировано в соответствии с Федеральными авиационными правилами государственной регистрации воздушных судов². Каждое воздушное судно должно быть оснащено опознавательными знаками и иметь свидетельство о государственной регистрации с присвоением регистрационного номера. Также оно должно быть застраховано от ответственности за причиненный ущерб жизни, здоровью или имуществу третьих лиц в процессе эксплуатации.

Алгоритм действий по подготовке к осмотру места происшествия с применением БВС:

1. Подготовка и представление плана полета воздушного судна в оперативный орган Единой системы организации воздушного движения (далее – ЕС ОрВД), на основании которого выдается разрешение на использование воздушного пространства.

2. Установление временного или местного режимов использования воздушного пространства беспилотным воздушным судном, а также кратковременных ограничений.

3. Подготовка представления на временный режим – за 5 суток до выполнения полетов, на местный режим – за 3 суток.

4. В случае проведения авиационных работ над территорией населенных пунктов необходимо заблаговременно получить разрешение на использование воздушного пространства в соответствующем органе местного самоуправления (в городах федерального значения – это орган исполнительной власти данного субъекта). Без такого разрешения представление на установление временного и местного режимов при подаче в центр ЕС ОрВД будет отклонено.

5. Кратковременные ограничения использования воздушного пространства могут устанавливаться всеми центрами ЕС ОрВД на срок до 3 часов для оперативного введения запретов или ограничений в целях обеспечения безопасного выполнения полетов воздушных судов, выполняющих задачи по обороне государства, обеспечению общественной безопасности и используемых при проведении поисково-спасательных работ.

При подаче в оперативный орган ЕС ОрВД представления на установление местного или временного ограничивающих режимов указывается:

- устанавливаемый режим (временный или местный);
- дата, время действия режима;
- вид БВС (марка, модель и индивидуальный опознавательный номер);
- цель использования воздушного пространства;
- границы установления режима;
- диапазон высоты производства полетов;
- контактная информация о внешнем пилоте.

обращения: 29.05.2025).

¹ См: Постановление Правительства Российской Федерации от 11 марта 2010 г. № 138 «Об утверждении Федеральных правил использования воздушного пространства Российской Федерации». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.05.2025); Приказ Министра обороны Российской Федерации от 24 сентября 2004 г. № 275 «Об утверждении Федеральных авиационных правил производства полетов государственной авиации». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.05.2025); Постановление Правительства Российской Федерации от 2 декабря 1999 г. № 1329 «Об утверждении Правил расследования авиационных происшествий и авиационных инцидентов с государственными воздушными судами в Российской Федерации». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.05.2025); Постановление Правительства Российской Федерации от 28 августа 2015 г. № 901 «О Единой системе организации воздушного движения Российской Федерации (вместе с Положением о единой системе организации воздушного движения Российской Федерации)». URL: <http://www.consultant.ru> (дата

² Приказ Министерства обороны Российской Федерации от 28 ноября 2002 г. № 460 «Об утверждении Федеральных авиационных правил государственной регистрации государственных воздушных судов». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.05.2025).

6. После установления режима в оперативный орган ЕС ОрВД через систему представления планов полетов по сети Интернет (<https://spri.ivprf.ru>) либо по телефонной сети направляется план полетов (заявка на использование воздушного пространства), который содержит следующую информацию:

- опознавательный индекс воздушного судна (бортовой номер БВС);
- количество, тип воздушного судна;
- место площадки старта и время вылета;
- маршрут полета (зона полета);
- место площадки посадки и общее расчетное истекшее время до посадки БВС.

Кроме того, в него может быть включена иная информация, необходимая для описания особенностей маршрута полета.

7. В соответствии с Курсом поддержания летной натренированности авиационного персонала МВД России¹ за сутки до выполнения полетов составляется плановая таблица полетов, которая утверждается начальником (руководителем) территориального органа МВД России или другого подразделения системы МВД России, эксплуатирующего БВС.

8. После предоставления необходимой информации и при положительном решении органа ЕС ОрВД внешний пилот (оператор) производит авиационные работы в соответствии со служебным заданием.

На стадии подготовки к осмотру места происшествия по прибытии на место следователю необходимо развернуть БВС, проанализировать план полетов (сориентироваться), зафиксировать место происшествия и обнаруженные следы преступления по правилам криминалистической фотографии и аэрофотосъемки. На заключительном этапе помимо составления протокола осмотра места происшествия, необходимо обработать фотоснимки, включая фотограмметрическую обработку посредством специализированного программного обеспечения, составить ортофотоплан или иллюстрационную таблицу.

По нашему мнению, в условиях, когда все вышеперечисленные действия успешно выполняются сотрудниками специально подразделения РТК и БВС, следователю для осуществления осмотра места происшествия с использованием БВС остается только заблаговременно организовать взаимодействие и обеспечить их участие в качестве специалистов. Соответственно, в этом случае самостоятельно применять БВС ему нецелесообразно. При этом, следует отметить, что привлечение специалистов подразделений РТК и БВС в отдаленных районах и малонаселенных пунктах в особенности в оперативном порядке весьма затруднительно.

Если говорить о других подразделениях правоохранительных органов, то опыт эксплуатации БВС как в России, так и за рубежом показывает, что оправ-

дывает себя создание при органах внутренних дел оснащенных системами и комплексами беспилотных летательных аппаратов (далее – БПЛА) специальных подразделений, не являющихся авиационными формированиями (например, полки (отдельные батальоны) ДПС, подразделения по охране особо важных и режимных объектов и т. д.) [2, с. 125]. Так, например, в 2025 г. в структуре транспортной полиции России также появились подразделения по применению и эксплуатации робототехнических комплексов и беспилотных воздушных судов. В марте 2025 г. у них на вооружении состояло 75 БПЛА².

Таким образом, можно сделать несколько выводов:

1. В соответствии с п. 6 ст. 164 УПК РФ следователь вправе применять при производстве следственных действий технические средства и способы обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств, к которым наравне с фотоаппаратом можно отнести, например, БВС с камерой и тепловизором.

2. Для самостоятельного применения в ходе следственных действий БВС следователю необходимо иметь соответствующую квалификацию, удостоверение и летную книжку, свидетельствующую о поддержании летных навыков.

3. Учитывая нехватку кадров и предельную загруженность следственных подразделений, в территориальных органах внутренних дел, где созданы специализированные подразделения РТК и БВС, более эффективным и рациональным будет не готовить из следователей внешних пилотов, а наладить взаимодействие между подразделениями и согласовывать при необходимости использование БВС при производстве следственных действий, привлекая специально подготовленных сотрудников в качестве специалистов.

4. Понимая функционал и широкие возможности применения БВС в следственной деятельности, в качестве исключительных случаев стоит рассмотреть возможность приобретения летных навыков следователями, которые осуществляют свою деятельность в малонаселенных или отдаленных и труднодоступных местностях, где привлечение вышеуказанных специалистов весьма затруднительно или невозможно.

В заключении подчеркнем, что применение БВС в следственной практике представляет собой сложный междисциплинарный процесс, требующий от следователя глубоких знаний в области криминалистики, воздушного права, дистанционного зондирования и информационных технологий. Технический потенциал современных БВС позволяет не только значительно повысить эффективность и безопасность осмотра места происшествия, но и получить принципиально новые виды доказательственной информации – высокоточные 3D-модели, ортофотопланы, тепловизи-

¹ Приказ МВД России от 29 декабря 2022 г. № 1111 «Об утверждении Курса поддержания летной натренированности авиационного персонала МВД России на беспилотных воздушных судах». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.05.2025).

² ТАСС: В структуре МВД создали подразделения по применению беспилотников. URL: <https://tass.ru/obschestvo/23302879> (дата обращения: 29.05.2025).

онные данные, мультиспектральные изображения. Однако конечная цель этого инструмента – преобразовать полученные данные в наглядный, информативный и криминалистически значимый иллюстративный материал, способствующий установлению истины по делу.

В этой связи, даже если следователь не является внешним пилотом и не имеет летных навыков, современные условия диктуют, что он должен владеть методикой применения БВС, знать виды и функционал современных БВС, а также алгоритмы действий по применению БВС в расследовании преступлений.

Библиографический список

1. Павлов Н. С., Тарыкин В. К. Применение беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) в правоохранительных органах России // Вестник науки. 2024. № 12 (81). Т 4. С. 1764–1770.
2. Митюшин Д. А. Роль и место систем и комплексов с беспилотными летательными аппаратами в деятельности органов внутренних дел // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 12. С. 123–127.

References

1. Pavlov N. S., Tarykin V. K. Use of Unmanned Aerial Vehicles (UAVs) in Law Enforcement Agencies of Russia // Science Bulletin. 2024. No. 12 (81). Vol. 4. Pp. 1764–1770.
2. Mityushin D. A. The Role and Place of Systems and Complexes with Un-manned Aerial Vehicles in the Activities of Internal Affairs Agencies // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 12. Pp. 123–127.

Информация об авторе

Дерюгин Роман Александрович – кандидат юридических наук, доцент

Information about the author

Deryugin Roman A. – Candidate of Law, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 30.05.2025; одобрена после рецензирования 02.07.2025; принята к публикации 17.12.2025

The article was submitted 30.05.2025; approved after reviewing 02.07.2025; accepted for publication 17.12.2025

Научная статья
УДК 343.985

Поисковая деятельность следователя по обнаружению криминалистически значимой информации в сети Интернет

Иванов Владислав Юрьевич

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, vivanov533@mvd.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-1974-4467>

Аннотация. В статье анализируется сущность поисковой деятельности следователя на современном этапе, представлены отличительные особенности розыскной и поисковой деятельности. Автор раскрывает термин и методы OSINT и их практическое значение для следственных органов с целью получения криминалистически значимой информации. Указывает на необходимость осуществления поисковой деятельности приемами и методами OSINT при собирании характеризующего материала о личности преступника. Особое внимание уделено использованию криминалистически значимой информации, полученной в результате поисковой деятельности в сети Интернет. Поисковая деятельность по открытым источникам позволяет следователю получить ориентирующую информацию для выдвижения версий, планирования производства отдельных следственных действий, прогнозирования поведения участников этих следственных действий, а также прогнозирования возможного противодействия.

Ключевые слова: поисковая деятельность, розыскная деятельность следователя, OSINT, криминалистически значимая информация, разведка по открытым источникам, подготовительный этап следственного действия

Для цитирования: Иванов В. Ю. Поисковая деятельность следователя по обнаружению криминалистически значимой информации в сети Интернет // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 4. С. 149–153.

Original article

The investigator's search activity for criminally significant information on the Internet

Ivanov Vladislav Yu.

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia, vivanov533@mvd.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-1974-4467>

Abstract. This article analyzes the nature of investigators' search activities today, the distinctive features of search and discovery activities are presented. The author explains the term and methods of OSINT and their practical significance for investigative agencies in obtaining forensically relevant information. The necessity of using OSINT search techniques and methods when gathering information about a criminal's personality is emphasized. Particular attention is paid to the use of forensically relevant information obtained through internet searches. Open-source searches allow investigators to obtain guiding information for developing leads, planning individual investigative actions, and predicting the behavior of those involved, as well as forecasting possible counteraction.

Keywords: search activities, investigative activities of the investigator, OSINT, forensically significant information, open source intelligence, preparatory stage of investigative action

For citation: Ivanov V. Yu. The investigator's search activity for criminally significant information on the Internet // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 4. Pp. 149–153.

В сложной и многогранной деятельности по раскрытию и расследованию преступлений отчетливо прослеживается ее важнейшее функциональное направление – информационно-тактический поиск. По-

исковая и разведывательная деятельность следователей приобретает важное значение в деятельности по расследованию уголовных дел, прежде всего для

получения данных о криминальном событии в целом и о личности преступника в частности.

Одной из причин, определяющих сложность раскрытия преступлений, является отсутствие в большинстве случаев информации об обстоятельствах совершенного преступления, сведений о личности преступника и потерпевшего. В связи с этим в ходе раскрытия и расследования преступлений возникает необходимость проведения поисковых мероприятий.

В обыденном смысле под поиском понимают действия ищущего, установление кого-нибудь, чего-нибудь [1]. Такое базовое, хотя и недостаточно информативное, определение позволяет все же частично разъяснить содержание этого понятия, но, естественно, не дает и не может дать полного представления о его сущности.

Тем не менее с помощью поиска можно получить криминалистически значимую информацию, имеющую значение для раскрытия и расследования конкретного преступления.

В криминалистической науке традиционно существовало направление, посвященное розыскной деятельности следователя, которому, к сожалению, в наше время не уделяется должного внимания. При этом поисковую и розыскную деятельность необходимо отличать друг от друга. Стоит согласиться с позицией Г. А. Кокурина, который указывает, что поисковая деятельность направлена на выявление новых «источников криминалистически значимой информации обо всех обстоятельствах, имеющих значение для дела», а розыскная деятельность – на установление информации о месте нахождения ранее уже известных источников криминалистически значимой информации [2, с. 101].

По мнению Л. Я. Драпкина, Г. А. Кокурина, поисковая деятельность зависит от вида возникшей следственной ситуации. В простых следственных ситуациях (бесконфликтных), когда в исходных данных содержится достаточное количество сведений об источниках криминалистической информации, и нет трудностей для получения доказательств, расследование приобретает характер последовательного информационного «развертывания», в условиях которого поисковая деятельность не играет решающей роли, уступая свое первостепенное значение деятельности доказательственной. В то же время в сложных следственных ситуациях поисковая деятельность приобретает особую значимость и может осуществляться не только на первоначальном этапе, но и на последующем, и даже на заключительном, завершающем этапах расследования [3, с. 16].

Учитывая, что в настоящее время, происходит активное развитие информационно-телекоммуникационных технологий, и почти каждый человек является активным пользователем социальных сетей (ВКонтакте и др.) и мессенджеров (Telegram, WhatsApp (принадлежит компании Meta, признанной в России экстремистской организацией) и др.) с соответствующей активной демонстрацией в них своей повседневной жизни, поисковая деятельность становится как никогда актуальной.

Разумеется, когда Л. Я. Драпкин, как и многие другие ученые-криминалисты, рассматривал розыскную и поисковую деятельность следователя в ходе расследования преступлений и подробно дифференцировал ее на процессуальную и непроцессуальную, компьютеризация общественной жизни находилась на низком уровне, а доступ к сети Интернет был далеко не у всех. Соответственно, сложившаяся концепция поисковой деятельности в расследовании преступлений не включала и не могла включать направление, связанное с поиском криминалистически значимой информации в интернете. Соглашаясь с позицией Л. Я. Драпкина и Г. А. Кокурина и не вдаваясь в дискуссии на предмет соотношения понятий «поисковая деятельность» и «розыскная деятельность», полагаем настоящим исследованием предложить некоторые уточнения в части проведения соответствующих мероприятий.

Деятельность по поиску информации, находящейся в открытых источниках, например в сети Интернет, принято именовать OSINT (Open Source Intelligence). Это комплекс мероприятий, инструментов и методов для получения и анализа информации из открытых источников, применяемый в отношении конкретных людей, организаций, а также событий и явлений [4, с. 83].

Данный термин был разработан и введен в оборот военными Соединенных Штатов Америки в конце 1980-х гг. в связи с реформированием разведывательной службы. В 1996 г. Комиссия Американского разведывательного сообщества (известная как комиссия Аспина-Брауна) заявила, что «необходимо приложить больше усилий по использованию общей мировой информации, доступной сейчас из открытых источников». С момента возникновения OSINT прошло уже несколько десятилетий, но США продолжают оставаться лидерами в сфере цифровой разведки [5, с. 49].

В настоящее время термин OSINT трактуется гораздо более широко, чем это было в момент его зарождения, и выходит далекое за рамки военной сферы его применения. Например, методы и технологии OSINT находят широкое применение в практической деятельности служб безопасности частных организаций. Несомненно, их целесообразно внедрять в правоохранительную деятельность, причем не только в деятельность оперативных подразделений, но и в деятельность следственных органов в целях повышения эффективности раскрытия и расследования отдельных видов преступлений.

При этом данная деятельность не должна быть обусловлена исключительно личным желанием и профессиональными навыками отдельно взятого сотрудника органа внутренних дел. Необходимо осуществлять разработку, внедрение и совершенствование государственных сервисов OSINT, а также проводить на систематической основе обучение сотрудников правоохранительных органов навыкам работы с ними в профессиональной деятельности.

Ранее мы уже рассматривали отдельные возможности использования OSINT в раскрытии и рассле-

довании преступлений [6]. В настоящем же исследовании хотелось бы более подробно рассмотреть возможности использования информации о преступнике, потерпевшем и преступлении, добытой поисковыми действиями следователя (дознателя) из открытых источников (социальных сетей и мессенджеров), в целях более эффективного и качественного расследования преступлений в целом и производства отдельных следственных действий в частности.

В криминалистике производство следственных действий традиционно принято делить на три этапа: подготовительный, рабочий и заключительный. К сожалению, в правоприменительной деятельности следователи (дознатели) не уделяют должного внимания подготовке к производству следственного действия, а зачастую именно от того, насколько качественно был выполнен данный этап, зависит конечный результат производимого следственного действия.

Так, в ходе подготовки данной статьи нами было проведено выборочное анкетирование сотрудников следственных подразделений и подразделений дознания МВД России, проходящих службу на территориях, входящих в Уральский федеральный округ¹. Только 5 человек (13 % респондентов) отметили, что тщательно готовятся к производству каждого следственного действия, 16 человек (41 %) указали, что готовятся только к наиболее сложным следственным действиям, 17 человек (46 %) сказали, что практически никогда не проводят подготовительный этап. Также респондентам был задан вопрос – «Анализировали ли вы профиль подозреваемого (обвиняемого) в социальных сетях при расследовании уголовных дел?». На что 33 человека (86 %) отметили, что никогда подобные мероприятия не проводили.

Несмотря на то, что выборка среди сотрудников следственных подразделений и подразделений дознания была ограничена и представлена небольшим количеством респондентов – 38 человек, результаты указывают на достаточно низкую подготовку следователей (дознателей) к производству следственных действий и, как следствие, недостаточную осведомленность о возможностях получения криминалистически значимой информации, получаемой посредством поисковой деятельности в сети Интернет. В данном контексте использование следователем (дознателем) знаний и навыков работы с сервисами OSINT представляется наиболее целесообразным.

По мнению О. П. Грибунова, при планировании производства вербального следственного действия, проведение которого предполагается в конфликтной или остроконфликтной ситуации, деятельность следователя, связанную с поиском криминалистически значимой информации в социальных сетях, целесообразно разделить на следующие этапы: поиск, сбор, анализ и исследование [7, с. 74].

Действительно, на подготовительном этапе допроса подозреваемого (обвиняемого), потерпевшего или свидетеля следователю (дознателю) целесообразно найти и проанализировать профиль допрашиваемого в социальных сетях с целью получения характеризующей информации о личности [8, с. 119].

Так, в ходе анализа судебно-следственной практики было установлено, что в процессе расследования уголовного дела по факту мошеннических действий, совершенных группой лиц, подозреваемый гражданин Г. отрицал свою причастность к деянию и утверждал, что не знаком с другими соучастниками преступления. Однако на подготовительном этапе допроса следователь изучил профиль подозреваемого в Instagram (принадлежит компании Meta, признанной в России экстремистской организацией) и установил, что соучастники подписаны на страницы друг друга. Более того, следователь, используя аккаунт своего знакомого, подписался на закрытый профиль одного из соучастников преступления и получил доступ к содержимому его страницы, где обнаружил совместные фотографии подозреваемых лиц. Предъявление данной информации на допросе гражданину Г. позволило получить от него признательные показания².

Другим аналогичным примером эффективного использования информации, полученной из открытых источников, является произведенный обыск в частном доме по уголовному делу, возбужденному по факту сбыта наркотических средств. Следователь на подготовительном этапе следственного действия произвел поиск информации в сети Интернет и обнаружил объявление о продаже данного дома, где был представлен подробный план дома и фотографии каждой из комнат. Используя эту информацию, следователь смог эффективно организовать производство обыска в жилище в условиях оказываемого противодействия³.

В данных примерах из правоприменительной практики продемонстрированы базовые возможности использования навыков поисковой деятельности в сети Интернет. К сожалению, это скорее исключение из правила, так как в большинстве случаев следователи и дознаватели достаточно редко прибегают к использованию методов OSINT в своей профессиональной деятельности.

В поисковой деятельности по обнаружению криминалистически значимой информации в сети Интернет возможно применение более сложных специализированных методов и средств OSINT, которые находятся в открытом доступе, как правило, на базе Telegram -ботов и созданы с целью деанонимизации то есть сбора информации о пользователе с целью его идентификации и раскрытия его личности. Telegram-бот – это роботизированный аккаунт в мессенджере, который запрограммирован на автоматическое со-

¹ В анкетировании принимали участие следователи (дознатели) Свердловской (17 сотрудников), Курганской (11 человек), Тюменской (6 человека) и Челябинской (4 человека) областей.

² Допрос подозреваемого по уголовному делу № 12301009802000361 // Архив СО ЛО МВД России на станции Екатеринбург – Пассажирский.

³ Обыск по уголовному делу № 1240165000210000067 // Архив СО ОМВД России «Североуральский».

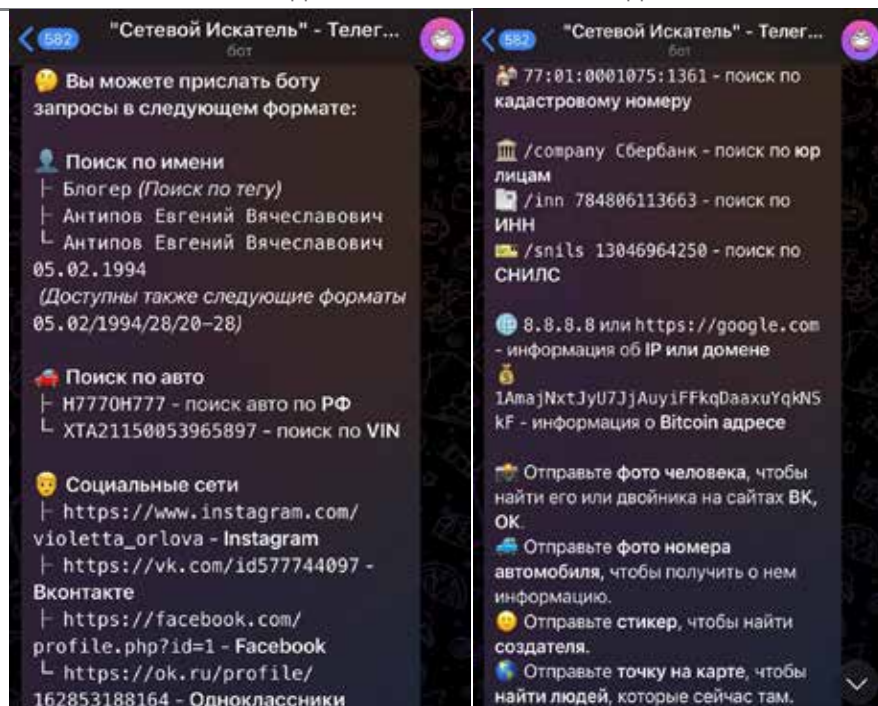

Рис. 1. Возможности Telegram-бота «Сетевой Искатель» (одна из версий Telegram-бота «Глаз Бога»)

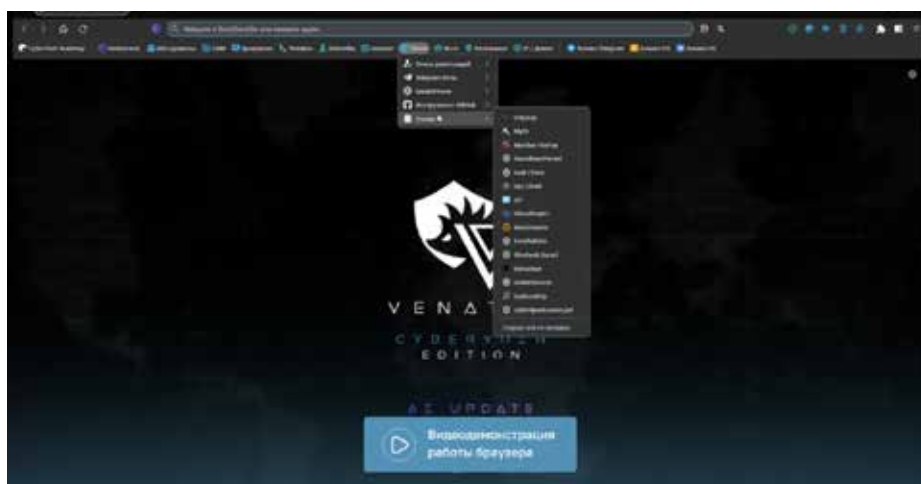

Рис. 2. Главное окно браузера «Venator»

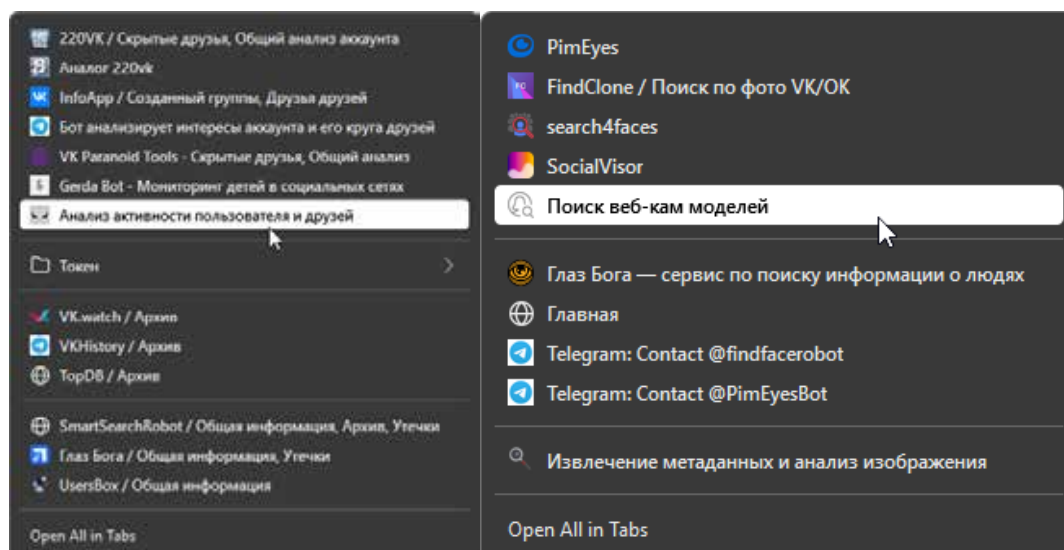

Рис. 3. Обзор встроенных модулей браузера «Venator»

вершение действий, в нашем случае, на поиск криминалистически значимой информации о преступнике или преступлении. Бот обрабатывает запрос, находит в своей базе данных подходящий сценарий и отвечает пользователю, то есть следователю, по скрипту.

В рамках данного исследования представляется нецелесообразным предоставлять список Telegram-ботов, предназначенных для поиска информации из открытых источников. Это обусловлено тем, что практически ежедневно происходит блокировка некоторых из них, а также прекращение их функционирования по иным причинам, при этом регулярно появляются новые Telegram-боты.

Поисковая деятельность посредством Telegram-ботов может способствовать установлению достаточно широкого круга криминалистически значимой информации (рис. 1).

Другим не менее эффективным и популярным средством для осуществления поисковой деятельности в сети Интернет является браузер «Venator», который содержит в себе различные OSINT-сервисы. Его интерфейс включает панели различных OSINT-ресурсов, полезных в поиске информации о личности человека или о каком-то событии (рис. 2, 3). Стоит отметить, что актуальная версия браузера распространяется только через Telegram-канал разработчика (URL: <https://t.me/venatorbrowser>).

Подводя итог, необходимо отметить, что в настоящее время совершенно незаслуженно наблюдается тенденция к снижению интереса к розыскной и поисковой деятельности как среди следственных органов, так и среди ученых криминалистов. Поиск криминалистически значимой информации в сети Интернет имеет важное значение для раскрытия и расследования преступлений различной категории. Полученные сведения следователь может использовать для выдвижения версий, прогнозирования возможного противодействия, планирования как отдельно взятого следственного действия, так и всего расследования уголовного дела. Сотрудникам следственных подразделений и подразделений дознания при подготовке следственных действий (допрос, обыск и др.) необходимо использовать приемы и методы OSINT для получения криминалистически значимой информации ориентирующего характера в целях прогнозирования возможной линии поведения участников уголовного процесса.

Библиографический список

1. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 2019.
2. Кокурин Г. А., О соотношении поисковой и розыскной деятельности // Электронное приложение к российскому юридическому журналу. 2017. № 3. С. 97–102.
3. Драпкин Л. Я., Кокурин Г. А. Организационные и тактические основы поисковой деятельности в расследовании преступлений: учебное пособие. Екатеринбург, 1997. 64 с.
4. Фаниев П. А. Тихая разведка OSINT как способ получения криминалистически значимой информации // Научный портал МВД России. 2023. № 2 (62). С. 82–87.
5. NATO Handbook Open Source Intelligence. 2001.
6. Иванов В. Ю. Использование OSINT в раскрытии и расследовании преступлений // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 1 (37). С. 62–66.
7. Грибунов, О. П., Карнович, С. А. Мониторинг социальных сетей на предмет обнаружения информации о преступлениях как активная форма обучения сотрудников полиции новым способам выявления и предотвращения наркопреступлений // Подготовка кадров для силовых структур: своевременные направления и образовательные технологии: сборник материалов XXII Всероссийской науч.-метод. конференции: в 2-х ст. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2017. С. 73–75.
8. Россинская Е. Р. Проблемы собирания цифровых следов преступления из социальных сетей и мессенджеров // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 3 (15). С. 106–123.

References

1. Ozhegov S. I. Dictionary of the Russian Language. M., 2019.
2. Kokurin G. A., On the Relationship between Search and Investigative Activities // Electronic Supplement to the Russian Law Journal. 2017. No. 3. Pp. 97–102.
3. Drapkin L. Ya., Kokurin G. A. Organizational and Tactical Foundations of Search Activities in Crime Investigation: a textbook. Yekaterinburg, 1997.
4. Faniev P. A. Silent OSINT reconnaissance as a method of obtaining forensically significant information // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 2 (62). Pp. 82–87.
5. NATO Handbook Open Source Intelligence. 2001.
6. Ivanov V. Yu. Using OSINT in Solving and Investigating Crimes // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 1 (37). Pp. 62–66.
7. Gribunov O. P., Karnovich S. A. Monitoring social networks for information about crimes as an active form of training police officers in new methods of identifying and preventing drug-related crimes // Training of personnel for law enforcement agencies: timely directions and educational technologies: collection of materials of the XXII All-Russian scientific-methodical conf.: in 2 articles. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017. Pp. 73–75.
8. Rossinskaya E. R. Problems of collecting digital traces of crime from social networks and instant messengers // Forensic science: yesterday, today, tomorrow. 2020. No. 3 (15). Pp. 106–123.

Статья поступила в редакцию 18.06.2025; одобрена после рецензирования 10.07.2025; принята к публикации 17.12.2025

The article was submitted 18.06.2025; approved after reviewing 10.07.2025; accepted for publication 17.12.2025

Сеть Интернет как средство осуществления экстремистской и террористической деятельности

Лаппо Егор Александрович¹, Шлыков Максим Святославович²

^{1,2} Могилевский институт МВД Республики Беларусь, Могилев, Республика Беларусь

Автор, ответственный за переписку: Лаппо Егор Александрович, lapa.eko_part@tut.by

Аннотация. Статья посвящена отдельным аспектам использования сети Интернет в экстремистской и террористической деятельности. Авторами проведен ретроспективный анализ процессов осуществления деструктивной деятельности на территории Республики Беларусь с 1991 г. по настоящее время, в том числе с учетом современных подходов к пониманию общественно-политических процессов. В публикации обосновывается необходимость изучения современных технологий воздействия на общественное сознание, влияния деструктивных ресурсов на мышление как отдельных пользователей, так и групп с целью вовлечения их в противоправную деятельность. На основе проведенного исследования сформулированы выводы и рекомендации, направленные на совершенствование процесса выявления экстремистских и иных ресурсов деструктивной направленности в информационном пространстве, выявлены закономерности и определены меры по противодействию, имеющие научно-прикладное значение.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, противодействие, информационные ресурсы, правоохранительные органы, раскрытие преступлений, предупреждение преступности

Для цитирования: Лаппо Е. А., Шлыков М. С. Сеть Интернет как средство осуществления экстремистской и террористической деятельности // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 4. С. 154–158.

Original article

The Internet as a means of carrying out extremist and terrorist activities

Lappo Egor A.¹, Shlykov Maxim S.²

^{1,2} Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Mogilev, Republic of Belarus

Corresponding author: Lappo Egor A., lapa.eko_part@tut.by

Abstract. The article is devoted to certain aspects of the use of the Internet in extremist and terrorist activities. The authors conducted a retrospective analysis of the processes of destructive activity on the territory of the Republic of Belarus from 1991 to the present, including taking into account modern approaches to understanding socio-political processes. The publication substantiates the need to study modern technologies of influencing public consciousness, the influence of destructive resources on the thinking of both individual users and their groups in order to involve them in illegal activities. Based on the conducted research, conclusions and recommendations have been formulated aimed at improving the process of identifying extremist and other destructive resources in the information space, patterns have been identified and measures of confrontation of scientific and applied importance have been identified.

Keywords: extremism, terrorism, confrontation, information resources, law enforcement agencies, crime detection, crime prevention

For citation: Lappo E. A., Shlykov M. S. The Internet as a means of carrying out extremist and terrorist activities // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 4. Pp. 154–158.

Начало XXI столетия характеризуется появлением новых форм и методов оказания целенаправленного воздействия на отдельные государства и их союзы со стороны развитых стран Запада с целью реализации

геополитических интересов в конкретных регионах. Одной из активных форм такой деятельности явля-

ется создание террористических и экстремистских сообществ и пособничество им. Противодействие экстремистским и террористическим проявлениям на фоне геополитического противостояния является одним из важнейших направлений деятельности всех субъектов обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь.

Как отмечают исследователи, на современном этапе экстремизм является сложной социально-политической проблемой всех современных государственных образований и союзов государств, что связано в первую очередь с многообразием его проявлений (наиболее опасное – терроризм), которые ведут к нарушению гражданского мира и согласия, подрывают общественную безопасность и территориальную целостность, создают значительную угрозу безопасности. Эскалация экстремистской активности стала реальным катализатором, порождающим опасные антигосударственные и антиобщественные проявления в различных регионах планеты [1, с. 11].

В частности, с начала 1990-х гг. в деятельности отдельных государств коллективного Запада усматриваются действия, направленные на необратимое изменение социального устройства и политического сознания в странах бывшего СССР: создаются предпосылки для организации государственных переворотов, финансируются террористические и экстремистские организации, в том числе «под чужим флагом». Так, в период с 1991 по 2025 гг. на территории суверенной Республики Беларусь иностранными спецслужбами с привлечением сил оппозиции, неправительственных организаций инспирировались и непосредственно осуществлялись действия, направленные на смену существующего конституционного строя, предпринимались попытки завладения информацией, относящейся к категории государственных секретов, затрагивающих вопросы обороноспособности государства, обеспечения общественной безопасности и охраны общественного порядка. Все это сопровождалось вовлечением в противоправную деятельность максимально возможного круга лиц.

Анализ указанных выше событий свидетельствует о том, что наибольшее количество этих действий осуществлялись в период проведения электоральных кампаний. При этом основной упор делался на гиперболизацию отдельных общественных противоречий, обусловленных идеологическими, политическими, религиозными и социальными причинами, провоцирование негативных эмоций и совершение поступков, носящих иррациональный, а зачастую и антиобщественный характер, отдельными лицами и некоторыми узкими социальными группами населения. В литературе по вопросам противодействия экстремизму и терроризму исследователями выделяются причины и факторы, способствующие их возникновению. Их перечень не является исчерпывающим, он может быть расширен либо уменьшен и в настоящей публикации не исследуется.

С широким распространением сети Интернет актуальным направлением оказания воздействия на

население стала деятельность зарубежных специальных служб по распространению в социальных сетях и мобильных приложениях видеофайлов, текстовых сообщений и литературных источников, формирующих негативные морально-психологические установки пользователя электронного устройства. При этом к изготовлению видеоматериалов привлекаются профессиональные актеры, сценаристы, кинооператоры для чего широко используются актуальные технические достижения, в частности, технологии искусственного интеллекта. В результате реализуется концепция, которая, по мнению деструктивных сил, в долгосрочной перспективе смогла бы сформировать необходимое сознание общества, обострить имеющиеся противоречия либо создать новые. Таким образом, в отличие от классического вооруженного противостояния, гибридное противостояние на геополитическом уровне осуществляется путем использования информационных каналов, в том числе сети Интернет.

На современном этапе экстремистская деятельность осуществляется и в информационном пространстве путем создания, хранения и (или) распространения материалов, отнесенных в установленном порядке к экстремистским либо имеющим вспомогательное значение, а также путем искусственного создания вымышленных текстовых, фото- и видеоматериалов (в том числе с использованием технологий искусственного интеллекта) с целью оказания воздействия как на граждан, так и на органы государственной власти и должностных лиц.

Как отмечают российские специалисты, информационный экстремизм характеризуется следующими общими и специфическими параметрами:

- 1) радикальность (экстраординарность) действий, направленных на достижение каких-либо целей, реализацию интересов;
- 2) антисоциальная направленность, поскольку разрушаются исторически сложившиеся (типичные) позитивные формы и модели социально-правового взаимодействия, подрывается существующий баланс интересов;
- 3) аморальность, т. к. экстремистские проявления всегда идут вразрез с духовно-нравственными нормами, направлены на их разрушение, поскольку кризис духовно-нравственного пространства, фрагментарность его функционирования открывает простор для интенсивного развития деструктивной деятельности;
- 4) институциональность (экстремизм «вызревает» и институционализируется в пограничных условиях и маргинальных пространствах);
- 5) искажение политико-правового мышления, поскольку субъект экстремистской деятельности чаще всего обладает деформированным сознанием, что обуславливает его отчуждение от социально-культурных и политико-правовых норм и ценностей;
- 6) противоправность результатов, поскольку функционирование информационного экстремизма в ряде случаев соответствует закону, но реализует

предоставленные возможности в противоправных целях [2; 3, с. 20; 4, с. 63; 5, с. 7].

Таким образом, как справедливо отмечается в литературе, информационный экстремизм является средством формирования молодежного, националистического, политического, религиозного и других видов экстремизма, то есть выполняет обеспечивающую функцию противоправной деструктивной деятельности [6, с. 259].

Сеть Интернет используется для вовлечения в экстремистскую и террористическую деятельность неограниченного количества лиц (потенциальных участников), в том числе для участия в массовых беспорядках, направленных на свержение легитимной власти, для организации, пособничества и непосредственного участия в совершении преступлений, сопровождающихся взрывами, поджогами и т. п.

Распространению экстремистских проявлений через интернет способствуют свобода доступа к информационным ресурсам различного содержания вне зависимости от места расположения, неограниченный круг лиц, использующих сеть Интернет для получения информации, высокая скорость размещения и получения сведений, трудность привлечения лиц к ответственности за размещение деструктивных материалов, их распространение с использованием информационных технологий. В частности, распространению способствует подача деструктивной информации как в неизменном, так и в завуалированном виде, в том числе с использованием фото- и видеоизображений, направленных на возникновение у пользователя интернет-ресурсов комплекса необходимых эмоциональных реакций и побуждений.

Как отмечают исследователи, идеологическое противоборство в интернете выступает наряду с традиционными вызовами и угрозами национальной безопасности в качестве невоенного способа достижения деструктивных политических и иных стратегических целей экстремизма и по своей эффективности зачастую превосходит военные и террористические средства. Наряду с откровенными террористическими сайтами (а их насчитывается сегодня несколько тысяч) в Сети действует большое количество новостных порталов и сайтов, напрямую не связанных с террористическими организациями, но разделяющих их идеологию и оказывающих террористам поддержку в различных формах [7, с. 8].

Отдельным направлением выступает деятельность по дискредитации сотрудников правоохранительных органов. Она может осуществляться в различных формах, в том числе с использованием информационных технологий, в частности, с использованием аналитических программных приложений. Цели такой деятельности – получение сведений, необходимых для ее осуществления; определение направлений воздействия как на самого сотрудника, так и на его родных и близких; распространение заведомо недостоверных (ложных) сведений о его служебной деятельности, личной жизни, контактах; в ряде случаев возможно осуществление открытой

провокации и др. Сеть Интернет играет в указанной деятельности роль средства получения первичной информации, а также распространения сведений среди неограниченного количества пользователей, вовлекаемых в экстремистскую деятельность.

Так, во время протестных акций в Республике Беларусь в 2020 г. в сети Интернет было создано несколько ресурсов, направленных в том числе и на физическое устранение сотрудников правоохранительных органов и членов их семей [8]. Указанные действия формируют в общественном сознании негативное отношение как к отдельно взятому сотруднику, так и к правоохранительной системе государства в целом и, по мнению авторов, должны незамедлительно пресекаться всеми возможными методами как гласного, так и негласного характера.

В качестве одного из положительных примеров следует привести факт привлечения в 2022 г. к уголовной ответственности жителя г. Гродно, который осуществлял незаконные действия в отношении информации о частной жизни и персональных данных сотрудников органов внутренних дел Республики Беларусь, а также оказывал пособничество в разжигании социальной вражды и розни. Согласно материалам уголовного дела, обвиняемый через интернет передал администраторам деструктивных телеграм-каналов известные ему сведения о частной жизни и персональных данных не менее пяти правоохранителей. При этом он осознавал, что публикуемая в названных ресурсах информация направлена в том числе и на разжигание розни, подстрекательство к противоправным действиям экстремистской направленности, дискредитацию государственной власти и правоохранительных органов. После опубликования личных данных некоторым потерпевшим поступили угрозы применения насилия и повреждения имущества. Действия лица были квалифицированы по ч. 6 ст. 16 и ч. 3 ст. 130, ч. 3 ст. 203.1 Уголовного кодекса Республики Беларусь, что подтверждено совокупностью собранных доказательств¹.

Технические особенности построения и функционирования информационного пространства позволяют выделить следующие закономерности распространения экстремистской идеологии:

1. Ложная информация создается с использованием технических устройств применительно к возможностям их размещения, хранения, обработки и распространения на информационных ресурсах.
2. Неограниченный доступ неопределенного количества пользователей к информации экстремистского содержания.
3. Анонимность размещения информации.
4. Использование средств социальной инженерии для формирования эмоциональных и поведенческих реакций с использованием фото- и видеоматериалов,

¹ Незаконно передал информацию о сотрудниках органов внутренних дел. Уголовное дело направлено в суд // Генеральная прокуратура Респ. Беларусь. URL: <https://prokuratura.gov.by/ru/media/novosti>.

технологий искусственного интеллекта, дезинформирования и компрометации.

5. Мгновенная передача информации на неограниченное расстояние.

6. Осуществление разведывательной деятельности с целью сбора информации об объектах критически важной инфраструктуры для подготовки и осуществления экстремистских акций и террористических актов, а также сбор сведений о должностных лицах государственных органов, сотрудниках правоохранительных органов, их ближайшем окружении.

7. Снижение эффективности сбора и анализа информации с использованием пассивных методов.

Изложенное в статье позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Противодействие экстремистским проявлениям возможно только с использованием комплексного подхода, включающего в себя совокупность организационных, технических, контрразведывательных и иных мер гласного и негласного характера.

2. В качестве эффективных мер противодействия террористической и экстремистской деятельности могут служить:

- защита персональных данных, размещаемых в сети Интернет, сотрудников правоохранительных органов, должностных лиц органов государственной власти, их близких родственников;

- анализ профильных информационных ресурсов и социальных сетей на предмет распространения информации экстремистского, террористического, деструктивного и дискредитирующего характера;

- выявление уязвимостей программного обеспечения, сетей передачи данных, недостатков технических устройств;

- организация комплекса гласных и негласных оперативно-розыскных мероприятий по противодействию деструктивной деятельности экстремистских сообществ и террористических организаций с целью выявления размещаемой пользователями в сети Интернет и социальных сетях запрещенной информации и ее оперативной локализации;

- организация контрразведывательной деятельности в сети Интернет;

- разработка специализированного программного обеспечения с использованием технологий искусственного интеллекта для выявления экстремистских ресурсов и лиц, причастных к экстремистской и террористической деятельности.

3. Оперативность выявления информационных ресурсов в сети Интернет, в том числе с использованием технологий автоматизированного поиска и искусственного интеллекта, минимизирует риски, вызовы и угрозы в интернет-пространстве, обеспечивает своевременность получения оперативно-розыскной информации о деструктивных ресурсах и лицах, причастных к противоправной деятельности.

Библиографический список

1. Агапов П. В., Борисов С. В., Васнецова А. С. [и др.]. Экстремизм: стратегия противодействия и прокурор-

ский надзор: монография. М.: Академия Генеральной прокуратуры РФ, 2015. 428 с.

2. Матвеева Е. Ю., Носова И. В. Информационный экстремизм: сущность и проявления. URL: <http://www.oboznik.ru/?p=61182>.

3. Мигун Д. А. Информационный экстремизм и информационная безопасность. Минск: РИВШ, 2020. 64 с.

4. Мозговой В. Э. Информационный экстремизм как инновационная девиация социума начала XXI в. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnyy-ekstremizm-kakinovatsionnaya-deviatsiya-sotsiuma-nachala-xxi-veka>.

5. Упорников Р. В. Политико-правовые технологии противодействия информационному экстремизму в России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2007. 25 с.

6. Николаева Л. В. Информационный экстремизм в контексте цифровой трансформации общества // Современная политическая наука о траекториях развития государства, бизнеса и гражданского общества: сборник статей II Международ. науч.-практ. конференции, Минск, 15–16 декабря 2021 г. / Белорусский гос. эконом. университет, Институт соц.-гуманитар. образования; редкол.: Н. Ю. Веремеев [и др.]. Минск: Колорград, 2021. С. 256–259.

7. Ермаков П. Н., Абакумова И. В., Штейнбух А. Г. Профилактика экстремизма и террористического поведения молодежи в интернет-пространстве: традиционные и инновационные формы: методическое пособие. М.: Кредо, 2018. 76 с.

8. Орлов В. В. Дезорганизация деятельности правоохранительных органов как элемент дестабилизации социальной обстановки // Вопросы современной науки и практики. 2022. № 1 (6). С. 7–10.

References

1. Agapov P. V., Borisov S. V., Vasnetsova A. S. [and oth.]. Extremism: a counteraction strategy and prosecutorial supervision: a monograph. M.: Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 2015. 428 p.

2. Matveeva E. Yu., Nosova I. V. Information extremism: essence and manifestations. URL: <http://www.oboznik.ru/?p=61182>.

3. Migun D. A. Information extremism and information security. Minsk: RIVSH, 2020. 64 p.

4. Mozgovoy V. E. Information extremism as an innovative deviation of society in the early 21st century. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnyy-ekstremizm-kakinovatsionnaya-deviatsiya-sotsiuma-nachala-xxi-veka>.

5. Perspennikov R. V. Political and legal technologies for countering information extremism in Russia: abstract of the dis. ... cand. jurid. sciences: 23.00.02. Rostov-on-Don: Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2007. 25 p.

6. Nikolaeva L. V. Information extremism in the context of digital transformation of society // Modern political science on the development trajectories of the state, business and civil society: collection of articles of the II International Scientific and Practical conferences, Minsk,

December 15-16, 2021 / Belarusian State University of Economics. University, Institute of Social Sciences and Humanities. education; editor: N. Y. Veremeev [et al.]. Minsk: Kolograd, 2021. Pp. 256-259.

7. Ermakov P. N., Abakumova I. V., Steinbukh A. G. Prevention of extremism and terrorist behavior of youth in the Internet space: traditional and innovative forms: a methodological guide. M.: Credo, 2018. 76 p.

8. Orlov V. V. Disorganization of law enforcement agencies as an element of destabilization of the social situation // Issues of modern science and practice. 2022. No. 1 (6). Pp. 7-10.

Информация об авторах

Лаппо Егор Александрович – кандидат юридических наук, доцент

Information about the authors

Lappo Egor A. – Candidate of Law, Associate Professor

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации, включая идею, сбор материала, написание статьи и научное редактирование текста. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors

All authors made an equivalent contribution to the preparation of the publication, including the idea, collection of material, writing the article, and scientific editing of the text. The authors declare that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 18.09.2025; одобрена после рецензирования 10.11.2025; принята к публикации 17.12.2025

The article was submitted 18.09.2025; approved after reviewing 10.11.2025; accepted for publication 17.12.2025

Деструктивная религиозная деятельность: понятие, сущность и виды деструктивных религиозных организаций

Макеева Ирина Сергеевна¹, Назарова Виктория Анатольевна²

^{1,2} Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия

¹ i.suhanova@bk.ru

² vika.naz2015@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию деструктивных религиозных организаций. Авторами на основе ретроспективного анализа ключевых прецедентов («Храм народов», «Семья Мэнсона», «Ветвь Давидова») и синтеза теологического, социологического, психологического и криминологического подходов обосновывается унифицирующее понятие «деструктивная религиозная организация». Центральным результатом исследования является разработка классификации деструктивных религиозных организаций по трем основаниям – доктринально-идеологическому, организационно-структурному и целевому. В заключение предлагаются направления совершенствования правоприменительной практики и профилактической работы с учетом выявленных типов и механизмов функционирования данных организаций.

Ключевые слова: религиозный экстремизм, деструктивный культ, тоталитарное религиозное объединение, сектантство, психологическое насилие, вербовка, уголовно-правовая политика, общественная безопасность

Для цитирования: Макеева И. С., Назарова В. А. Деструктивная религиозная деятельность: понятие, сущность и виды деструктивных религиозных организаций // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 4. С. 159–167.

Original article

Destructive religious activity: the concept, essence and types of destructive religious organizations

Makeeva Irina S.¹, Nazarova Victoria A.²

^{1,2} Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia

¹ i.suhanova@bk.ru

² vika.naz2015@yandex.ru

Abstract. The article presents a comprehensive study of destructive religious organizations. Based on a retrospective analysis of key precedents («The Peoples Temple», «The Manson Family», «The Branch Davidians») and a synthesis of theological, sociological, psychological, and criminological approaches, the authors substantiate the unifying concept of a «destructive religious organization.» The central outcome of the research is the development of a classification for destructive religious organizations based on three criteria – doctrinal-ideological, organizational-structural, and purposive. In conclusion, directions for improving law enforcement practices and preventive work are proposed, taking into account the identified types and operational mechanisms of such organizations.

Keywords: religious extremism, destructive cult, totalitarian religious association, sectarianism, psychological violence, recruitment, criminal law policy, public safety

For citation: Makeeva I. S., Nazarova V. A. Destructive religious activity: the concept, essence and types of destructive religious organizations // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 4. Pp. 159–167.

Новые религиозные организации, возникшие в начале XX века, первоначально рассматривались исследователями и обществом лишь как эксцентричные локальные формы религиозного опыта. Однако в последующие десятилетия они привлекли к себе значительное внимание, продемонстрировав масштабное влияние на социальные и криминологические процессы. Деятельность американских религиозных организаций Джима Джонса («Храм народов»), Дэвида Кореша («Ветвь Давидова») и Чарльза Мэнсона («Семья Мэнсона») оказала заметное воздействие не только на религиозную жизнь США, но и на развитие международной преступности. Практикуемые в этих организациях методы психологического и физического воздействия нередко приводили к тяжким последствиям, становясь причиной страданий как самих последователей данных движений, так и случайных лиц, не связанных с их деятельностью.

Самым значимым событием, с точки зрения криминологического исследования деятельности деструктивных религиозных организаций, стала так называемая «Трагедия в Джонстауне», когда в 1978 году 913 членов общины совершили массовое самоубийство по приказу религиозного лидера Джима Джонса [1]. Приобретя статус массового культурного явления, трагедия в Джонстауне обрушила на общество огромное количество информации об опасности новой религиозности, а термины «секта» и «культ» прочно вошли в речевой оборот.

Несмотря на масштабные и интенсивно проводимые в развитых странах профилактические просветительские мероприятия, направленные на информирование граждан о деструктивной сущности новых религиозных организаций, вовлечение людей в деятельность подобных организаций продолжалось регулярно.

В конце 1960-х годов в Калифорнии был создан религиозный культ «Семья Мэнсона». Кроме неординарного образа жизни, тесно связанного с употреблением галлюциногенных препаратов, секта стала известна благодаря многочисленным убийствам известных в США личностей. Кроме того, члены секты занимались торговлей наркотиками, хищением автомобилей и хранением оружия¹.

28 февраля 1993 г. силами Федерального бюро расследований и Национальной гвардии США началась осада принадлежавшего членам религиозной секты «Ветвь Давидова» ранчо, во время которой было убито 82 члена секты, среди них 20 детей. Событиям предшествовала неудачная попытка проведения обыска в ранчо в ходе расследования уголовного дела по факту незаконного хранения членами религиозной организации большого количества оружия. Кроме того, в полицию и ФБР в период с 1990 по 1993 гг. поступали многочисленные заявления о сексуальном насилии над детьми в общине. В ходе осады секта была полностью ликвидирована, а идейный вдохно-

витель религиозного движения Дэвид Кореш погиб под обломками сгоревшей усадьбы [3].

В современном информационном пространстве сложилось представление о наличии устойчивой связи между описанными событиями. Трагедии в Джонстауне и Уэйко, преступления «Семьи Мэнсона» объединяет то, что все эти группы в публичном дискурсе и научной литературе были отнесены к категории «деструктивная религиозная организация», «деструктивное религиозное объединение», «тоталитарные» или «деструктивные секты», «деструктивный» или «тоталитарный культ», «деструктивное неорелигиозное движение». Возникает закономерный вопрос, по каким признакам столь разные, на первый взгляд, группы – «Храм народов», проповедовавший социализм и расовое равенство, апокалиптическая «Ветвь Давидова» и криминальная «Семья Мэнсона» – объединяются под одним общим знаменателем? Ответ на него лежит в плоскости определения сущностных характеристик данного явления.

Следует отметить, что в современной науке криминологии, уголовного права и иных дисциплинах уголовно-правового цикла до настоящего времени не выработано единого подхода к определению понятия, адекватно отражающего специфику рассматриваемых феноменов. Множественность используемой терминологии, как представляется, обусловлена отсутствием научно обоснованного представления об этимологических, лексических и семантических закономерностях, которые должны определять выбор и содержание термина, способного обобщить однородные явления, входящие в предметную область настоящего исследования.

Не претендуя на окончательное догматическое разрешение данной проблемы, представляется целесообразным обобщить имеющиеся в научной литературе терминологические подходы и использовать в дальнейшем обобщающее понятие «деструктивные религиозные организации».

Термин «деструктивный» происходит от латинского *destructivus* – «разрушительный» – и выражает идею устранения, отделения или уничтожения чего-либо. Употребление данного прилагательного обусловлено характером деятельности анализируемых организаций, направленной на разрушительное воздействие на личность, материальное, психологическое и социальное благополучие участников этих групп.

Использование понятия «религиозное объединение» соответствует нормативно закрепленной модели классификации религиозных образований. Так, ст. 1 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» (далее – Закон о свободе совести) регулирует правовое положение религиозных объединений. Согласно ч. 1 ст. 6 данного закона религиозными объединениями в Российской Федерации признаются добровольные организации граждан Российской Федерации и иных лиц, постоянно и на законных основаниях проживающих на ее территории, созданные в целях совместного исповедания и

¹ Socrates G. Charles Manson and the Manson Family 2021. URL: https://www.researchgate.net/publication/373706797_Charles_Manson_and_the_Manson_Family.

распространения веры и обладающие соответствующими признаками: наличие вероисповедания, совершение богослужений, религиозных обрядов и церемоний, а также осуществление религиозного обучения и воспитания последователей.

Часть 2 той же статьи указывает, что религиозные организации могут создаваться в форме религиозных групп и религиозных организаций. Следовательно, понятие «религиозное объединение» имеет родовый характер по отношению к указанным категориям.

В соответствии со ст. 7 Закона о свободе совести религиозная группа представляет собой добровольное объединение граждан, созданное для совместного исповедания и распространения веры, осуществляющее деятельность без государственной регистрации и без приобретения правоспособности юридического лица. Напротив, согласно ст. 8 указанного закона религиозная организация определяется как добровольное объединение граждан Российской Федерации и иных лиц, постоянно и на законных основаниях проживающих на ее территории, образованное в тех же целях, но прошедшее государственную регистрацию в установленном законом порядке и обладающее статусом юридического лица. Основным критерием разграничения данных форм является, соответственно, наличие либо отсутствие государственной регистрации.

Представляется аргументированным положение о том, что деструктивные религиозные объединения могут существовать и действовать как в форме религиозных групп, так и в форме религиозных организаций. Определяющим критерием их сущности при этом выступает не организационно-правовая форма, а характер осуществляемой деятельности, выражающейся в разрушительном воздействии на личность, ее психическое, физическое и социальное благополучие, а также на общественные отношения в целом.

Однако уголовный закон и отечественная доктрина уголовного права отказались от подобной систематизации. Исходя из названия ст. 239 УК РФ «Создание некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан» и анализа диспозиции ч. 1 ст. 239 РФ в Российской Федерации вводится уголовная ответственность за создание религиозного или общественного объединения, которые законодатель признает некоммерческими организациями, деятельность которых сопряжена с насилием над гражданами или иным причинением вреда их здоровью, а равно руководство таким объединением. Такое представление соответствует положениям ст. 6 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», регулирующего деятельность религиозных организаций (объединений). Исходя из положений данной статьи, законодатель уравнивает правовое положение религиозных организаций и религиозных объединений, признавая их некоммерческими организациями, т. е. разновидностью юридических лиц, несмотря на то, что Закон о свободе совести рассматривает религиозные объединения в качестве родового термина по отношению к религиозным ор-

ганизациям и религиозным группам. Последние, как уже было отмечено ранее, не требуют государственной регистрации, соответственно, юридическими лицами не являются.

Итак, с учетом закрепления данного подхода в уголовном законе в рамках настоящего исследования термин «деструктивные религиозные организации» будет использоваться в качестве обобщающего и универсального понятия, охватывающего совокупность религиозных образований, которые в научной литературе обозначаются различными терминами – «деструктивные религиозные организации», «тоталитарные секты», «деструктивные культы», «тоталитарные культы», «деструктивные неорелигиозные движения» и иные сходные выражения. Использование единого понятия представляется методологически оправданным, поскольку оно позволяет систематизировать и унифицировать научный дискурс, устранить терминологическую разнородность и обеспечить целостное восприятие исследуемого феномена.

Содержание указанного термина может быть раскрыто посредством обращения к существующим теоретическим подходам, представленным в отечественной научной литературе. Исследование данных подходов позволяет выделить ключевые признаки, присущие деструктивным религиозным организациям.

Анализ существующих подходов к пониманию и классификации деструктивных религиозных организаций выявляет несколько ключевых направлений, сформировавшихся в рамках таких научных дисциплин, как религиоведение, социология, психология и юриспруденция. Каждое из этих направлений предлагает свою оптику для изучения феномена, акцентируя внимание на различных его аспектах – от доктринальных особенностей до конкретных общественно опасных деяний. Первым и исторически одним из наиболее влиятельных является теологический или сектоведческий подход. В рамках этого подхода, ассоциируемого в России, прежде всего, с работами А. Л. Дворкина, который вводит понятие «тоталитарная секта», данный термин подчеркивает не только религиозную, но и организационную специфику организации.

Основными критериями для отнесения организации к данной категории выступают: наличие харизматического лидера, требующего беспрекословного подчинения; применение методов психологического контроля и манипуляции сознанием адептов; создание резкой оппозиции «мы – они», где внешний мир представляется враждебным и греховным; сокрытие истинных целей и вероучения на начальных этапах вербовки.

С точки зрения данного подхода, деструктивность имманентно присуща таким организациям, поскольку их вероучение и практика принципиально отличаются от традиционных, исторически сложившихся религий, а их структура направлена на подавление личности и эксплуатацию последователей.

Характерными чертами, выделяемыми в рамках сектоведческого анализа, являются жесткая авторитарная структура, непогрешимость лидера и учения, наличие двойных стандартов морали (для своих – одни, для чужих – другие) и строгий контроль всех сфер жизни адепта, включая личные отношения, финансы и доступ к информации. Этот подход часто подвергается критике за излишнюю оценочность и идеологическую ангажированность, однако именно он оказал значительное влияние на формирование общественного мнения и правоприменительной практики в ряде стран, в том числе и в России.

Вторым значимым направлением является социологический подход, который стремится к более нейтральному и объективному анализу, используя термин «новые религиозные движения» (далее – НРД) вместо коннотативно окрашенных понятий «секта» или «культ». Социологи рассматривают появление НРД как закономерный социальный процесс, связанный с кризисом традиционных институтов, секуляризацией, глобализацией и поиском новых форм духовности и идентичности в современном обществе. В рамках этого подхода деструктивность не рассматривается как неотъемлемое свойство всех новых религий. Вместо этого анализируются конкретные социальные практики и механизмы функционирования группы.

Социологи классифицируют НРД по различным основаниям, например, по их отношению к окружающему миру (мироутверждающие, мироотрицающие и мироприспосабливающие группы). Деструктивными в данном контексте признаются те движения, которые вступают в острый конфликт с обществом, требуют от своих членов полного разрыва социальных связей с семьей, друзьями, работой, создают закрытые, изолированные коммуны и практикуют жесткий социальный контроль, ведущий к десоциализации личности.

Таким образом, акцент смещается с анализа верования на изучение последствий деятельности группы для ее членов и для общества в целом. Социологический подход позволяет увидеть в новых религиозных движениях не только угрозу, но и симптом определенных социальных проблем, ответ на неудовлетворенные духовные и социальные потребности людей.

Третий подход – психологический – концентрирует внимание на механизмах воздействия деструктивных религиозных организаций на психику человека. Ключевыми понятиями здесь выступают «контроль сознания» или «незаконное психологическое воздействие». Исследователи в этой области анализируют методы вербовки и удержания адептов, такие как «бомбардировка любовью», техники индоктринации, контроль информации, использование группового давления, внушение чувства вины и страха перед выходом из организации.

Психологический подход детально описывает последствия пребывания в таких группах: развитие зависимости; утрата критического мышления; эмоциональные и когнитивные расстройства; деформация

личности. В рамках этого направления были разработаны модели, описывающие процесс вовлечения в культ и психологические трудности, с которыми сталкиваются бывшие члены при реадaptации к жизни в обществе.

Важным аспектом является изучение уязвимости определенных категорий людей, которые в силу жизненных обстоятельств (личностный кризис, потеря близких, социальная изоляция) или психологических особенностей (склонность к зависимости, поиск простых ответов на сложные вопросы) становятся более подверженными влиянию культов. Этот подход имеет огромное практическое значение для разработки методов психологической помощи и реабилитации пострадавших.

Наконец, четвертый, юридический или криминологический, подход анализирует деятельность деструктивных религиозных организаций через призму нарушения законодательства. В отличие от предыдущих он не дает оценок самому вероучению, поскольку это противоречило бы конституционному принципу свободы совести. Вместо этого предметом анализа становятся конкретные противоправные деяния, совершаемые лидерами и членами таких организаций.

Спектр этих деяний весьма широк и может включать в себя мошенничество (завладение имуществом адептов), причинение вреда здоровью (в том числе через отказ от медицинской помощи, изнурительные посты и ритуалы), уклонение от исполнения гражданских обязанностей, посягательства на половую неприкосновенность, а также преступления экстремистской направленности, такие как возбуждение ненависти либо вражды, призывы к насильственному изменению основ конституционного строя.

Криминологический анализ направлен на выявление причин и условий, способствующих совершению таких преступлений, разработку мер по их предупреждению и совершенствованию законодательства. Сложность в рамках юридического подхода заключается в доказывании состава преступления, особенно когда речь идет о психологическом насилии или «добровольно-принудительном» характере пожертвований.

Тем не менее именно этот подход является основой для государственного реагирования на деятельность тех религиозных организаций, которые представляют реальную угрозу для безопасности личности, общества и государства.

Классификация деструктивных религиозных организаций имеет важное теоретическое и прикладное значение, поскольку позволяет не только более глубоко раскрыть сущностные признаки данного феномена, но и определить критерии его уголовно-правовой и криминологической оценки. Выделение основных типов таких организаций способствует также более точному установлению механизмов их функционирования, форм и методов вовлечения граждан, следовательно, и разработке эффективных мер профилактики их деятельности.

Таким образом, обобщая различные научные подходы, можно сформулировать следующее комплексное понятие: *деструктивная религиозная организация – это обладающая иерархической и авторитарной структурой группа лиц, объединенных общим верованием или доктриной, деятельность которой, прикрываясь религиозными, образовательными, оздоровительными или иными целями, представляет угрозу охраняемым законом правам и свободам граждан, общественному порядку и безопасности государства.*

Его сущностными признаками являются: во-первых, применение методов скрытого психологического насилия и манипулирования сознанием, направленных на подавление воли личности, разрушение критического мышления и формирование безусловной зависимости от лидера и группы; во-вторых, осуществление тотального контроля над различными аспектами жизни своих последователей, включая их поведение, финансы, личные отношения и доступ к информации, что приводит к разрыву семейных и социальных связей; в-третьих, наличие двойного учения, при котором истинные цели и доктрины организации скрываются от новичков и внешнего мира, а для вербовки используется обман; в-четвертых, формирование оппозиции «мы – они», создающей враждебное отношение к обществу, государственным институтам и традиционным ценностям; в-пятых, осуществление противоправной деятельности, выражающейся в совершении уголовных преступлений и административных правонарушений, посягающих на жизнь, здоровье, собственность, нравственность и иные охраняемые законом блага.

Учитывая изложенное, представляется целесообразным перейти к рассмотрению видов деструктивных религиозных организаций, различающихся по характеру их внутренней организации, способам воздействия на последователей, целевой направленности и степени общественной опасности.

Классификация деструктивных религиозных организаций имеет важное теоретическое и прикладное значение, поскольку позволяет не только более глубоко раскрыть сущностные признаки данного феномена, но и определить критерии его уголовно-правовой и криминологической оценки. Систематизация этого многообразного и динамичного явления по различным основаниям служит необходимым инструментом для научного анализа, позволяя перейти от простого описания разрозненных фактов к выявлению общих закономерностей и тенденций. Выделение основных типов таких организаций способствует также более точному установлению специфических механизмов их функционирования, характерных для каждой группы форм и методов вовлечения и удержания граждан, следовательно, и разработке дифференцированных и более эффективных мер как общей, так и индивидуальной профилактики их деятельности. Для правоприменительной практики грамотная типологизация имеет ключевое значение, так как помогает следователю и суду правильно опреде-

лить направленность умысла лидеров организации, спрогнозировать их возможное поведение в ходе расследования и адекватно оценить степень общественной опасности совершенных деяний.

Однако прежде чем приступить к построению таксономической системы, необходимо сделать важную методологическую оговорку: любая классификация в гуманитарной сфере, особенно в такой сложной, изменчивой и лабильной, как изучение новых религиозных движений, носит в значительной степени условный, инструментальный характер. Реально существующие в эмпирической действительности организации редко представляют собой «чистые» типы и почти никогда не укладываются в прокрустово ложе одной-единственной классификационной категории, демонстрируя гибридные, синкретичные черты и поразительную способность к мимикрии, трансформации и адаптации к изменяющимся социальным условиям.

Одна и та же группа может на разных этапах своего развития эволюционировать, меняя доктрину, организационную структуру и методы работы. Поэтому предлагаемая типология должна рассматриваться не как набор жестко разграниченных и статичных ячеек, а скорее как система идеальных типов в веберовском понимании, то есть как сознательно сконструированный аналитический конструкт, который не является точным отражением реальности, но служит незаменимым инструментом для ее познания, позволяющим измерить, сопоставить и упорядочить многообразие эмпирических явлений. Наиболее продуктивным в этой связи представляется применение многомерной классификации, основанной на нескольких пересекающихся критериях, что дает возможность создать более объемный, рельефный и адекватный портрет исследуемого феномена.

Первым и наиболее фундаментальным основанием для классификации выступает доктринально-идеологический критерий, анализирующий генезис, источники, содержание и структуру верования, которое является смысловым ядром, матрицей и главным легитимирующим фактором существования любой религиозной группы. Именно доктрина, какой бы эклектичной, алогичной или примитивной она ни была, определяет для адепта целостную картину мира, формирует его новую ценностную систему, предписывает жесткие нормы поведения и, что самое важное, оправдывает и сакрализует любые, даже самые деструктивные и аморальные требования, предъявляемые организацией и ее лидером. В рамках этого критерия можно выделить несколько крупных, исторически сложившихся и наиболее репрезентативных типов деструктивных религиозных организаций. Значительный пласт, особенно распространенный в странах с христианской культурной традицией, составляют так называемые псевдохристианские культы. Их ключевой особенностью и стратегическим приемом является активная эксплуатация авторитета христианской традиции, Библии, общеизвестной христианской символики и терминологии,

при одновременном радикальном, коренном искажении фундаментальных положений христианского вероучения.

Как правило, в основе такого культа лежит идея «нового», «окончательного» или «восстановленного» откровения, якобы полученного основателем движения напрямую от Бога. Его личность всячески сакрализуется, он наделяется статусом пророка последней инстанции, нового мессии, очередного воплощения Христа или уникального посланника Бога, которому доверена особая миссия в конце времен. Соответственно, его сочинения, лекции и устные поучения приобретают канонический статус, равный или даже превосходящий авторитет Библии, которая объявляется «искаженной», «неполной» или требующей «правильной» интерпретации только через призму нового учения.

Классические христианские догматы о Святой Троице, о Богочеловеческой природе Христа, о спасении по благодати через веру в Его искупительную жертву подвергаются тотальной ревизии или полному отрицанию. На их место приходит сложная, запутанная и зачастую внутренне противоречивая доктринальная система, разработанная таким образом, чтобы обслуживать практические интересы организации и легитимировать абсолютную, ничем не ограниченную власть лидера. Такие группы характеризуются крайним антиэкуменизмом, изоляционизмом и агрессивным прозелитизмом. Весь остальной христианский мир (католицизм, православие, протестантизм) без разбора объявляется ими «Великим Вавилоном», «отступнической церковью» или частью «мировой сатанинской системы вещей». Эта идеологическая установка служит мощным фактором социальной и психологической изоляции адептов, формирования у них острого сектантского мышления и непреодолимого барьера для любой критической информации извне.

Примерами могут служить как крупные международные организации, так и многочисленные локальные группы, однако их объединяет общая цель – паразитирование на хорошо узнаваемом и авторитетном в обществе культурном коде и его последующая деконструкция и пересборка в целях установления тотального контроля над личностью. Деструктивность таких организаций проявляется в разрушении традиционной культурной и религиозной идентичности личности, в целенаправленном разрыве семейных и социальных связей по принципу «кто не с нами, тот против нас», а также в формировании у последователей фанатичной нетерпимости и враждебности к окружающему обществу, которое воспринимается как безнадежно греховное и обреченное.

Следующий обширный кластер образуют неоориенталистские (псевдовосточные) культы. Их появление и распространение, особенно в странах Запада, тесно связано с процессами глобализации и кризисом традиционной европоцентристской картины мира, что породило массовый интерес к духовным учениям Востока – индуизму, буддизму, даосизму, суфизму.

Однако в рамках деструктивных культов происходит не аутентичная рецепция и адаптация этих учений, а их упрощение, коммерциализация и инструментализация. Сложные философские концепции и многогранные духовные практики вырываются из своего культурно-исторического контекста и превращаются в товар, набор психотехник для достижения успеха, здоровья или «просветления».

Центральной фигурой в таких культах является гуру, который позиционируется как носитель сокровенного знания, достигший высших ступеней духовной реализации. Вокруг его личности выстраивается система абсолютной власти, основанная на доктрине безоговорочного подчинения учителю (гуру-йога), которая преподносится как единственно возможный путь к спасению или освобождению. Понятия «карма» и «реинкарнация» зачастую используются для манипуляции сознанием последователей, внушения им чувства вины за «прошлые жизни» и оправдания любых, в том числе и аморальных, действий гуру, который якобы находится «по ту сторону добра и зла».

Медитативные и психофизические практики (йога, цигун, различные виды дыхательных упражнений) могут применяться не для гармонизации личности, а для введения адептов в измененные состояния сознания, в которых они становятся максимально восприимчивыми к внушению и индоктринации.

Деструктивный потенциал таких групп связан с несколькими факторами: финансовая эксплуатация, достигающая порой колоссальных размеров; нанесение вреда физическому и психическому здоровью адептов через экстремальные диеты, изнурительные практики и отказ от квалифицированной медицинской помощи; формирование глубочайшей психологической зависимости от личности гуру, выход из которой может сопровождаться тяжелейшим экзистенциальным кризисом.

Особую и все более заметную в информационную эпоху группу составляют синкретические и наукообразные (псевдонаучные) организации. Их отличительной чертой является радикальный эклектизм, сознательное и зачастую хаотичное смешение элементов из самых разнообразных, порой взаимоисключающих источников, как то фрагменты мировых религий, древняя мифология, оккультно-эзотерические доктрины, парапсихология, уфология, а также, что особенно важно, из области современной науки и техники.

Такие культы стремятся дистанцироваться от образа традиционной религии, апеллируя не столько к вере, сколько к знанию, доказательствам, научному методу или передовым технологиям сознания. Лидер-основатель выступает в роли не пророка или святого, а гениального ученого, исследователя, визионера, установившего контакт с высшим разумом или открывшего универсальный закон, управляющий Вселенной. Учение таких групп часто представляет собой сложную и запутанную космологическую и антропологическую систему, изложенную в специфическом, квазинаучном новоязе, освоение которого

является одним из этапов индоктринации. Последователям предлагаются конкретные методики и технологии (одитинг в саентологии, различные формы космоэнергетики, информационные технологии и т. д.), которые якобы способны раскрыть скрытый потенциал человека, наделить его сверхспособностями, излечить от всех болезней или обеспечить ему переход на новый уровень эволюционного развития.

Деструктивность этих организаций носит особенно изощренный характер. Они привлекают в свои ряды преимущественно образованных, интеллектуально развитых, но духовно дезориентированных людей, используя их доверие к науке и технологиям. Применяемые психотехники, маскируясь под терапию или личностный рост, на деле являются инструментами контроля сознания, направленными на стирание прошлой идентичности и формирование новой, полностью зависимой от организации личности. Финансовая эксплуатация в таких культах часто носит систематический и многоуровневый характер, где каждый новый шаг к «знанию» или «совершенству» требует все больших денежных вливаний.

Крайней формой идеологической деструктивности являются сатанинские и иные деструктивно-окультурные группы. Если большинство культов стремятся поддерживать социально приемлемый фасад, то эти организации в той или иной мере открыто апеллируют к темным, теневым аспектам человеческой психики и культуры. Их идеология может варьироваться от философского сатанизма, представляющего собой форму радикального атеистического индивидуализма и эпатажного нонконформизма (как в «Церкви Сатаны» Антона Шандора ЛаВея), до теистического сатанизма (дьяволопоклонничества), который предполагает веру в реальное существование Сатаны как персонифицированной сущности и поклонение ему. Именно последняя форма представляет наибольшую общественную опасность. В основе ее доктрины лежит инверсия традиционных моральных ценностей: добро и зло меняются местами, добродетелями объявляются гордыня, эгоизм, жестокость, а сострадание и милосердие – признаками слабости.

Практика таких групп может включать в себя проведение ритуалов, в том числе антисоциального и преступного характера: осквернение религиозных святынь и кладбищ; ритуальное насилие над животными, а в наиболее экстремальных случаях – и над людьми. Несмотря на то, что масштабы ритуальных преступлений часто преувеличиваются в средствах массовой информации, порождая так называемую «сатанинскую панику», реальные случаи и уголовные дела свидетельствуют о том, что идеология таких групп способна служить мощным катализатором для совершения тяжких и особо тяжких преступлений, мотивированных ненавистью и стремлением к разрушению.

Наконец, в современном обществе все большее распространение получают так называемые коммерческие культы и психокульты. В этих организациях религиозная или духовная составляющая либо мини-

мальна, либо является лишь прикрытием, камуфляжем для основной цели – извлечение максимальной финансовой выгоды. Они мимикрируют под тренинги личностного роста, бизнес-семинары, курсы по развитию лидерских качеств, школы эзотерических знаний или центры альтернативной медицины.

Их структура часто напоминает финансовую пирамиду или систему многоуровневого маркетинга. Участников убеждают в том, что они обладают уникальной методикой достижения успеха, богатства, счастья или здоровья, доступ к которой является платным и многоступенчатым. Каждая последующая ступень «посвящения» или «обучения» стоит значительно дороже предыдущей, что создает иллюзию продвижения и мотивирует к дальнейшим тратам. Кроме того, важным элементом системы является требование активной вербовки новых членов, от взносов которых «продвинутый» адепт получает определенный процент.

В ходе тренингов используются интенсивные психологические техники (групповое давление, эмоциональная накачка, исповедальные практики, внушение), которые создают у участников состояние эйфории, чувство принадлежности к элитарной группе и формируют стойкую зависимость от тренингов и их ведущих. Деструктивность таких организаций заключается в нанесении серьезного финансового ущерба, доводящего людей до банкротства и долговой кабалы, а также в тяжелых психологических последствиях, т. е. после выхода из состояния эйфории человек сталкивается с разрушенными социальными связями, финансовым крахом и глубоким чувством вины и разочарования, что нередко приводит к депрессиям и суицидальным мыслям.

Второй важнейший критерий классификации – это организационно-структурный, описывающий внутреннее устройство организации, модель управления, способы поддержания дисциплины и механизмы контроля над адептами. Структура организации является тем каркасом, который обеспечивает ее устойчивость и позволяет эффективно реализовывать цели, поставленные лидером.

Одной из наиболее архаичных и одновременно наиболее опасных моделей является тоталитарная коммуна. Эта модель предполагает физическую изоляцию членов группы от внешнего мира. Последователей убеждают продать свое имущество, порвать связи с семьей и друзьями, бросить работу или учебу и переехать в изолированное поселение – ранчо, ашрам, сельскохозяйственную коммуну, удаленное от крупных населенных пунктов. Жизнь в такой коммуне подчинена тотальной регламентации: строго расписанный распорядок дня; коллективный труд; совместное проживание; контроль над личной перепиской и контактами; регламентация сексуальных отношений; общая касса, в которую поступают все средства.

Физическая изоляция является мощнейшим инструментом контроля сознания, поскольку она полностью отсекает адепта от любых альтернативных источников информации и социальных связей, спо-

собных подвергнуть сомнению учение и авторитет лидера. Внутри коммуны создается искусственная реальность, замкнутая информационная среда, где единственной истиной становятся слова гуру. Именно в таких закрытых, герметичных системах, где внутренние механизмы контроля достигают максимальной силы, а внешнее социальное давление ослаблено, создаются условия для наиболее радикальных и трагических событий, таких как массовые самоубийства (Джонстаун, «Врата Рая», «Орден Солнечного Храма») или подготовка к насильственным акциям против внешнего мира.

В современных условиях, особенно в городской среде, более распространенной и гибкой является модель децентрализованной сети. В этом случае организация не требует от своих членов физического ухода из общества. Адепты продолжают жить в своих квартирах, ходить на работу, формально поддерживать социальные контакты. Однако их сознание и большая часть их свободного времени оказываются полностью поглощены деятельностью группы. Контроль осуществляется не через физическую, а через информационную и психологическую изоляцию. Структура такой организации представляет собой сеть из множества мелких ячеек, учебных групп, домашних кружков, которые регулярно собираются для изучения доктрины, совместных ритуалов или прозелитической деятельности. Координация сети осуществляется центральным руководством через систему кураторов, информационных рассылок, веб-сайтов, а в последнее время – через закрытые группы в социальных сетях и мессенджерах.

Адепт оказывается погружен в плотную коммуникативную среду группы, его социальный круг постепенно сужается до единоверцев, а старые друзья и родственники, не разделяющие его новых взглядов, отторгаются как «непонимающие» или «враждебные». Любая критика учения или лидера немедленно пресекается механизмами группового давления. Хотя эта модель кажется менее репрессивной, ее деструктивный потенциал также очень высок. Она приводит к постепенной десоциализации личности, к формированию двойных стандартов поведения («для своих – одно, для чужих – другое») и позволяет организации незаметно проникать в различные слои общества, осуществляя вербовку в учебных заведениях, на предприятиях и даже в государственных учреждениях.

Третья модель, характерная для крупных, богатых и давно существующих организаций, – это корпоративно-бюрократическая модель. В этом случае деструктивная организация по своей структуре напоминает одновременно транснациональную корпорацию, спецслужбу и жестко иерархическую церковь.

Существует сложная, многоуровневая система управления с четким распределением функций, департаментами, отвечающими за финансы, юриспруденцию, связи с общественностью, вербовку и внутреннюю безопасность. Разработана детальная система рангов, статусов и степеней посвящения, продвижение по которой требует от адепта не только

лояльности, но и значительных финансовых вложений. Организация активно занимается бизнесом, инвестирует средства, владеет дорогостоящей недвижимостью по всему миру.

Важнейшим элементом такой структуры является наличие службы внутренней безопасности, которая занимается сбором информации о членах группы, отслеживает критиков и «отступников», а также ведет агрессивную юридическую борьбу против журналистов, ученых и бывших адептов, пытающихся раскрыть истинную природу данной организации. Контроль над членами носит не только психологический, но и информационно-компрометирующий характер. В ходе исповедальных или терапевтических практик из адептов вытягивается информация об их личной жизни, страхах, проступках, которая тщательно документируется и может быть использована для шантажа в случае попытки покинуть организацию. Наиболее ярким примером такой модели является «Церковь сентологии», чья структура и методы работы детально изучены и описаны в многочисленных исследованиях.

Третий вектор классификации – это целевая направленность деятельности, которая определяется доминирующей мотивацией лидера и руководящей верхушки. Хотя в большинстве деструктивных культов цели переплетаются, как правило, можно выделить преобладающий мотив, который определяет основную логику их функционирования. По этому критерию можно выделить несколько типов. Властно-ориентированные культы – это группы, где главной и самодостаточной целью лидера является достижение абсолютной, безграничной власти над сознанием и поведением других людей. Такой лидер обладает чертами нарциссической и психопатической личности, его не столько интересуют деньги или сексуальные удовольствия (хотя они могут быть сопутствующими бонусами), сколько сам процесс подчинения, унижения и контроля.

Идеология и ритуалы в такой группе служат, прежде всего, инструментами демонстрации и утверждения его тотального господства. Он упивается своей способностью заставлять последователей поверить в самый очевидный абсурд, совершать аморальные поступки или жертвовать самым дорогим. Трагедия в Джонстауне, где Джим Джонс привел более 900 человек к самоубийству, является страшным примером того, к чему может привести ничем не ограниченная жажда власти.

Другой распространенный тип – это гедонистические или сексуально-ориентированные культы. В таких группах центральным, хотя и тщательно скрываемым от внешнего мира и рядовых адептов, мотивом является удовлетворение гипертрофированных сексуальных потребностей лидера. Для легитимации своей сексуальной эксплуатации он создает специальную доктрину, объявляя себя «источником божественной энергии», «новым Адамом» или носителем особого «тантрического знания».

Традиционные нормы брака и сексуальной морали объявляются устаревшими и греховными, а вместо

них вводится практика «свободной любви», «групповых браков» или «священной проституции», которая на деле означает создание для лидера и его ближайшего окружения гарема из числа последовательниц. Часто жертвами сексуальной эксплуатации в таких культах становятся несовершеннолетние. Примерами могут служить коммуна «Семья» Чарльза Мэнсона, где практиковались беспорядочные половые связи, или скандально известная организация «Дети Бога» (ныне «Семья Интернешнл»), основатель которой Дэвид Берг открыто проповедовал сексуальные контакты с детьми.

Корыстные или коммерчески-ориентированные культы были уже частично рассмотрены выше, но здесь следует подчеркнуть, что их доминирующей и порой единственной реальной целью является незаконное обогащение руководящей верхушки. Вся структура, идеология и деятельность такой организации подчинены извлечению максимальной прибыли из своих последователей. Используется широкий арсенал методов – от прямого вымогательства пожертвований и завещаний до организации псевдоблаготворительных фондов, продажи религиозной атрибутики, литературы, «целительных» амулетов по завышенным ценам, а также вовлечения адептов в неоплачиваемый или низкооплачиваемый труд на предприятиях, принадлежащих организации.

Наконец, особую категорию, представляющую повышенную общественную опасность, составляют идеологически ориентированные или политические культы. Их конечной целью является не просто контроль над группой адептов, а изменение существующего социального и политического строя, вплоть до захвата власти в регионе или в стране в целом.

Такие группы могут маскироваться под религиозные или просветительские организации, но их доктрина носит выраженный политический характер, содержит элементы экстремистской идеологии (расизм, неонацизм, радикальный национализм), призывы к насильственному свержению власти и созданию теократического государства. Они могут заниматься формированием боевых отрядов, накоплением оружия, ведением разведывательной деятельности. Террористическая атака с применением зарина в токийском метро, организованная сектой «Аум Синрикё» (запрещенная в РФ террористическая организация), является наиболее известным и трагическим примером деятельности такого политического культа, стремившегося спровоцировать апокалипсис и захватить власть в Японии.

В заключение анализа необходимо подчеркнуть, что предложенные классификации не являются взаимоисключающими. Напротив, их эвристическая ценность состоит в возможности комбинирования для создания комплексного портрета конкретного деструктивного организации. Так, одна и та же группа может быть охарактеризована как псевдохристианская по своей доктрине, тоталитарно-коммунальная по структуре и властно ориентированная по своей целевой направленности.

Понимание этих многообразных форм и механизмов функционирования деструктивных религиозных организаций является необходимым условием для выработки дифференцированной и эффективной стратегии государственного и общественного противодействия этому сложному и опасному социальному явлению, направленной как на защиту прав и свобод граждан, вовлеченных в их деятельность, так и на обеспечение национальной безопасности в целом. Дальнейшие исследования в этой области должны быть направлены на изучение процессов трансформации культов в условиях цифровизации общества, анализ механизмов вербовки в онлайн-пространстве и разработки современных методик депрограммирования и социально-психологической реабилитации пострадавших.

Библиографический список

1. Саканцева А. Д., Шумейко Е. А. Массовое самоубийство среди последователей секты «Храм народов» в поселении Джонстаун // E-Scio. 2021. № 10 (61). С. 105–108.
2. Дворкин А. А. Сектоведение. Тоталитарные секты. Н. Новгород: Христианская библиотека, 2012. 81 с.

References

1. Sakantseva A. D., Shumeiko E. A. Mass suicide among followers of the "Peoples Temple" sect in the Jonestown settlement // E-Scio. 2021. No. 10 (61). Pp. 105–108.
2. Dvorkin A. L. Sect studies. Totalitarian sects. N. Novgorod: Khristianskaya Biblioteka, 2012. 816 p.

Информация об авторе

Макеева Ирина Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент

Information about the author

Makeeva Irina S. – Candidate of Law, Associate Professor

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации, включая идею, сбор материала, написание статьи и научное редактирование текста. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors

All authors made an equivalent contribution to the preparation of the publication, including the idea, collection of material, writing the article, and scientific editing of the text. The authors declare that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 12.05.2025; одобрена после рецензирования 11.07.2025; принята к публикации 17.12.2025

The article was submitted 12.05.2025; approved after reviewing 10.07.2025; accepted for publication 17.12.2025

Научная статья
УДК 343.1

Необходимость создания безопасных условий для участников уголовного процесса

Зарипов Фанис Фаварисович

Ижевский государственный технический университет имени М. Т. Калашникова, Ижевск, Россия,
zarif.911@yandex.ru

Аннотация. В статье определяется необходимость создания безопасных условий для участия в уголовном процессе лиц независимо от цели, формы и содержания их участия. Раскрываются проблемные вопросы процессуального характера обеспечения безопасности участников уголовного процесса, констатируется сложность применения ряда мер безопасности. Обосновывается необходимость внесения изменений и дополнений в УПК РФ, направленных на достижение назначения уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: безопасные условия, уголовно-процессуальная политика, защита прав и свобод человека, уголовное судопроизводство, участники уголовного процесса, обеспечение безопасности личности, изменения в законодательстве

Для цитирования: Зарипов Ф. Ф. Необходимость создания безопасных условий для участников уголовного процесса // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 4. С. 168–173.

Original article

The need to create safe conditions for participants in the criminal process

Zaripov Fanis F.

Kalashnikov Izhevsk State Technical University, Izhevsk, Russia, zarif.911@yandex.ru

Abstract. The article defines the need to create safe conditions for persons to participate in criminal proceedings, regardless of the purpose, form and content of their participation. The problematic issues of the procedural nature of ensuring the safety of participants in the criminal process are revealed, and the complexity of applying a number of security measures is stated. The necessity of introducing amendments and additions to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation aimed at achieving the purpose of criminal proceedings is substantiated.

Keywords: safe conditions, criminal procedure policy, protection of human rights and freedoms, criminal proceedings, participants in criminal proceedings, ensuring personal security, changes in legislation

For citation: Zaripov F. F. The need to create safe conditions for participants in the criminal process // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 4. Pp. 168–173.

Современный этап развития российского уголовного процесса отличается тем, что проблеме безопасности личности уделяется достаточно много внимания. Связано это, прежде всего, с постоянным возникновением и изменением социальных отношений в различных сферах жизнедеятельности и появлением новых способов и средств совершения общественно опасных деяний, в том числе, направленных на законопослушных участников уголовного судопроизводства, с целью неправомерного воздействия на них. Необходимость обеспечения конституционных гарантий требует от законодателей и правоприменителей своевременного реагирования на проблемы охраны прав и свобод человека и гражданина и особого внимания к обеспечению безопасности лич-

ности в уголовном судопроизводстве.

Системное и комплексное обеспечение безопасности личности, а также общества и государства приобретает еще большую значимость на фоне современных сложных международных событий и страшных трагедий с невинными жертвами, происходящих не только в России, но и во всем мире, и принимаемых в связи с этим мер по укреплению безопасности наших граждан и обеспечению действенных механизмов защиты их прав и свобод¹.

¹ Выступление Президента РФ на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации (опубликовано 26 марта 2024 г.) М., 2024.

Несмотря на ключевое разрешение правовых вопросов охраны прав личности посредством законодательных инициатив, значительную роль в этом играют и действующие подзаконные акты. Например, в целях качественного применения мер обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства и эффективной реализации государственной защиты лиц незаменимыми являются межотраслевые средства, осуществляемые компетентными органами правоохранительной системы.

Основные задачи уголовного процесса, обусловливаемые назначением уголовного судопроизводства, могут успешно выполняться лишь при полноценном создании безопасных условий для участвующих в нем лиц. Неправомерное воздействие на участников, содействующих уголовному процессу, на всех этапах производства по уголовному делу создает реальные препятствия для выполнения уголовно-процессуальных задач. В частности, при отсутствии безопасных условий, обеспечиваемых для заявителей и очевидцев преступлений, на начальном этапе – в ходе возбуждения уголовного дела, возникают проблемы, которые в дальнейшем влияют на оперативность и объективность стадии предварительного расследования. Также в целях своевременного и полного сбора доказательств, задержания виновных лиц, установления похищенного имущества, соблюдения процессуальных сроков от правоприменителей требуется обеспечить безопасность лиц, участвующих на этих стадиях уголовного производства. Причем, создание безопасных условий требуется вплоть до окончания расследования, вынесения приговора судом и полного возмещения причиненного преступлением ущерба и вреда. Отсутствие безопасных условий в уголовном судопроизводстве расценивается как неспособность обеспечить безопасность его участников, что нарушает конституционные основы охраны прав и свобод личности и создает почву для противодействия предварительному расследованию и осуществлению правосудия.

К сожалению, в Российской Федерации зарубежный опыт обеспечения безопасности участников уголовного процесса, отличающийся универсальностью и межотраслевым характером, по различным причинам востребован лишь частично. До сих пор отношение к институту обеспечения безопасности в российском уголовном судопроизводстве не всегда последовательное и факультативное. Постараемся определить различия обеспечения безопасности личности за рубежом и в России.

Обратив внимание на европейский механизм правового регулирования защиты свидетелей, а также других участников уголовного производства, можно констатировать, что он выходит за рамки национальных законодательств государств союза. Защита прав и законных интересов лиц, содействующих правосудию, прежде всего, основывается на положениях международных правовых актов – рекомендациях и стандартах Организации Объединенных Наций по обеспечению безопасности таких участников [1, с. 47].

Безусловно, Всеобщая декларация прав человека, утвержденная Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 г.¹, служит ориентиром для всех стран в области защиты основных прав и свобод граждан. Особенно важным для правовых государств является то, что в этом документе содержатся международные нормы обеспечения безопасности лиц, участвующих в уголовном производстве и содействующих правосудию. Гуманным и справедливым обязательством для государств-участников являются положения Международного пакта о гражданских и политических правах², предписывающие правоприменителям обеспечивать полноценную правовую защиту любому лицу, чьи права и свободы нарушены.

Основными актами, обеспечивающими защиту свидетелей и лиц, принимающих участие в уголовном процессе в рамках Совета Европы, являются Европейские конвенции «О взаимной правовой помощи по уголовным делам»³, «О возмещении ущерба жертвам насильственных преступлений»⁴, «По предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания»⁵, «О защите прав человека и основных свобод» [2] и Рекомендации об оказании помощи жертвам и предупреждении виктимизации [3, с. 129].

Однако в Европе также существуют проблемы. В отличие от России, среди европейских стран нет единого подхода к государственной защите свидетелей. Это обусловлено причинами не только правового характера (наличие различных правовых систем в государствах союза), но и результатами технического и технологического прогресса, нивелирующими защиту информационных баз с личными данными граждан. При этом Европейский суд по правам человека в процессе рассмотрения обращений и жалоб граждан по уголовным делам постепенно превращается в политический инструмент [4, с. 23], что понижает к нему доверие и разрушает международные правовые стандарты.

В настоящее время в Германии, Италии, Польше, Чехии действуют специальные законы о защите сви-

¹ Всеобщая декларация прав человека. Принята Резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. URL: <http://www.un.org/ru/documents>.

² Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят Резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 г. URL: <http://www.un.org/ru/documents>.

³ Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам (ETS № 30). Заключена в Страсбурге 20 апреля 1959 г. // Бюллетень международных договоров. 2000. № 9. С. 51–59.

⁴ Европейская конвенция по возмещению ущерба жертвам насильственных преступлений (ETS № 116). Заключена в Страсбурге 24 ноября 1983 г. // Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. М., 1998. С. 81–85.

⁵ Европейская конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания // Собрание законодательства РФ. 1998. № 36. Ст. 4465.

детелей. В ряде других европейских стран (Австрия, Греция и Дания) проблемы обеспечения безопасности свидетелей и лиц, принимающих участие в уголовном процессе, разрешаются нормами уголовно-процессуального законодательства. При этом члены Европейского союза, обеспечивая соблюдение национального законодательства, обязаны применять международные стандарты защиты свидетелей и лиц, содействующих правосудию. Безусловно, такие требования оказывают эффективное влияние на институт безопасности личности в уголовном судопроизводстве.

Можно сделать вывод о том, что европейское законодательство в этой области сосредоточено именно на предупреждении и незамедлительном реагировании на любые неправомерные действия в отношении участников уголовного судопроизводства. При этом в развитых странах Евросоюза на эти цели выделяется достаточно средств и сил.

Заслуживает внимания деятельность маршалской службы США, являющейся чрезвычайно важным органом, обеспечивающим эффективное функционирование системы федеральной юстиции. Служба возглавляется директором, который напрямую подчиняется президенту страны. В ее функции входит не только охрана федеральных судов и судебных зданий, обеспечение безопасности судей и судей-магистратов, но и создание безопасных условий для участников процесса, присяжных заседателей и представителей сторон. Кроме выполнения иных уголовно-процессуальных задач они осуществляют реализацию федеральной программы обеспечения безопасности свидетелей обвинения, которым угрожает опасность расправы со стороны преступных элементов и членов организованной преступности.

Главным достоинством реализации указанной федеральной программы, осуществляемой маршалской службой, является отношение к защищаемому лицу. Например, для свидетелей и иных участников уголовного процесса предоставляется максимально важная информация – сущность расследуемого дела с вероятными рисками и опасностью, возможность получения аналогичных сведений следствием из других источников и их значимость и т. д. Также рассматриваются другие альтернативы с учетом нормативных возможностей, например, положений Закона «О реформе системы обеспечения безопасности свидетелей» (1984 г.). При этом вся программа во многих штатах США полностью обеспечивается федеральным бюджетом, а Служба федеральных маршалов кроме выплаты пособий участникам, помогает также им найти жилье и стабильную работу под новыми именами.

Особенностью принятия мер защиты к участникам уголовного процесса в США является то, что их порядок и реализация сосредоточены на упреждении факта преступного воздействия. В частности, обеспечение охраны свидетелей осуществляется уже при установлении вероятности возможных угроз лицу, которое является очевидцем или может обладать необходимой информацией по делу. Фактически мар-

шалы заранее анализируют имеющуюся информацию о возможных рисках и противоправных воздействиях в отношении лиц, представляющих интерес для следствия или обладающих важными сведениями по делу. При этом Управлением правоприменительных операций уделяется особое внимание конфиденциальности, засекречиванию данных свидетеля и его близких в целях безопасности их жизни и здоровья. В этом случае осуществляется эффективное взаимодействие с прокурорами и следственными органами, которые и иницируют включение соответствующего лица в программу обеспечения охраны свидетелей.

Отличие американского механизма обеспечения безопасности личности в уголовном судопроизводстве от российского заключается в длительном и эффективном опыте реализации федеральной программы обеспечения безопасности свидетелей обвинения, а также в достаточном и полном финансировании в США всех элементов этой государственной программы. При этом американская система защиты свидетелей пользуется доверием со стороны участников уголовного процесса, прежде всего, благодаря комплексному превентивному использованию средств обеспечения безопасности. Это снижает возможность противоправного воздействия на личность и противодействия уголовному производству.

Законодательные пробелы в части обеспечения безопасности личности в российском уголовном процессе существенно осложняют применение ряда мер безопасности, особенно необходимых в процессе раскрытия и расследования преступлений, совершенных организованными группами и преступными формированиями. Например, замена документов, изменение внешнего вида, изменение места работы и места жительства требуют проведения комплексных межотраслевых мероприятий с формированием достаточно большого количества документов, что на данный момент вызывает у наших правоприменителей определенные трудности.

Можно сказать что, к сожалению, обеспечение безопасности личности в российском уголовном судопроизводстве в настоящее время не приобрело полностью системный, комплексный, межотраслевой характер. Подтверждением этому служит следующий факт: следователь в ходе следственного действия только при желании (необходимости) может обеспечить безопасность потерпевшего, свидетеля и т. д. (ч. 9 ст. 166 УПК РФ)¹. Фактически данная норма не обязательна и ни коим образом не гарантирует в полном объеме личную безопасность участнику процесса, ее диспозитивность не может обеспечить реализацию прав и создать безопасные условия лицу, не осведомленному о различных уголовно-процессуальных рисках и возможных угрозах. Одной из причин также может быть несовершенство правовой системы – противоречивость уголовно-процессуального за-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

конодательства и отсутствие правовых норм, регулирующих отдельные вопросы.

По нашему мнению, создание безопасных условий для участников уголовного процесса и обеспечение государственной защиты должны обязательно входить в должностные инструкции лиц, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность, и рассматриваться в качестве императива. Необходимо внести в уголовно-процессуальное законодательство изменения, регламентирующие обязанности должностных лиц, осуществляющих производство по уголовным делам, в целях обеспечения безопасных условий для его участников. Такая задача перед органами, осуществляющими уголовное судопроизводство, должна стать одним из основных направлений деятельности.

Относительно постановки задач органам дознания, следствия и суда среди ученых-процессуалистов достаточно много разногласий и нет единства, в том числе из-за различия таких понятий, как «назначение» «задачи», «цели» и «функции» уголовного процесса. Однако мы не хотим углубляться в обсуждение вопросов методологической сущности этих категорий, а попытаемся представить доводы относительно необходимости формирования задач по обеспечению безопасных условий для участников уголовного судопроизводства, стоящих перед органами, осуществляющими уголовное судопроизводство.

Не подлежит сомнению, что кодекс, регламентирующий процесс деятельности государственных органов, должен быть руководством к действию для дознавателя, следователя, прокурора и судьи, потому что указанные должностные лица реализуют свои полномочия на основе норм уголовно-процессуального закона, действуя посредством решения детализированных задач на каждой стадии производства по уголовному делу. Причем, в данном случае речь идет о полномочиях по реализации государственного принуждения в форме уголовного преследования, в результате которого ограничиваются права и свободы личности, осуществляется воздействие на волю и поведение человека. Безусловно, уголовно-процессуальная деятельность с применением государственно-принудительных средств должна быть строго регламентирована на основании уголовно-процессуальных принципов и выполнять назначение уголовного судопроизводства. Однако законодатель, определив назначение уголовного судопроизводства перед правоприменителями в качестве цели – защита личности и ее интересов, не объяснил, каким образом это сделать, не поставил перед ними конкретные задачи. Направления деятельности для органов, осуществляющих уголовное судопроизводство, оказались размытыми, так как формировались посредством сложной системы анализа уголовно-процессуальных принципов и других норм. При этом реализация назначения уголовного судопроизводства фактически требует от его участников последовательного решения конкретных компетентных задач на каждой стадии уголовного процесса. В публичном

процессе производства по уголовному делу именно задачи выступают основными ориентирами для государственных органов и их должностных лиц, направляют и ограничивают их действия. В качестве примера можно привести деятельность МВД России, куда входят и следственный аппарат, и органы дознания, в том числе осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, которые непосредственно обеспечивают государственную защиту лиц. Деятельность указанных подразделений строго регламентирована, и благодаря четкой постановке задач эффективно реализуется.

Для успешного осуществления уголовно-процессуальной деятельности уполномоченными государственными органами и их должностными лицами законодателю необходимо четко сформулировать перед ними цели и задачи, требующиеся для достижения назначения российского уголовного судопроизводства. Собственно задачи уголовного судопроизводства и должны ориентировать, направлять действия должностных лиц государственных органов на эффективное выполнение его назначения и правильное восприятие обществом деятельности данных органов. В связи с этим наше предложение заключается в необходимости включения в гл. 2 УПК РФ статьи «Задачи уголовного судопроизводства» с одним из уголовно-процессуальных положений – обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства (ч. 3 ст. 6 УПК РФ).

Также требуют обязательного разъяснения понятия, продолжительное время широко применяемые в уголовном процессе, которые в качестве дополнений должны быть внесены в ст. 5 УПК РФ. В частности, это касается таких терминов, как «государственная защита», «меры обеспечения безопасности» и «угрозы безопасности».

Соответственно, возникнет необходимость в дополнении раздела II УПК РФ последней главой, куда войдут уголовно-процессуальные нормы, разъясняющие порядок применения мер обеспечения безопасности в отношении лиц, принимающих участие в производстве по уголовному делу. Также будет необходимо раскрыть виды данных мер, последовательность их изменения и отмены. При включении в УПК РФ главы 9.1, устанавливающей регламент обеспечения безопасности личности в уголовном судопроизводстве, следует в целях обеспечения безопасных условий для участников уголовного судопроизводства и детализации действий должностных лиц, наделенных правом применения мер безопасности в пределах своей компетенции, внести дополнения в ч. 2 ст. 29, ст. 37, 39, 42, 57–60, 105.1, 161, 164–166, 208, 210, 220, 225, 259, 299, 306, 308 УПК РФ.

Основой для таких необходимых изменений в уголовно-процессуальном законодательстве должно явиться возведение в ранг уголовно-процессуальных принципов общепризнанного положения – обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства (ст. 11.1 УПК РФ). Указанное правовое положение может стать одной из стержневых доминант

уголовно-процессуальной политики современной России. Обязанность компетентных органов, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность, на системной основе обеспечивать безопасные условия лицам, подвергающимся реальным угрозам и неправомерному воздействию в связи с их участием в производстве по уголовному делу, придаст должную уверенность участникам и будет способствовать более успешному достижению назначения уголовного судопроизводства.

В вопросах обеспечения безопасности личности в уголовном судопроизводстве достаточно много проблем. В частности, позиция законодателя по наделению правом применения мер безопасности органов без согласования со следователем выглядит не совсем понятной. В данном случае основанием начала защитных мер и их реализации должны быть и активное участие лица в процессе раскрытия и расследования преступления, задокументированное именно следователем. Безусловно, законодатель правильно возложил на такие органы, как УОГЗ и ГУСБ МВД России, осуществляющие меры безопасности, определение мер защиты и способов их применения. Во-первых, они наиболее подготовлены и профессиональны в этом направлении, во-вторых, могут использовать в своей деятельности оперативно-розыскные мероприятия (негласные методы), в-третьих, имеют возможность ускоренно решать организационные вопросы. Целесообразным будет и в компетенцию инициатора защитных мер в отношении лиц, подвергшихся угрозам или неправомерному воздействию в процессе производства уголовного дела, включить право согласовывать такие меры с органом, осуществляющим государственную защиту. Потому что, в конечном счете, и суд, и руководитель следственного органа, и следователь, и начальник органа дознания, и дознаватель должны нести полную ответственность за обеспечение безопасности лиц, принимающих участие в уголовном процессе, от неправомерных действий угрозоносителей (лиц, осуществляющих противоправные действия в отношении участников, содействующих уголовному судопроизводству). Поэтому и рекомендации органа, принявшего решение об осуществлении государственной защиты, и пожелания защищаемого лица в обязательном порядке должны учитываться [5, с. 87]. В данном случае необходимо преодолеть разобщенность ведомств и органов, раскрывающих преступления, осуществляющих предварительное расследование и оперативно-розыскную деятельность, регламентировав их действия единым подзаконным актом, предполагающим комплексность и системность обеспечения безопасности участников и определяющим ответственных за конечный результат по этому направлению деятельности.

По нашему мнению, лицо (участник уголовного процесса), на которое оказывается неправомерное воздействие или в отношении которого поступили угрозы от угрозоносителя, должно быть проинформировано о возможных рисках и последствиях,

чтобы выбор защищаемого лица был осознанным и добровольным. Конечно же защищаемое лицо необходимо предупредить о неразглашении данных, связанных с осуществлением мер безопасности перед их применением. При этом с участником уголовного судопроизводства, подвергающимся угрозам, следует заключить договор, в котором предусмотреть вышеуказанные требования и обязательства. Другой стороной должен быть орган, осуществляющий государственную защиту и следователь. Очевидно, что нельзя говорить об обязательствах и ответственности следователя, если он не является одной из сторон договора, в том числе и в вопросах конфиденциальности данных защищаемых лиц и проводимых мер. Этот документ должен быть разработан компетентными органами и соответствовать требованиям конфиденциальности, предъявляемым к сделкам в соответствии с законодательством РФ (в частности, Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне», Гражданский кодекс Российской Федерации и т. п.). Во всех вышеперечисленных случаях требуется нормативное регламентирование мер обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства путем внесения изменений и дополнений в УПК РФ.

Например, очень важным и своевременным законодательным дополнением стали изменения ч. 6 ст. 18 Федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»¹, которые обязали орган, реализующий меры безопасности, заключать письменный договор с защищаемым лицом. Законодатель призвал правоприменителей отражать в таком договоре не только сведения о семейном положении и имуществе защищаемого лица, но и юридические обязательства и правовые претензии, которые могут повлиять на качественное применение мер безопасности в отношении него.

Таким образом, опираясь на эффективную международную практику обеспечения безопасности личности в уголовном процессе и анализируя проблемы в данной области российского уголовно-процессуального права, можно сделать однозначный вывод о необходимости комплексного системного подхода к реализации межотраслевого института обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства. Только создание безопасных условий участия в уголовном процессе лиц независимо от их цели, формы и содержания будет способствовать упреждению неправомерного воздействия на них со стороны угрозоносителей и решению уголовно-процессуальных задач.

Отталкиваясь от конституционной доминанты о том, что «соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства»

¹ Федеральный закон от 7 февраля 2017 г. № 7-ФЗ «О внесении изменений в ч. 6 ст. 18 Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // СЗ РФ. 2004. № 34. Ст. 3534.

(ст. 2 Конституции РФ), можно смело утверждать не столько о необходимости, сколько об обязанности государства в лице компетентных органов и их должностных лиц обеспечивать безопасные условия уголовного судопроизводства для всех его участников без исключения. Именно такая позиция должна быть актуальной в условиях современной российской уголовно-процессуальной политики.

Соответственно, безопасные условия в уголовном судопроизводстве – это такие условия, при которых негативное противоправное воздействие на лицо, принимающее участие в уголовном процессе, исключено, а допустимое воздействие не противоречит задачам и назначению уголовного судопроизводства. Безусловно, такой подход будет способствовать эффективному выполнению назначения уголовного судопроизводства.

Библиографический список

1. Краснова К. А. Правовые основы защиты свидетелей в Европейском союзе // Адвокатская практика. 2016. № 1. С. 47.
2. Международные акты о правах человека: сборник документов. М., 2000. С. 539–551.
3. Зайцев О. А. Государственная защита участников уголовного процесса. М., 2001. С. 129.
4. Спиридонова С. А. Зарубежный опыт организации работы по защите свидетелей в рамках уголовного судопроизводства: аналитический обзор. Домодево: ВИПК МВД России, 2016. С. 49.
5. Чмырев С. Н. Безопасность лиц, подлежащих государственной защите // Административное и муниципальное право. 2010. № 6. С. 86–88.

References

1. Krasnova K. A. Legal foundations of witness protection in the European Union // Lawyer's practice. 2016. No. 1. P. 47.
2. International acts on human rights: collection of documents. M., 2000. Pp. 539–551.
3. Zaitsev O. A. State protection of participants in criminal proceedings. M., 2001. P. 129.
4. Spiridonova S. A. Foreign experience in organizing witness protection in criminal proceedings: an analytical review. Domodedovo: VIPK of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016. P. 49.
5. Chmyrev S. N. Security of persons subject to state protection // Administrative and municipal law. 2010. No. 6. Pp. 86–88.

Информация об авторе

Зарипов Фанис Фаварисович – кандидат юридических наук

Information about the author

Zaripov Fanis F. – Candidate of Law Sciences

Статья поступила в редакцию 19.06.2025; одобрена после рецензирования 21.07.2025; принята к публикации 17.12.2025

The article was submitted 19.06.2025; approved after reviewing 21.07.2025; accepted for publication 17.12.2025

Концепции совокупности доказательств по уголовному делу

Стельмах Владимир Юрьевич,

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург,
Россия, vlstelmah@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7558-6531>

Аннотация. В статье на уровне постановки проблемы рассматривается вопрос о природе совокупности доказательств по уголовному делу. Выделяются признаки системности, которыми должна обладать совокупность доказательств: полнота, непротиворечивость, возможность формулирования единственно допустимого вывода. Констатируется, что система формируется на основе индуктивного и дедуктивного методов, что позволяет заполнить пробелы в доказательственной информации. Предлагается два наиболее вероятных концептуальных подхода для объяснения природы совокупности доказательств. Концепция цепи исходит из полной самостоятельности каждого доказательства и его содержательной связанности с другими доказательствами. Очевидным недостатком концепции цепи является невозможность собирания доказательств в случае, если хотя бы одно предшествующее доказательство получено с нарушением процессуальных норм. Концепция потока подразумевает не просто связь доказательств, а взаимное проникновение их содержания. Недопустимость доказательства, имеющих вербальную природу, влечет невозможность использования только этого доказательства, но не препятствует формированию других доказательств на основе соответствующей информации. Вместе с тем для доказательств, имеющих материальную природу, данный алгоритм не действует, процессуальные нарушения при производстве соответствующих следственных действий не позволяют легализовать полученные сведения путем проведения других следственных действий.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, уголовное преследование, доказательство, доказывание, совокупность доказательств, следственные действия, недопустимость доказательств

Для цитирования: Стельмах В. Ю. Концепции совокупности доказательств по уголовному делу // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 4. С. 174–177.

Original article

Concepts of the totality of evidence in a criminal case

Stelmakh Vladimir Yu.

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia, vlstelmah@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7558-6531>

Abstract. The article discusses the nature of the totality of evidence in a criminal case at the problem statement level. The author highlights the signs of consistency that a set of evidence should possess: completeness, consistency, and the possibility of formulating the only acceptable conclusion. It is stated that the system is formed on the basis of inductive and deductive methods, which makes it possible to fill in the gaps in the evidentiary information. Two most likely conceptual approaches are proposed to explain the nature of the evidence set. The chain concept proceeds from the complete independence of each proof and its meaningful connection with other proofs. An obvious disadvantage of the chain concept is the inability to collect evidence if at least one previous piece of evidence was obtained in violation of procedural rules. The concept of flow implies not just the connection of evidence, but the mutual penetration of their content. The inadmissibility of evidence of a verbal nature entails the impossibility of using only this evidence, but does not prevent the formation of other evidence based on relevant information. At the same time, this algorithm does not work for evidence of a material nature, and procedural violations during the relevant investigative actions do not allow the information obtained to be legalized through other investigative actions.

Keywords: criminal proceedings, criminal prosecution, evidence, proving, totality of evidence, investigative actions, inadmissibility of evidence

For citation: Stelmakh V. Yu. Concepts of the totality of evidence in a criminal case // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 4. Pp. 174–177.

Конечной целью судопроизводства по уголовному делу является принятие законного, обоснованного и справедливого решения. Для этого должна быть собрана совокупность доказательств, содержательно охватывающая все юридически значимые обстоятельства совершения преступного деяния и иные обстоятельства, учитываемые при реконструкции механизма события, квалификации преступления и назначении наказания [1, с. 22; 2, с. 76–77; 3, с. 121–122; 4, с. 88–89; 5, с. 117–118; 6, с. 95]. Именно установление подлинных обстоятельств преступления обеспечивает законность и справедливость принимаемого решения [7, с. 100–101].

По делу должна быть собрана именно система доказательств. Разрозненные доказательства, не обладающие признаками системности, не могут привести к требуемому результату. При этом, разумеется, необходимо согласиться с А. В. Смолиным в том, что «знание для субъекта доказывания в любом случае остается вероятностным, поскольку всегда присутствует возможность сопротивления со стороны источников доказательственной информации. Но и вероятное знание имеет свои градации в зависимости от того, на каких аргументах оно строится, от их количества и качества, через призму внутреннего убеждения субъекта расследования» [8, с. 170]. Нет сомнений, что обстоятельства совершения преступления, все без исключения детали поведения лиц, причастных к преступному деянию, и, прежде всего, особенности мыслительной деятельности (мотивация и т. п.) не всегда могут быть восстановлены в полном объеме. Однако системность доказательственной информации позволяет добиться следующего: в существенных аспектах указанные факторы реконструируются таким образом, что позволяют принять по делу законное решение. В науке правильно отмечается, что неотъемлемыми признаками системы доказательств является «хронология, непротиворечивость и взаимное пересечение» [9, с. 30] информации, относящейся к делу.

Системность собираемой по уголовному делу группы доказательств характеризуется следующими признаками:

1) содержательно доказательства позволяют воссоздать основные параметры механизма совершения преступления: причины, время, место, действия или бездействие, роли соучастников, направленность и размер причиненного ущерба, смягчающие и отягчающие обстоятельства, особенности поведения потерпевшего и т. п.;

2) доказательства являются непротиворечивыми, в случае наличия между отдельными доказательствами противоречий они объясняются и преодолеваются другими собранными доказательствами;

3) собранные доказательства с необходимостью и неизбежностью приводят к единственному выводу о совершившем преступлении субъекте, форме его вины, квалификации действий. При этом в случае объективной невозможности точного установления каких-либо отдельных значимых для квалификации

обстоятельств при полной доказанности причастности лица применяется обусловленное презумпцией невиновности правило «минимальной (наименьшей) репрессии», когда квалификация содеянного производится по тому преступлению, которое доказано несомненно (например, при неустановлении наличия умысла на лишение потерпевшего жизни действия виновного квалифицируются не как убийство, а как причинение смерти по неосторожности) [10, с. 47–48].

Система отличается от бессистемного набора тем, что составляющие ее элементы приобретают некоторые новые качества, не присущие им по отдельности, соответственно, свойства системы отличаются от механической суммы свойств ее элементов. Это весьма важно для совокупности доказательств по уголовному делу. Важно учитывать, что в итоговых процессуальных документах (обвинительном заключении, завершающем стадию предварительного расследования, и приговоре, являющимся итоговым актом по делу в целом) доказательства должны не просто перечисляться, а должно быть раскрыто их содержание, и при необходимости приведен содержательный анализ.

При формировании совокупности доказательств используются как индуктивный, так и дедуктивный методы [11, с. 104], что позволяет в определенном смысле заполнить пробелы информации. Это «заполнение» иногда объективно необходимо, поскольку, как уже отмечалось, далеко не всегда все до единого обстоятельства удастся в полном объеме выявить в ходе конкретных следственных действий.

Можно выделить два концептуальных подхода к совокупности доказательств, собираемых при производстве по уголовному делу.

Первый подход – когда система рассматривается как цепь доказательств, каждое конкретное доказательство рассматривается как отдельное звено цепи, а вместе они – как группа доказательств. Связь между звеньями цепи прослеживается в содержательном аспекте, когда доказательства свидетельствуют о каких-либо подлежащих установлению фактах и раскрывают различные аспекты этих фактов.

Второй подход заключается в интерпретации системы доказательств как своеобразного потока, массы, в которой отдельные доказательства не просто пересекаются, а в известном смысле сливаются.

На первый взгляд, первый подход является более верным, поскольку признание системности собранных доказательств сопровождается также признанием самостоятельности каждого из них. Однако этот подход создает практически непреодолеваемые сложности в ситуациях, когда одно из доказательств получается с нарушением предусмотренной УПК РФ процедуры.

Например, по уголовному делу были последовательно произведены следующие следственные действия:

– допрос потерпевшего, в ходе которого он рассказал об обстоятельствах преступления и описал внешность виновного;

– предъявление потерпевшему подозреваемого для опознания, во время которого потерпевший опознал подозреваемого по определенным признакам;

– очная ставка между потерпевшим и подозреваемым, где потерпевший подтвердил и уточнил свои показания, изблотив подозреваемого.

На основании данных доказательств подозреваемому было предъявлено обвинение.

Если рассматривать совокупность доказательств как цепь, а каждое отдельное доказательство – как ее звенья, то дефекты любого звена влекут разрыв цепи, следовательно, и полную невозможность использования ранее собранных и полностью доброкачественных доказательств для какого-либо подтверждения значимых фактов. Например, если предъявление для опознания было проведено с нарушением норм УПК РФ, и его результаты признаются недопустимыми доказательствами, то и очная ставка, и предъявление лицу обвинения становятся незаконными, поскольку они в той или иной степени базируются на недопустимом доказательстве. Любая дефектность какого-либо доказательства не только влечет невозможность использования именно этого доказательства для принятия решения по делу, но и формирует такие же последствия для всех остальных доказательств, содержательно базирующихся на полученном с нарушением закона. Конечно, можно утверждать, что реализация такого подхода призвана способствовать улучшению качества предварительного расследования, однако это соображение никак, ни с социальной, ни с правовой, ни с методологической точек зрения не оправдывает последствия – полное разрушение всей системы получаемых доказательств. Разумеется, имеется объективная содержательная взаимосвязь между отдельными доказательствами, однако одно нарушение, допущенное при формировании конкретного доказательства, не должно влечь абсолютных последствий для других самостоятельных доказательств, в ходе собирания которых закон не был нарушен.

Концепция потока, представляющая более правильной, иначе расставляет акценты в соотношении собираемых по делу доказательств и их значения как элементов формирующейся совокупности.

Каждое отдельное доказательство, сохраняя свою самостоятельность, как бы «передает» свое содержание другим доказательствам, в которых содержание ранее собранного доказательства приобретает самостоятельное значение. Иными словами, сам начальный момент собирания нового доказательства включает в себя сведения, полученные при собирании предшествующего доказательства. Например, предъявление для опознания важно в доказательственном плане только как узнавание, но не как фундамент абсолютно всех последующих следственных действий, связанных с представленным для опознания лицом. Сам факт проведения очной ставки, утверждение в ее начале о том, что одно лицо видело другое, подтверждает факт их знакомства, и это обстоятельство не может быть аннулировано как таковое признанием незаконности ранее произведенного опознания.

В рамках концепции потока признание недопустимым какого-либо одного доказательства влечет последствия в виде невозможности использования в доказывании только применительно к данному доказательству, но не ко всем остальным, пусть даже и полученным на содержательной основе доказательства, признанного недопустимым. В известном смысле уместно сравнение с водным потоком, когда какое-либо его механическое нарушение вскоре «затягивается» и не нарушает ни целостности хода, ни направления движения потока.

Однако указанный подход не является универсальным даже в рамках концепции потока, он распространяется исключительно на доказательства, имеющие вербальную основу (то есть на результаты таких следственных действий, как допрос, очная ставка, предъявление для опознания, проверка показаний на месте). Вместе с тем следственные действия, направленные на получение материальных предметов (осмотр, обыск, выемка, эксгумация, получение образцов для сравнительного исследования), если они произведены с нарушением норм УПК РФ, не позволяют использовать полученные результаты в доказывании по делу. Например, предметы, полученные в ходе незаконного произведенного обыска, нельзя легализовать путем их осмотра или производства судебной экспертизы. В подобных случаях не только не произойдет легализации неправильно изъятых предметов, но и осмотр и судебная экспертиза сами окажутся незаконными, и их результаты недопустимо будет использовать в доказывании по уголовному делу.

Концепция потока имеет еще одно измерение, позволяющее более эффективно решать сугубо прикладные задачи. Например, если по делу одно лицо допрашивалось несколько раз, причем в ходе дополнительных допросов выяснялись сведения, относящиеся к хронологически ранее имевшим место фактам, нежели установленные на первоначальном допросе, то в рамках концепции цепи результаты каждого допроса необходимо расценивать как самостоятельное доказательство, обособленное от других, в том числе и от других допросов того же лица, и в обвинительном заключении требуется приводить эти сведения отдельно. Такая композиция обвинительного заключения, безусловно, весьма существенно затруднит смысл отображаемой информации и ее понимание участниками уголовного судопроизводства, в том числе прокурором и судом.

Если придерживаться концепции потока, то результаты всех допросов можно будет объединить в одно доказательство – показания конкретного лица, скомпоновать все полученные в рамках допросов сведения в единый массив и изложить в обвинительном заключении последовательно согласно хронологии установления событий. Разумеется, данные алгоритмы недопустимо истолковывать механически и формально. Если показания лица содержательно различались (например, сначала лицо признавало какие-либо факты, а затем стало их отрицать, либо наоборот), показания следует приводить именно по

этой логике, демонстрируя изменение лицом своей позиции. Однако если показания не носили противоречивого характера, а дополняли и уточняли ранее сообщенные сведения, концепция совокупности доказательств как потока позволяет гораздо более рационально и оптимально изложить соответствующую информацию в процессуальных документах по уголовному делу.

Концепции доказательств цепи и потока представлены в настоящей работе на уровне постановки проблемы. Дальнейшее изучение различных аспектов взаимоотношений значения различных доказательств призвано способствовать как развитию теоретических представлений о доказательствах, так и оптимизации практической деятельности в рамках уголовного судопроизводства.

Библиографический список

1. Белкин А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М.: Норма, 2005. 528 с.
2. Васяев А. А. Теория исследования доказательств в российском уголовном процессе: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. 472 с.
3. Григорьев В. Н., Победкин А. В., Яшин В. Н. Уголовный процесс: учебник. М.: Эксмо, 2023. 960 с.
4. Гриненко А. В. Уголовный процесс: учебник и практикум для вузов. – 9-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2024. 361 с.
5. Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве: монография / отв. ред. Л. Н. Масленникова. М.: НОРМА-ИНФРА-М, 2017. 384 с.
6. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. М.: Юрид. лит., 1973. 736 с.
7. Дорошков В. В. Уголовное правосудие в условиях метамодерна и умеренного консерватизма: монография. М.: Прометей, 2023. 326 с.
8. Смолин А. В. Формирование совокупности доказательств как условие принятия решений в процесс доказывания по уголовному делу // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 2 (62). С. 168–173.
9. Мартыненко С. Б. О совокупности доказательств как комплексном признаке пределов доказывания в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Иркутск, 2 декабря 2022 года). Иркутск: Иркутский институт (филиал) ВГЮУ (РПА Министерства юстиции Российской Федерации), 2023. С. 27–32.
10. Стельмах В. Ю. Система средств доказывания в досудебных стадиях уголовного процесса: проблемы теории, нормативного регулирования и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2022. 522 с.
11. Корнакова С. В. Логика уголовно-процессуального доказывания // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 2 (28). С. 103–109.

References

1. Belkin A. R. Theory of evidence in criminal proceedings. Moscow: Norm, 2005. 528 p.
2. Vasyaev A. A. Theory of evidence research in the Russian criminal process: a monograph. Moscow: YurLitinform, 2016. 472 p.
3. Grigoriev V. N., Pobedkin A.V., Yashin V. N. Criminal procedure: textbook. Moscow: Eksmo, 2023. 960 p.
4. Grinenko A.V. Criminal procedure: textbook and practice for universities. 9th ed., revised. and additional M.: Yurait, 2024. 361 p.
5. Proving and decision-making in adversarial criminal proceedings: a monograph / ed. by L. N. Maslennikov. Moscow: NORM-INFRA-M, 2017. 384 p.
6. The theory of evidence in the Soviet criminal process / ed. by N. V. Zhogin. Moscow: Jurid. lit., 1973. 736 p.
7. Doroshkov V. V. Criminal justice in the context of metamodernity and moderate conservatism: a monograph. Moscow: Prometheus, 2023. 326 p.
8. Smolin A.V. The formation of a set of evidence as a condition for decision-making in the process of proving a criminal case // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 2 (62). Pp. 168–173.
9. Martynenko S. B. On the totality of evidence as a complex feature of the limits of proof in criminal proceedings // Actual problems of criminal proceedings: collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical conference with international participation (Irkutsk, December 2, 2022). Irkutsk: Irkutsk Institute (branch) of the All-Russian State Law University (RPA of the Ministry of Justice of the Russian Federation), 2023. Pp. 27–32.
10. Stelmakh V. Yu. The system of means of proof in the pre-trial stages of the criminal process: problems of theory, regulatory regulation and practice: dis. ... Doctor of Law .sciences. Moscow, 2022. 522 p.
11. Kornakova S. V. Logic of criminal procedural evidence // Legal science and law enforcement practice. 2014. No. 2 (28). Pp. 103–109.

Информация об авторе

Стельмах Владимир Юрьевич – доктор юридических наук, доцент

Information about the author

Stelmakh Vladimir Yu. – Doctor of Law, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 28.05.2025; одобрена после рецензирования 10.07.2025; принята к публикации 17.12.2025

The article was submitted 28.05.2025; approved after reviewing 10.07.2025; accepted for publication 17.12.2025

Конституционный принцип равенства и особенности его реализации в уголовном законодательстве Российской Федерации

Стрилец Олег Валентинович¹, Торьяникова Ирина Витальевна²

^{1,2} Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия

¹ oleg-strilez@rambler.ru

² zuna25@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию вопросов закрепления принципа равенства в российском законодательстве. Особое внимание уделено анализу отображения данного принципа в уголовном законе. Принцип равенства перед законом – краеугольный камень правового государства и гарант справедливого судопроизводства. В уголовном праве этот принцип приобретает особую значимость, поскольку затрагивает фундаментальные права и свободы человека, определяя его ответственность перед обществом за совершенное преступление. Основной проблемой законодательной регламентации и реализации принципа равенства следует считать различный подход к его содержанию в Уголовном кодексе и Конституции Российской Федерации. Для правильного понимания конституционного принципа равенства необходимо учитывать, что он подразумевает единообразное применение правовых норм в отношении всех лиц. Именно в этом смысле данный принцип должен быть закреплен в законодательстве, чтобы соответствовать Основному закону Российской Федерации. В качестве решения выявленной проблемы авторами выдвигаются конкретные предложения по внесению изменений в нормы уголовного закона. В ходе исследования использовались анализ, синтез, обобщение, формально-юридический и формально-логический методы. Делается вывод о том, что принцип равенства предполагает равное, одинаковое применение норм законодательства ко всем лицам. Только в таком смысле он должен быть сформулирован в законодательстве, что будет соответствовать Конституции Российской Федерации.

Ключевые слова: принцип равенства, равные возможности, права, свободы, дискриминация, депутатская неприкосновенность

Для цитирования: Стрилец О. В., Торьяникова И. В. Конституционный принцип равенства и особенности его реализации в уголовном законодательстве Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 4. С. 178–183.

Original article

Constitutional principle of equality in criminal law and in the legislation of the Russian Federation

Strilets Oleg V.¹, Toryanikova Irina V.²

^{1,2} The Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russia

¹ oleg-strilez@rambler.ru

² zuna25@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the issues of consolidating the principle of equality in Russian legislation. Special attention is paid to the analysis of the reflection of this principle in the criminal law. The principle of equality before the law is the cornerstone of the rule of law and the guarantor of fair judicial proceedings. In criminal law, this principle is of particular importance, since it affects the fundamental rights and freedoms of a person, defining his responsibility to society for the crime committed. The main problem of legislative regulation and implementation of the principle of equality should be considered the different approach to its content in the Criminal Code and the Constitution of the Russian Federation. To properly understand the constitutional principle of equality, it is necessary to take into account that it implies the uniform application of legal norms to all persons. It is in this sense that this principle should be enshrined in legislation in order to comply with the Basic Law of the Russian Federation. As a solution to the identified problem, the authors put forward specific proposals for making changes to the norms of the criminal law. The research used analysis, synthesis, generalization, formal legal and formal logical methods. It is

concluded that the principle of equality presupposes the equal, equal application of the norms of legislation to all persons. Only in this sense should it be formulated in legislation that will comply with the Constitution of the Russian Federation.

Keywords: the principle of equality, equal opportunities, rights, freedoms, discrimination, parliamentary immunity

For citation: Strilets O. V., Toryanikova I. V. Constitutional principle of equality in criminal law and in the legislation of the Russian Federation // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 4. Pp. 178–183.

Введение. Современное развитие России как правового государства является сохранением модели общества, основанной на приоритете прав и свобод человека. Развитие общественно-правовых отношений и внедрение принципов правового государства в практику российского управления подчеркивают актуальность изучения вопросов, связанных с законодательным закреплением и реализацией конституционных положений. Четкость формулировок конституционных принципов влияет на их восприятие и применение. Реализация конституционных норм формирует устойчивую правовую базу, которая служит основой для эффективного взаимодействия государства и общества.

Вопросы равенства и равноправия являются актуальными и значимыми во все времена и для всех народов, что обусловлено стремлением устранения дискриминации и неравенства в обществе. Эта тема достаточно хорошо разработана в литературе и была предметом исследования Д. В. Булгаковой, И. А. Ворониной, С. В. Ворошиловой, А. В. Кирпичниковой, Ю. В. Головиновой, М. Д. Давитадзе, Е. А. Дербишевой, А. С. Петранцова и др.

Принцип равенства является основополагающим элементом в становлении и функционировании правового государства и несет в себе императивное требование недопущения дискриминации, то есть запрета на предоставление преимуществ отдельным лицам, что может повлечь за собой нарушение прав других. Из этого следует, что законодательство не должно содержать нормы, устанавливающие различие в объеме предоставляемых прав в зависимости от пола, национальной, религиозной принадлежности и др.

Методы. Методологической основой данного исследования стали методы: анализ, синтез, обобщение, формально-юридический, формально-логический. Применение метода анализа предполагает выделение таких элементов конституционного принципа равенства (ст. 19 Конституции Российской Федерации), как равенство всех перед законом и судом, запрет дискриминации, равные возможности мужчин и женщин. Синтез как метод исследования объединяет отдельные элементы, изученные в ходе анализа общего понимания принципа равенства. Метод обобщения позволяет на основе конкретных фактов сформулировать общие выводы о тенденциях применения конституционного принципа равенства в российском законодательстве. Формально-юридический метод заключается в исследовании норм законодательства на их соответствие конституционному принципу ра-

венства. Формально-логический метод ориентирован на изучение логической согласованности и непротиворечивости норм законодательства.

Результаты. В общем понимании принцип – это основа, руководящая идея, исходное положение. К числу существенных признаков принципов права следует отнести регулятивность, способ материализации правовых принципов в праве и объективную обусловленность.

Регулятивные особенности принципов права нельзя отождествлять с регулятивными характеристиками норм права, так как принципы служат основой, они более абстрактны, не подвергаются изменениям. Регулирование общественных отношений осуществляется с более высоких позиций, однако, используя только принципы права, нельзя во всех случаях урегулировать конкретные общественные отношения.

Принципы права представляют собой правовые основы, которые непосредственно связывают содержание права с социальными закономерностями, лежащими в основе функционирования общества и формирующими правовую систему. Принципы должны отражать характер общественных отношений и соответствовать социально-экономическим, политическим и идеологическим процессам, происходящим в обществе.

Из способов внешнего выражения принципов права можно выделить их прямое закрепление в правовых нормах либо их вывод из содержания нормативно-правовых актов. Прямое включение принципов в нормы способствует более точному их пониманию и применению. Безусловно, такие нормы обладают высокой нормативно-регулятивной значимостью.

Содержание принципов различных отраслей права полностью не может соответствовать общеправовым принципам, однако состоит в определенных рамках основных идей, выработанных обществом.

Конституция Российской Федерации, выступая фундаментом развития отраслевого законодательства, наряду с другими основополагающими принципами содержит и закрепляет принцип равенства всех перед законом.

В общем понимании равенство означает равные возможности для всех граждан. Само понятие «равенство» возникло с момента возникновения общества и ассоциируется у людей со справедливостью, стремлением к справедливому обществу. Как верно отмечает С. В. Ворошилова, основной задачей общества является устранение дискриминации [1, с. 311], то есть несправедливого или предвзятого отношения

к человеку или группе людей на основе таких признаков, как пол, раса, национальность, религия, возраст, инвалидность, сексуальная ориентация, политические взгляды, проявляющегося в ограничении прав, свобод или возможностей по сравнению с другими людьми в аналогичных условиях.

Равенство и свобода нашли отражение во Всеобщей декларации прав человека 1948 года, определяющей, что все люди рождаются свободными и равными в правах. Каждый должен обладать всеми правами и свободами, закрепленными в Декларации, независимо от расы, религии или любого другого статуса. Принцип равенства определяется также как равенство всех людей перед законом, равные права на справедливый суд, участие в управлении своей страной и равенство в труде¹.

Все люди равны перед законом и судом независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, убеждений, отношения к религии, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств.

Конституция Российской Федерации закрепляет три элемента принципа равенства: равенство всех перед законом и судом (ч. 1 ст. 19); равные права и свободы для каждого человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, религиозных взглядов, убеждений, членства в общественных объединениях и иных факторов (ч. 2 ст. 19); а также равноправие мужчин и женщин (ч. 3 ст. 19).

В правовой доктрине, как отмечают Ю. В. Нечипас и И. А. Побережная, выделяются две основные модели равенства: формально-юридическая модель и материальная модель. Каждая из них придает равенству свое особое значение. Концепция формального равенства основана на принципе одинакового обращения с равными субъектами. Конституционное право в этом контексте обеспечивает лишь юридическое, то есть формальное равенство между людьми [2, с. 41]. Конституционный принцип равенства оказывает регулирующее влияние на все сферы общественной жизни и служит критерием оценки законодательно закрепленных прав и свобод как предусмотренных самой Конституцией Российской Федерации, так и предоставляемых на основании закона [3 с. 153]. Конституционный Суд Российской Федерации выразил правовую позицию, согласно которой принцип равенства перед законом и судом реализуется лишь при условии, что правовая норма обладает определенностью, ясностью и недвусмысленностью, а ее толкование и применение осуществляются единообразно всеми правоприменителями [4, с. 34].

Вместе с тем В. В. Мальцев справедливо отмечает отличие терминов «принципы уголовного права» и «принципы уголовного законодательства», аргу-

ментируя частичное несовпадение сущности и содержания данных понятий через призму предмета уголовного права и уголовного законодательства, проводя аналогию несовпадения по своему содержанию отрасли права и отрасли законодательства [5, с. 77]. Общечеловеческие идеи, претерпевающие преломление через содержание предмета уголовного права, принято рассматривать через принципы данной отрасли права. Необходимость реализации этих идей требует от законодателя и правоприменителя принятия решений сообразно с принципами права, основанными на гуманистических ценностях, иначе уголовное законодательство будет восприниматься социумом как инородное явление.

Как говорилось ранее одним из авторов исследования, принципы уголовного права, если они и не закреплены в нормах права, выполняют регулятивно-охранительные функции, и каждый них имеет самостоятельное значение, однако выражение через законодательные нормы устанавливает и подчеркивает их взаимосвязь, повышает их значение, усиливая обязательный практический характер [6, с. 13]. Кроме того, классификация принципов уголовного права имеет содержательное значение лишь при соблюдении отражения иерархических связей между ними, их соотношения по объему сферы реализации, связи с формами общественного сознания и должна рассматриваться через призму норм, закрепленных законодательно и направленных на поддержание социального контроля.

В уголовном законодательстве равенство граждан перед законом, основанное на ст. 19 Конституции Российской Федерации, закреплено в ст. 4 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), согласно которой все лица, совершившие преступления, подлежат ответственности независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям и иных обстоятельств.

Приведенные нормы устанавливают, что любой, кто совершил преступление, нарушил закон, независимо от занимаемого положения и других обстоятельств предстанет перед судом и будет привлечен к уголовной ответственности.

Однако и конституционные положения, и положения уголовного законодательства закрепляют идеальные правила или, как верно замечает Д. Е. Усольцева, «идеальную модель». Именно при такой «идеальной» модели не существует исключений из правил, не существует недостатков, все аспекты, связанные с данным принципом, четко работают и функционируют, для всех социальных слоев общества не существует разделения, и все они видят воплощение данного принципа на практике» [7, с. 117].

Следует обратить внимание на несовпадение между декларативной стороной принципа равенства и реальной реализацией названной статьи уголовного законодательства. На практике равенство граждан

¹ Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805.

перед законом реализуется с изъятиями (неприкосновенность депутатов, особые условия уголовной ответственности для несовершеннолетних, лиц с психическими расстройствами, а также гендерные и возрастные ограничения на применение определенных наказаний и т. д.), что противоречит «идеальной модели» и свидетельствует о наличии дифференцированного подхода, оправданного с социальной, физиологической и правовой точек зрения, но тем не менее расходящегося с универсальным принципом равенства.

В отношении лиц, обладающих определенным статусом (Президент Российской Федерации, члены Совета Федерации, депутаты Государственной Думы, судьи, прокуроры, дипломатические представители иностранных государств и иные лица), ч. 2 ст. 19 Конституции РФ установлен особый порядок привлечения к уголовной ответственности [8, с. 87].

Как исключение из правил, по мнению М. Г. Сунгурова [9, с. 208], следует рассматривать депутатскую неприкосновенность. Депутаты Государственной Думы, члены Совета Федерации не могут быть привлечены к уголовной или административной ответственности, задержаны, арестованы или подвергнуты обыску или досмотру (кроме случаев задержания на месте преступления), поскольку они в период осуществления ими своих полномочий обладают депутатской неприкосновенностью.

Согласно п. 1 ч. 1 ст. 448 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации полномочием возбуждения уголовных дел в отношении депутатов Государственной Думы и членов Совета Федерации обладает Председатель Следственного комитета России, вместе с тем это возможно только после того как Генеральный прокурор Российской Федерации получит предварительное согласие у соответствующей палаты Федерального Собрания.

Основной закон нашей страны, устанавливая принцип равенства, определяет, что мужчины и женщины обладают равными правами и возможностями для их осуществления. В частности, в нем закрепляется за женщинами право участвовать в политической жизни страны, состоять в неправительственных организациях, пользоваться равными возможностями для профессиональной самореализации, а также обладать равными пенсионными правами и другими социальными гарантиями. Однако для эффективного действия этих конституционных норм необходимо не только их провозглашение, но и конкретизация механизмов их практического воплощения [10, с. 486].

Биологические различия между полами объективно создают определенные препятствия для полноценной реализации права на свободу труда. Устранение и предотвращение негативных последствий профессиональной сегрегации с учетом особой уязвимости женщин остаются актуальными задачами как для отечественного законодателя, так и для правоприменительной практики. Необходимость сочетания профессиональной деятельности с семейными обязанностями зачастую ставит женщин в уязвимое

положение на рынке труда. В результате постоянного выбора между карьерой и материнством снижаются их шансы на занятие высокооплачиваемых должностей, связанных с повышенной нагрузкой и строгим графиком [11, с. 87].

Равный доступ к государственной службе является основным принципом ее организации в Российской Федерации и означает, что каждый гражданин имеет право поступить на государственную службу независимо от расы, пола, материального положения, религиозных убеждений или других личных характеристик.

А. С. Петранцов замечает, что поступление на государственную службу является неотъемлемой частью прохождения службы в органах внутренних дел. Анализ действующего законодательства позволяет утверждать, что гендерных ограничений для женщин при приеме на службу в органы внутренних дел не установлено. Законодатель рассматривает понятие «сотрудник органов внутренних дел» как универсальное, вне зависимости от пола, что исключает необходимость отдельного нормативного регулирования особенностей прохождения службы женщинами. Женщины несут службу наравне с мужчинами, однако их роль в материнстве и воспитании детей закономерно учитывается, что находит отражение в нормах права и влияет на административно-правовой статус женщин [12, с. 305]. Автор подчеркивает, что женщин на руководящих постах в органах внутренних дел, особенно в высшем звене управления, крайне мало. И это несмотря на то, что в системе существует множество должностей, не связанных напрямую с правоохранительной деятельностью, например, в образовательных и научных организациях, подразделениях по работе с личным составом, юридических, финансово-экономических и контрольно-ревизионных структурах и др. Однако женщины назначаются на такие должности скорее как исключение, чем как правило.

Суть принципа равенства граждан перед законом в уголовном праве заметно отличается от его понимания в конституционном праве, и означает лишь законодательное равенство всех лиц относительно возможности быть привлеченными к уголовной ответственности за совершенное преступление, не охватывая вопросы назначения или исполнения наказания. Такой узкий подход становится предметом многочисленных дискуссий [13, с. 150].

А. А. Шанина отмечает, что в уголовном законе также существуют определенные ограничения, большинство из которых имеют обоснования. Так, только мужчины могут быть приговорены к пожизненному лишению свободы (ст. 57 УК РФ). Обязательные, исправительные и принудительные работы не назначаются беременным женщинам и женщинам, воспитывающим детей в возрасте до трех лет (ст. 49, 50 и 53.1 УК РФ). Арест не применяется к беременным и женщинам с детьми в возрасте до 14 лет (ст. 54 УК РФ). Эти меры обусловлены социальной ролью женщины, ее семейными обязанностями и физиологическими особенностями [14, с. 263].

Помимо гендерных аспектов, существуют иные изъятия из принципа равенства, к которым относятся:

- дифференцированный подход к возрасту уголовной ответственности за различные преступления (ст. 20 УК РФ);

- привлечение к уголовной ответственности несовершеннолетних с учетом их возрастных и психофизических особенностей, поскольку они еще не достигли полной умственной и физической зрелости. В связи с этим законодательством предусмотрены специальные гарантии и меры защиты. Так, несовершеннолетние могут быть освобождены от уголовной ответственности или наказания с заменой на принудительные меры воспитательного воздействия (ст. 90, 92 УК РФ), что не применимо к взрослым. Также в ст. 88 УК РФ закреплены особые виды наказаний, назначаемые только несовершеннолетним. Например, за особо тяжкие преступления максимальный срок лишения свободы для них не превышает десяти лет, и отбывается наказание в воспитательных колониях (ч. 6 ст. 88 УК РФ), тогда как несовершеннолетние за аналогичные преступления могут получить более десяти лет лишения свободы или более строгое наказание (ч. 5 ст. 15 УК РФ);

- особые правила ответственности лиц, страдающих психическими расстройствами, не исключающими вменяемости (ст. 22 УК РФ);

- ограничения по признакам возраста и пола при назначении вида наказания, выраженные в запрете применения пожизненного лишения свободы и смертной казни к женщинам и лицам, не достигшим 18-летнего возраста, а также мужчинам, достигшим возраста 65 лет к моменту вынесения приговора (ч. 2 ст. 57 и ст. 59 УК РФ).

В уголовном законодательстве при наличии соответствующих условий лицо может быть освобождено от уголовной ответственности. При этом, как отмечает М. Д. Давитадзе, «принцип равенства граждан перед законом не согласуется и со ст. 76.1 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности». Ее включение в уголовной закон в какой-то степени нарушает принцип равенства граждан перед законом, так как согласно данной норме лица, совершившие преступления в сфере экономической деятельности, обладают определенной индульгенцией перед законом по сравнению с лицами, совершившими иные преступления. По этой причине следовало бы данную норму изложить в ином контексте, не нарушая принципа равенства граждан перед законом» [15, с. 123].

В. А. Малевинский также указывает на наличие в отечественном уголовном законодательстве признаков классового подхода при установлении правил уголовной ответственности и порядка назначения наказания, что, по его мнению, противоречит принципу равенства всех перед законом. Автор считает, что проявление такого подхода можно обнаружить в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58, которое в п. 1 рекомендует учитывать имущественное положение

осужденного при выборе вида и размера наказания [16, с. 88].

Основной проблемой законодательной регламентации и реализации принципа равенства является формальный подход к закреплению в УК РФ принципа равенства перед законом и его отличие от содержания ст. 19 Конституции Российской Федерации.

Идея равенства в уголовном праве – это не просто декларативное провозглашение, а непрерывный процесс, требующий постоянного внимания и усилий со стороны государства и общества. Необходимо постоянно совершенствовать законодательство, практику правоприменения и систему образования, чтобы обеспечить равный доступ к правосудию для всех и каждого независимо от его социального статуса, происхождения или иных обстоятельств. Только тогда уголовное право сможет в полной мере служить целям справедливости и защиты прав и свобод человека.

Заключение. Нормы законодательства, закрепляющие принцип равенства перед законом, должны в точном соответствии отображать содержательный многоуровневый аспект, который включает в себя равную правовую защищенность, все разновидности и нюансы общественно-опасного поведения (признаки вида поведения и общественной опасности), равенство субъектов охранительных и регулятивных отношений, равенство в ответственности.

Библиографический список

1. Ворошилова С. В. «Основные положения законов о гражданском равенстве» – историческая матрица конституционного принципа равноправия граждан // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 2. С. 310–314.
2. Нечипас Ю. В., Побережная И. А. Принцип равенства в международном и конституционном праве // Вестник Университета Прокуратуры Российской Федерации. 2019. № 5 (73). С. 40–44.
3. Шиндина А. В. Вопросы реализации конституционного принципа равенства в гендерном аспекте (на примере формирования представительных органов власти) // Вестник Сургутского государственного университета. 2021. № 2 (32). С. 152–158.
4. Дербишева Е. А. Соотношение принципа правовой определенности с принципом равенства всех перед законом и судом // Вестник гуманитарного университета. 2021. № 4 (35). С. 32–35.
5. Мальцев В. В. Принципы уголовного права. Волгоград: Волгоград. академия МВД России, 2001. 266с.
6. Стрилец О. В. Реализация принципов уголовного права: проблемы теории и практики. Волгоград: Волгоград. академия МВД России, 2023. 122с.
7. Усольцева Д. Е. Принцип равенства граждан перед законом как проблема современного российского общества // Ценностные ориентации молодежи: сб. ст. Омск: СибАДИ, 2021. С. 115–120.
8. Булгакова Д. В. Принцип справедливости в системе принципов уголовного права Российской Федерации // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовного процесса и уголов-

но-исполнительного права: теория и практика: матер. межд. конф. 23–24 апреля 2020 г. / ред. Э. Ю. Кузьменко, М. И. Кольцов, Е. А. Попова. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2020. С. 84–88.

9. Сунгуров М. Г. Принцип равенства граждан перед законом и судом // Проблемы совершенствования законодательства: сб. науч. ст. Махачкала: Алеф, 2020. С. 207–208.

10. Воронина И. А., Кирпичникова А. В. Реализация конституционно-правового принципа «гендерного» равенства // Право и государство: теория и практика. 2023. № 6 (222). С. 485–486.

11. Головинова Ю. В. Конституционный принцип гендерного равенства: горизонты понятия // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями или иными правонарушениями. 2022. № 2-22. С. 87–88.

12. Петранцов А. С. Прохождение службы в органах внутренних дел и принцип гендерного равенства // Вестник Воронежского института МВД России. 2020. № 1. С. 304–310.

13. Дмитриев Б. Д., Донская О. Г. Принцип равенства в уголовном праве России // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 3. С. 148–155.

14. Шанина А. А. Конституционно-правовой принцип равенства в российском законодательстве: гендерный аспект // Общество, экономика, право: вызовы современности и тенденции развития: сб. ст. межд. научн.-практ. конф. (Волжский, 23 декабря 2021 г.). Волгоград: Изд-во «Сфера», 2021. С. 261–265.

15. Давитадзе М. Д. Современные проблемы уголовной политики // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 6. С. 123–127.

16. Малевинский В. А. К вопросу о реализации принципа равенства граждан перед законом в нормах уголовного законодательства // Вестник Пермского института ФСИН России. 2024. № 3 (54). С. 86–91.

References

1. Voroshilova S. V. "The main provisions of the laws on civil equality" – the historical matrix of the constitutional principle of equality of citizens // Legal policy and legal life. 2024. No. 2. Pp. 310–314.

2. Nechipas Yu. V., Berezhnaya I. A. The principle of equality in international and constitutional law // Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2019. No. 5 (73). Pp. 40–44.

3. Shindina A. V. Issues of the implementation of the constitutional principle of equality in the gender aspect (on the example of the formation of representative authorities) // Bulletin of Surgut State University. 2021. No. 2 (32). Pp. 152–158.

4. Derbisheva E. A. Correlation of the principle of legal certainty with the principle of equality of all before the law and the court // Bulletin of the University of Humanities. 2021. No. 4 (35). Pp. 32–35.

5. Maltsev V. V. Principles of criminal law. Volgograd: Volgograd. Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2001. 266 s.

6. Strilets O. V. Implementation of the principles of criminal law: problems of theory and practice. Volgograd.

Volgograd. Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. 122 s.

7. Usoltseva D. E. The principle of equality of citizens before the law as a problem of modern Russian society // Value orientations of youth: collection of articles Omsk: SibADI, 2021. Pp. 115–120.

8. Bulgakova D. V. The principle of justice in the system of principles of criminal law of the Russian Federation // Actual problems of criminal law, criminology, criminal procedure and penal enforcement law: theory and practice: mater. International Conference on April 23–24, 2020 / ed. by E. Y. Kuzmenko, M. I. Koltsov, E. A. Popova. Tambov: Derzhavinsky Publishing House, 2020. Pp. 84–88.

9. Sungurov M. G. The principle of equality of citizens before the law and the court // Problems of improving legislation: collection of scientific articles Makhachkala: Alef, 2020. Pp. 207–208.

10. Voronina I. A., Kirpichnikova A. V. Implementation of the constitutional and legal principle of "gender" equality // Law and the State: theory and practice. 2023. No. 6 (222). Pp. 485–486.

11. Golovinova Yu. V. Constitutional principle of gender equality: horizons of the concept // Current problems of combating crimes or other offenses. 2022. No. 2-22. Pp. 87–88.

12. Petrantsov A. S. Service in the internal affairs bodies and the principle of gender equality // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 1. Pp. 304–310.

13. Dmitriev B. D., Donskaya O. G. The principle of equality in Russian criminal law // North Caucasian Law Bulletin. 2021. No. 3. Pp. 148–155.

14. Shanina A. A. Constitutional and legal principle of equality in Russian legislation: gender aspect // Society, economics, law: modern challenges and development trends: collection of articles of international scientific-practical conference. (Volzhsky, December 23, 2021). Volgograd: Publishing house "Sphere", 2021. Pp. 261–265.

15. Davitadze M. D. Modern problems of criminal policy // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 6. Pp. 123–127.

16. Malevinsky V. A. On the implementation of the principle of equality of citizens before the law in the norms of criminal legislation // Bulletin of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2024. No. 3 (54). Pp. 86–91.

Информация об авторах

Стрилец Олег Валентинович – кандидат юридических наук, доцент

Information about the author

Strelets Oleg V. – Candidate of Law, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 23.05.2025; одобрена после рецензирования 03.07.2025; принята к публикации 17.12.2025

The article was submitted 23.05.2025; approved after reviewing 03.07.2025; accepted for publication 17.12.2025

Научная статья
УДК 343.34

Нарушение требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий) (ст. 217.3 УК РФ): комментарий новеллы

Щетинина Наталья Валерьевна
Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, shchetinina.74@mail.ru

Аннотация. В целях противодействия терроризму и обеспечения безопасности от иных форм противоправных действий Федеральным законом от 31 июля 2023 г. № 398-ФЗ Уголовный кодекс РФ дополнен ст. 217.3, предусматривающей ответственность за нарушение требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий). Автором статьи с учетом положений уголовного и административного законодательства, а также иных нормативных правовых актов, представлен комплексный анализ юридически значимых признаков основного и квалифицированных составов преступлений, предусмотренных ст. 217.3 УК РФ, и сформулированы рекомендации по ее эффективному применению.

Ключевые слова: антитеррористическая защищенность, нарушение требований, неоднократность, административная ответственность, квалификация

Для цитирования: Щетинина Н. В. Нарушение требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий) (ст. 217.3 УК РФ): комментарий новеллы // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 4. С. 184–189.

Original article

Violation of Requirements for Anti-Terrorist Protection of Facilities (Territories) (Article 217.3 of the Criminal Code of the Russian Federation): Commentary on the Legislative Innovation

Shchetinina Natalia V.
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia, shchetinina.74@mail.ru

Abstract. For the purpose of countering terrorism and ensuring protection against other forms of unlawful conduct, Federal Law No. 398-FZ of 31 July 2023 amended the Criminal Code of the Russian Federation by introducing Art. 217.3, which establishes criminal liability for the violation of requirements for the anti-terrorist protection of facilities (territories). This article, taking into account the provisions of criminal and administrative legislation as well as other regulatory legal acts, presents a comprehensive analysis of the legally significant elements of the basic and qualified offences provided for by Art. 217.3 of the Criminal Code of the Russian Federation and formulates recommendations for its effective application.

Keywords: anti-terrorist protection, violation of requirements, repeated offence, administrative liability, qualification

For citation: Shchetinina N. V. Violation of Requirements for Anti-Terrorist Protection of Facilities (Territories) (Article 217.3 of the Criminal Code of the Russian Federation): Commentary on the Legislative Innovation // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 4. Pp. 184–189.

Согласно абз. 3 п. 26 Указа Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» обеспечение общественной безопасности является одним из стратегических национальных приоритетов. Целями обеспечения общественной безопасности являются, в том числе, защита основных прав и свобод человека

и гражданина, укрепление гражданского мира и согласия, политической и социальной стабильности в обществе, укрепление законности и правопорядка, защита граждан и всех форм собственности, традиционных российских духовно-нравственных ценностей

© Щетинина Н.В., 2025

от противоправных посягательств¹. Одним из средств противодействия посягательствам на общественную безопасность является установление ответственности за наиболее опасные формы противоправных проявлений. Так, Федеральным законом от 31 июля 2023 г. № 398-ФЗ гл. 24 УК РФ дополнена ст. 217.3 УК РФ, предусматривающей ответственность за нарушение требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий). Вместе с тем применение указанной нормы вызывает определенные сложности. Данное обстоятельство обусловлено несовершенством уголовно-правовой регламентации ответственности за рассматриваемые преступные проявления [1], бланкетным характером отдельных юридически значимых признаков, а также абсолютным отсутствием каких-либо разъяснений, связанных с их толкованием.

Общественная опасность рассматриваемого преступления заключается в том, что в результате его совершения причиняется вред общественной безопасности, под которой применительно к рассматриваемой норме понимается состояние защищенности объектов (территорий) от актов незаконного вмешательства – противоправных действий (бездействия), угрожающих их безопасной деятельности.

К указанным объектам (территориям) относятся объекты, в отношении которых Правительством РФ разработаны и утверждены требования к их антитеррористической защищенности, и перечень которых детализируется в соответствующих нормативных правовых актах. К таким объектам, в частности, относятся:

- торговые объекты (территории)²;
- места массового пребывания людей и объекты (территории), подлежащие обязательной охране войсками национальной гвардии Российской Федерации³;
- гостиницы и иные средства размещения⁴;
- объекты (территории), предназначенные для организации отдыха детей и их оздоровления⁵ и др.

¹ Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <http://www.consultant.ru>.

² Постановление Правительства РФ от 19 октября 2017 г. № 1273 «Об утверждении требований к антитеррористической защищенности торговых объектов (территорий) и формы паспорта безопасности торгового объекта (территории)». URL: <http://www.consultant.ru>.

³ Постановление Правительства РФ от 25 марта 2015 г. № 272 «Об утверждении требований к антитеррористической защищенности мест массового пребывания людей и объектов (территорий), подлежащих обязательной охране войсками национальной гвардии Российской Федерации, и форм паспортов безопасности таких мест и объектов (территорий)». URL: <http://www.consultant.ru>.

⁴ Постановление Правительства РФ от 14 апреля 2017 г. № 447 «Об утверждении требований к антитеррористической защищенности гостиниц и иных средств размещения и формы паспорта безопасности этих объектов». URL: <http://www.consultant.ru>.

⁵ Постановление Правительства РФ от 14 мая 2021 г. № 732 «Об утверждении требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий), предназначенных для

В указанный перечень не входят объекты (территории) транспортной инфраструктуры и транспортных средств, а также объекты топливно-энергетического комплекса (далее – ТЭК) защищенность которых обеспечивается самостоятельными нормами, предусмотренными ст. 217.1 и 263.1 УК РФ.

Объективная сторона содержащегося в ч. 1 ст. 217.3 УК РФ состава включает деяние в виде нарушения требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий). Термин «нарушение» предполагает совершение действий (бездействие), связанных с ненадлежащим исполнением либо невыполнением нормативно установленных правил. Таким образом, признак, характеризующий общественно опасное деяние, является бланкетным, для его уяснения обязательно обращение к требованиям к антитеррористической защищенности объектов (территорий), которые представляют собой обязательные для исполнения предписания, устанавливающие комплекс мероприятий по антитеррористической защищенности объектов (территорий), порядок организации и проведения работ в области обеспечения их антитеррористической защищенности, включая вопросы их инженерно-технической укреплённости, категорирования, контроля за выполнением требований и разработки паспорта безопасности.

Как отмечалось, указанные Требования утверждаются Правительством РФ. Их перечень весьма обширен и с трудом поддается перечислению. Так, например, в соответствии с п. 21 постановления Правительства РФ от 25 марта 2015 г. № 272 «Об утверждении требований к антитеррористической защищенности мест массового пребывания людей и объектов (территорий), подлежащих обязательной охране войсками национальной гвардии Российской Федерации, и форм паспортов безопасности таких мест и объектов (территорий)» антитеррористическая защищенность мест массового пребывания людей обеспечивается, в том числе, и путем проведения мероприятий по выявлению и предотвращению несанкционированного проноса (провоза) и применения в местах массового пребывания людей токсичных химикатов, отравляющих веществ и патогенных биологических агентов. Среди указанных мероприятий числятся:

- периодическая проверка (обход и осмотр) зданий (строений, сооружений) и территорий мест массового пребывания людей в порядке, определяемом правообладателями мест массового пребывания людей;
- организация контролируемого допуска в места массового пребывания людей физических лиц и автотранспортных средств при проведении в таких местах публичных, спортивных, зрелищных и иных массовых мероприятий;
- оперативное оповещение и эвакуация людей в случае угрозы применения (применения) в местах

организации отдыха детей и их оздоровления, и формы паспорта безопасности объектов (территорий) стационарного типа, предназначенных для организации отдыха детей и их оздоровления». URL: <http://www.consultant.ru>.

массового пребывания людей токсичных химикатов, отравляющих веществ и патогенных биологических агентов.

Соответственно деяние объективной стороны преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 217.3 УК РФ, может выражаться, например, в ненадлежащей проверке зданий (строений, сооружений) и территорий мест массового пребывания людей, ненадлежащей организации допуска на указанные объекты и пр.

Следует иметь в виду, что в самих требованиях, утвержденных постановлениями Правительства РФ, акцентируется внимание на том, что они носят общий характер в отношении вопросов оснащения объектов (территорий) средствами инженерной защиты и инженерно-техническими средствами охраны. Их оснащение конкретными моделями средств охраны определяется в техническом задании на проектирование и на этапе выполнения строительно-монтажных работ, реконструкции и капитального ремонта.

В качестве юридически значимых последствий, являющихся обязательным условием уголовной ответственности по ч. 1 ст. 217.3 УК РФ, законодатель определяет тяжкий вред здоровью хотя бы одного человека либо крупный ущерб.

Тяжкий вред здоровью устанавливается на основании заключения судебно-медицинской экспертизы с учетом критериев, утвержденных Приказом Минздравсоцразвития РФ от 24 апреля 2008 г. № 194н¹.

Согласно примечанию 2 к ст. 217.3 УК РФ крупным ущербом признается ущерб, сумма которого превышает 1 млн рублей. Ущерб может являться результатом уничтожения или повреждения самого объекта, имущества, находящегося на нем, а также иного имущества, принадлежащего физическим или юридическим лицам. В этом случае при решении вопроса о том, является ли причиненный ущерб крупным, следует исходить из стоимости уничтоженного имущества или стоимости восстановления поврежденного имущества. Применительно к ст. 217.3 УК РФ ущерб может выражаться и в виде упущенной выгоды, например, в случае временной остановки или нарушения деятельности объекта (территории), срыва массового мероприятия и т. п.

Ответственность дифференцируется в случае наступления последствий в виде смерти человека (ч. 2 ст. 217.3 УК РФ), смерти двух или более лиц (ч. 3 ст. 217.3 УК РФ). Между деянием виновного лица и юридически значимыми последствиями должна быть причинная связь.

Так, например, нарушение требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий) может быть выражено в непринятии мер по недопущению проникновения в место массового пребывания людей отравляющих веществ, в результате воздействия которых наступили последствия

в виде тяжкого вреда здоровью или смерти хотя бы одного лица.

Применительно к делам, связанным с нарушением тех или иных требований, Высшая судебная инстанция обязывает при решении вопроса о виновности лица устанавливать, в чем конкретно состояло ненадлежащее исполнение либо невыполнение данных требований, причинную связь между допущенными нарушениями и наступившими последствиями со ссылкой на конкретные пункты требований, которые были нарушены².

Из содержания диспозиции следует, что субъективная сторона рассматриваемого состава характеризуется виной в форме неосторожности, что определяется психическим отношением виновного к последствиям. Очевидно, что введению уголовной ответственности за наказуемое по ст. 217.3 УК РФ деяние предшествовали определенные события – резонансный теракт в «Крокус Сити Холле», а также атаки украинской диверсионно-разведывательной группы в Брянской области. Однако следует заметить, что нарушение требований антитеррористической защищенности объектов (территорий) может содержать признаки уголовно-наказуемого деяния и в том случае, когда юридически значимые последствия обусловлены не только стремлением третьих лиц (допустим осуществивших пронос общепаспортных предметов) дестабилизировать деятельность органов власти или международных организаций либо воздействовать на принятие ими решений, но и иными целями и (или) мотивами – личными неприязненными отношениями, хулиганскими побуждениями и пр. Психическое отношение к указанным последствиям третьих лиц может быть и неосторожным, что также не влияет на вопрос об уголовной ответственности по ст. 217.3 УК РФ виновных в нарушении требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий). Таким образом, речь может идти о любых актах незаконного вмешательства – противоправные действия (бездействие), угрожающие их безопасной деятельности.

Субъект анализируемого состава – специальный: физическое вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста, при этом: а) ответственное за обеспечение антитеррористической защищенности объекта (территории); б) неоднократно привлеченное к административной ответственности за аналогичное деяние.

Категории лиц, ответственных за обеспечение антитеррористической защищенности объекта (территории) определены в тех же требованиях к антитеррористической защищенности. Для наглядности особенностей субъектного состава в зависимости от видов объектов можно представить следующим образом.

¹ Приказ Минздравсоцразвития РФ от 24 апреля 2008 г. № 194н «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека». URL: <http://www.consultant.ru>.

² См.: П. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 июня 2002 г. № 14 «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем». URL: <http://www.consultant.ru>.

№ n/n	Виды объектов (территорий)	Категории лиц, ответственные за обеспечение антитеррористической защищенности
1.	Торговые объекты (территории)	а) юридические и физические лица, владеющие на праве собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления земельными участками, зданиями, строениями, сооружениями и помещениями, используемыми для размещения торговых объектов (территорий), или использующие земельные участки, здания, строения, сооружения и помещения для размещения торговых объектов (территорий) на ином законном основании (далее – правообладатели торговых объектов (территорий)); б) должностные лица, осуществляющие непосредственное руководство деятельностью работников торговых объектов (территорий) (руководитель объекта) ¹
2.	Места массового пребывания людей объекты (территории), подлежащие обязательной охране войсками национальной гвардии РФ	а) должностные лица исполнительных органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления в пределах территорий субъектов РФ или муниципальных образований, на которых расположены соответствующие места массового пребывания людей (организационные мероприятия) ² ; б) правообладатели ³ – лица, владеющие и пользующиеся объектами (территориями) на праве хозяйственного ведения, оперативного управления, безвозмездного пользования, аренды (субаренды)
3.	Гостиницы и иные средства размещения	а) руководитель юридического лица, являющегося собственником гостиницы или использующего ее на ином законном основании; б) физическое лицо, являющееся собственником гостиницы или использующее ее на ином законном основании, если иное не установлено законодательством РФ ⁴
4.	Объекты (территории), предназначенные для организации отдыха детей и их оздоровления	а) должностные лица органов исполнительной власти субъектов РФ в сфере организации отдыха и оздоровления детей (организационные мероприятия); б) должностные лица, осуществляющие непосредственное руководство деятельностью работников на объектах (территориях) стационарного типа и объектах (территориях) нестационарного типа ⁵
5	Объекты (территории) промышленности, находящихся в ведении или относящихся к сфере деятельности Минпромторга России	а) физическое лицо или руководитель юридического лица, эксплуатирующего объект (территорию) промышленности, которому на праве собственности, аренды или ином законном основании принадлежит объект (территория) промышленности; б) должностное лицо, назначенное руководителем юридического лица, осуществляющее непосредственное руководство деятельностью работников объекта (территории) промышленности (руководитель объекта (территории) промышленности) ⁶

¹ Пункт 3 постановления Правительства РФ от 19 октября 2017 г. № 1273 «Об утверждении требований к антитеррористической защищенности торговых объектов (территорий) и формы паспорта безопасности торгового объекта (территории)». URL: <http://www.consultant.ru>.

² Пункт 3 постановления Правительства РФ от 25 марта 2015 г. № 272 «Об утверждении требований к антитеррористической защищенности мест массового пребывания людей и объектов (территорий), подлежащих обязательной охране войсками национальной гвардии Российской Федерации, и форм паспортов безопасности таких мест и объектов (территорий)». URL: <http://www.consultant.ru>.

³ То, что ответственность за обеспечение антитеррористической защищенности может быть возложена на правообладателей, вытекает из отдельных положений постановления Правительства РФ от 25 марта 2015 г. № 272, в частности абз. 2 п. 2 и др.

⁴ Пункт 2 постановления Правительства РФ от 14 апреля 2017 г. № 447 «Об утверждении требований к антитеррористической защищенности гостиниц и иных средств размещения и формы паспорта безопасности этих объектов». URL: <http://www.consultant.ru>.

⁵ Пункт 5 постановления Правительства РФ от 14 мая 2021 г. № 732 «Об утверждении требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий), предназначенных для организации отдыха детей и их оздоровления, и формы паспорта безопасности объектов (территорий) стационарного типа, предназначенных для организации отдыха детей и их оздоровления». URL: <http://www.consultant.ru>.

⁶ Пункт 4 постановления Правительства РФ от 1 марта 2024 г. № 258 «Об утверждении требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий) промышленности, находящихся в ведении или относящихся к сфере деятельности Министерства промышленности и торговли Российской Федерации, и формы паспорта безопасности этих объектов (территорий)». URL: <http://www.consultant.ru>.

Представленный перечень лиц, ответственных за обеспечение антитеррористической защищенности, не является исчерпывающим и может быть продолжен с учетом особенностей объекта (территории) и разработанных к нему требований.

Обязанность конкретного лица, в отношении которого решается вопрос об уголовной ответственности, обеспечивать соблюдение требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий) должна вытекать из трудового договора или контракта, должностных инструкций, распоряжений работодателя и т. п.

Другим обязательным признаком, характеризующим субъект преступления, предусмотренного ст. 217.3 УК РФ, является неоднократное его привлечение к административной ответственности за аналогичное деяние.

В соответствии с прим. 1 к ст. 217.3 УК РФ, под неоднократным привлечением лица к административной ответственности за аналогичное деяние понимается привлечение лица к административной ответственности за совершение административных правонарушений, предусмотренных ч. 1 или 2 ст. 20.35 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), два и более раза в течение ста восьмидесяти дней. Таким образом, к моменту наступления юридически значимых последствий, указанных в ст. 217.3 УК РФ, виновное лицо должно быть как минимум дважды в течение предшествующих ста восьмидесяти дней, привлеченным к административной ответственности:

- за нарушение требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий) либо воспрепятствование деятельности лица по осуществлению возложенной на него обязанности по выполнению или обеспечению требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий), за исключением случаев, предусмотренных ч. 2 ст. 20.35, ст. 11.15.1 и 20.30 КоАП РФ, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния (ч. 1 ст. 20.35 КоАП РФ) либо

- нарушение требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий) религиозных организаций либо воспрепятствование деятельности лица по осуществлению возложенной на него обязанности по выполнению или обеспечению требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий) религиозных организаций, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния (ч. 2 ст. 20.35 КоАП РФ).

При этом при решении вопроса об уголовной ответственности ранее совершенное административное правонарушение может быть учтено только в том случае, когда соответствующее постановление вступило в юридическую силу.

Согласно ст. 31.1 КоАП РФ постановление по делу об административном правонарушении вступает в законную силу:

- после истечения срока, установленного для обжалования постановления по делу об административ-

ном правонарушении, если указанное постановление не было обжаловано или опротестовано. В соответствии со ст. 30.3 КоАП РФ жалоба на постановление по делу об административном правонарушении может быть подана в течение десяти дней со дня вручения или получения копии постановления;

- после истечения срока, установленного для обжалования решения по жалобе, протесту, если указанное решение не было обжаловано или опротестовано, за исключением случаев, если решением отменяется вынесенное постановление;

- немедленно после вынесения не подлежащего обжалованию решения по жалобе, протесту, за исключением случаев, если решением отменяется вынесенное постановление.

Таким образом, с учетом того, что лицо считается привлеченным к административной ответственности со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания необходимо проверять:

- вступили ли в законную силу постановления о назначении административных наказаний по ч. 1 или 2 ст. 20.35 КоАП РФ;

- не пересматривались ли эти постановления в порядке, предусмотренном гл. 30 КоАП РФ.

В соответствии с санкциями ч. 1 и 2 ст. 20.35 КоАП РФ к административной ответственности может быть привлечен гражданин, должностное лицо или юридическое лицо. Причем, в соответствии со ст. 2.1 КоАП РФ назначение административного наказания юридическому лицу не освобождает от административной ответственности за данное правонарушение виновное физическое лицо, равно как и привлечение к административной или уголовной ответственности физического лица не освобождает от административной ответственности за данное правонарушение юридическое лицо.

Если по факту совершения предшествующих правонарушений к административной ответственности привлекалось только юридическое лицо, говорить о наличии признаков состава преступления, предусмотренного ст. 217.3 УК РФ, нельзя.

Рассмотренные особенности толкования составов образующих и квалифицирующих признаков нарушения требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий), позволят решить возможные теоретические и прикладные проблемы, связанные с применением ст. 217.3 УК РФ и смежных норм, что в конечном итоге будет способствовать повышению эффективности выявления и расследования соответствующих преступлений.

Библиографический список

1. Глуздал Г. Н. Проблемы уголовно-правовой регламентации ответственности за нарушение требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий) // Мировой судья. 2024. № 11. С. 26–31.

References

1. Gluzdak G. N. Problems of Criminal Law Regulation of Liability for Violation of Requirements for Anti-Terrorist Security of Objects (Territories) // Mirovoi Sud'ya [World Judge]. 2024. No. 11. Pp. 26–31.

Информация об авторе

Щетинина Наталья Валерьевна – кандидат юридических наук, доцент

Information about the author

Shchetinina Natalia V. – Candidate of Law, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 18.05.2025; одобрена после рецензирования 10.07.2025; принята к публикации 17.12.2025

The article was submitted 18.05.2025; approved after reviewing 10.07.2025; accepted for publication 17.12.2025

Научная статья
УДК 343

Уголовно-правовое регулирование наказания в виде штрафа в зарубежных странах

Энхтур Жамбалрагчаа

Главное управление исполнения судебных решений Монголии, Улан-Батор, Монголия,
enkhturjambalragchaa@gmail.com

Аннотация. Штраф в зарубежном уголовном праве является одной из наиболее распространенных мер наказания за совершение преступлений. Почти во всех странах штраф представляет собой денежное взыскание, налагаемое на осужденного. Он применяется как самостоятельная мера наказания или в сочетании с другими видами наказания. Его размер и порядок исполнения зависят от правовой системы конкретной страны. Статья посвящена выявлению особенностей уголовного наказания в виде штрафа в уголовном праве зарубежных стран. Анализируются законодательный опыт регулирования наказания в виде штрафа в отдельных странах разных правовых систем, выявляются их общие и особенные черты.

Ключевые слова: уголовное наказание, штраф, порядок назначения штрафа, практика применения штрафа, зарубежные страны

Для цитирования: Энхтур Ж. Уголовно-правовое регулирование наказания в виде штрафа в зарубежных странах // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 4. С. 190–195.

Original article

Criminal law regulation of punishment in the form of a fine in foreign countries

Enchtur Jambalragchaa

General Directorate for the Enforcement of Judgments of Mongolia, Ulaanbaatar, Mongolia
enkhturjambalragchaa@gmail.com

Abstract. A fine in foreign criminal law is one of the most common penalties for committing crimes. In almost all countries, a fine is a monetary penalty imposed on a convicted person. It is used as an independent measure of punishment or in combination with other types of punishment. Its size and the order of execution depend on the legal system of a particular country. The article is devoted to the identification of the features of criminal punishment in the form of a fine in the criminal law of foreign countries. The article analyzes the legislative experience of regulating penalties in the form of fines in individual countries of different legal systems, and identifies their common and special features.

Keywords: criminal punishment, fine, the procedure for imposing a fine, the practice of applying a fine, foreign countries

For citation: Enchtur J. Criminal Law Regulation of Fine punishment in Foreign Countries // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 4. Pp. 190–195.

Кардинально изменившиеся социально-экономические условия развития Монголии за относительно за короткое время привели к тому, что уголовно-правовые отношения претерпели значительные преобразования, за которыми не успевают ни законодатели, ни ученые. Отражается это и на системе уголовных наказаний. Именно поэтому назначение и исполнение уголовного наказания в виде штрафа имеет недостаточную теоретическую разработку в действующем уголовном праве Монголии, что неминуемо

ведет к ошибкам в его назначении и, соответственно, к вынесению несправедливых приговоров. Для преодоления этой проблемы и дальнейшего совершенствования норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства Монголии о штрафе, а также для повышения эффективности деятельности правоохранительных органов по исполнению наказаний важно изучить соответствующий зарубежный опыт,

особенно тех стран, где происходят подобные глубокие социально-экономические изменения.

Сходные проблемы есть и в теории уголовного права Российской Федерации. В связи с этим мы согласны с высказыванием Д. А. Огорелкова о том, что в российской науке нет единого мнения относительно сущности штрафа, в частности относительно того, какой вид взыскания он собой представляет [1]. Одни исследователи считают штраф денежными взысканием, другие предлагают понимать сущность штрафа в более широком имущественном аспекте.

Таким образом, как нам кажется, в науке уголовного права до сих пор не уделялось должного внимания вопросам достижения целей применения наказания в виде штрафа. Учитывая это, чрезвычайно интересно, обращаясь к опыту других зарубежных государств, провести сравнительный анализ соответствующих их уголовно-правовых норм, выделить преимущества и оценить недостатки правового регулирования порядка назначения и применения такого наказания, как штраф.

Сравнительный анализ уголовного права зарубежных стран помогает выявить общие и особенные черты развития правовых систем разных государств, проследить историю развития и взаимовлияния этих систем. Только рассмотрев национальное право в соответствии с иными зарубежными правовыми системами, можно понять ценности, приоритеты, тенденции и перспективы развития национального права [2].

Уголовно-правовые системы каких стран выбрать и как изучать их опыт правильно, помогает понять методология общего подхода изучению зарубежного уголовного права. Как отмечает В. В. Бабурин, изучение сущности зарубежного уголовного права, прежде всего, предполагает знакомство с его источниками. Лишь познание системы источников позволяет составить целостное представление о содержании самого зарубежного уголовного права [2].

Под источниками зарубежного уголовного права принято понимать официальные формы выражения и закрепления уголовно-правовых норм, действующих на сегодняшний день в различных государствах. Источники зарубежного уголовного права имеют важное теоретическое и практическое значение для национальных уголовно-правовых систем. Более того, национальные уголовно-правовые системы государств различаются именно тем, какие источники уголовного права являются основными для конкретного государства.

Современный этап развития мирового уголовного права можно в самых общих чертах охарактеризовать как период дальнейшей гуманизации и дифференциации уголовно-правовой политики.

Прежде всего, считаем необходимым рассмотреть нормы уголовного законодательства, регламентирующие применение штрафа в странах СНГ, развивающихся в социально-культурных, политических, экономических условиях, аналогичных условиям в Монголии и России.

В этой связи очень интересен опыт ранее действовавшего Уголовного кодекса Кыргызской Республики 1997 г. (далее – УК КР), в котором были предусмотрены две разновидности штрафа: обычный штраф и тройной айып. Тройной айып складывался из трех частей, при этом две его части должны были взыскиваться в пользу потерпевшего для возмещения ему материального и морального ущерба, а третья часть – в пользу государства (ст. 44 УК КР 1997 г.). В случае злостного уклонения от уплаты тройного айыпа он заменялся исправительными работами, ограничением свободы или лишением свободы в пределах срока, предусмотренного санкциями соответствующей статьи Особенной части УК КР, по которой лицо было признано виновным (ч. 3 ст. 45 УК КР). Особенность такого наказания в том, что в других зарубежных странах данного имущественного взыскания нет.

В современном уголовном законе Кыргызской Республики предусмотрен только обычный штраф. Данный вид наказания в качестве основного устанавливается в размере от 20 до 25 000 расчетных показателей, а в качестве дополнительного – в размере от 20 до 5000 расчетных показателей на момент совершения преступления (ч. 3 ст. 66 УК КР). В Кыргызской Республике штраф применяется только в отношении физических лиц. В ч. 2 ст. 65 УК КР сказано, что штраф устанавливается в зависимости от характера и тяжести совершенного преступления с учетом имущественного положения осужденного.

В случае злостного уклонения от уплаты штраф может быть заменен другим видом наказания – исправительными работами, ограничением свободы в пределах срока, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части уголовного кодекса, по которой лицо признано виновным (ч. 5 ст. 65 УК КР).

Далее рассмотрим Уголовный кодекс Республики Казахстан (далее – УК РК). Согласно ч. 1 ст. 41 УК РК штраф есть денежное взыскание, назначаемое в пределах, предусмотренных данным кодексом, в размере, соответствующем определенному количеству месячных расчетных показателей, установленных законодательством Республики Казахстан и действовавших на момент совершения уголовного правонарушения, либо в размере, кратном сумме или стоимости взятки, сумме переданных денег или стоимости переданного имущества, стоимости похищенного имущества, сумме полученного дохода или сумме не поступивших платежей в бюджет.

В Казахстане штраф применяется только в качестве основного вида наказания. Согласно ч. 2 ст. 41 УК РК штраф за совершение уголовного проступка устанавливается в размере от 20 до 200 месячных расчетных показателей, за совершение преступления – в размере от 200 до 10 000 месячных расчетных показателей либо в кратном размере.

В случае временного ухудшения имущественного положения осужденного, а также в связи с задержкой выплаты заработной платы, временной нетрудоспособностью или потерей работы суд может предоставить ему отсрочку от уплаты штрафа на срок от 1

месяца до 1 года. Время отсрочки не входит в исчисление срока уплаты штрафа, установленного приговором суда (ч. 5 ст. 41 УК РК).

В случае неуплаты штрафа в установленные сроки приговор (постановление) суда подлежит принудительному исполнению. При этом неуплаченная часть штрафа заменяется:

1) осужденному за уголовный поступок – привлечением к общественным работам из расчета: 1 час общественных работ равен 1 дню ограничения свободы, или лишением свободы из расчета: 1 день лишения свободы равен 4 неуплаченным месячным расчетным показателям;

2) осужденному за преступление небольшой или средней тяжести – ограничением свободы либо лишением свободы из расчета: 1 день ограничения свободы или лишения свободы равен 4 неуплаченным месячным расчетным показателям;

3) осужденному за тяжкое преступление – лишением свободы из расчета: 1 день лишения свободы равен 4 неуплаченным месячным расчетным показателям;

4) приговоренному к кратному штрафу – лишением свободы в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части УК РК с учетом уплаченной и взысканной частей штрафа.

Далее, считаем необходимым рассмотреть нормы уголовного законодательства, регламентирующие применение штрафа в европейских странах, развивающихся в иных социально-культурных, политических, экономических условиях.

Прежде всего, это касается Англии, где большинство уголовных преступлений наказывается штрафом (наказание финансового характера). Необходимо отметить, что в Англии, как и в России, штраф применяется как в качестве основного, так и в качестве дополнительного наказания.

В Англии наказание в виде штрафа назначается по усмотрению суда за совершение наиболее опасных преступлений физическому и юридическому лицу, владеющему значительными денежными средствами. Максимальные и минимальные размеры штрафных санкций в законе не устанавливаются, а отдаются на судейское усмотрение.

Законом об уголовной юстиции 1991 г. размер штрафов, назначаемых по стандартной шкале от 1200 ф.ст. до 55 000 ф.ст., в случае совершения суммарного преступления был значительно повышен. Новая система назначения штрафов позволяет учитывать как опасность преступления, так и имущественное положение осужденного. Так, в соответствии со ст. 18 (2) Закона об уголовной юстиции 1991 г. сумма штрафа определяется путем умножения двух элементов: первый – число единиц штрафа, определяемое в зависимости от опасности преступления; второй – сумма чистого недельного дохода правонарушителя. Например, если преступник наказывается штрафом в 10 единиц, а чистый недельный доход его составляет 10 ф.ст., то общая сумма штрафа составляет 100 ф.ст. [3].

В Англии, как и в Монголии, уголовным законом предусмотрена штрафная единица. Согласно Закону об уголовной юстиции 1991 г. при назначении штрафа суд исходить из приведенной схемы: при совершении преступления, наказание за которое предусмотрено 1-м уровнем стандартной шкалы штрафов, штраф может составлять 1 или 2 единицы; в случае совершения преступления, наказываемого по 5-му уровню стандартной шкалы штрафов, суд может в зависимости от тяжести противоправного деяния назначить штраф от 1 до 50 единиц [3].

В случае неуплаты в установленный срок штраф может быть заменен тюремным заключением. При этом материальное положение осужденного не учитывается, за основу пересчета берется сумма единиц штрафа, отражающая серьезность преступления.

Система наказаний во Франции строится в соответствии с законодательной классификацией преступных деяний на три группы: преступления караются уголовным наказаниями, проступки – исправительными, нарушения – полицейскими [5]. Согласно уголовному кодексу Франции 1992 г. (далее – УК Франции) штраф относится к исправительным наказаниям и наказаниям, которым подвергаются за совершение уголовных нарушений. Применяется он как в отношении физических, так и в отношении юридических лиц.

Согласно ст. 131-13 УК Франции штраф исчисляется в фиксированной денежной сумме и в отношении физических лиц составляет:

- 1) до 38 евро (250 франков) за проступок 1-го класса;
- 2) до 150 евро (1000 франков) за проступок 2-го класса;
- 3) до 450 евро (3000 франков) за проступок 3-го класса;
- 4) до 750 евро (5000 франков) за проступок 4-го класса;
- 5) до 1500 евро (10 000 франков) за проступок 5-го класса, в случае рецидива эта сумма, если это предусмотрено регламентом, может быть увеличена до 3000 евро (20 000 франков).

За любое нарушение 5-го класса штраф может быть заменен одним или несколькими наказаниями – приостановление водительских прав, обязательные работы, арест или лишение свободы (ст. 131-42 Франции штраф) [6].

В отношении юридических лиц размер штрафа равен пятикратному размеру штрафа для физических лиц (ст. 131-41 УК Франции).

В законодательстве Франции также существует гибридное наказание – штраф-дни, которые заменяют тюремное заключение и состоят в обязанности осужденного внести в государственный бюджет сумму, общий размер которой зависит от установленного судьей ежедневного взноса, выплачиваемого в течение определенного количества дней. Размер ежедневного взноса устанавливается с учетом доходов и расходов подсудимого, но не может превышать 300 евро (2000 франков). Количество штраф-дней определя-

ется в зависимости от обстоятельств преступного деяния, но не более 360 дней.

Согласно ст. 132-30 и 132-31 УК Франции по делам о преступлениях или проступках простая отсрочка исполнения наказания может быть предоставлена физическому лицу только в случае, если обвиняемый не был осужден в течение пяти лет, предшествующих рассматриваемым деяниям, за общеуголовное преступление или проступок к наказанию в виде уголовного или тюремного заключения.

Согласно ст. 131-42 УК Франции в случае злостного уклонения от уплаты штраф может быть заменен более суровым наказанием только в отношении юридических лиц [6].

В США штраф также широко распространен, но как дополнительное наказание. В большинстве случаев при вынесении приговора он назначается в сочетании с лишением свободы или пробацией. При этом следует отметить, что штраф как основной вид наказания в США применяется ограничено.

В юридической литературе штраф определяется как вид уголовного наказания, представляющий собой денежное взыскание в пользу государства, назначаемый судом за совершение преступления. В уголовном праве США он определяется как установленная в законодательстве сумма, подлежащая уплате по приговору суда. Данная сумма является фиксированной. Так, согласно федеральному законодательству США минимальный размер штрафа составляет 250 долларов, максимальный – 250 000 долларов. В параграфе 3571 Титула 18 Свода Законов США предусмотрены суммы штрафов в зависимости от тяжести совершенного преступления [7]:

- фелония (наиболее опасные посягательства, за которые предусмотрено наказание в виде тюремного заключения сроком свыше 1 года, вплоть до смертной казни) – штраф не может превышать 250 000 долларов;

- мисдиминор (менее опасное посягательство, наказание за которое не более 1 года лишения свободы), повлекший смерть потерпевшего, – штраф не может превышать 250 000 долларов;

- мисдиминор класса А, не повлекший смерть потерпевшего, – штраф не может превышать 100 000 долларов;

- мисдиминор класса В и С, не повлекший смерть потерпевшего, – штраф не может превышать 5000 долларов;

- нарушение (незначительные посягательства) – штраф не может превышать 5000 долларов.

Согласно федеральному законодательству и уголовным кодексам штатов неуплата штрафа может повлечь за собой его замену тюремным заключением в случаях, если осужденный умышленно отказывается платить либо не предпринимает достаточных усилий для уплаты штрафа, а также если лишение свободы является единственно возможным наказанием для виновного лица с учетом характера совершенного им преступления и особенностей его личности.

Если осужденный не уплачивает штраф, то он может быть приговорен к любому наказанию, которое могло быть назначено ему первоначально. Если же он этого не делает это умышленно, то может быть приговорен к уплате штрафа в размере до 10 000 долларов или в двукратном размере неуплаченного штрафа и (или) к тюремному заключению на срок до 1 года. Замена наказания производится из расчета: 1 невыплаченный доллар равен 1 дню тюремного заключения (согласно Уголовному кодексу штата Иллинойс 5 долларов неуплаченного штрафа равны 1 дню тюремного заключения), но не более 1 года тюрьмы. Штраф, как правило уплачивается немедленно, но возможно выплачивать частями по графику, установленному судом.

В Японии уголовными наказаниями являются два вида штрафа: уголовный штраф и малый штраф. Цель и того, и другого – изъятие определенной денежной суммы у осужденного.

Первоначально в ст. 15 Уголовного кодекса Японии (далее – УК Японии) размер уголовного штрафа определялся от 20 иен и выше. В настоящее же время в соответствии с Законом о временных мерах в отношении штрафа этот размер увеличен значительно – в пятьсот раз, и составляет от 10 000 иен и выше, в случае смягчения этого наказания сумма может быть менее 4000 иен.

Сумма малого штрафа – от 1000 до 10 000 иен (ст. 17 УК Японии), и это наказание применяется главным образом при нетяжких преступлениях. Заметим, что суммы, первоначально указанные в уголовном законодательстве данной страны, совершенно ничтожны на фоне колоссальных перемен в области денежного оборота, цен, доходов и т. п. [8]. Текущим законодательством Японии эти суммы приводятся в соответствие с реальной платежной способностью денежных законов.

В Японии штраф достаточно распространен, поскольку применению этого вида наказания способствует несколько причин: во-первых, суды учитывают, что за не слишком тяжкие деяния лучше назначить штраф, чем лишать свободы на короткий срок, ибо последнее в таких случаях носит скорее отрицательный эффект; во-вторых, чтобы взыскать штраф, государству не нужно прилагать больших усилий и нести расходы; в-третьих, таким путем можно пополнить государственный бюджет; в-четвертых, этой санкции может быть подвергнуто не только физическое, но и юридическое лицо.

В действующем УК Японии штраф применяется только как основной вид наказания. Тот, кто не может полностью уплатить штраф в денежном эквиваленте, подвергается наказанию в виде содержания в рабочем доме: при назначении уголовного штрафа – на срок от 1 дня до 2 лет; при назначении малого штрафа – на срок от 1 дня до 30 дней.

Лицо, не имеющее возможности полностью внести уголовный или малый штрафы, содержится в рабочем доме в течение срока, соответствующего неуплаченной сумме, но не более 2 лет (ст. 18 УК Японии).

В последнее время в Японии очевидна тенденция применения наказания в виде штрафа в отношении юридических лиц [3].

Результаты проведенного автором статьи исследования представлены в таблице, отражающей особенности регламентации наказания в виде штрафа в некоторых странах.

Страна	Субъект назначения	Как применяется	Размер штрафа в деньгах или штрафных единицах	Отсрочка и рассрочка исполнения	Замена наказания
Англия	физическое или юридическое лицо	в качестве основного и дополнительного наказания	от 25 до 1000 ф. ст.; с 1991 г. единица штрафа	применяется отсрочка	только лишение свободы
США	физическое или юридическое лицо	в качестве основного и дополнительного наказания	от 250 до 250 000 долларов	применяется отсрочка	лишение свободы или иное наказание
Япония	физическое или юридическое лицо	в качестве основного наказания	от 20 иен и более	применяется отсрочка	содержание в рабочем доме
Франция	физическое или юридическое лицо	в качестве основного и дополнительного наказания	1) до 38 евро (250 франков) за проступок 1-го класса; 2) до 150 евро (1000 франков) за проступок 2-го класса; 3) до 450 евро (3000 франков) за проступок 3-го класса; 4) до 750 евро (5000 франков) за проступок 4-го класса; 5) до 1500 евро (10 000 франков) за проступок 5-го класса	применяется отсрочка	принудительное заключение под стражу
Кыргызская Республика	только физическое лицо	в качестве основного наказания	от 20 до 25 000 расчетных показателей	применяется отсрочка	лишение свободы или наказание, связанное с трудовым воздействием (по статье за неисполнение приговора суда)
Республика Казахстан	только физическое лицо	в качестве основного наказания	уголовные проступки – от 20 до 200 месячных расчетных показателей; преступления – от 200 до 10 000 месячных расчетных показателей	применяется отсрочка	широкий спектр иных наказаний
Российская Федерация	только физическое лицо	в качестве основного и дополнительного наказания	от 5000 рублей до 5 000 000 рублей	применяется отсрочка и рассрочка	другие виды наказания, не связанные с лишением свободы
Монголия	физическое или юридическое лицо	в качестве основного наказания	от 100 до 40 000 единиц	применяется рассрочка	только лишение свободы

В целом система исчисления размера штрафа в каждой стране зависит от особенностей совершенного преступного деяния и экономических условий. Чаще всего ставка штрафа или его пределы устанавливаются в единицах национальной валюты.

Подводя итог рассмотрению вопроса о регламентации штрафа в уголовном законодательстве зарубежных стран, необходимо сделать следующие выводы:

1. Несмотря на различия в видах, размерах, исчислении штрафов, а также в разновидностях замены штрафа на другие виды наказания, данный вид уголовного наказания предусмотрен уголовным законо-

дательством практически во всех странах мира, в том числе в России и Монголии.

2. В уголовном законодательстве большинства стран мира и стран СНГ (Российская Федерация, Республика Казахстан, Кыргызская Республика) штраф применяется за совершение преступления только в отношении физического лица. При невозможности уплаты с согласия или по ходатайству осужденного штраф может быть заменен иным видом наказания, связанным с трудовым воздействием.

3. В уголовном законодательстве стран романо-германской и англо-саксонской правовых семей (Ан-

гия, Франция, США), а также восточной семьи (Япония) штраф применяется за совершения преступления в отношении как физического, так и юридического лица. Замена данного вида наказания на более строгое, как и в Монголии, грозит только лицам, уклоняющимся от уплаты штрафа, и это может быть только лишение свободы или арест.

4. Наибольший интерес в плане совершенствования законодательства Монголии, касающегося уголовного штрафа, представляет законодательная регламентация данного вида наказания в Англии, где, в отличие от Российской Федерации, кроме традиционного денежного штрафа, существует положение о штрафной единице. На наш взгляд, именно штрафная единица может быть актуальна для монгольского уголовного права и представлять интерес для дальнейшей реформы уголовного законодательства Монголии.

Библиографический список

1. Огорелков Д. А. Наказание в виде штрафа как средство уголовно-правового воздействия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2022.
2. Бабуринов В. В. Система современного уголовного права: монография. Омск: Омская академия МВД России, 2015.
3. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть: учебное пособие / под ред. И. Д. Козочкина. М.: Омега-Л, ИМП, 2003.
4. Уголовное законодательство зарубежных стран (Англия, США, Франция, Германия, Япония): сборник законодательных материалов / под ред. И. Д. Козочкина. М.: Издательство «Зерцало», 1999.
5. Есаков Г. А., Крылова Н. Е., Серебренникова А. В. Уголовное право зарубежных стран (Франции, Германии). М.: Зерцало, 2009.
6. Луковкин К. Е. Зарубежная модель исполнения уголовного наказания в виде штрафа на примере стран континентальной системы права // Уголовно-исполнительное право. 2018. № 3. С. 334–338.
7. Шагидуллина Ж. В. Штраф как вид уголовного наказания в США // Вестник «ТИСБИ». 2020. № 1. С. 207–214.
8. Уголовное право зарубежных государств. Общая и Особенная части: учебник / под ред. И. Д. Козочкина. М.: Волтерс Клувер, 2010.

References

1. Ogorelkov D. A. Punishment in the form of a fine as a means of criminal legal influence: abstract of the dis. ... cand. jurid. sciences. Omsk, 2022.
2. Baburin V. V. The system of modern criminal law: a monograph. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015.
3. Criminal law of foreign countries. General part: study guide / ed. by I. D. Kozochkin. M.: Omega-L, IMP, 2003.
4. Criminal legislation of foreign countries (England, USA, France, Germany, Japan): collection of legislative

materials / ed. by I. D. Kozochkin. M.: Zertsalo Publishing House, 1999.

5. Yesakov G. A., Krylova N. E., Serebrennikova A. V. Criminal law of foreign countries (France, Germany). M.: Zertsalo, 2009.

6. Lukovkin K. E. A foreign model of the execution of criminal punishment in the form of a fine on the example of the countries of the continental legal system // Penal Enforcement law. 2018. No. 3. Pp. 334–338.

7. Shagidullina Zh. V. Fine as a type of criminal punishment in the USA // Bulletin of TISBY. 2020. No. 1. Pp. 207–214.

8. Criminal law of foreign countries. General and Special parts: textbook / ed. by I. D. Kozochkin. M.: Volters Kluwer, 2010.

Статья поступила в редакцию 27.06.2025; одобрена после рецензирования 31.07.2025; принята к публикации 17.12.2025

The article was submitted 27.06.2025; approved after reviewing 31.07.2025; accepted for publication 17.12.2025